РУССКИЕ ГОВОРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

РУССКИЕ ГОВОРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Часть II

Под редакцией докт. филол. иаук

В. В. Палагиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1989

Русские говоры Среднего Приобья/Под ред. В. В. Палагиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989, ч. 2. — 324 с. — 2 р. 70 к. 500 экз. 4602000000.

В коллективной монографии представлена лексика исходного состояния среднеобских говоров (XVII в.), подвергнута типологическому анализу на уровне фрагментов микросистем лексика современного периода, описаны словообразовательная и синтаксические системы современного диалекта Среднего Приобья.

Для филологов: преподавателей вузов, аспирантов, студентов, научных сотрудников и учителей русского языка средних школ.

Рецензент — докт. филол. наук И. А. Воробьева

Р $\frac{4602000000}{177(012)-89}$ 124—86

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга является продолжением коллективной монографии «Говоры Среднего Приобья» (Томск, 1985, ч. 1), которая была посвящена вопросам выявления диалектного состава первого русского населения региона, группировке среднеобских говоров, исходному и современному состоянию фонетики и морфологии. Во второй части представлены лексика, словообразование и синтаксис говоров Среднего Приобья.

Исходное состояние реконструируется только в главе «Лексика», так как отсутствие достаточно полного материала в томской письменности XVII в. не позволило восстановить словообразовательную и синтаксическую системы начального периода формирования анализируемых говоров. Лексика современных говоров подвергнута типологическому анализу на уровне фрагментов микросистем. Словообразовательная и синтаксические системы всего диалекта описаны без учета его членения, так как различий в словообразовании и синтаксисе между разными среднеобскими говорами не обнаружено.

Авторство распределилось следующим образом. Раздел о лексике исходного состояния написан В. В. Палагиной (§ 1—4) и Л. А. Захаровой (§ 5 главы I), раздел о лексике современного периода — О. И. Блиновой (§ 1, 2, 4, 5), Г. А. Раковым (§ 3), Л. Г. Гынгазовой (§ 4). Глава «Словообразование» написана: М. Н. Янценецкой (раздел 1, § 1—3 раздела 2, § 1, 2, раздела 4 и Заключение), З. И. Резановой (раздел 3), Е. М. Пантелеевой (раздел 1, § 4—6 и описание морфонологических особенностей существительных и прилагательных в разделе 2, 3), Н. Б. Лебедевой (§ 3 раздела 4). Глава «Синтаксис» написана О. И. Гордеевой. Библиографический указатель литературы (Дополнение) составлен Е. В. Иванцовой.

Редактор

Глава I

ЛЕКСИКА

Раздел I. ИСХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

§ 1. Источники и приемы реконструкции лексики исходного состояния говоров Среднего Приобья

Русские поселения в Среднем Приобье стали появляться с конца XVI — начала XVII вв.: Нарымский острог — в 1596 г., Кетской — в 1597 г., Томский — в 1604 г., Кузнецкий — в 1618 г. Своеобразием их населения была диалектная неоднородность. Первонасельники региона принесли в Сибирь различные говоры европейской части России, ставшие «материнскими», базовыми для сибирских старожильческих говоров. Учитывая этот экстралингвистический фактор, можно безоговорочно утверждать, что в исходном состоянии среднеобских говоров не могло быть единой сложившейся лексической системы. Поэтому для реконструкции лексики XVII в., функционировавшей в речи среднеобского населения, должны быть комплексно использованы показания среднеобских документов конца XVI — начала XVII вв., современных среднеобских говоров и данные памятников письменности, созданных в районах бытования материнских говоров. Источниками нашей реконструкции явились томские и прикетские рукописи, хранящиеся в фонде Сибирского приказа ЦГАДА, Научной библиотеке Томского университета, Томском областном госархиве, а также документы, опубликованные Г. Ф. Миллером, Н. П. Кузнецовым-Красноярским, Н. Н. Оглоблиным, П. М. Головачевым, А. Г. Жеравиной, З. Я. Бояршиновой и др. Для восстановления речи севернорусов, среднерусов и южнорусов, поселившихся в конце XVI и в XVII вв. в Среднем Приобье, привле-

чены как публикации местных бумаг этого периода,[1] так и исследования о лексике говоров XVII в. Е. Н. Борисовой, А. К. Ващенко, В. Я. Дерягина, И. А. Елизаровского, В. В. Ильенко, С. Г. Капраловой, С. М. Кардашевского, А. Н. Качалкина, С. И. Коткова, Н. С. Котковой, В. А. Магина, А. С. Мартьяновой, О. С. Мжельской, Е. Н. Поляковой, О. Г. Пороховой, Ф. П. Сороколетова, Н. А. Цомакион, П. Я. Черных и др.

Дополнительным приемом установления лексического состава исходного состояния среднеобских говоров была реконструкция по словообразовательным моделям русского языка конца XVI—XVII вв. Как правило, при дальнейшем изучении письменности Среднего Приобья XVII в. реконструированные таким способом слова обнаруживаются в томских или прикетских документах. Например: по прилагательным *багрецовый, скорлатный* восстанавливаются названия тканей *багрец, скорлат* (ср. модели: шелк—шелковый, холст—холщевый, яренг—яренговый и т. п., бархат—бархатный, летчина—летчиный, атлас—атласный, настрафиль—настрафильный и т. п.), по слову *бердник* 'человек, изготовляющий берда' восстановлено слово *бердо* (ср.: веретено—веретенник, чан—чаиник, колокол—колокольник и т. п.).[2]

Лексика исходного состояния среднеобских говоров реконструировалась поэтапно. 1. Составлялись списки тематических и лексико-семантических групп, подлежащих реконструкции (в дальнейшем ТГ и ЛСГ). Для этого привлекались материалы диалектологических экспедиций Томского университета 1946—1984 гг. и словари древнерусского языка.

2. По памятникам местной письменности реконструировался состав различных ЛСГ материнских говоров. Показаниями документов, написанных в Среднем Приобье, подтверждалась правильность реконструкций. Не-

---

[1] Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968; Таможенные книги московского государства XVII в. М., 1950—1951, т. 1—2; Ларин Б. А. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948; Он же. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959; Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975; Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. Вологда, 1979; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги. М., 1982 и др.

[2] См. список nomina agentis в кн.: Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. М., 1889, с. 339—340.

которые недостающие члены ЛСГ восстанавливались по регулярным для XVII в. словообразовательным моделям.

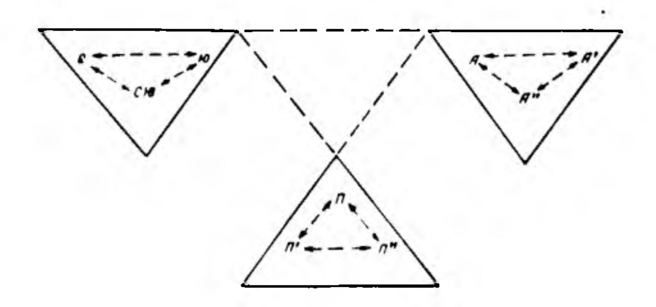
3. Выявлялись системные отношения между компонентами каждой ЛСГ: синонимические,. родовидовые, вариантные, мотивационные и др.

4. Сопоставлялись ЛСГ различных говоров, функционировавших в Среднем Приобье в XVII в., и устанавливались их сходство и различие в составе компонентов, в отношениях между компонентами, определялись конкурировавшие элементы.

§ 2. Общая характеристика лексики среднеобских говоров XVII в.

Лексика исходного состояния среднеобских говоров не отличалась диалектным единством. На территории Среднего Приобья в начальный период формирования среднеобского диалекта функционировали различные материнские говоры (вологодские, московский, владимирско-поволжские, поморские, курско-орловские и др.), каждый из которых имел свою лексическую систему. Обобщенно-схематически, не принимая во внимание микросистемы отдельных говоров, это можно представить в виде схемы.

Схема 1



Здесь буквой С обозначена общая система (макросистема) севернорусского наречения, Ю — южнорусского, СЮ — среднерусских говоров, лексическими компонентами которых были севернорусские и южнорусские элементы; А, А', А'' и т. д. — системы различных гово-

ров языков аборигенного неславянского населения, П, П', П" и т. д. — системы говоров славянских языков «литвы» (так называли в среднеобских документах украинцев, белорусов, поляков)[3]. Стрелками показано взаимовлияние лексических систем.

Такую сложную картину представляло собой в XVII в. контактирование русских говоров друг с другом, с говорами аборигенного (в основном тюркоязычного) населения и с говорами украинского, белорусского, польского языков. Несомненно, это сыграло роль в сложении лексических микросистем всех пяти групп современных среднеобских говоров.

Лексика говоров, представленных в XVII в. в Среднем Приобье, состояла из общерусских для того периода единиц и из локально ограниченных: непротивопоставленных (с нулевым членом противопоставления) и противопоставленных[4]. Некоторые ЛСГ включали в свой состав только общерусские единицы, некоторые — общерусские и локально окрашенные, среди которых могли быть: а) противопоставленные и непротивопоставленные, б) только противопоставленные, в) только непротивопоставленные.

§ 3. Лексика исходного состояния томских говоров

Основной лексический состав всех говоров населения Томска и его окрестностей («подгородных деревень») был общерусским. Отдельные ЛСГ, особенно вербальной и адвербиальной лексики, состояли из одних общерусских слов. Например, ЛСГ глаголов с общей семой 'случиться' — *доспеться, лучиться, случиться, учиниться*: «Чтоб над государевыми служилыми людьми дурна которого не учинилось» (М-2, 268, Томск, 1621). В большей же части ТГ и ЛСГ наряду с общерусскими имелись и диалектно ограниченные лексемы. Так, в ТГ «Лексика полеводства» к общерусским относились *серп, соха, кладь, косить, жать, поле, пашня, земля* и др. Диалектно противопоставленными были: *молотило — цеп — ки-*

---

[3] В дальнейшем говоры томской «литвы» XVII в. и аборигенного населения нами не реконструируются. Это темы особых самостоятельных исследований.

[4] См.: Русская диалектология, М., 1965, с. 11—14.

чига; борона — скорода; орать — пахать и др. К непротивопоставленной диалектной лексике относилось слово *плуг*. Это название орудия пахоты связывалось с северо-восточной Русью[5].

В ЛСГ названий домашних животных входили общерусские единицы: *скот, скотина, животина* — одно домашнее животное, *бык, баран, жеребенок, кобыла, мерин, овца, свинья, теленок* и др. Противопоставленными диалектными названиями были *боров—хряк*.

В ЛСГ с общей семой 'сосуд, емкость' тоже преобладала общерусская лексика: обобщающие названия посуды — *суд, суды, сосуд*, названия разновидностей посуды — *корчага, стакан и достакан, котел, ставец:* «Девяносто ставцов красных пять рублев» (Т, л. 14, 1624), *чарка, братина* и варианты *братена, братиня:* «Братина оловянная полтина» (Т, л. 4, 1624), «Отнес своих подарков три братены с кровлями» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 49, л. 80, 1635), «...да братиню да два достакана золоченых» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 74, л. 251, 1645) и др. В эту группу входила противопоставленная диалектная лексика: *ковш—корец* и варьирующееся по говорам название узкогорлого кувшина: *кулган, кумган, кумганец, кунган, кунганец*. Непротивопоставленная лексика этой ТГ, бытовавшая в речи южнорусов,[6] переселившихся в Томск, была представлена словами: *капова* — чаша, *кандея* — посуда с носиком, *молоствин* — горшок и, возможно, *копчик* — оловянный сосуд с крышкой и на ножках.

В ЛСГ названий обуви входили общерусские слова *обуток (обутки), обуи, обувь* в двух лексико-семантических вариантах: общее название обуви, одна пара обуви: «...пятьдесят четыре обуви сапогов телятинных ...шесть обувей сапогов сафьяиных» (Т, л. 2, 1624), *башмаки, лапти, сапоги, поршни:* «Девятеры поршни дубленые» (Т, л. 16, 1624), *калиги:* «Двадцатеры калиги сорок алтын» (Т, 14, 1624) и др. Различались по говорам варианты *ичетыги, ичедоги, ичеготы*[7], *ичиги*. Непро-

---

[5] Коткова Н. С. Из истории названий пахотных орудий в русском языке. — Учен. зап./МГПИ, 1969, № 341, с. 147.

[6] Борисова Е. Н. Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI—XVII вв. — Учен. зап./Балашовск. пед. ин-т, 1957, т. 2, с. 213—214.

[7] См.: Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959, с. 209.

тивопоставленным было слово *бахилы*, а также наименования, заимствованные севернорусами вместе с реалиями[8] (южнорусы таких реалий не знали), *камесы* и *камысы, кисы* и *кысы, кан/ь/ги, коты*: «Тритцать шесть обувей котов» (Т, л. 10, об., 1624), *унты, уледи, уледницы*: «Семь улединц сыромятных» (Т-2, л. 40, 1627), *чарки* — мягкая обувь и др.

Сочетание общерусских и локально ограниченных слов было характерно и для многих других ЛСГ, но отсутствие региональных словарей XVII в. не дает нам возможности установить в каждой ТГ и ЛСГ все локальные диалектные единицы.

В речи томского населения XVII в. употреблялись местные слова разных материнских говоров.

Выходцы из Яренского уезда, Вологодской губернии (Баньщиковы, Большенины, Масловы, Палтыревы, Родюковы, Шубины и др.) употребляли диалектные слова[9]: *белодушка*[10] — животное с белой шерстью на груди, *веретья* — участок земли, *вотник* — сырое низьменное место, поросшее кустарником, *горбуша* — коса с короткой рукояткой: Сто пятьдесят семь косъ горбуш восмнатцать рублевъ» (Т, л. 2 об., 1624), *ждана корова* — стельная корова, *морда* — ловушка на рыб, *остожье* — изгородь вокруг стога, *пимы*[11] — сапоги из оленьей шкуры, *плесо* — участок реки от поворота до поворота, *полой* — рукав реки, *согра* — заболоченное место и др.

В речи выходцев из Холмогор (Буяновых, Востровых, Гущиных, Колмогорцевых, Кузнецовых и др.) были слова: *бажона* — ласковое обращение к человеку, *белыш* — белок, *глухой* — глухарь, *дерево* — мачта, *желтыш* — желток, *загозка* — кукушка, *кибас* — грузило, *киселица* — красная смородина (ср. в современном томском говоре: *кислица*), *кичига* — цеп, *комуха* — лихорадка (ср. в современном томском говоре: *кумоха*),

---

[8] Там же, с. 101, 103, 115, 120, 176, 179, 209.

[9] Эти слова засвидетельствованы в яренских документах XVI—XVII вв. (См.: Протопопов А. Сборник слов из яренских столбцов XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854.

[10] Выделеные слова и сейчас сохраняются в говорах Среднего Приобья.

[11] Пимами в современных среднеобских говорах называют валенки.

огонница — огниво, *падера* — буря, *паут* — овод, *пленница* — силок для ловли птиц, *потронуть* — тронуть *рясы* — серьги, *сера* — смола, *туяс* — сосуд из бересты, *шаньга* — ватрушка и др.

В речи новгородцев (Великосельских, Вешняковых, Кудровых, Куркиных, Новгородцевых, Рушковых и др.) существовали слова: *вершь* — хлеб на корню, *взводень* и *взводье* — подъем воды в реке, *жито* — ячмень, *курья* — речной залив, старица, *новой* — иной, *обилье* — хлеб в снопах, *подызбица* — нижний этаж дома (ср. в современном томском говоре: *подызбица* — чердак), *посоп* — хлеб в зерне и др.

Выходцы с Дона (Донские, Капустины, Кармановы и др.) употребляли слова: *баярак* — овраг, *борошень* — еда, *гирло* — устье, *кош* — стоянка, *перелаз* — брод (ср.: «На Оби на перелазе», М-2, 369, Томск, 1630), *сакма* — конский след на траве (ср.: «Доехали до сакмы, куда бежал государев изменник, а по сакме сметили, что он перед ними проехал за три дни», М-2, 417, Томск, 1634), *хрящ* — крупный песок, *шлях* — дорога (ср.: «Они после побою ходили шляхом их», М-2, 361, Томск, 1629) и др.

В речи астраханцев (Астраханцевых, Шилко, Шилкиных) были слова: *айда* — пойдем, *балберы* — поплавки невода из коры, *межеумок* — невод с ячеями средней величины, *плавная сеть* — плавающая сеть, *пятчик* — рыбак, тянущий невод по берегу (ср. в современных среднеобских говорах *пятовщик*), *редиль* — невод с редкими ячеями, *хребтина* — веревка рыболовной снасти, *частик* — невод с частыми ячеями (ср. в современном томском говоре: *частушка*) и др.

Москвичи (Алпатовы, Бардаковы, Барнашевы, Батранины, Бубенные, Бурыхины, Валгасовы, Девкины, Ждановы, Карбышевы, Копыловы, Кырнаевы, Селедцыны, Тухачевские и др.) употребляли слова: *верея* — столб, на который навешивают ворота, *вражек* — овраг, *встречу* — навстречу, *горазда* — очень, *длинник* — длина, *добре* — очень, *житье* — комната, *кила* — грыжа, *киловатый* — больной грыжей, *кнутник* — кнут, *контарь* — весы, *куды* — куда, *малюка* и *целебока* — названия каких-то целебных трав, *оболочь* — обернуть, *омет* — кладь гороха, *полаз* — половик, *разболочь* —

раздеть (в современном томском говоре зафиксирована только форма *разболокать*), *узолок* — узелок, *ухоботье* — озадки зерна и др.

Пользуясь приемами комплексного использования различных источников, можно реконструировать весь лексический состав исходного состояния томского говора. Не восстанавливая всех ТГ и ЛСГ в их полном объеме, приведем лишь некоторые примеры слов, бесспорное существование которых в речи томского населения XVII в. подтверждается одновременно данными современных среднеобских говоров и памятниками письменности, томскими или созданными в регионах бытования материнских говоров. Мы не приводим лексику, являющуюся сейчас общерусской: литературной или просторечной. Ниже помещаются только те лексические единицы, которые сохранились в современных среднеобских говорах: под цифрой 1 даны слова, зафиксированные в изученных нами деловых документах Томского острога XVII в., под цифрой 2 — обнаруженные в местной письменности, отражающей материнские говоры томского населения.

Названия одежды: 1) *одежа, азям, зипун, однорядка, голицы* — кожаные рукавицы, *исподки* — нижние рукавицы; 2) *верхонки* — верхние рукавицы (ср.: «60 дружек рукавиц верхниц телятиниых семь рублев», Т, л. 13, 1624), *панева* — юбка, *шабур* — разновидность верхней одежды.

Названия обуви: 1) *поршни;* 2) *обуй, бахилы, ичиги, пимы, чарки (черки).*

Названия предметов домашнего обихода: 1) *клюка* — кочерга, *плица* — совок, *ночевка* — корытце, *полубочье* — небольшая бочка; 2) *светец* — светильник.

Названия посуды: 1) *ставец* — миска, *лагун* — бочонок, *туяс (туес)* — берестяная посудина; 2) *ладка* — миска, *кукшин.*

Названия продуктов питания, кушаний: 1) *запас* — продукты, взятые в дорогу, *шти* — щи; 2) *паска* — кулич, *шаньга* — ватрушка.

Названия построек и их частей: 1) *анбар, венец* — ряд бревен в срубе, *струб* — сруб; 2) *поветь* — навес, *котух* — хлев для свиней, *курень* — избушка, *конюшна* — конюшня, *сенки* — сени, *горница* —

комната, *голбец* — пристройка к печи, *мост* — пол, помост.

Названия изгородей: 1) в томских документах XVII в. нами не обнаружены; 2) *завор, городьба, изгорода, заплот, тын, тынина, прясло* — звено изгороди.

Названия сельскохозяйственных орудий и их частей: 1) *горбуша* — коса с короткой рукояткой; 2) *молотило* — цеп, *косье* — рукоятка косы, *лемеш* — лемех.

Названия земельных угодий: 1) *выпашь* — истощенное поле, *ялань (елань)* — поле; 2) *леха* — полоса земли, *овсище* — поле, где рос овес, *ржище* — поле, где росла рожь, *стлище* — место, на котором стелют лен.

Названия разновидностей кладки снопов и сена: 1) в томских документах XVII в. примеров не обнаружено; 2) *кладь, кладушка, крестец, зарод, суслон.*

Названия домашних животных: 1) *животина* — скот; 2) *селеток, лоншак, третьяк, хряк.*

Названия диких животных: 1) *лисичишка, соболишка, росомака* (ср. в современном томском говоре *росомага*); 2) *горносталь.*

Названия орудий рыбного лова и их частей: 1) *дель* — сеть; 2) *морда, бродник, крыло* — часть невода, *стрежевой невод.*

Названия природных явлений: 1) *погода* — ветер; 2) *погода* — непогода, *погодье* — хорошая погода, *молонья* — молния, *морок* — туман.

Лексика ландшафта: 1) *ржавца* и *ржавец* — болото с ржавой пленкой, *яр* — обрывистый берег; 2) *боярак (боерак, баерак)* — овраг, *согра* — низменное место, *курья* — залив реки, *кулига* — поляна, *лыва* — заболоченное место, *заструга* — песчаная отмель.

Названия родственников: 1) *женишка* — жена, 2) *батя, сродный брат, свояченя* (в современном томском говоре *свояченa*), *родитель, родительница, сродство* — родственники.

Названия лиц по их деятельности: 1) *дворник* — содержатель заезжего двора; 2) *дроворез.*

Прочая лексика разных ТГ и ЛСГ. Существительные: 1) *боры* — сборки, *дружок* — один из парных предметов, *живот* — имущество, *облас*

— долбленая лодка, *с(т)лань* — настил, *сусед* — сосед, *узол* — узел, *чалбыш* — молодой осетр (в современном томском говоре *чалбуш*), *черень* — рукоятка, *ярица* — яровая культура; 2) *беремя* — охапка, *берлог* — берлога, *быстрина* — быстрое течение, *вешала* — приспособление для сушки, *верес* — можжевельник, *глыза* — ком, *гребь* — весло, *друженье* — обработка парных предметов, *запазуха* — пазуха, *крыльце* — заплечье, *обручник* — жених, *одер* — кузов телеги, *песельник* — песенник, *постельник* — настил саней, *сивер* — север, *слопец, слопцы* — ловушка на мелких зверей, *строк* — срок, *сумет* — сугроб, *сырник* — сырое дерево, *улка* — улица, *хвостишки* — хвосты, *церква* — церковь, *ярманка* — ярмарка.

Прилагательные: 1) *вешний* — весенний, *горносталий* — горностаевый, *давный, дальный, зимный, прежный, яичный* — ячменный; 2) *анбарный, аржаной*— ржаной, *ближный, верхный, езжалый* — объезженный, *морочный* — туманный, *простой* — пустой, порожний, *таловый* — ивовый, *ятный* — ясный.

Глаголы: 1) *бабить* — принимать роды, *бости* — бодать, *высидеть* — добыть перегонкой, *должиться* — брать в долг, *жить* — иметься, существовать, *займовать* — занимать, *идтить* — идти, *имать* — брать, хватать, *наймовать* — нанимать, *орать* — пахать, *отписать* — ответить письменно, *погинуть* — погибнуть, *пригодиться* — оказаться, *примать* — принимать, *сидеть* — получать перегонкой, *чаять* — предполагать; 2) *взнять* — поднять, *взрасти* — вырасти, *гинуть* — гибнуть, *деяться* — делаться, *закутывать* — закрывать, *направить* — приготовить, *оболокать (ся)* — одевать(ся), *ожалить* — ужалить, *ослобонить* — освободить, *пасть* — впасть, *пойтить* — пойти, *приломить* — сломить, *пристать* — устать, *сваживать* — свозить, *спортить* — испортить, сглазить, *сретить* — встретить, *стрелить* — выстрелить, застрелить.

Наречия: 1) *годом* — иногда, *куды* — куда, *никуды* — никуда, *одиново* — однажды, *оттоль* — оттуда, *поздо* — поздно, *преже* — прежде, *топери* и *топерь* — теперь, *туто* — тут;

2) *ажно* — даже, *баско* — красиво, *вдале* — вдали, *вобче* — вообще, *встречу* — навстречу, *даве* — недавно, *здеся* — здесь, *зимусь* — зимой, *маненько* — не-

много, *назаде* — сзади, *назадь, ноне, опосле, осенесь* — осенью, *перво* — сперва, сначала, *сбура* — с бурым оттенком, *сгнеда, скрасна, скусно* — вкусно, *сюды, тамо, тогды, третьеводни, туды, утрось.*

Предлоги: 1) *опричь* — кроме, *промежь* — между, *скрозь* — сквозь; 2) *круг* — вокруг, *окромя* — кроме.

Союзы: 1) в томских документах примеров не обнаружено; 2) *али* — или, *ели* — если, *ли* — или.

Междометия: 1) в томских документах примеров этой группы нет; 2) *айда, айдате* — давай, ну, пойдем.

К периоду исходного состояния восходят многие локально окрашенные лексические единицы современных среднеобских говоров. Восстановление состава лексики XVII в. — только первый этап в изучении истории формирования лексической системы русского говора позднего образования.

§ 4. Процессы начального этапа формирования лексической системы томского говора

В процессе формирования новой лексической системы каждой из групп среднеобских говоров, начавшемся уже в исходном их состоянии (в XVII в.), не происходило механического объединения, суммирования лексем тех материнских говоров, которые были представлены в Среднем Приобье. Одни из лексем исходного состояния закреплялись, другие — утрачивались, третьи — семантически дифференцировались. Кроме того, уже в XVII в. начинается процесс лексического заимствования из говоров неславянского аборигенного населения. Не исключена возможность влияния говоров «литвы», хотя более вероятно предположение о нивелировке украинских, белорусских и польских говоров под интенсивным воздействием русских.

Первопричиной, толчком к изменениям лексики материнских говоров томского населения нередко были экстралингвистические факторы. Так, в новых природных условиях переселенцы из Поморья стали утрачивать лексику морского ландшафта: названия рельефа местности, морской флоры и фауны. В речи первого поколения томских поморцев стали переходить в пассив-

ный запас слова[12]: *приплесток* — песок на берегу моря, намытый прибоем, *хомут* — песчаный вал, наносимый отливом, *намоина* — гряда морского песка, *корюка* — морская рыба, *нирпа* — тюлень и т. п. Дети и внуки переселенцев из Поморья, родившиеся в Томске, уже не знали этих слов (поэтому ни в томской письменности XVII—XVIII вв., ни в современных томских говорах их нет).

Носители южнорусских и среднерусских говоров утрачивали лексику, связанную с флорой и фауной степной и лесостепной зон, например: *липа, липняк (липняг, липник)* — липовый лес, заросли липы, *дуб, дубняк (дубник)* — дубовый лес и т. п.

Утрата из речи томского населения некоторых слов или их лексико-семантических вариантов, вызванная нелингвистическими причинами, привела к изменениям на уровне лексической системы: выпадение ее отдельных звеньев повлекло за собой изменения ЛСГ. Например, слово *вода* в поморском говоре XVII в., кроме общерусских значений, имело значение 'период времени, равный периоду морского прилива и отлива'. Этот лексико-семантический вариант слова *вода* входил в группу слов с общей семой 'отрезок времени': *год, месяц, день, днище* — день пути: «Кочуют белые и черные колмаки от Томского города и от Кузнецкого острогу неподалеку днищах в пяти и во шти, а летом, государь, в днище и в дву» (М-2, 258, Томск, 1620), *час, вода*. Как и все члены этой ЛСГ, слово *вода* могло сочетаться с числительными: две воды, три воды. Утрата значения 'отрезок времени' уже в XVII в. не только изменила словосочетательные возможности лексемы *вода*, но и привела к изменению всей ЛСГ.

Местная лексика материнских говоров сохранялась в том случае, если она обозначала жизненно важные в Сибири предметы и явления. Такие слова начинали осваиваться и тем томским населением, в говорах которого их раньше не было. Так, выходцы из степной части России начинали употреблять слова и словосочетания: *туяс* —

---

[12] Примеры поморской лексики XVII в. взяты из книг: Елизаровский А. И. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг., Л., 1959.

берестяной короб с крышкой, *мендач* — лес с крупнослойной мягкой древесиной, *кондовый лес* — прочный, крепкий лес без сучьев, *байдон* — колотушка, которой бьют по стволу кедра (орудие кедрового промысла, известного не во всех районах России), *кисы* и *кысы* — шкурки с ног оленя, лося, употребляемые для обшивки лыж или пошива обуви, и т. п.

Нелингвистические факторы являлись причиной пополнения словарного состава складывавшегося томского говора заимствованиями из языков аборигенного населения. Осваивая в Сибири новый промысел — кедровый, новые приемы рыболовства и охоты, встречаясь с особенностями сибирской природы и быта, русские переселенцы заимствовали у местного населения неславянские названия предметов и явлений[13].

Общерусская для XVII в. лексика, как правило, закреплялась в формирующемся томском говоре, хотя нередко претерпевала ряд семантических изменений. Например, вербальная лексика с общей семой 'соорудить' — *ставить (поставить), строить (построить), устроить, делать (сделать), учинить* и др.: «Никаких дворов ставити не велеть... а жилецким всяким людем дворы строить всякому самому себе... казенные анбары... велеть устроить в остроге» (М-2, 372, Томск, 1630), «Велели им крепость учинить... и учиня крепость...» (М-1, 435, Томск, 1611), «А на Оби велети б тебе учинити заставу крепкую» (М-2, 371, Томск, 1630), «На устье Чулыма зделали городок» (М-2, 272, Томск, 1621). Эта ЛСГ сохранилась в современном томском говоре, претерпев лишь некоторую семантическую дифференциацию составляющих ее членов[14].

Утрачивалась томским говором лексика общерусского в XVII в. распространения (исконная и заимствованная) чаще всего в связи с исчезновением денотатов — предметов и явлений действительности. Например: *аглинь* — ткань, *аманат* — заложник, *братина* — сосуд с крышкой, *выбойка* — ткань, *десть* — единица измерения бу-

---

[13] См.: Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби: Дис. ...канд. филол. наук, 1964. 300 с.

[14] См.: Палагина В. В. Непредметная лексика говора западной части Томского района, Томской области. — Учен. зап. /Том. ун-т. Томск, 1959, т. 39, с. 59—67.

маги, *каюк* — речное судно, *пищаль* — разновидность оружия, *струг* — речное судно, *съезжая изба, челобитчик, ясак, ясачный человек* и др.

Противопоставленная диалектная лексика на первых этапах формирования единой лексической системы томского говора оказалась в отношении конкуренции. Как равноправные полные дублеты такие лексические единицы сосуществовали, очевидно, только в начале XVII в. Но уже в исходном состоянии начались различные процессы их изменения: 1) постепенное вытеснение одного или нескольких «конкурентов», приведшее впоследствии к его (или их) утрате при сохранении, закреплении в томском говоре другого (других); 2) постепенная утрата конкурирующих единиц с последующей заменой их новыми словами или словосочетаниями; 3) семантическая или стилистическая, а иногда и та и другая одновременно, дифференциация конкурирующих единиц.

1. В томской речи XVII в. было два конкурировавших названия одной реалии — *зыбка—колыбель*[15]. Постепенно слово *колыбель* утрачивалось, а в томском говоре закреплялась (и существует до настоящего времени) лексема *зыбка*. Её закреплению и устойчивому сохранению способствовала ясность внутренней формы (мотивирующий глагол *зыбать*) и наличие в томской речи XVII в. однокоренного слова *зыбель* — трясина: «...и воевать, государь, осенью и зимою Кузнецких людей не мошно, что живут, государь, в крепостех великих и болота обошли и зыбели великие и ржавцы» (М-1, 421, Томск, 1609)[16]. Конкурирующая лексема *колыбель*, очевидно, оказалась немотивированной: нам не удалось обнаружить глагола *колыбать* ни в томских рукописях, ни в других памятниках местной письменности XVII в.[17]

2. Распространенное в Московской Руси XVII в. слово *медведно* (с вариантом *медведна*) — шкура медве-

[15] Слова *Люлька*, известного южнорусским говорам XIX—XX вв., очевидно, в XVII в. не было: оно не фиксируется словарями древнерусского языка и не обнаружено нами в местных памятниках письменности этого периода.

[16] Ср.: в современных томских говорах слово *зыбун* (Мотивационный диалектный словарь. Томск, 1982).

[17] См.: Палагина В. В. Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII в. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972, с. 116—124.

дя: «Того ж дни продал Афонка Новокрещен два медведна» (Т-2, л. 37, 1627) и северо-западные однокорневые образования *медведко (медведка), медведок*[18] оказались в отношениях конкуренции. В складывающийся томский говор ни одно из этих названий не вошло. Подчиняясь общерусской закономерности называния шкуры животного атрибутивным словосочетанием,[19] все конкурирующие единицы были заменены новыми наименованием реалии — *медвежья шкура.*

3. Семантически дифференцировались слова *живот* и *рухлядь*: «...и от побойного места верстах в 10... находят людей мертвых... и рухлядь всякая по дороге метана» (М-2, 361, Томск, 1629), «...и живота, государь, моего грабежом взяли: санапал с ледунками и з зельем, да зипун лазоревой настрафильной новой, да рубаху полотняную, да однорятку лазоревую настрафильную, и всего, государь, живота моего грабежем взяли на 10 рублев» (М-1, 445, Томск, 1616). За словом *живот* закреплялось значение 'общее название недвижимого имущества', за словом *рухлядь* — 'старый, ненужный хлам', а сочетанием *мягкая рухлядь* называлась пушнина: «Да у него ж посылошной мягкие рухляди... два бобра, лиска красная, четыре соболя» (Т, л. 21, 1624).

Иногда дублетными с местной лексикой становились общерусские слова. Например, общерусские глаголы *метать, кидать* с глаголом *бросать*, который, как предполагает П. Я. Черных, мог быть местным речением, провинциализмом[20] новгородско-псковского происхождения. Из этого ряда слов стал утрачиваться глагол *метать* (в современных среднеобских говорах он сохранился в более конкретных значениях — 'забрасывать невод' и 'подбрасывать сено, укладывая в стог'). Глагол *бросать* закрепился в значении 'оставлять, покидать' и употребляется обычно в совершенном виде: бросить жену, семью и т. п. Глагол *кидать* сохранился в прежнем значении. Стилистически разграничились дублеты *брехать* и *ла-*

---

[18] См.: Волков С. С. Из истории лексики. 1. Медведно. — В кн.: Вопросы теории и истории русского языка Л., 1969.

[19] См.: Там же, с. 163.

[20] См.: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 187.

ять[21]. Слово *лаять* (собака лает) стало в томских говорах нейтральным, а *брехать* (собака брешет) — эмоционально окрашенным.

§ 5. Лексика исходного состояния прикетских говоров. Некоторые процессы формирования лексической системы прикетских говоров

Население Кетского острога в XVII в., как и в Томском остроге, было представлено выходцами из разных областей России: служилые люди — в основном с севера и из Москвы, пашенные крестьяне — из южнорусских районов и из Подмосковья. Меньшую часть населения составляли аборигены Сибири, называвшиеся «новокрещенами». Русское население Кетского острога, как и население многих других сибирских острогов, вынуждено было с самого начала заселения острога тесно контактировать с сибирскими аборигенами, в результате чего лексическая система говоров неславянского населения Сибири оказала значительное влияние на формирование лексической системы русских прикетских говоров.

Учитывая указанный экстралингвистический фактор для реконструкции лексики прикетских говоров XVII в., использовались те же принципы и источники, по которым реконструирована лексика томских говоров XVII в., а именно: 1) письменные памятники Кетского острога; 2) данные памятников письменности, созданных в районах бытования материнских говоров (в Устюге Великом, Соли Вычегодской, Москве, Калуге и других областях России)[22]; 3) лексика современных прикетских говоров, выбранная из материалов многолетних диалектологических экспедиций кафедры русского языка Томского университета. По таким источникам можно восстановить

---

[21] Лексико-семантические варианты слов *лаять* — бранить и *брехать* — обманывать, говорить вздор в языке XVII в. дублетами не были.

[22] См.: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968; Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951, т. 2—3; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги. М., 1982; Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М., 1977 и др.

состав многих тематических групп, употреблявшихся прикетским населением XVII в., например: ТГ наименования человека, природы, сельского хозяйства, метрологии, социальных отношений, землевладения и землепользования, структуры и деятельности органов власти, налогов, суда и судопроизводства, военного дела и др. Но наиболее полно в наших материалах представлены такие ТГ, как наименования диких животных и их мехов, наименования предметов домашнего обихода и хозяйства, наименования продуктов питания, различных кушаний и питья, наименования построек и их частей, названий ландшафта, рельефа местности, природных явлений и угодий, наименования лица, что объясняется прежде всего содержанием деловых документов Кетского острога. В них даются сообщения о сборе ясака, о нуждах служилых людей, об их тяжелом положении, усугубляющемся тем, что они одновременно выполняли несколько «государевых уделий»[23]: собирали государев ясак с аборигенного населения и для этого разъезжали по дальним ясачным волостям, строили и благоустраивали сам острог и его окрестности, пахали землю и собирали урожай, чтобы не умереть с голоду, так как «государево жалованье» часто надолго запаздывало; и в то же время были готовы в любой момент отразить атаку вышедшего из царского повиновения аборигенного князца: «Только государь нас холопей твоих в Кецком остроге служилых людей двадцать человек и те мы холопи твои бываем в россылках к тебѢ ко государю к МосквѢ с твоею государевою соболиною казною посылаемся человека по три в Тоболескъ по хлѢбные запасы посылаемся человека по три и по четыре с твоими государевыми грамоты посылаемся в Енисейской острог» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 757, л. 9).

1. ТГ наименования диких зверей и их шкур в прикетских говорах XVII в. состоит в основном из общерусской лексики. Родовое понятие для обозначения различных диких животных выражается словом *зверь*, которое объединяет несколько видов животных: 1) *лисица, лисица бурая*; 2) *бобр, бобр карей, бобр рыж, кошлок, кошлок карей*; 3) *соболь*; 4) *выдра*. В приведенной ЛСГ непротивопоставленным для XVII в. является слово *кош-*

[23] ЦГАДА, ф. 214, ст. 446, л. 435.

лок, обозначающее молодого бобра, не достигшего еще годовалого возраста и встречающееся только в северно-русских[24] и сибирских[25] памятниках.

В ЛСГ наименования мехов отражены более подробные наименования, чем в ЛСГ наименования диких зверей. В нее входят: 1) собирательные названия пушного зверя, 2) названия шкурок пушных зверей, 3) названия, обозначающие качество меха, 4) обозначения отдельных частей выделанных шкурок, 5) наименования, обозначающие цвет.

1. В прикетских говорах XVII в. для обозначения ценных мехов служило название *мягкая рухлядь*, широко употреблявшееся и в других сибирских говорах XVII в. (томских, красноярских, туруханских), и *соболиная казна*, отмеченное только в прикетских памятниках: «...у сургутского ж казака Ортюшки Родюкова с *мягкие рухляди* с одиннадцати соболковъ... государевы десятые пошлины взято десять алтынъ...» (ЦГАДА, ф. 213, кн. 19, л. 514), «...и ...мы холопи твои бываем в россылках к тебѢ ко гдрю к МосквѢ с твоею государевою *соболиною казною...*» (ЦГАДА, д. 214, ст. 757, л. 9), ср. с томскими говорами, где особо ценные меха назывались *лучший зверь*.

2. Конкретные виды шкурок пушных зверей назывались так же, как сами звери: *лисица*, редко *лиса, выдра, россомака, горносталь, соболь*. В зависимости от цвета грудки зверя мех лисы мог называться лиса красная *белодушка*, лиса красная *сиводушка*: «...а в соболе мѢсто вчитаючи взято.... двенадцать лисицъ красныхъ сиводушек тритцать пять лисиц красных белодушек» (ЦГАДА, ф.214, ст. 599, л. 3 об.). Слова *белодушка* и *сиводушка* в XVII в. были отмечены только в говорах северных и сибирских районов и являлись непротивопоставлеными; в настоящее время они продолжают оставаться диалект-

---

[24] См.: Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951, т. 2—3.

[25] См.: Потехина Н. Ю. Названия мехов в памятниках томского делового письма XVII в. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1979, с. 84—88; Якубайлик Г. А. Названия шкурок молодых животных в сибирских памятниках XVII в. — В кн.: Русская историческая лексикология XVI—XVIII вв. Красноярск, 1983, с. 102—109; Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966. 494 с.

ными и имеют широкое употребление в современных прикетских говорах. Лексические единицы *россомака* и *горносталь* в XVII в. были противопоставленными: в сибирских говорах — *россомака,* в остальных — *россомаха*; в поморских и сибирских говорах — *горносталь,* в остальных северных — *горностай.* Слово *горносталь* в современных прикетских говорах сохраняется без изменения и по-прежнему является диалектным, слоов же *россомака* в современных прикетских говорах употребляется в вариантной форме *россомак.*

Мех бобра в зависимости от его возраста назывался: *бобр* — шкурка взрослого бобра, *ярец* — шкурка годовалого бобра, *кошлок* — шкурка бобра, не достигшего годовалого возраста: «... да з дву ярцов да с дву кошлоков... десятые пошлины взято» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514 об.), «...собрал я два бобра рыжих» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 337, л. 118), ср. с Томской ясачной книгой XVII в., где встречается словосочетание *соболь ярец* рыж, из которого следует, что слово *ярец* в томских говорах могло употребляться и в более широком значении. *Кошлок* и *ярец* в XVII в. зафиксированы лишь в севернорусских памятниках и являлись непротивопоставленными словами.

Шкурки молодых лисиц и соболей в прикетских говорах в XVII в. назывались так же, как в других сибирских и в северных говорах, — *недолись, недособоль:* «Да в соболе же мѢсто вчитаючи взято лисица чериобура *недолись* чернобура ж...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 685, л. 235), «с пяти исподишков пупчатых да с ысподишка *недособоля...* взято три рубли» (ЦГАДА, ф. 214, ки. 19, л. 514 об.). В процессе формирования единой лексической системы прикетских говоров слова *недолись* и *недособоль* постепенно исчезают, уступив место общерусскому *лисенок.*

3. Наряду с нейтральными названиями в прикетских говорах XVII в. использовались слова с различными суффиксами субъективной оценки — *лиска* красная, *лисеночек; соболек, соболишко; бобришко, бобрик, кошлочек, кошлочишко, ярчишко:* «С семи соболков да с лиски чернобурой... десятые пошлины взято» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514—514 об.), «З дву *бобриков* с кошлока по оцѢнке со всево з десяти рублевъ десятые пошлины взято рубль» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514), «...с

трех *кошлочишков* да з дву *бобришка* да с *лисиченка чернобурово*... десятые пошлины взято» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 509). Качество меха (высокосортный — низкокачественный) называлось словосочетаниями, в которые входили слова с оценочной характеристикой *худой, плохой, доброй*: «...с пяти соболишек вешных *плохих*» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 381, л. 253), «...дали поминки соболишка *худые* (М-2, 208), «...а взял... у кетцких остяков воевода Василей Нелединский посулов лисицу кормную черную *добрую*...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 250, л. 348).

4. В жизни всего сибирского населения вообще и прикетского в частности пушной промысел занимал ведущее место. Этим объясняется наличие разветвленной системы наименований различных частей меховой шкурки в прикетских говорах XVII в. Спинка меховой шкурки называется *пластина, пластинишка* (ср. с томскими говорами XVII в., где суффиксальных образований от слова *пластина* не выявлено)[26]: «...с мяхкие рухляди с пяти соболишков да з дву *пластинишек* соболих... десятые пошлины взято (ЦГАДА, ф. 214, кн. 381, л. 253). У слова *пластина* в прикетских говорах было и второе значение 'шкура, снятая со зверя при помощи разреза на боку': «...у сургутского ж казака у Федки Осипова у колмогорца с мяхкие рухляди с тридцати семи соболков да с лиски чернобурой... да со ста з девяноста з дву пупков и с *пластиною* пупчатою... государевы десятые пошлины взято...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514—514 об.). В значении 'сделанный из хребтового меха — верхней части шкурки' употребляется и прилагательное *хребтовой*: «...да в соболе же мѣсто вчитаючи взято... пять шуб бѣлих *хрептовых* бес пуху» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 685, л. 235). Нижняя часть шкурки называется несколькими синонимами: *пупок, пупченок, подчеревесь*; нижняя часть собольей шкурки носит название *пупок, пупченок*, а нижняя часть бобровой шкурки — *подчеревесь*: «...у промышленово человека у Игнашки... с трех кошлочишков да з дву бобришка да с лисиченка чернобурово да с сорока с осми *пупков*... десятые пошлины взято» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 509), «... у Артюшки... 77 *пупченков* да посылошных 14 соболей...» (М-2, 241), «... у сургутцкова казака у Федки Осипова колмогорца с 44 соболей да со

[26] См.: Указ соч., Потехина Н. Ю., с. 87.

ста хвостов соболих да с одиннатцати *пупков* соболих... да з дву *подчеревесей* бобровых... десятые пошлины взято...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 509). В значении 'сделанный из пупчатого меха — нижней части шкурки соболя, вырезанной с брюха' используется и прилагательное *пупчатой:* «... у сургутцкова казака... со ста хвостов соболих да с одиннадцати пупков соболих да с ысподника шапошново *пупчатова*... десятые пошлины взято...» (ЦГАДА, ф. 214. кн. 19, л. 508 об. — 509). Слова *исподишко, исподинка* в прикетских говорах имеют два значения — 'подкладка шапки' и 'нижняя часть шкурки': «... с ысподинка шапошново пупчатова» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 509), «...с четырех ысподишков шапошных пупчатых» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514 об.), «... с ысподишка недособоля... взято три рубли» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 514 об.).

Рассмотренные выше лексические единицы *пластина, пластинишка, пупок, пупченок, подчеревесь, исподишко* в XVII в. были зафиксированы в северных и сибирских памятниках.

Другие части шкурки имели названия *лапа, хвост, хвостовый, головишко:* «...со ста хвостов соболих... да со штинатцати лап лисих... да з головишка лисья... десятые пошлины взято...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 509), из которых *головишко* в XVII в. встречается лишь в сибирских говорах.

5. Для обозначения цветовых оттенков меха употребляются прилагательные в полной и краткой форме: лиса *красная*, лисица *бурая*, лисица *чернобурая*, лисица *красна черночерева*, лисица *красная белодущатая*, лисица *красная сиводущатая*, кошлок *карей*, кошлок *рыжей*, бобр *черный*, из них прилагательные *красная, белодущатая* и *сиводущатая* в XVII в. были непротивопоставленными лексемами, так как имели распространение лишь в говорах северных и сибирских районов. В настоящее время прилагательные *белодущатый* и *сиводущатый* в прикетских говорах не зафиксированы, вместо них употребляются имена существительные *белодушка* и *сиводушка*. — «*Белодушка* — лисица, брюхо бело. Есь черна лисица, есть *сиводушка* — красна, у ей грудь бела».

II. В ТГ наименования предметов домашнего обихода и хозяйства входил широкий круг общерусских названий: *кнут, кнутье; топор, топорик, топоренок; котел, кот-*

лишко, пивной котел; бочка, ведро; ключ, крюк, замки, пробои; серп, коса, соха, сошник и др. Отдельные слова этой группы имели в XVII в. явно локальное употребление: *батог* — палка, посох, зафиксировано в поморских памятниках XVII в., ср. с современными прикетскими говорами: *бодог, ботог; дерево* — деревянная тара в сибирских памятниках, ср. с севернорусскими и южнорусскими памятниками: *бочка; тюкь* (или *тюкя*) — тюк; *уши* — проем, за который поднимают вещь; *нарта* — длинные узкие сани; *малое ведро* — местная мера, расходившаяся с указной — эти слова встречаются лишь в сибирских документах XVII в.

Данная ТГ в процессе формирования лексической системы прикетских говоров пополнилась большим количеством заимствованной лексики из языка неславянских аборигенов, особенно лексика, связанная с рыболовецким и охотничьим промыслом, например: *арапча, арча* — детали рыболовецкой снасти; *атарма* — рыбозаградительное сооружение; *бабашка, баклашка, балбашка* — поплавок из коры, прикрепляющийся к крючку самолова и др.

В ЛСГ наименования средств передвижения по воде родовыми понятиями служили слова: *судно,* мн. *суды, ладья, лодка.* Видовыми понятиями по отношению к родовым были: *облас, полулодка, дощаник, дощеник, дощенка, струг, стружонко, каюк, страдный каюк, завозня, павозок*: «...от Нерчинского острогу до Тогурского устья вверх грести облосом 3 дни» (М-1, 438), «... вели... нарымским ясашным остякам в подводах ходит на *дощаниках* и на *каюках* мимо нынешнего КЪцкого острогу до старово КЪцкого городища по-прежнему (ЦГАДА, ф. 214, ст. 446, л. 483), «...и на речке Тые делати *струги* или зырянские *каюки страдные*» (М-1, 241) и др. Перечисленные слова попали в прикетские говоры XVII в. из разных областей России: *облас, каюк, дощаник, павозок* были отмечены в XVII в. только в севернорусских памятниках письменности; *дощеник, дощенка, струг, стружонко* — в Московских; *завозня* — только в южнорусских. В формирующейся лексической системе прикетских говоров лексические единицы различных диалектных систем вступили в конкуренцию: слова из северных и среднерусских (*облас, каюк, дощаник, дощеник, дощенка, струг, стружонко*) и из южнорусских говоров

(*завозня*). В результате конкуренции происходит утрата одних единиц — из прикетских говоров исчезают *дощаник, дощеник, дощенка, струг, стружонко*, закрепление других: *облас, завозня, каюк, павозок*; появляется новое слово *долбленка* в качестве русского синонима к заимствованному *облас*; образуется ряд различных вариантов, нейтральных и имеющих экспрессивно-стилистическую окраску: *обласок, ибласок, обласочек, обласишко, заводня*; наконец, происходит семантическая дифференциация ряда слов: исчезнув из ЛСГ наименования средств передвижения по воде, *дощаник, дощеник, дощенка* в вариантной форме закрепляются в ЛСГ наименования средств передвижения вообще (в современных прикетских говорах *дощанка* стала обозначать 'телегу из досок', а *дощатик* — 'плот из досок'). Диалектные слова *облас, завозня, заводня, павозок, долбленка* до настоящего времени широко используются в речи старожилого населения.

III. В ТГ наименования продуктов питания, различных кушаний и питья входила в основном общерусская лексика: *вино, церковное вино, брага, пиво, хмель, мед, корм* — пища, продукты вообще, *государев корм, дорожной* и *подорожной корм; жир, рыбий жир, мясо, соль; рыбные запасы: рыба, рыба соленая, соленая щучина; хлебные запасы: хлеб, ячмень, пшеница, овес, рожь, горелая рожь, горелый овес, мука, мука овсяная, мука ржаная; толокно, конопля, коноплишка*. Название *щучина* в XVII в. было общерусским, хотя в настоящее время прикетским говорам неизвестно (ср.: *щука, щученка*). В состав этой группы входили слова и словосочетания, характерные для южнорусских памятников XVII в.: *пойло* — питье, *варя* — напиток, приготовленный путем варки, *пресный мед* — свежий, не перебродивший мед: «... а пиво варено... к весеннему ясашному збору всем ясашным людем на пойло на праздник...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1170, л. 106), «тот хмель кладен в пивную варю к вешнему ясашному сбору...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1071, л. 98), «...в остатке пять пудов с четью да две гривенки мѢду пресново...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 528) и для севернорусских памятников XVII в.: *коноплё* (ср. с современными прикетскими говорами: *коноплё*). К непротивопоставленной лексике этой ТГ, бытовавшей в речи южнорусов, переселившихся в Кет-

ской острог, относилось слово *пóлба* — зерновой злак, которое в современных прикетских говорах не зафиксировано, но в говорах Томской области употребляется с другим ударением: *полбá*. Два словосочетания были характерны только для сибирских документов XVII в. — *горячее вино* — крепкий напиток (водка, спирт), *пиво большое*: «В остатке ж *вина горячева* малых три ведра...» (ЦГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 528). Наименования различных кушаний и овощей представлены в кетских документах XVII в. единичными примерами: *саламат* — жидкая каша из муки с маслом и салом или кисель, *авощ (овощ)*: «Велел бы де нас сирот твоих поить и кормить... и кашею и саламатом и мясом и рыбою» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 291, л. 58), «Я холоп твой съел ячмень и пшеницу и конопле и лен и всякой авощь и ячмень и пшеница и конопле и всякой авощь родился добрЪ...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 757, л. 17). Слово *саламат* в таком значении было зафиксировано только в сибирских памятниках (ср.: в поморских памятниках XVII в. *саламат* — смесь из разных овощей, овощное рагу) и сохранилось до наших дней во многих говорах Томской области. Наименование *авощь* в XVII в. было свойственно южнорусским памятникам. В настоящее время в говорах Томской области оно выглядит иначе: *óвощи* и *овощи́* и в форме ж. р. *овóща*.

IV. ТГ наименований построек и их частей включала в основном лексику общерусского употребления: *амбар, анбар (онбар), овин, житница, изба, хоромы, юрта, баня, мельница, погреб* и слово *ледник*, зафиксированное в XVII в. в южнорусских памятниках письменности. В процессе формирования лексической системы прикетских говоров в ТГ наименований построек включается значительное число заимствований из языка сибирских аборигенов, например, для обозначения землянки стали использоваться слова и их варианты: *карамá, карамó, карамýшка, карáна*; для обозначения остяцкого (селькупского) жилища — *качáр, качáрня, качармá* и др.

V. В ТГ названий ландшафта, рельефа местности, природных явлений и различных угодий, как и в предыдущие группы, в основном входила общерусская лексика: *пашня, пашенька, пахота* — пашня, пахотная земля; *наст, дорога, путь, лес, мох, болото, озеро, река, речка,*

берег, ров, луг, порог, угодье, соболиные промыслы, соболиные угодья, зверовый промысел и др., реже диалектная севернорусская непротивопоставленная: *волок* — пространство между двумя судоходными реками, по которому перетаскивают небольшие суда: «...мне бы расспрося служивых людей кецких годовальщиков и остяков и промышленных людей, которые бывали через волок отписывати в Тобольск» (М-2, 240); *камень* — Уральские горы: «В прошлом государь... году посылан был ис Кецково острогу кЪцкой служилый человекъ... с своею государевою соболиною казною к тебЪ ко государю к МосквЪ и на камени государь идучи пищаль твою государеву утопил...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 291, л. 19). К противопоставленной лексике этой ТГ, бытовавшей в речи севернорусов, переселившихся в Кетский острог, относились словосочетания *вешная вода, большая вода* в значении 'разлив, половодье' (ср. в южнорусских памятниках ПОЛАЯ ВОДА в том же значении): «... и промыслы нам сиротам твоим не удалися зверя не стало... была вода большая и соболи и лисицы вытопило водою» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 757, л. 38). Одно из них *большая вода* до сих пор является диалектным и широко распространено не только в прикетских, но и во многих других говорах Томской области. Кроме того, в ТГ названий ландшафта, рельефа местности входили слова, в XVII в. зафиксированные только в сибирских памятниках: *вершина* — исток реки, *украина* — окраина, край, *землица* — вновь открытая или подчиненная земля: «И они де побиваютъ бобры выдры в Енисейском уЪзде в чулымскихъ вершинах» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 250, л. 292), «... бьют челом холопи твои гдрвы дальней твоей вотчины сибирской украины Кетского острогу казачишки и десятничишки казачьи» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 117), «...и новые землицы отдалели... (М-1, 439), *лесной лом* — валежник: «...били челом.. чтоб ты гдрь.. пожаловал велел имъ отмЪряв дат земли непаханой с ломом лесным на распашку» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 113, л. 386).

VI. В состав ТГ наименований лица также в основном входила общерусская лексика: *отец, дети, детишки, детки, жена, женишка, сын, сынишка, дочеришка, племянник, дядя, дед; дьяк, подъячий, подъячишко; десятник, десятничишка; казак, казачишка; мужик, подвод-*

чик, ясатчик и др. В состав группы входила противопоставленная диалектная лексика: *язык* — *ясырь* — пленник, *толмач* — *переводчик*, слово, отмеченное в севернорусских памятниках письменности, *убоец*, а также наименования, употребляющиеся только в сибирских документах XVII в.: *князек, князец* — предводитель малых народов, *новокрещен* — человек, недавно принявший христианство, *подводный остяк, подводные люди* — люди, сопровождающие подводы, *сибиряне* — сибиряки, *ясашник* — служилый человек, собирающий ясак, *подросль* — подросток: «...и князец Могуля сказал...» (М-1, 415), «...принес ко мне в Кетцкой острог московскую грамоту новокрещен Урнучко Онтонов» (М-2, 222), «...иные государь... ясашные и подводные люди от подвод убежали» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 446, л. 246), «...а въ ево мѣсто поверстан в нынѣшном... году тое ж волости из подрослей подводной человек Серко Саченкумов» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 130, л. 37), «...бьют челом холопи твои сибиряня Кецкого острогу служилые люди...» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1347, л. 53), «...и вы делаете не по государеву указу, что в Чюлым и в Киргиссы *ясашников* посылаете» (М-1, 412). Исходя из диалектного состава населения Кетского острога, можно считать, что в речи прикетского населения XVII в. употреблялись наименования, бытовавшие в различных областях Русского государства XVII в. Из северных районов страны в прикетские говоры XVII в. вошли слова: *жаравль* — журавль, *зделье* — всякая работа, *исподишко* — обратная сторона, подклад чего-либо, *изгоня* — притеснение, *клепать* — ложно обвинять (ср.: в южнорусских памятниках *клепать* — упрекать), *лаять* — ругать, *нужа* — нужда, *оборон* — защита, оборона, *пушшать* — пускать, *чепь* — цепь, *черночеревый* и др.

Слова, которые могли прийти в XVII в. в прикетские говоры как из севернорусских областей, так и из Москвы: *испродать, спродать, прошать* — просить, *погинуть* — погибнуть, *достальной* — остальной, *стакаться* — договориться и др.

Москвичи могли принести с собой следующие слова и словосочетания: *леший промысел* — лесной промысел, *пашенная пора, сполох* — тревога, переполох, *безделье* — плутовство, мошенничество, *дурно* — зло, вред; *метывать* — многократное от метать, *мешкать* — медлись,

недружба, помереть — умереть, *лая* — брань, ругань, *ветчаный* — ветхий, *отдалеть* — удалиться, *сторонний* — находящийся в стороне, *осенесь* — осенью и др.

Из южных областей: *деловая пора, добрый* — хороший, *головщина* и др.

Таким образом, реконструированная лексика отдельных ТГ и ЛСГ в прикетских говорах XVII в. свидетельствует о том, что она так же, как и в томских говорах XVII в., состояла из общерусских и диалектных слов, которые могли быть как противопоставленными единицами, так и непротивопоставленными. В процессе формирования единой лексической системы элементы разных диалектных систем вступали в конкуренцию, в результате чего одни элементы исчезали, другие закреплялись, третьи семантически дифференцировались. Формирование единой лексической системы прикетских говоров происходило под значительным влиянием лексического состава говоров аборигенов Сибири.

Раздел 2. ХАРАКТЕР И ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

§ 1. Лексика среднеобских говоров как объект типологического анализа

Проблема диалектной лексической типологии сложна и многоаспектна. Сложность ее во многом предопределяет сам объект типологического изучения — лексика диалекта, для которой характерно: а) неконечное число элементов (лексических единиц) в отличие от фонетики, грамматики; б) тесная связь с внеязыковой действительностью, что нередко сопровождается неодинаковой ее лингвистической сегментацией; в) нестрогий характер системной организации, являющей собой, по словам А. Мартине, «область непрочно связанных между собой единиц, целостная характеристика которых представляется весьма затруднительной»[27]; г) дифференциация сло-

---

[27] Martinet A. Linguistic tipologie. — In: A functional view of Language. Oxford, 1962, S. 87.

варного состава диалекта эмоционально-экспрессивная, стилистическая, по сферам употребления, социально-речевая и т. д., которая специфична для каждого русского говора; д) высокая степень вариативности лексических единиц диалекта, находящая свое выражение в вариантных, дублетио-синонимических, омонимических, мотивационных и других парах и рядах (цепочках).

В отечественном языкознании научная разработка диалектной лексической типологии насчитывает немногим более трех десятилетий. В работах Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой, Л. П. Жуковской, Н. И. Толстого, О. Н. Мораховской, В. Е. Гольдина, Н. А. Оссовецкого и ряда других исследователей определились различные направления и аспекты типологического анализа лексики говоров, методы и методика ее изучения, обусловленные конечной целью типологического исследования: для выявления характера и типов различий лексики диалектов, с одной стороны, лексики диалекта и лексики литературиого языка — с другой; для изучения общности и различий диалектных групп с целью изучения диалектного членения языка; для исследования особенностей отдельных лексических микросистем или частных диалектных систем (ЧДС) и т. д.

При многообразии осуществленных опытов типологического изучения словарного состава русских, украинских, белорусских, молдавских и других говоров с учетом разного подхода (лексикологического, семасиологического, ономасиологического, ареального, или лингвогеографического) общей их чертой является исходная основа — представление о лексике говора как относительно замкнутой цельной системе.

Преобладание общего иад различительным в словарном составе русских диалектов, их более слабая дифференцированность по сравнению с другими диалектами (например, словенскими, немецкими, румынскими) сконцентрировало внимание исследователей на выявлении лексических различий и их типов: противопоставленных и непротивопоставленных, простых и сложных, одноплановых и многоплановых. Поскольку различия такой сложной системы, как система лексическая, проявляются на разных уровнях — на уровне отдельной лексической единицы (однозначного слова или лек-

сико-семантического варианта—ЛСВ многозначного слова), на уровне отдельных парадигм и синтагм, на уровне фрагментов микросистем, соответственно при типологическом изучении избираются разные предельные единицы для сопоставления: отдельные слова или ЛСВ, отдельные лексические парадигмы (например, дублетно-синонимические пары или ряды, вариантные пары и ряды, мотивационно связанные слова) и синтагмы, отдельные лексико-семантические группы (ЛСГ), тематические группы (ТГ) или лексические блоки. Разные уровни типологического исследования дополняют и уточняют друг друга, способствуя созданию более полной и целостной картины типов диалектных лексических различий. Последовательное сопоставление фрагментов ЧДС представляет собой путь к подлинно типологическому анализу, цель которого — сравнение систем.

Лексика русских старожильческих говоров Среднего Приобья в типологическом аспекте рассматривалась на материале различных тематических групп — производственно-промысловой лексики (О. И. Блинова), предметно-бытовой (Ф. П. Иванова), лексики природы (Р. Я. Тюрина, Л. Г. Гынгазова), агентивной лексики (Э. В. Васильева), а также на материале вариантной лексики (О. И. Блинова, З. М. Богословская). В изданном «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964—1967, т. 1—3) лексикографированные лексические единицы также представлены в типологическом аспекте: в тех случаях, когда позволяли данные, к заглавному слову словарной статьи приводятся элементы соответственного явления — дублеты и формальные варианты слова (см., например, статью: БАРИ-БАРИ. Междометие для подзывания овец; то же, что *маш-маш, бариньки-бариньки, барь-барь, барьки-барьки, баря-баря, бать-бать, баш-баш, баша-баша* и др.).

К настоящему времени в ежегодных диалектологических экспедициях Томского университета в Среднее Приобье дополнительно собран огромный материал, который частично лексикографирован в разных типах среднеобских словарей (см.: Введение к монографии «Русские говоры Среднего Приобья в их истории и современном состоянии». Ч. 1), частью проанализирован в статьях и диссертациях (О. И. Блинова, Э. В. Василье-

ва, Г. А. Раков, Н. Д. Голев, З. М. Богословская, Т. А. Демешкина, Л. Г. Гынгазова и др.), что позволяет продолжить типологическое изучение словарного состава говоров Среднего Приобья.

Словарный состав говоров изучаемого региона, по имеющимся данным, насчитывает десятки тысяч лексических единиц и фразеологизмов, которые фиксируют рукописные картотеки кабинета русского языка Томского университета: толкового дифференциального среднеобского словаря, толкового диалектно-просторечного среднеобского словаря, общерусских слов среднеобских говоров, картотека, составленная по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (АН СССР, 1947), «Мотивационного диалектного словаря говоров Среднего Приобья», вторичных заимствований говоров Среднего Приобья, полных словарей говоров с. Вершинина Томского района, Томской области и с. Нарым Парабельского района, Томской области и др. Только опубликованные лексикографические труды, отражающие лексико-фразеологический состав среднеобских говоров, представляют около 30 тыс. диалектных, диалектно-просторечных и общерусских единиц. Картотека полного словаря говора с. Вершинина насчитывает свыше 15 тыс. слов и фразеологических сочетаний. Это обстоятельство — огромное (неконечное) число сопоставляемых единиц — значительно осложняет типологический анализ.

Лексика среднеобских говоров, как и других русских говоров, обнаруживает тесную связь с внеязыковой реальностью. Различия в природных, экономических, социально-культурных условиях Среднего Приобья отражаются в различиях словарного состава говоров данного региона, что порождает большое число как противопоставленных, так и непротивопоставленных лексических различий. Количество и характер лексических диалектных различий осложняются различиями, связанными с неодинаковой лингвистической сегментацией одного и того же семантического поля, отражающего один и тот же фрагмент реальной действительности. Покажем это на примере названий повсеместно известного в рассматриваемом регионе орудия труда — косы и ее частей (рис. 1): *1* — рукоятка косы (*косе́вище, косо́вище, косови́ще, лито́вище, ру́чка, чёрень* и др.), *2* — ручка

(*ручка, держáлка, вязóк, дýжка* и др.), *3* — лезвие, металлическая часть косы (*полотно, литóвка* и др.), *4* — острая часть лезвия (*востриё, лезвеё, лезьё* и др.), *5* — обух (*обух, обýшник, тылóк*), *6* — острый конец лезвия (*носок*), *7* — тупой конец лезвия (*пятка*), *8* — клин (*клин, клинок, клúнышек* и др.), *9* — шейка (*шейка* и др.), *10* — кольцо (*кольцо* и др.).

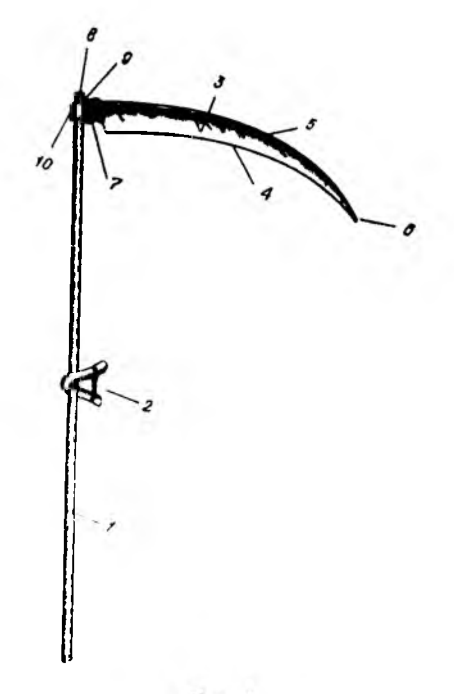


Рис. 1

Состав наименований косы и ее частей в среднеобских говорах по числу компонентов колеблется от максимального (1—10) до минимального (четыре компонента: название косы и трех ее частей).

Однако лексические различия среднеобских говоров не исчерпываются количественными различиями, связанными с неодинаковой лингвистической сегментацией «поля» — коса и ее части. Данная группа слов, как и любая другая тематическая группа, не является сово-

купностью слов, объединенных **только** на основе неязыкового критерия. Её отличает некоторая общность языковых характеристик, одни из которых представляют собой отражение внеязыковых отношений обозначаемых реалий (*пятка* (7) и *носок* (6), противопоставленность обусловлена противопоставлением острого и тупого концов изогнутого лезвия косы), другие носят языковой характер, что составляет общность словообразовательных моделей (*косьё* (1), *остриё* (4), или *востриё, лезьё, тельё* (5); *черенок* (1), *обушок* (5), или тылок), общность видов системых отношений — синонимических (*ручка=вязок, вязок=дужка* (2); *косьё=* *=черень* (1), *коса=литовка*, вариантных, в данном случае метонимических отношений семем одного и того же слова (и *коса*, и *литовка* обозначают как целое 'орудие кошения', так и его часть 'лезвие'.

Как отмечалось ранее, сложность типологического изучения лексики диалектов обусловлена ее многоаспектной дифференциацией: социально-речевой, эмоционально-экспрессивной, стилистической и т. д. Словарный состав среднеобских говоров с точки зрения экспрессивно-стилистической характеризуется многослойностью лексических пластов, представляющих лексику нейтральную и эмоциональную, лексику неэкспрессивную и экспрессивную, межстилевую и стилистически приуроченную. В этом плане в словарном составе среднеобских говоров вычленяется лексика нейтральная, разговорная, стилистически сниженная (снисходительная, уничижительная, пренебрежительная, ироническая, и т. п.), стилистически возвышенная[28]. Многослойна лексика среднеобских говоров и с точки зрения сферы ее употребления: в разных говорах региона сформировались и функционируют как сходные (например, сельскохозяйственная лексика), так и разные терминогруппы (например, не во всех среднеобских говорах развита лексика кедрового промысла, лексика санно-тележного

---

[28] См. подробнее: Ж у р а к о в с к а я Н. В. Экспрессивная лексика русских старожильческих говоров среднеобского бассейна: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1971. 17 с.; Б л и н о в а О. И. Введение в современную регнональную лексикологию: Материалы для спецкурса. Томск, 1973, с. 75—86; О н а ж е. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1975, с. 18—19.

дела, рыболовства и охоты)[29]. На разветвленную сетку лексических групп, связанных с экспрессивно-стилистической дифференциацией и сферами употребления лексики, как бы накладывается сетка социально-речевой дифференциации каждого говора, которая по-своему распределяет лексический набор для каждого социально-речевого типа говора[30]. Высокая степень вариативности лексического состава среднеобских говоров, проявляющая в формальном и семантическом варьировании слов, в разветвленных синонимических рядах[31], усиленная разнодиалектной базой среднеобских говоров как говоров вторичного образования, довершает сложность словарного состава среднеобских говоров в качестве объекта типологического изучения.

[29] См.: Палагина В. В. Лексика санно-тележного промысла в говорах Томской области. — Тр. Том. ун-та, 1960, т. 153, с. 99—103. Блинова О. И. Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинина, Томского района, Томской области: Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Томск, 1962. 17 с.; Она же. О лексике ямского промысла в говорах Томской области. — В кн.: Пятая научная конференция Томского университета, посвященная 350-летию г. Томска: Секция языкознания. Томск, 1960, с. 35—45.

[30] См.: Богословская З. М. Явление варьирования слова в системе говора. Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1984. 437 с.

[31] См.: Палагина В. В. Непредметная лексика говора западной части Томского района, Томской области. — Учен. зап./Том. ун-т, 1959, № 39, с. 59—86; Блинова О. И. О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна. — В кн.: Труды пятой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири Новокузнецк, 1962, с. 144—160; Она же. Введение в современную региональную лексикологию, с. 91—173; Раков Г. А. Синонимия как одно из проявлений системных связей слов в лексике нарымского говора. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, вып. 3, с. 22—26; Он же. Синонимия имен прилагательных в нарымском говоре (семантико-функциональный анализ): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саратов, 1977. 17 с.; Васильева Э. В. Об одном типе семантической структуры имен. — В кн.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 34—41; Она же. Типы лексико-семантических структур диалектного субстантива (метафорические отношения): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1979. 18 с.; Богословская З. М. Формальные варианты слова и их место в системе говора. — В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981, с. 70—75; Она же. Явление варьирования слова в системе говора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984. 19 с.

§2. Общность и различие лексики среднеобских говоров на уровне отдельного слова (ЛСВ)

Первым, необходимым этапом типологического исследования лексики конкретных диалектов является выявление общности и различий их на уровне отдельной лексической единицы. Такой подход не представляется «атомарным», поскольку лексическая единица берется как элемент лексической системы диалекта со всеми ее характеристиками, обусловлеными данной системой.

Важнейшим условием типологического единства группы говоров является их общность на разных уровнях языковой структуры. Типологическое единство исследуемых говоров доказано на уровне фонетики, морфологии и частично синтаксиса[32]. Типологически едиными являются среднеобские говоры и на лексическом уровне, о чем свидетельствуют: а) материалы картотек, составленные по «Программе собирания сведений для составлеиия диалектологического атласа русского языка»: ответы на вопросы программы (№141—294), призванные выявить диалектные различия, явились ярким свидетельством лексической о б щ н о с т и среднеобских говоров (как оказалось, общеобский ареал имеет преобладающее большинство слов программы — *усадьба, вышка, зыбка, квашня, ковш* (ковшик), *коромысло, ухват, кринка* (крынка), *сковородник, валёк, молотило, литовка, пахать, боронить, брюква, морковь, свёкла, лук, картошка, ботва, назём, зарод, бастрик, грибы* (грыбы), *петух, наседка, цыплята, утка, жерёбая, суягная, ягниться, ржать, мычать, лаять, выть, бодать, медведь, волк, белка, кукушка, змея, болото, тропинка, дорожка, туча, кузнец, помочь, вечёрка, петь, плясать, плакать* (выть), *большой, брезговать, прятать, хорошо, ладно, льдина* и др.);

б) материалы исследований таких тематических групп, как предметно-бытовая лексика, производственно-промысловая, флоры и фауны, обнаружившие огромное количество общеобских слов — от одной трети до половины, двух третей всего словарного комплекса ТГ[33];

---

[32] См.: Русские говоры Среднего Приобья в их истории и современном состоянии. Томск; 1984, ч. I.

[33] См.: И в а н о в а Ф. П. Предметно-бытовая лексика русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дис.

в) материалы рукописных картотек общерусских слов, диалектно-просторечных слов и диалектных слов среднеобских говоров, а также опубликованных среднеобских словарей содержат значительное количество слов с общеобским ареалом, в их числе общерусские слова (*борона, грабли, вилы, грести, хлеб, нож, весна, зимой, осенью, дом, делать, коса, копна, летом, мять, мотать, огурцы, полоть, работать, разговаривать* и др.); слова диалектно-просторечные (*ага́, баба 'женщина', ве́дро, гульба, давеча, долгий* 'длинный', *завсегда, запамятовать, и́хний, кило́метр, ло́жить, мане́нько, мужик, никудышный, полушалок, помереть, судиться, тенёта, харчи* и др.); слова собственно диалектные (*ба́стрик, бахи́лы, бро́дни, бу́сый, вечёрка, выпашь, куржа́к, курья́, кут* (куть), *лагу́н, леси́на, лони́сь, назьми́ть* и др.).

Вместе с тем лексикографическое и лексикологическое изучение говоров Среднего Приобья с учетом ареального аспекта выявило на уровне отдельного слова лексические различия.

Типология диалектных лексических различий русского языка в рассматриваемом аспекте наиболее полно разработана Р. И. Аванесовым и Л. П. Жуковской в книге «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962), где лексические различия проанализированы в системе других диалектных различий — фонетических, морфологических, синтаксических. В разработке названных авторов четко разграничены непротивопоставленные и противопоставленные лексические различия в зависимости от того, отсутствуют или наличествуют в разных ЧДС взаимоэквивалентные факты.

Одну из категорий типологического изучения диалектной лексики составляет понятие «соответственного явления», которое формируется из соответственных эквивалентных единиц сопоставляемых диалектов. Отсюда минимальное число компонентов «соответственного явления» равно двум. Непротивопоставленные лексичес-

---

...канд. филол. наук. Рукопись. Томск, 1965.; Б л и н о в а О. И. Производственно-промысловая лексика старожильческого говора с. Вершинина, Томского района, Томской области: Дис. ...канд. филол. наук. Рукопись. Томск, 1962, 442 с.; Т ю р и н а Р. Я. Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья: (К вопросу об особенностях диалектных лексико-семантических систем): Дис. ...канд. филол. наук. Рукопись. Томск 1972.

кие различия образуют такие «соответственные явления», второй компонент которых равен нулю. Для противопоставленных диалектных различий характерно собственно языковое противопоставление.

В классификации Р. И. Аванесова и Л. П. Жуковской при выделении видов лексических различий выдержан единый принцип — принцип материальной или семантической общности соответственных лексических единиц, но при этом не учитываются противопоставления разных слов и вариантов одного и того же слова, что предусмотрено в предложенной ниже схеме типов диалектных лексических различий, в соответствии с которой и рассмотрен средиобский материал[34].

Лексике среднеобской диалектной группы известны оба типа различий — непротивопоставленные (А) и противопоставленные (Б), которые вычленяются в рамках среднеобского акающего диалекта (схема 2).

Существует мнение, что русские диалекты небогаты непротивопоставленными лексическими различиями. Достоверность этого мнения трудно проверить, поскольку наши представления о разряде слов, включающем непротивопоставленную лексику, всегда относительны.

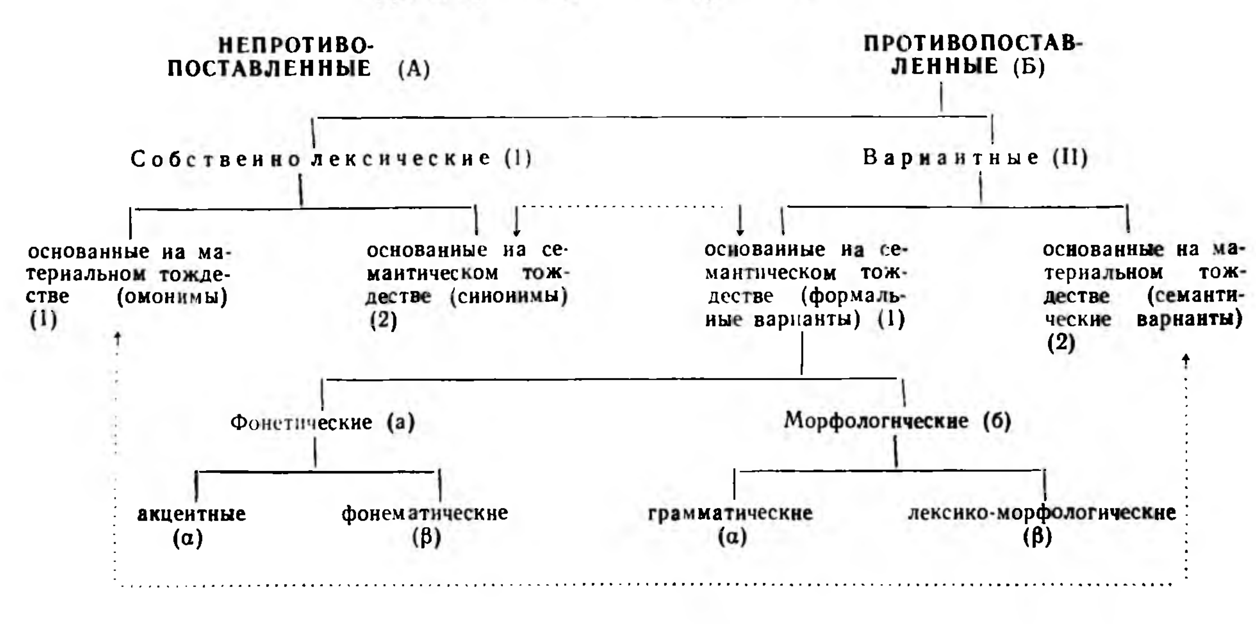
Исследоваиие непротивопоставленных различий в рамках лексики среднеобских говоров обнаружило их заметную долю в системе диалектных различий. Так, проведенные исчисления на материале «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», т. 1. (А—Е) показали, что непротивопоставленные слова составляют 24,3% от общего количества лексических единиц словника в 1406 слов.

Большая часть непротивопоставленных слов в регионе среднеобских говоров связана с обозначением различных реалий внеязыковой действительности. Причем удельный вес слов, составляющих непротивопоставленные различия, идет по восходящей линии от предметно-бытовой лексики (наименьший процент) к лексике флоры и фауны и производственно-промысловой (наибольший процент). Объясняется это тем, что бытовая и этнографическая сферы у старожилого населения Сред-

---

[34] Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 181—186.

Схема 2


ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
НЕПРОТИВОПОСТАВЛЕННЫЕ (А)
ПРОТИВОПОСТАВЛЕННЫЕ (Б)
Собственно лексические (I)
Вариантные (II)
основанные на материальном тождестве (омонимы) (1)
основанные на семантическом тождестве (синонимы) (2)
основанные на семантическом тождестве (формальные варианты) (1)
основанные на материальном тождестве (семантические варианты) (2)
Фонетические (а)
Морфологические (б)
акцентные (α)
фонематические (β)
грамматические (α)
лексико-морфологические (β)

него Приобья характеризуются наибольшей общностью, в то время как хозяйственно-экономический уклад, природные условия в разных районах исследуемого региона неодинаковы, следовательно, неодинаков и сам набор реалий, имеющих соответственные названия.

Непротивопоставленная лексика среднеобских говоров представлена в имеющихся лексикографических изданиях дифференциального типа. Её легко определить по трем признакам: 1) развернутому толкованию значения, 2) отсутствию указаний на соответственный эквивалент, 3) ограниченному ареалу. Остановимся на наиболее типичных явлениях, обусловивших существование названных различий.

В предметно-бытовой лексике наличие противопоставленных различий, как правило, имеет внеязыковую обусловленность: эти различия создают номинации локальных реалий ('посуда для блинов' — *бли́нница*, 'род пиалы' — *белу́шка*, 'навес для лошадей' — *ара́м*). Внеязыковую обусловленность имеют непротивопоставленные различия в производственно-промысловой лексике. Их, например, составляют многие термины кедрового промысла, локализованные в говорах сел, расположенных вблизи от кедровых лесов, многие термины рыбного промысла, сконцентрированные в говорах приречных сел ('рыбозаградительное сооружение' — *ата́рма; багри́ть, вы́неводить* и др.). Та же внеязыковая обусловленность характеризует существование непротивопоставленных слов в лексике природы, например, *а́дина* 'топкое место', *голе́я* 'безлесное болотистое место', *а́нга*, 'старое русло реки' и под.

Значительное число непротивопоставленных различий связано с детализацией названий, явлением, широко известным различным терминологическим комплексам: в лексике охоты — *лисова́ть* 'охотиться на лис', *белкова́ть* 'охотиться на белок', соответственно — *лосева́ть, соболева́ть, козова́ть, гусева́ть и* т. д.; в лексике рыбного промысла — *окунева́ть* 'ловить окуня', соответственно — *карасева́ть, щу́чить*; в лексике лесного дела имеется большое количество слов, обозначающих различные участки леса — *со́гра* 'чаща леса на заболоченном месте', *урма́н* 'тайга, хвойный лес', *болотня́к* 'лес на болоте', *карга́зник* 'низкорослый лес на болоте', *бель* 'березник, выросший на выгоревшем месте' и т. д.

Существование в говорах других слов, составляющих непротивопоставленные различия, трудно объяснить воздействием внеязыковой сферы, поскольку такие лексические единицы обозначают повсеместно распространенные реалии и соответствующие понятия о них известны всем (или почти всем) носителям диалектов. В говорах Средней Оби такие различия составляют лексы: *блезйрничать* 'поступать неискренне, притворяться', *веснодѐльный* 'заготовленный весной', *двухручный* 'с двумя ручками', *голоуший* 'с открытыми ушами', *водноря́дку* 'в один ряд', *весновáть* 'проводить весну', *летовáть* 'проводить лето', *годовáть* 'проводить год', *двухскáтка* 'двухскатная крыша; *бáнник* 'по народным поверьям, нечистая сила в бане', *втюмиться* 'прийти в голову', *защуговать* 'загромоздить шугой', *астрономничать* 'наблюдать за звездами', *бáниться* 'мыться в бане', *берёзовка* 'сок березы', *восьмизу́бка* 'корова с восемью зубами', *выпасти* 'выкормить скот пастьбою', *выстеклить* 'выставить оконную раму' и др. Среди таких слов заметное место занимают слова, эмоционально окрашенные: *абыз* 'сердитый человек', *барма* 'неясно говорящий человек', *бельмѐс* 'неграмотный, необразованный человек', *беспелю́ха* 'бестолковый человек, ничего не умеющий делать, неряха', *дикуша* 'слабоумный, неразвитый человек', *досáдник* 'о человеке, причиняющем неприятности, упрямом, надоедливом', *вóшкаться* 'продолжительно заниматься чем-либо', *ботйнчишки* 'уничижительное к ботинки' и под.

Возникновение таких непротивопоставленных единиц, очевидно, можно объяснить языковыми тенденциями — к лаконизму, к экспрессивности и некоторыми другими.

Бóльшую часть различий в лексике среднеобских говоров составляют различия противопоставленные (75,7%). Причем, ведущими среди них являются вариантные различия (Б II), основанные на противопоставлении вариантов одного и того же слова (56,3%)[35], что,

---

[35] См.: Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975, с. 91—147. Редактор «Введения...» и настоящей книги не разделяет эту точку зрения и считает однокориевые лексические единицы с невариантными словообразовательными аффиксами (типа *косельщик-покосчик, вдовой-ивдовец* и т. п.) отдельными словами. При таком подходе процентное соот-

составляя различие, служит еще одним ярким доказательством типологического единства среднеобских старожильческих говоров. На долю собственно лексических различий — противопоставлений разных слов — приходится меньший процент (19,4 %).

В первом томе «Словаря русских старожильческих говоров...» ряды вариантных (формальных и семантических) и собственно лексических параллелей (дублетных и омонимических) имеют соотношение 581 : 245 (эта цифра относительна, поскольку есть смешанные ряды параллелей), которое показывает превалирование противопоставлений вариантов одного и того же слова над противопоставлениями разных, отдельных слов, что является материалом, цементирующим типологическое единство среднеобских говоров.

Преобладающее большинство вариантных противопоставлений в лексике говоров Среднего Приобья отражено в среднеобских областных дифференциальных словарях и публикациях томских диалектологов. Счет вариантно противопоставленной лексике в среднеобских словарях открывают пары: *аверья́новка* (Том. Зыр. Пер.) — *верья́новка* (Том. В.-Кет. Мох.) 'валерьяновые капли', *ада́* (Том. Туг. Маз.) — *айда́* (Том.: В.-Кет. Колп. Крив. Пар. Том. Туг.) 'идем, пойдем', *а́жно* (Том.: Карг. Пар.) — *и́жно* Том.: Ас. Крив.) 'даже' и *ажно* 'даже' (Том.: Карг. Мол. Пар. Шег.; Кем.: Юрг.) — *а́жно* 'так что' (Том.: Зыр. Туг.) и др.

Но бинарность не является исключительной чертой вариантных противопоставлений исследуемого диалектного массива: немало рядов вариантных параллелей трехчленных и многочленных. Например, *амба́ришка* (Том.: Пар. Нест.) — *амбару́шка* (Том.: В.-Кет. Крив. Туг.) — *анба́ришка* (Том.: Кож. Пар.) — *анбару́шки* (Том.: Колп. Том.; Кем.: Кем. Яшк.), *аржане́ц* (Том.: Мол. Том.; Кем.: Мар. Топк. Орг.) — *аржани́к* (Том.: Колп. Туг. Шег.) — *аржани́ка* (Том. Пар. Тал.) 'пырей ползучий', *аржани́ще* (Том.: Кож. Тег.) — *иржани́ще* и *ржани́ще* (Том. Туг. Тур.) — *ржи́ще* (Том.: Ас. Зыр. Крив. Том. Шег) 'поле, с которого убрана рожь' и т. д.

Вариантные противопоставления пронизывают все изученные ТГ среднеобских говоров. Они свойственны

ношение вариантных и собственно лексических различий будет иным.

предметно-бытовой лексике: *квашѐнник* (Том.: Ас. Зыр. Крив. Том.; Кем.: Лен.-Куз. Мар.) — *квашѐнник* (Том.: Колп. Крив.) — *наквашѐнник* (Кем.: Мар. Яшк.) — *наквашѐнница* (Том. Зыр. Пер.) 'крышка у квашни', *сѐльница* (Том.: Ас. Зыр. Кож. и др.) — *сѐяльница* (Том.: Том.; Кем.: Мар.) 'деревянное корыто для просеивания муки', где «количество вариантов-параллелей значительно преобладает над количеством дублетных параллелей»;[36] они составляют характерную черту почти всех групп производственно-промысловой лексики, особенно таких групп, как лексика обработки льна, прядения и ткачества: *мя̀лка* (Том.: Ас. Зыр. Колп. Мол. Тег. Том. Туг. Шег.) — *мя̀льница* (Том.: В.-Кет.) 'орудие для мятья льна', *ска̀льня* (Том.: Том. Туг.; Кем.: Мар.) — *ска̀льно* (Том.: Том. Шег.; Кем.: Лен.-Куз.) — *ска̀льница* (Том. В.-Кет. Мох.) — *ска̀ла* (Том.: Карг. Колп.) — *сука̀ло* (Том. Шег. Марк.) 'орудие обработки пряжи'; сельскохозяйственная лексика: *двоерѐжки* (Том.: Зыр. Том.) — *двухрѐжки* (Том. Колп. Чал.) 'вилы с двумя рогами', *стожара̀* (Том.: Ас. Зыр. Том.) — *стожа̀ры* (Том. Том. Губ.) 'колья, на которые мечут стог'; вариантные различия широко известны лексике природы[37].

Из видов вариантных параллелей-противопоставлений ведущая роль принадлежит лексико-семантическим (Б II I) и лексико-морфологическим (Б II I б β), что соответствует большему удельному весу названных видов вариантных единиц в системе отдельных говоров.

Существование вариантных противопоставлений в говорах средней Оби также имеет свою обусловленность, связанную с совокупностью факторов и причин, приводящих к возникновению вариантности слова в диалектах[38]. Особая роль в возникновении вариантных различий исследуемых говоров принадлежит разнодиалектной базе, на основе которой сложились современные среднеобские говоры.

---

[36] Иванова Ф. П. Предметно-бытовая лексика русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дис. ...канд. филол. наук, с. 307.

[37] Тюрина Р. Я. Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья: Автореф. дис. ...канд. филол. наук, с. 10—11.

[38] Подробнее см.: Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию, с. 100—147.

Соотносительность определенных суффиксов в составе вариантных образований, как свидетельствует материал русских говоров, может служить одним из типологических признаков диалектных групп. Например, названия совокупного множества деревьев с суф. *-няг/-няк* характерны для западных среднерусских говоров, с суф. *-нюг/-нюк* — для гдовских и псковских говоров [39], с суффиксами *-ник/-няк/-овник/ичник/ач* (ср.: *осинник, сосняк, кедровник, кедрач* и т. п.) — для среднеобских говоров. Такую же типологическую черту составляют названия ягод.

Собственно лексические различия говоров Среднего Приобья, как отмечалось, в системе других различий занимают последнее место по количественному показателю и первое — по качественному: именно они выполняют дифференцирующую функцию, разъединяя и одновременно группируя старожильческие говоры исследуемого региона.

Среди собственно лексических противопоставлений — дублетных и омонимических — центральное место занимают дублетные противопоставления: соотношение рядов дублетных противопоставлений и рядов противопоставленных омонимов (по данным «Среднеобского словаря, т. 1) равно 223 : 22, что соответственно составляет 91 и 9%. Как те, так и другие противопоставленные различия являются или двучленными (*братанья,* 'двоюродная сестра': *сестренница; приставить* 'поставить варить': *приставить* 'представить в невыгодном свете'), или многочленными (*бот* 'приспособление для рыбной ловли': *пушкарка; фуркало; бот* 'ботва': *бот* 'приспособление для рыбной ловли': *бот* 'колокольчик, привязываемый на шею пасущихся лошадей, коров': *бот* 'колотушка — орудие кедрового промысла') и имеют разную обусловленность в среднеобских говорах. Так, существование омонимических параллелей связано с разнодиалектной базой исследуемых говоров: *голица* 'вид рукавицы' (Волог., Новг., Перм., Курск., Орл., Вят., Костр., Яросл., Влад., Твер., Пенз., Сарат. и др.) — по данным

---

[39] См.: Азарх Ю. С. О картографировании словообразовательной структуры лексико-семантических групп (на материале диалектологического атласа русского языка). — В кн.: Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Ужгород, 25—28 сентября 1973 г. Тезисы докладов. М., 1973, с. 181.

«Словаря русских народных говоров»; *голйца* 'лыжа, не обитая мехом' (Перм., Арх., Волог.)—по даниым того же источника; *стень* 'полотно сети' (Перм.), *стень* 'тень' (Нижег., Тамб., Тобол.) — по данным словаря В. Даля и «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852), с различными процессами, приводящими к возникновению омонимов в отдельных говорах Среднего Приобья, — лексическими (*ключ* у замка и *ключ* 'родник', заимствованное говорами из литературного языка, *байдон* 'орудие кедрового промысла' и *байдон* 'большой поплавок у сети', заимствованные разными говорами из местных тюркских наречий (С. И. Ольгович), словообразовательными (*поярка* 'поярок' и *поярка* 'женщина, которая поит скот', *задолжать* 'взять в долг у кого-либо, и *задолжать* 'затянуться (о времени действия чего-либо)', *зардститься* 'зарасти чем-нибудь' и *зардститься* 'начать «роститься» — кудахтать'), фонетическими (*дуплянка* 'рукавица из дубленой кожи' и *дуплянка* 'выдолбленный улей' (от *дупло*), *берлинка* 'сорт картофеля берлихинген' и *берлинка* 'кокетка у кофты' (от *перелинка*), *прибрести* 'прийти, двигаясь медленно, не торопясь' и *прибрести* 'приобрести').

Разная обусловленность характеризует и возникновение дублетов-параллелей. Несомненно, что многие ряды дублетных параллелей, как и омонимических, были унаследованы среднеобскими говорами от первичных, материнских говоров, на базе которых они сложились. Так, к различным говорам северного (преимущественно) наречия, среднерусским и (исключительно редко) южным говорам как источнику восходят многочисленные дублетные соответствия среднеобских говоров. В их числе: *стожера* 'колья, на которые мечут сено' (Олон., Арх.) — *шарсмы* (Перм.), *бастрйк* 'палка для закрепления сена на возу' (Арх., Вят., Волог., Казан., Куйб., Тамб.)—*гнёт* (Волог., Яросл., Костр., Пск., Твер., Смол., Нижегор., Пенз.), *бабка* 'малая укладка снопов в поле' (Олон., Арх., Волог., Яросл., Вят., Новг., Пск., Твер., Моск., Влад., Кур., Орл.) — *суслон* (Сев., Вост., Арх., Новг.) — по данным разных областных словарей. Определенное количество рядов (возможно, немалое) возникло в Сибири, чему могли способствовать следующие обстоятельства: новые экономические и природные условия (что породило новые занятия населения), связь с

аборигенами местного края, значительная отдаленность селений друг от друга при слаборазвитом в прошлые столетия сообщении, позднее — приток новоселов из южных областей страны и др. Например, много рядов дублетных параллелей в лексике кедрового промысла, которым переселенцы начали заниматься в Сибири. Достаточно назвать такие из них: *бидýх—боèц—колотúльщик — лазун — шишкáрь — шишкобóй...* в значении 'один из участников орехового промысла, сбивающий шишки кедровой сосны', *байдóн—бáрец—боёк—бот—водúло— — кòлотень — пóлка — прислóн — шáтня* 'орудие кедрового промысла в виде огромного молота — колотушки', *боёк—шест* 'орудие кедрового промысла для сбивания шишек', *пóдьжа — сушило* 'решето для сушки орехов', *шишковáть — орèшничать* 'заниматься сбором кедрового ореха'.

Имеются ряды дублетных параллелей и в других ТГ — рыболовецкой, лексике охоты, заготовки и сплава дров и др.

Взаимодействие среднеобских старожильческих говоров с языками местных народностей привело в словарный состав первых иноязычные термины, которые или составили дублетную параллель, или вошли в ранее образовавшийся ряд дублетных соответствий. Например, *сайп* к слову *сеть, камгá* к слову *жерлица, пóдьжа* к слову *сушило, игá* к слову *тетивá* (веревка у сети), *кондèпка* к слову *приморóзка* (колышек, вбиваемый у проруби для укрепления снастей подледного лова рыбы), *кáзара* к ряду *кедрóвка:клёвка:орèшница:рóньжа* (птица ореховка).

Слабая связь между многими старожильческими говорами Среднего Приобья, особенно в XVII—XVIII вв., благоприятствовала появлению или укреплению разрозненности в названиях реалий. Определенную роль в этом процессе сыграли разные способы номинации, связанные с разными мотивировочными признаками и мотивирующими основами. На образовании и пополнении рядов дублетных соответствий заметно сказался приток южнорусских и других переселенцев в XVIII—XIX вв., влияние говоров которых на среднеобские дало такие дублетные параллели, как: *бáрец* (Тамб.) к *байдóн — боёк — кòлотень..., большáк* (Тул., Орл., Кур.) к ряду *сошá — трахт* 'большая дорога', *душегубка* (Юж.)

к *долблёнка — облас* 'малоустойчивая долбленая лодка', *притуга* (Тамб., Ряз.) к *вётренник/ветренница* 'палка, ветка на стогу сена', *собачки* (Смол.) к *клюшки — коклюшки — колёсики...* 'блочки у ткацкого ручного станка', *стожары* (Ряз., Калинин.) к *остожье* 'изгородь вокруг стога', *тяпка* (Юж.) к *загребалка — подбивалка — тюкавка...* 'мотыга'.

Лексические параллели — яркое свидетельство территориального варьирования диалектного среднеобского словаря, обусловленного его историей, особенностями функционирования диалектных систем. Лексические параллели — свидетельство относительной самостоятельности русских говоров, их известной обособленности как результата саморазвития микросистем (ЧДС). Только этим можно объяснить такой факт: даже древние тематические комплексы, например, льнопрядильно-ткацкая терминология диалектов, содержат устойчиво сохраняющиеся в течение столетий дублетные параллели: *кросна — стан* 'ручной ткацкий станок', *воробы — размотка* 'орудие мотания пряжи', *язык — палка — било — валёк* 'подвижная часть ручной льномялки', *изгребье — счёски* 'льноволокно после чесания'.

Дублетные параллели составляют ядро лексических различий говоров Среднего Приобья.

Таким образом, как показал ареально-сопоставительный анализ, на уровне отдельного слова (ЛСВ) говоры Среднего Приобья обнаруживают как общность, так и различия — непротивопоставленные и противопоставленные.

§ 3. Общность и различия среднеобских говоров на уровне лексических парадигм

Наиболее типичной лексической парадигмой в говорах является синонимическая, и сопоставление среднеобских говоров в данном разделе будет проводиться на материале только синонимических рядов. Описать общее и отдельное в массиве говоров на уровне синонимических рядов — это значит, во-первых, описать синонимические отношения вообще (в плане парадигматики и в плане синтагматики) и указать наличие-отсутствие количественных и качественных различий того или иного синонимического ряда в разных говорах.

Синонимические отношения представлены в среднеобских говорах чрезвычайно широко как с точки зрения количества синонимических рядов, так и с точки зрения их типологического разнообразия. Описание синонимии диалектного массива, представленного отдельными говорами, объединенными в несколько групп, неизбежно предполагает разграничение синонимических рядов, свойственных отдельным говорам, от семантически соотнесенных слов, функционирующих в разных говорах (так называемых «разнодиалектных синонимов»), хотя очевидно, что «разнодиалектность» их порой ущербна, поскольку, будучи таковыми для одной пары говоров, те или иные дублеты могут сталкиваться в некотором третьем говоре, функционировать уже в речи представителей одного говорящего коллектива. Это закономерно, так как ни один из многочисленных говоров описываемого массива (за исключением говоров «умерших» в связи с ликвидацией сел, оставшихся только в записях диалектологических экспедиций) не является абсолютно замкнутой, изолированной системой. Даже не принимая во внимание общерусские слова, распространенность которых в среднеобских говорах такова, что едва ли поддается ареальному описанию, обратившись только к собственно диалектным словам, в этом можно убедиться. Рассмотрим несколько таких рядов.

Залог, заложная земля, материк, целик — 'целина'. Будучи в целом разнодиалектными, отдельные компоненты данного ряда соответствий функционируют в качестве дублетов в говорах Зырянского района, Томской области: *залог, заложная земля,* Мариинского района, Кемеровской области: *материк, целик* — «Где не пахано — это материк или целик».

Лонской, прошлогодный.

Компоненты этого ряда оказываются разнодиалектными для большинства говоров, но в ряде прикетских и нарымских говоров они сталкиваются, функционируют в качестве лексических дублетов. — Морковь, высадка лонска, прошлогодна (Том. В.-Кет. Кур).

Подобные примеры указывают на то, что для значительной части междиалектных лексических параллелей ареалы оказываются пересекающимися, и в зоне пересечения данные слова употребляются как лексические дублеты, выполняя свойственные им функции в речи диалектоносителей. Но это — частный случай синони-

мии. Типичным же оказывается многообразие типов синонимов в том или ином говоре, связанное с выполнением определенных речевых функций.

В целом типологию синонимических отношений в любом отдельно взятом говоре среднеобского массива можно представить в виде:

СИНОНИМЫ

Дублеты		Собственно синонимы			
Лексические дублеты	Функционально-лексические дублеты	Семантические синонимы	Эмоциональные синонимы	Эмоционально-экспрессивные синонимы	Экспрессивные синонимы

Лексические дублеты — слова, характеризующиеся абсолютно идентичным значением и употреблением: *мелкостенный-тонкостенный, двухпалечный-двухперстовый, гадать-ворожить, залив-заводь-заток, цыпленок-курёнок* (Том. Пар. Нар.).

Функционально-лексические дублеты — слова, имеющие идентичное значение, но по-разному функционирующие в речи носителей того или иного говора: *длиннолытый — долгоногий, помереть — кончиться — лечь к месту, грузило — кибасок — печушка, потом—после* (Том. Пар. Нар.).

Семантические синонимы — слова, имеющие в своей семантической структуре общие интегральные элементы значения (ИЭЗ) и различающиеся дифференциальными элементами значения (ДЭЗ): *покляпый : наклонный, встать : подняться : соскочить, стоймя : торчком* (Том. Пар. Нар.).

Экспрессивные синонимы — слова, семантические различия которых лежат в степени проявления признака: *голодный:сухущий, разговористый:моторный, много : навалом, выпить : дорбалызнуть : хлобыстнуть* (Том. Пар. Нар.).

Эмоциональные синонимы — слова, семантические различия которых связаны с выражением оценки описываемого явления в одном из них через отношение к нему говорящих: *негодявый = плохой:падлый, несручный — неудобный:лешенский, нареветь:нахамкать, ругаться:лаяться, голова:башка* (Том. Пар. Нар.)

Эмоционально-экспрессивные синонимы — слова, в семантике которых сочетается одновре-

менно и градация признака (объективный момент) и эмоциональная окраска (субъективный момент), являющиеся средством дифференциации в пределах синонимического ряда: *ворчежливый-бунчливый: сверливый : собачливый, ударить : вдубасить : огреть : садануть : :стукнуть:хряпнуть* (Том. Пар. Нар.).

На основе ИЭЗ слова объединяются в синонимические ряды, которые в количественном отношении бывают простыми (двучленными) и сложными (многочленными; неоднородное и качественное наполнение синонимических рядов. В зависимости от того, какие типы синонимов составляют тот или иной ряд, определяется и тип этого ряда.

Дублетные ряды. В их состав входят лексические и функционально-лексические дублеты; количество членов — не менее двух: *говяжий=коровий=скотский, свиной=чушечный, сродный=двоюродный, сейчас=теперь, разно=всяко, везде=скрозь, говеть=постовать, гасить=тушить, боров=хряк, загнетка=горнушка, башлык=наголовник.*

Дублетно-синомические ряды имеют в своем составе не менее трех компонентов, из которых два находятся между собой в дублетных отношениях, остальные позиции занимаются синонимами разных типов: *лонишний=прошлогодный: летошный, голенастый—жаровый: высокий, голодный=неемый: сухущий, всегда—сроду:вечно:испокон:исстари, встать—подняться:соскочить, вошкаться=порхаться:копаться.*

Синонимические ряды включают в свой состав различные типы синонимов, количество членов — не менее двух: *покляпый:наклонный, восходный:морозный, густой: нагребистый:прихватистый, много:навалом, стоймя:торчком, окружить:облепить, пахнуть:вонять, пожениться:сойтись, порвать:изодрать.*

Данная типология может быть представлена в виде:

Дублетные ряды	Дублетно-синонимические ряды	Синонимические ряды

Обращает на себя внимание тот факт, что один и тот же синонимический ряд может быть представлен в говорах среднеобского диалекта разным набором синонимов. Например, в вершининском говоре, относящем-

ся к томской группе говоров, известен синонимический ряд *блезирный, неискренний,* которому в нарымском говоре соответствует ряд *блезирный, двоедушный, сплётливый;* отмеченный в нарымском говоре ряд *избяной, комнатный* представлен в вершининском говоре компонентами *домашний, комнатный;* синонимический ряд *сохранять, состерегать,* отмеченный в говоре с. Нагорный Иштан, Томского района, Томской области, в нарымском говоре представлен рядом общерусских слов *стеречь, сторожить, караулить, охранять.*

Семантические отношения компонентов одного и того же ряда часто бывают неидентичны в разных говорах. Так, в томском говоре синонимы *ворчежливый : собачливый* различаются только по степени признака, а в нарымском говоре, входя в синонимический ряд *бунчливый = ворчежливый:свёрливый:собачливый,* различаются ДЭЗ 'склонный к брани'. — «Муж у ней собачливый, шибко ругательный, совсем жизни не даёт, за каждую копейку спросит. Собачливый человек, ну дак это бранится ли часто как собака, дак».

Семантические отношения компонентов синонимических рядов во многих случаях сопровождаются функциональными различиями, под которыми понимаются, во-первых, различия в сочетаемости, во-вторых, способность к выполнению определенных функций в речи носителей говоров. Функциональные различия и первого, и второго порядка могут быть определены только для каждого взятого отдельно говора, причем приоритет принадлежит, безусловно, сочетаемости, поскольку именно от ее характера зависит способность синонимов к выполнению тех или иных типологически свойственных им функций. Пусть А и Б — синонимы. При этом А выступает в сочетании с группами слов а, б, в, г, д, тогда как Б — только с группами слов а, б, в; в этом случае выполнение синонимами любых функций в речи диалектоносителей возможно только в зоне совпадения сочетаемости. Реализация же других сочетаемостей (в нашем примере — г, д) и выполнение в этой зоне соответствующих синонимических функций предстает, очевидно, как одна из потенций языка.

Описываемые говоры неравномерно обследованы на предмет выявления функциональных особенностей синонимов. Но, думается, проанализированные в отдельных

говорах фигуры сочетаемости, как и функции синонимов, свойственны в основных чертах и всем остальным говорам, хотя очевидно, что оба параметра функционирования могут быть предметом исследования при выявлении диалектных различий.

Сочетаемость синонимов

Компоненты синонимических рядов могут иметь полное совпадение сочетаемости и частичное. Полное совпадение сочетаемости имеем в том случае, если два или несколько синонимов способны выступать в сочетании со словами, входящими в одно множество. Например, в нарымском говоре полным совпадением сочетаемости характеризуются компоненты следующих рядов: *худоязыкий, картавый; веселый, зубомыватый,* которые сочетаются только с существительными одушевленными личными; *завертóй, задиристый,* сочетающиеся с одушевленными существительными; *качкий, лыймбистый,* выступающие со словами болото, место и под.; *болеть, хворать*+туберкулезом, костями, долго, давно, вчера; *безделить, тунеядничать*+день, неделя, месяц, все время и под.; *коса, литовка*+острая, легкая, точить, отбивать, косить.

В вершининском говоре также полным совпадением сочетаемости характеризуются синонимы следующих рядов: *таýр, тюнéк, котéц* 'плетеная из прутьев рыбозаградительная стенка с узким горлом', которые функционируют со словами плести, сплести, ставить, проверить и под.; *смирный, спокойный*+существительные одушевленные; *местный, здешний*+говор, человек, выговор и т. д.

В говоре с. Нагорный Иштан, Томского района, Томской области полностью совпадает сочетаемость синонимов следующих рядов: *ругать, бранить; наесться, налопаться; убить, прикончить, ухлопать; наречь, окрестить* и др.

Неполное совпадение сочетаемости возможно двух видов: а) включение сочетаемости, когда один из синонимов отмечен не только со словами, с которыми отмечен и второй синоним, но и с рядом других; б) пересечение сочетаемости (встречается редко),

когда два или несколько синонимов регулярно сочетаются с одними и теми же словами, но при этом каждый из них сочетается и с такими словами, с которыми другой синоним не функционирует.

Включением сочетаемости, например, характеризуются следующие синонимы нарымского говора: *наклонный, покляпый,* из которых второй сочетается только со словами дерево, лесина, ствол; *морозный, восходный,* где *восходный* отмечено только со словом погода; *баловаться, фулюганить,* где последний компонент ряда сочетается только с именами лиц. В вершининском говоре включением сочетаемости характеризуются ряды: *полный, загузистый; богатый, рясный; пятнистый, пеганый,* где более узкая сочетаемость соответствует второму компоненту ряда. В говоре д. Трубачево, Шегарского района, Томской области включением сочетаемости характеризуются синонимы *пурхаться, вошкаться;* в говоре д. Нестерово, Парабельского района — *навозный, назёмный* и т. д.

Пересечение сочетаемости отмечено в немногих синонимических рядах. В нарымском говоре и в ряде других северных говоров это синонимы *материчный, лесной,* где первый компонент ряда сочетается со словами лес, место, а второй — со словами кустарник, место, поляна и под.; *барахляный, бедный, маломальный, плохонький, завалящий,* в котором все синонимы сочетаются с существительными неодушевленными конкретными, первый синоним — также с одушевленными, а *плохонький* — с некоторыми отвлеченными (подмога).

Функции синонимов. Разным типам синонимов (дублетам, относительным, эмоционально-экспрессивным) соответствуют разные функции в речи носителей говоров: для дублетов характерно прежде всего употребление в целях языкового перевода и для устранения монотонности речи (без семантического изменения высказывания);для синонимов относительных свойственно употребление в функции уточнения, конкретизации; синонимы эмоционально-экспрессивные употребляются в коннотативной функции и уточнительной. Выполнением этих функций и оправдано существование в говорах разных типов синонимов: все они необходимы в том или ином коммуникативном акте, выход в речь

синонимов того или иного типа зависит от конкретных целей высказывания.

Пусть А и Б — синонимы, а=ИЭЗ, б=ДЭЗ, тогда основные функции синонимов схематично могут быть представлены в следующем виде:

Замещение: А(а) . . . . . Б(а)

Перевод: А(а) . . . . . Б(а)

Уточнение: А(а) . . . . . Б(а+б)

Коннотация: А (нейтр.) . Б(возв., сниж., и т. д.).

Эти функции типичны для синонимов во всех описываемых говорах.

Так, замещение (без изменения семантики в разных фрагментах высказывания) отмечено в следующих контекстах: Вот *плету* носки, варежки. Бывает, рисунчатые варежки *вяжут* (Том. Пар. Нар.). Мы так далёко уйдём и *закружимся*. А наш сосед, здешний, тоже *заблудился* (Том. Пар. Нар.). Невод бывает *тонкостенный*, а стени́стый — от шести и выше, это называется стенистый, а *мелкостенный* — от полтора до шести, и сеть тоже. А сеть может и полтора. Он поставил — до́был меньше, я — больше. У него сеть-то *мелкостенная* (Том. Пар. Нар.). А выкапывают её (картошку) *копалкой*, кто ещё чем, а мы сразу *царапу́лькой* (Том. Пар. Нар). На озе́рьях она *задыхат* эта рыба, *пропадает*. Летом ничего, а зимой она *задыхат* (Том. Крив. Каз.) и т. д. Эти и другие подобные им контексты показывают, что диалектоносители стремятся разнообразить свою речь введением то одного, то другого дублета, не изменяя при этом семантики высказывания.

Типичной для дублетов оказывается и функция языкового перевода, когда семантика одного трактуется посредством отнесения к семантике другого, по мнению говорящего, более понятного для слушающего слова: *Длиннолытый* — это *долгоногий* (Том. Пар. Нар.). *Полуденный* ветер — это *южный ветер* (Том. Пар. Нар.). Куры не садятся у нас, не *заквыкали* ещё не *закудахтали* значит (Том. Пар. Нар.). Деревянно *ра́товище*, одинаково *пёхалище* (Том. В.-Кет. Юд.). *Сары́нишки* — это *ребятишки* (Том. Ас. Б.-Жир.). *Водовороты* — это называют *заводь* (Том. Зыр. Красн.). Которы долги, которы коротки закоски. *Закосок* ли *ручка* (Том. Верш.). В лес пойдёшь и *закружашься* — *заблудишься* (Том. Крив. Ник.). *Волосе́ц* или *волос* — такая

насекомая пакось, такой, как конский волос, только живой. Как в руку попадёт, так очень плохо. Его ещё *змеевик* зовут, или *проволочник* (Том. В.-Кет. Мох.) и т. д.

Регулярно представлены в материале по среднеобским говорам и фрагменты речи, где синонимы употреблены в функции у т о ч н е н и я. По форме эти контексты могут быть похожи на те, где происходит простое замещение, однако содержание их различно, поскольку синоним в отличие от дублета изменяет семантику высказывания, причем во многих случаях синоним с более конкретной семантикой, осложненной ДЭЗ, употребляется после синонима с обобщенным значением. Кроме того, в уточнительных контекстах могут быть употреблены не только собственно семантические синонимы, но также и характеризующиеся дополнительной эмоциональной окраской, экпрессией: Поэтому он *неартельный.* Он с тобой работает, а никак тебе не подмогает, *неартельный* человек, маленько так и лодырь, а сам себе сделат... *Нелюдимый,* не разговаривает, сидит как пень и все (Том. Пар. Нар.). А вот, говорит, *отдохнула,* своими средствами *вылечилась,* горчицей *отдохнула* (Том. Пар. Нар). Это нынешни люди стали *хлипки,* какй-то *худы, тошши, квёлы,* а раньше мужики один на медведя ходил, не боялся никого (Том. Крив. Дан.). Максим Митрич *больной* какой-то стал, *квелый,* семья малая стала. А мужик ядрёный был, нас моложе (Том. Пар. Гор.). Если шибко *смеётся,* что, говорят, хохочешь? Ну, *лыбится,* и всё (Том. Кафт.).

К о н н о т а т и в н а я (оценочная, стилистическая) функция синонимов наиболее явственно проявляется в контекстах, где носитель употребляет два или несколько синонимов, один из которых нейтрален, а второй (третий, четвертый и т. д.). экспрессивен, эмоционален, эмоционально-экспрессивен: В пасху, рождество *выпьем,* каждый *выпьет,* и опять идём в другую избу... Чтоб стаканами *хлобыстали* — не было (Том. Пар. Нар.). *Плохой, падлый* прямо парнишонка (Том. Пар. Нар.). Неделю *гуляют, бузуют* (Том. Крив. Ишт.). Наблудит или что, *варначи́на, остоло́пшина* (Том. Калт.). С Красного Яру ехала, так *му́торно* смотреть — *выдрючиваются* чё-то, *танцуют* — *противно* смотреть (Том. Крив. Ишт.).

Можно с уверенностью сказать, что за каждым определенным типом синонимов закреплены в говорах те или иные функции. И если какой-либо синонимический ряд с одним и тем же набором компонентов отмечен в разных говорах, синонимы в речи носителей этих говоров будут выполнять одни и те же типичные для них функции.

§ 4. Общность и различия среднеобских говоров на уровне фрагментов микросистем

П. Ивич, говоря о диалектных лексических различиях, отметил, что «к различиям в этой области можно подойти двояко: 1) с точки зрения отдельных лексем; 2) с точки зрения системы. Второй способ, — заключает он, — имеет несомненное преимущество»[40].

Данный аспект типологического изучения лексики народных говоров, призванный выявить особенности лексико-семантической системы сопоставляемых диалектов, мало исследован. Предложен он в конце 40-х гг. в статье Ф. П. Филина «Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов». Речь шла о «комплексных», или «структурных» диалектизмах, природа которых обусловлена «особенностями структуры лексико-семантических групп, структуры, далеко не одинаковой в разных диалектах... Одно и то же слово, общее всем говорам или большинству говоров как компонент лексико-семантической группы, может играть в различных системах неодинаковую роль. Самые отношения между словами по говорам часто отличаются друг от друга»[41]. Высказанные мысли были проиллюстрированы на материале группы слов, обозначающих жилые строения (*дом, изба, хата, халу́па, хоромы и дом, изба, жи́ра, хоромы*) в двух различных говорах — тульском (д. Селино) и валдайском (д. Ящерово).

Исследования, проведенные на материале различных лексических и лексико-семантических групп, функциони-

---

[40] Ивич П. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, с. 18.

[41] См.: Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948, кн. 1, с. 223.

рующих в говорах (имеются в виду работы Н. И. Толстого, В. Е. Гольдина, И. А. Оссовецкого, О. Н. Мораховской, Г. П. Клепиковой, Е. А. Нефедовой, Л. О. Чернейко и др.), подтвердили правильность сделанных Ф. П. Филиным выводов.

Методика типологического анализа лексики диалектов на уровне фрагментов микросистем (ЧДС) иная, нежели при рассмотрении типов лексических различий на уровне отдельного слова или на уровне лексических парадигм, хотя имеются и общие черты, например, понятия «соответственного явления», «противопоставленности-непротивопоставленности» языковых сфер. Различие же в том, что компонентами соответственного явления предстают не отдельные слова или лексические парадигмы, а различные единицы лексической системности диалекта — ЛСГ в составе тематических групп или вне их, с ориентацией на «семантическое микрополе» или вне этой ориентации, кроме того тематические или лексические блоки, представляющие собой фрагмент лексической системы говора со всеми связями и отношениями их компонентов.

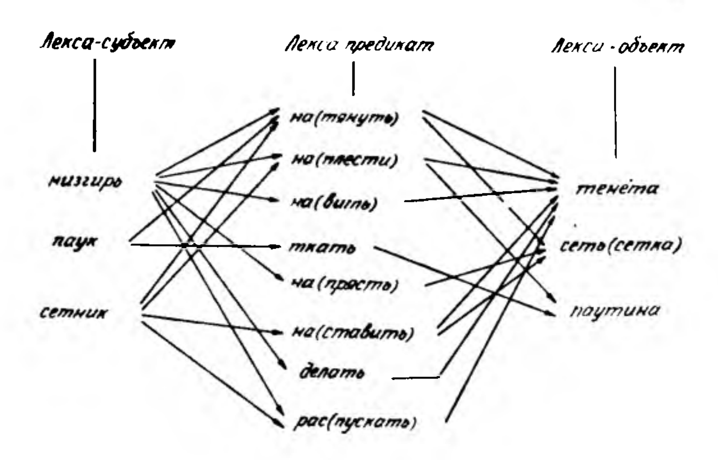
Типологическое изучение диалектной лексики на уровне фрагментов микросистем сложно, трудоемко, но плодотворно.

Лексическая типология говоров исследуемого региона на уровне фрагментов микросистем только начинает изучаться. Первый опыт такого исследования предпринят авторами настоящего раздела с использованием методики, связанной с построением модели-эталона, позволяющей вести сопоставительно-типологический анализ. Такой анализ осуществлен О. И. Блиновой на базе микроструктуры, которая в литературном языке представлена сочетанием слов *паук плетёт паутину*, Л. Г. Гынгазовой проведен анализ ЛСГ тематического комплекса «Природа», объединившего 642 слова, функционирующих в пяти говорах Колпашевского района, Томской области, расположенных в непосредственной близости друг от друга. И тот и другой результаты анализа оказались идентичными: было обнаружено неповторимое своеобразие лексической системы каждого среднеобского говора.

Как показали данные картотеки, созданной по «Программе собирания сведений для диалектологического ат-

ласа руского языка», модель-эталон *паук плетет паутину* в разных говорах Среднего Приобья реализует 24 микроструктуры: ее отличительной особенностью является вариативность всех трех ее компонентов. В предлагаемой схеме 3 отражен состав компонентов исследуемой метамодели и их лексической сочетаемости.

Схема 3



Наиболее распространенными из всех микроструктур модели являются две: *мизгирь натягивает тенёта* (Том.: Карг. Колп. Крив. Пар. Туг. Шег.) и *мизгирь плетёт тенёта* (Том.: Колп. Крив. Том. Туг.), они и цементируют общность среднеобских говоров. Отдельные ЧДС среднеобского региона в синтагматике и парадигматике по-разному реализуют модель-эталон. Так, в синтагматике говоры различаются составом компонентов анализируемой микроструктуры и их лексической сочетаемостью. — Тенёта мизгири́ плетут (Том. Губ.). Паук паутину ткёт (Том. Колп. Белояр.). Сетни́к сетку натянул (Том. В.-Кет. Кет.). Паутину вьют мизгири́ (Том. Крив. Ишт.) и т. д.

В парадигматике ЧДС различаются: а) самими лексами и их иабором. Так, в отдельных ЧДС известна одна какая-либо лекса в значении 'паутина', например, *тенёта* (Том. Верш.), *сеть* (Том. Колп. У.-Р.), *паутина* (Том. Колп. Белояр.), или две лексы — *тенёта* и *сеть* (Том. Шег. Дес.), или три лексы — *тенёта, сетка, паутина* (Том. Крив. Жук.);

б) отношениями между лексами. Так, в одних микросистемах слова с общим значением 'паутина' и 'паук' находятся в отношении дублетности: *тенёта=сеть* (Тенёта — мизгириная сеть. Том. Шег. Дес.), *паук=мизгирь* (Паук — это мизгирь. Том. М-Прот.), в других — в видовых отношениях: *тенёта—сеть* (Мизгири — сеть. Тенёта и сеть есь у него. Сеть здесь, в избе, а тенёта — в вёдрешни день на улице. Том. Пар. Нест.), *паук — мизгирь* (Мизгири. Пауки так крупны, пузаты, мизгири — мельче. Том. Шег. Дес.); в третьих — в родовидовых, например, *паук : сетник* (Паук паутину ткёт и дома и в лесу. Который в лесу ткёт, сетник называется. Том. Колп. Белояр.), *паук : мизгирь*[42] (Мизгирь — домашний паук, и наоборот), свойственна и лексам с общим значения, которая характеризует лексы с общим значением 'паук' (*сетник* — лесной паук, *мизгирь* — домашний паук, и наоборот), свойственна и лексам с общим значением 'паутина' (паутина вне дома — *сеть*, паутина в доме — *тенёта*, и наоборот).

Анализ общности и лексических различий на уровне ЛСГ в силу его сложности и трудоемкости был осуществлен не в рамках всего региона — Среднего Приобья, а в рамках говоров м а л о г о а р е а л а, принадлежащих прикетской группе среднеобского диалектного массива, — это говоры сел Колпашевского района, Томской области: Саровка, Баранаково, Типсино, Усть-Чая и Инкино. Анализу подверглись 26 ЛСГ, которые можно представить как подгруппы, входящие в тематическое единство «Природа». Это подгруппа «Климатические и атмосферные явления» ЛСГ: «Названия погоды», «Названия ветра», «Названия снега», «Названия дождя», «Названия росы», «Названия осадков в виде снегообразных кристаллов», «Названия наметенной ветром массы снега», «Названия льда», «Названия льдин», «Названия разлива реки»; подгруппа «Водные источники» ЛСГ: «Названия естественного водного потока», «Названия озера», «Названия водоемов», «Названия ответ-

[42] При графическом изображении видов системных отношений здесь и далее используются следующие знаки: ⊥ — отношения семантического противопоставления, = — синонимические и дублетные отношения; : — родовидовые отношения, — — видовидовые отношения, /—отношения варьирования.

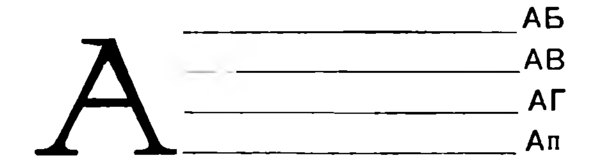
влений от основного русла реки», «Названия обратного течения реки», «Названия изгиба реки»; подгруппа «Рельеф» ЛСГ: «Названия берега», «Названия острова», «Названия полуострова», «Названия болота», «Названия места на болоте», «Названия низменных заболоченных мест», «Названия низин», «Названия возвышенности».

Рассмотрение лексического материала, представленного 10 тыс. контекстов, осуществлялось в три этапа: I этап — установление лексического значения слов в каждой ЧДС, II этап — установление семемно-лексемного состава ЛСГ в каждой ЧДС, III этап — сопоставительный анализ ЛСГ каждой ЧДС с целью установления общности и различий данных говоров в плане содержания и в плане выражения.

Наблюдения показали, что семантически лексика природы организована по принципу подчинения видовых семем родовой и семантического взаимодействия видовых компонентов между собой. Это дало основание выделить группы сопоставляемого материала на основе общности лексического значения слов, которая реализовалась в единой для каждого компонента ЛСГ категориально-лексической семе.

Анализ компонентов ЛСГ обнаружил различие их структур, что определяется несколькими факторами:

1) наличием или отсутствием лексически выраженного родового компонента, равного по значению категориально-лексической семе и привативно связанного со всеми остальными компонентами группы. Наличие такого компонента определяет структуру первого типа



А — категориально-лексическая сема, Б, В, Г — видовые семы. Например, в ЛСГ «Названия снега» в качестве опорного выступает слово *снег*, значение которого равно категориально-лексической семе. Родовое слово вступает в привативную оппозицию (отношения вклю-

чения) с каждым видовым названием (*кича, чильга, крупа, пахта, талиба, подлип, перенов, чир, чарым, канасок* и пр.), его значение состоит из общей части ('снег') и дифференцирующей, в которой актуализуются семы, конкретизирующие общую семантику опорного слова по разным параметрам: качеству, размеру, толщине слоя и т. д. (табл. 2).

Структуры второго типа образуют ЛСГ, смысловым стержнем которых является категориально-лексическая сема, нематериализованная в самостоятельной лексической единице. Родовой компонент имплицитно присутствует в качестве интегральной семы в значении каждого слова наряду с дифференциальным признаком. Эксплицитно родовой компонент может быть представлен только на уровне словосочетания. Компоненты ЛСГ в структурах второго типа вступают друг с другом в эквиполентные оппозиции (отношения пересечения):

АБ / АВ / АГ / Ап

Примером структуры второго типа служит ЛСГ «Названия атмосферных осадков, состоящих из снегообразных кристаллов». Категориально-лексическая сема 'осадки в виде снегообразных кристаллов' получает свое уточнение по различным признакам в словах *иней (иня), куржак, кухта:* по временному (семы 'зимой' — 'осенью'), по месту образования (семы 'на поверхности земли' — 'в местах перепада температуры'), по толщине слоя (семы 'толстым слоем' — 'тонким слоем');

2) структуру ЛСГ определяет функциональная значимость сем в составе семемы. Обычно категориально-лексическая сема выполняет функцию интегральной, все остальные выступают как дифференциальные. Однако повторяемость одних и тех же дифференциальных сем в нескольких семемах позволяет воспринимать их в качестве интегральных, и в этом случае структура ЛСГ осложняется наличием внутри нее подгрупп, в которых слова объединены не только категориальной семой, но и одной и той же общей для них дифференциальной семой. Например, в ЛСГ «Названия снега» в результате повторяемости сем 'идущий', 'лежащий', 'верхний слой, замороженный после оттепели', а также нерелевантности деления на 'лежащий' — 'идущий' в структуре ЛСГ

вычленяются соответствующие подгруппы со своим набором оппозиций;

3) самым значимым фактором, определяющим структуру ЛСГ и соответственно лексико-семантические различия, является характер и способы членения внеязыковой действительности языковыми средствами. Одинаковая или различная степень расчлененности семантического пространства в конкретных ЧДС — одна из самых важных типологических характеристик при сопоставлении фрагментов микросистем, так как определяет различия как плана содержания, так и плана выражения.

Например, в ЛСГ «Названия льдин» семантическое поле 'льдина' представлено в различных говорах полями с разной степенью членимости: микросистемы с максимальной расчлененностью семантического пространства (8) противостоят микросистемам, для которых релеван-

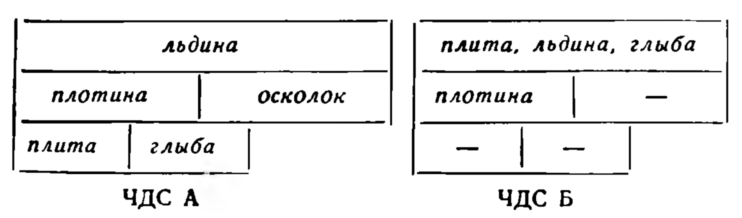
'льдина'		
'большая льдина'		'маленькая льдина'
'большая ровная льдина'	'большая неровная льдина'	

ЧДС А

'льдина'	
'большая льдина'	—
— —	

ЧДС Б

Различия плана содержания в данном случае обусловливают различия плана выражения.



тно минимальное количество семем (3), причем характер членимости специфичен в каждой ЧДС. В результате один говор актуализует признаки 'большая—маленькая', 'большая ровная — большая неровная'; для

другого релевантно вычленение родового понятия и понятия большой льдины (ЛСГ «Названия льдин» в исследуемых говорах характеризуются несколькими типами структур. Здесь представлены полярные по количеству компонентов).

Таким образом, названные выше факторы, обусловливающие разную структуру ЛСГ ЧДС, составляют типологические признаки сопоставляемых микросистем.

Системные связи слова, входящего в определенную ЛСГ, могут не ограничиваться рамками ЛСГ в том случае, если лексико-семантические варианты, составляющие структуры слова как основной единицы, относятся к разным понятийным сферам. Способность слова как элементарной единицы вступать в отношения лексико-семантического варьирования, выходя за пределы ЛСГ, также является типологической характеристикой, предполагающей различия на лексико-семантическом уровне, и, следовательно, требует сопоставительного анализа материала с этой точки зрения. Такой анализ представляется значимым, потому что позволяет проследить связи, устанавливающиеся между фрагментами языковой системы и демонстрирующие ее многомерность.

Ниже представлены результаты ареально-сопоставительного анализа фрагментов микросистем на уровне ЛСГ пяти говоров прикетской группы среднеобского диалекта.

ЛСГ «НАЗВАНИЯ ВЕТРА»

Семантическим ядром, или опорным словом ЛСГ «Названия ветра» является слово *ветер* 'движение потока воздуха в горизонтальном направлении'. Вместе с тем ряд компонентов актуализует в своем значении сему 'снег', конкурирующую с семой 'ветер' в ее ядерной функции. Толкование лексического значения таких слов, как *буран, метель, пурга, вьюга* и под. позволяет в качестве категориально-лексической вычленить как ту, так и другую сему, причем обе они, относясь к разным понятийным сферам, находятся на одном уровне обобщения (объем элементов, объединяемых одной, не включает объем элементов другой). В самом деле, буран — это 'снегопад, сопровождаемый сильным ветром' или

'сильный ветер, сопровождаемый снегопадом'? Хотя контексты позволяют толковать анализируемые единицы двояко, мы сочли возможным ввести их в состав ЛСГ «Названия ветра», опираясь на их парадигматические связи с другими компонентами ЛСГ, например, установление видовидовых отношений между словами *буран* и *хйуз* или отношений семантического противопоставления слов *вьюга* и *вйхорь* позволяет рассматривать их в пределах данной семантической общности.

Анализ ЛСГ затрудняется также большой степенью диффузности многих ее компонентов не только на уровне макросистемы, но и в границах конкретной ЧДС. Например, слово *хйуз* в говоре с. Инкино отмечено в нескольких значениях: 'холодный зимний ветер со снегом', 'холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом', 'северный ветер со снегом'. В этом и подобных случаях основанием для определения типизированного значения явилась частотность употребления семемы. За основу бралось значение с максимальным количеством случаев актуализации. Если количественные расхождения оказывались незначительными, в состав ЛСГ вводились обе семемы. Так, говоры сел Типсино и Инкино в пределах ЛСГ «Названия ветра» располагают двумя близкими значениями: 'ветер' и 'сильный ветер'.

Круг признаков, задающих различные аспекты уточнения категориально-лексической семы 'ветер', достаточно широк и включает характеристики по направлению, силе, качеству (качественные характеристики также разнообразны), времени, продолжительности, по наличию — отсутствию сопутствующих факторов и т. п.

Семемно-лексемный состав ЛСГ:

1. 'Ветер': *ветер, погода.*
2. 'Сильный ветер': *погода.*
3. 'Северный ветер, несущий холод': *сйвер, сиверйна.*
4. 'Южный ветер, несущий ненастье': *пóлдень, полудённый ветер.*
5. 'Резкий пронизывающий ветер со снегом и дождем': *пáдера, пýдерга.*
6. 'Холодный зимний ветер со снегом': *хйуз, хйлоз.*
7. 'Холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом': *хйуз.*
8. 'Сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом': *пурга, метель, буран, буранина.*

9. 'Сильный низовой ветер, несvщий снег': *метель, пéреметель, пургá.*

10. 'Низовой ветер, несущий снег по земле': *позёмка, ползýн, ползéнь, ползунéц, поползýн.*

11. 'Сильный круговой ветер со снегом': *вьюга.*

12. 'Порывистый ветер разрушительной силы': *ураган, варган, буря.*

13. 'Кратковременный круговой ветер разрушительиой силы:' *вихорь, вихрь.*

14. 'Ветер разрушительной силы летом': *буря.*

Неодинаковое членение языковой действительности в каждой ЧДС, спроецированное на семантический уровень, обусловливает нетождественность плана содержания, а следовательно, и характер семантических отношений между компонентами ЛСГ в каждой микросистеме.

Семантическая структура ЛСГ «Названия ветра» представляет собой структуру первого типа, где родовое слово (лексема *ветер* в говоре с. Саровка, лексемы *ветер* и *погода* — во всех остальных ЧДС) соотноснмо с рядом видовых, взаимодействующих друг с другом иа основе тех илн иных дифференциальных или интегральных признаков.

Семема 'сильный ветер', манифестирующаяся лексемой *погода,* актуальна только для микросистем сел Инкино и Типсино, для остальных ЧДС она нерелевантна: лексико-семантическое варьирование слова *погода* в пределах данной ЛСГ следует квалнфицировать как явление малораспространенное.

Модель-эталон включает семантическое противопоставление по признаку 'направление ветра, вызывающее определенное состояние атмосферы': 'северный ветер, несущий холод'⊥'южный ветер, несущий ненастье'. Однако это противопоставление реализуется только в говоре с. Инкино (лексемный состав: *север⊥пóлдень=полуденный ветер*). В остальных ЧДС представлен лишь первый член оппозиции, выраженный словом *сúвер* (в саровском говоре наряду с ним функционирует слово *сиверúна*). Лексические единицы *сивер, север, полдень* в качестве основной единицы представляют собой бисемемные структуры, включающие значения 'сторона света' и 'северный (или южный) ветер', связь между которыми осознается, актуализируясь в мотивационных от-

ношениях. Специальное название *пáдера, пýдерга* имеет резкий пронизывающий ветер со снегом или дождем. Оно отмечено в микросистемах сел Саровка, Усть-Чая, Типсино. Баранаковским и инкинским говорами этот вид не вычленяется. В саровском говоре в качестве дополнительного в этой семеме отмечается признак 'продолжительный' на основании которого слово *пáдера* вступает в отношения семантического противопоставления со словом *ураган*, несущим дополнительную сему 'кратковременный'.

О диффузности семантики слова *хиуз* уже говорилось: она обусловила введение в модель двух семем, взаимоисключающихся по временному признаку, но манифестирующихся одной лексемой: *хúуз* 'холодный зимний ветер со снегом' реализуется в говорах сел Саровка (в этом говоре отмечен также вариант *хúлоз*) и Типсино, и 'холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом' реализуется в говорах сел Саровка, Баранаково, Усть-Чая и Инкино. В каждом ЧДС слово вступает в видовидовые отношения с остальными компонентами группы: различия лежат в плане содержания, не отражаясь на характере отношений.

Надо заметить, что во всех анализируемых микросистемах ярко выраженного деления по признаку 'зимний — летний' не наблюдается, больший удельный вес выпадает на долю названий зимнего ветра.

В семантической общности элементов ЛСГ, определяющейся наличием категориально-лексической семы 'ветер', прослеживаются дополнительные интегральные семы, позволяющие вычленить в составе ЛСГ подгруппы. Одна из таких сем 'снег' формирует подгруппу, включающую следующие семемы: 'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом', 'сильный низовой ветер, несущий снег', 'низовой ветер, несущий снег по земле', 'сильный круговой ветер со снегом'. Значения слов, входящих в состав подгруппы, таких как *буран, метель, вьюга, пурга,* трудно поддаются дифференциации. Только при специальной установке исследователя на выявление дифференциальных признаков (широкое использование приема эксперимента, вопросника, составленного с учетом тонких семантических различий слов) удается установить границы значения. В условиях говора наблюдается тенденция к актуализации инте-

гральных сем и стирание, растворение сем дифференциальных. Такая семантическая неустойчивость хорошо прослеживается в лексемном составе подгруппы. Например, семема 'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом' имеет в различных ЧДС самые разные средства выражения: в саровском говоре — *буран, бура́нина, пурга́*; в баранаковском — *буран, метель, вьюга, пурга; в* усть-чаинском — *буран, бура́нина*; в типсинском — *буран, вьюга, метель;* в инкинском — *буран.*

Анализ семемно-лексемного состава и характера парадигматических отношений между компонентами подгруппы в ЧДС представлен нами в плане отражения отмеченной выше тенденции: анализируются говоры с более расчлененной системой названий (4 семемы) — саровский, инкинский, затем занимающий промежуточное положение (3 семемы) — усть-чаинский и, наконец, характеризующиеся минимальной степенью дифференциации (2 семемы) — баранаковский и типсинский.

В саровском и инкинском говорах, тождественных в плане содержания, семемы 'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом' и 'сильный низовой ветер, несущий снег' противопоставляются друг другу по наличию — отсутствию двух признаков 'низовой' и 'со снегопадом': значения соотносятся как пересекающиеся.

Соотношение семем 'сильный низовой ветер, несущий снег' и 'низовой ветер, несущий снег по земле' характеризуются различием в наличии или отсутствии признаков 'сильный' и 'по земле'.

Семема 'сильный круговой ветер со снегом' актуализует в качестве различительного признак 'круговой', противопоставленный признаку 'низовой', релевантному в предыдущих двух семемах.

Характер соотношения между элементами подгруппы в саровском говоре может быть представлен следующим образом: *буран = бура́нина = пурга́ ⊥ метель = пе́реметель ⊥ позёмка = ползу́н = ползёнь = поползу́н ⊥ вьюга;* в инкинском говоре: *буран ⊥ метель = пурга ⊥ пе́реметель = позёмка ⊥ вьюга.*

В говоре с. Усть-Чая релевантно последовательное противопоставление трех семем: первая 'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом' (лек-

семы *буран, буранина*) вступает в оппозицию с семемой 'сильный низовой ветер, несущий снег' (лексемы *метель, пурга, вьюга* -- две последние малоупотребительны) по наличию — отсутствию признаков 'низовой' и 'со снегопадом'; семема 'сильный низовой ветер, несущий снег', в свою очередь, противопоставляется семеме 'низовой ветер, несущий снег по земле' (лексема *переметель*), где основой оппозиции становятся признаки 'сильный' и 'по земле' и их отсутствие: *буран=буранина⊥метель=пурга=вьюга⊥переметель.*

В баранаковском и типсинском говорах степень семантической дифференциации в анализируемой подгруппе минимальна и выражается в сотношении двух семем: 'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом' (лексемы *буран, метель, вьюга, пурга*) и 'низовой ветер, несущий снег по земле' (лексема *переметель*). Различия в данном случае лежат в плане выражения первой семемы, которая в баранаковском говоре манифестируется лексемами *буран, метель*, а в типсинском — лексемами *буран, метель, вьюга, пурга*. Поскольку в отмеченных значениях не вычленяется признак, по которому они противопоставлены друг другу, слова соотносятся между собой как видовые названия: *буран=вьюга=метель=пурга — переметель.*

На основании дополнительного интегрального признака 'разрушительной силы' в составе ЛСГ вычленяется еще одна подгруппа, семемный состав которой 'порывистый ветер разрушительной силы', 'кратковременный круговой ветер разрушительной силы' и 'ветер разрушительной силы летом', а лексемное выражение *ураган, варган, вихрь, вихорь, буря.* В модели анализируемой подгруппы семантическое пространство членится на три семемы, в то время как в конкретных диалектных микросистемах в соотношение вступают только две, определяя тем самым семантическое своеобразие дифференциации каждой ЧДС. Абсолютно тождественные подсистемы в данном случае отсутствуют: различия лежат либо в плане содержания, либо в плане выражения, либо и в том и в другом одновременно.

Саровский говор представляет два названия: 'порывистый ветер разрушительной силы' (*ураган*) и 'кратковременный круговой ветер разрушительной силы' (*вихорь*). Признак, актуализирующий противопоставление,

— 'направление ветра'. Тот же характер членения наблюдается в говоре с. Усть-Чая. Но в первой ЧДС слово *ураган* приобретает во многих контекстах дополнительный дифференциальный признак 'кратковременный', 'который реализуется в семантическом противопоставлении со словами *падера,* приобретающим, в свою очередь, дополнительный признак 'продолжительный' (что уже отмечалось при анализе слова *пáдера*). В усть-чаинском говоре отмеченное противопоставление отсутствует.

Типсинская и баранаковская микросистемы, характеризующиеся тождественным характером членения семантического пространства, различаются средствами выражения этого членения. Семема 'порывистый ветер разрушительной силы'в баранаковском говоре манифестируется лексемами *ураган, варган,* а в типсинском говоре — лексемой *ураган.* 'Ветер разрушительной силы летом' в обоих говорах представлен словом *буря,* однако при полном семемно-лексемном тождестве различия перемещаются в план парадигматических связей, которые имеет слово в каждой ЧДС. Сема 'летом' рождает противопоставление по временному признаку, , и слово *буря* в баранаковском говоре вступает в оппозицию со словами *буран=метель,* а в типсинском — со словами *буран=метель=пурга=вьюга* (учитывая малоупотребительность таких названий, как *пурга, вьюга* в баранаковском говоре).

В говоре с. Инкина подгруппа представлена семемами 'порывистый ветер разрушительной силы' *(буря, ураган)* и 'кратковременный ветер разрушительной силы' *(вихрь).* Слово *вихрь* приобретает в ряде контекстов дополнительный временной признак, вступая в оппозицию со словами *вьюга* ('зимой' — 'летом'). — Ну, вьюга — это быват сильно пойдёт погода, она прям крутит там вот как! Вихрем называют у нас. Но вьюга — зимой, а вихрь — летом.

В ЛСГ «Названия ветра» примерно треть составляют слова мотивированные, актуализующие в контекстах отношения лексической мотивации. Это лексические единицы *сúвер, север, метель, пéреметель, позёмка, ползýн, ползéнь, вьюга.* В большинстве случаев при сопоставлении мотивированных названий в каждой ЧДС обнаруживаются лексико-семантические различия, при-

чина которых лежит именно в характере мотивационных связей этих слов и в способе их мотивации. Так, межсистемные варианты *сивер/север*, тождественные в плане содержания ('северный ветер, несущий холод'), дают в конкретных ЧДС различия в плане выражения: говор с. Инкино в отличие от всех остальных актуализует название ветра *север* в силу того, что оно мотивируется общерусским словом *север* 'сторона света', а не его диалектным вариантом *си́вер*, который отмечен во всех остальных ЧДС: Называют, что северный ветер... а скажут: сёдня север. Мороз! Мороз! А ветра́ всё южный там, восточный, западный. Откуда ветер, так и назовут. Сивер — это посёлок.

Влияние фактора мотивированности на характер диалектных различий можно проследить при анализе слова *вьюга*. Отдельное название сильного кругового ветра со снегом характерно лишь для двух говоров: саровского и инкинского — для тех микросистем, в которых слово актуализует мотивационные отношения с глаголом *вить*. Во всех остальных ЧДС слово не имеет четкой семантической выраженности и характеризуется диффузностью семантики.

В итоге описания ЛСГ «Названия ветра» следует отметить при общей дробности семантического пространства разную степень его членимости в частных диалектных системах: более расчлененной системой названий располагают говоры сел Инкино и Саровка, промежуточное положение занимают усть-чаинский и тигинский говоры, менее расчлененным предстает барановский говор.

Каждая микросистема в целом не тождественна ни в плане содержания, ни в плане выражения, хотя в отдельных ее звеньях наблюдается тождество.

Структура ЛСГ в каждой микросистеме организована по I типу.

Наличие в значениях слов повторяющихся дифференциальных признаков позволяет вычленить в составе ЛСГ подгруппы, в которых компоненты связаны между собой наиболее тесно. В каждой ЧДС эти подгруппы могут различаться, во-первых, степенью наполненности, во-вторых, характером отношений между компонентами, в-третьих, лексически.

Различия в плане выражения можно квалифицировать как качественные в том случае, если одно и то же значение в разных микросистемах выражено разными лексемами, и как качественно-количественные в том случае, если это значение представлено различными наборами лексем, либо совпадающих частично, либо не совпадающих вообще. Анализируемая ЛСГ характеризуется как тождеством плана выражения, так и различиями качественно-количественного типа.

1. Тождество лексемного плана (в тех микросистемах, где вычленяется соответствующая семема): 'резкий ветер со снегом или дождем': *падера* (Сар., У.-Ч., Типс.); 'холодный зимний ветер со снегом': *хи́уз* (Сар., Типс.); 'холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом': *хи́уз* (У.-Ч., Инк.); 'кратковременный ветер разрушительной силы': *ви́хорь* (Сар., У.-Ч., Инк.); 'ветер разрушительной силы летом': *буря* (Бар., Типс.).

2. Качественно-количественный характер различий лексемного состава: 'низовой ветер, несущий снег по земле':

Сар.	Бар.	У.-Ч.	Типс.	Инк.
позёмка	*пе́реметель*	*пе́реметель*	*пе́реметель*	*пе́реметель*
ползу́н				*позёмка*
поползу́н				
ползе́нь				

'сильный зимний ветер, сопровождаемый обильным снегопадом':

Сар.	Бар.	У.-Ч.	Типс.	Инк.
буран	*буран*	*буран*	*буран*	*буран*
бура́нина	*метель*	*бура́нина*	*вьюга*	
пурга		*метель*		
		пурга		

Качественно-количественные различия в лексемном составе ЛСГ свидетельствуют о большом удельном весе характерного для говоров явления формального варьирования и абсолютной синонимии.

Ряд слов, входящих в анализируемую ЛСГ (*хи́уз, погода, си́вер, па́дера* и др.), различаются способностью вступать или не вступать в пределах одной микросистемы в отношения лексико-семантического варьирования с

Таблица 1

Названия ветра

Семема	Саровка	Барана-ково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1	2	3	4	5	6
1. 'Ветер'	ветер	ветер погода	ветер	ветер погода	ветер погода
2. 'Сильный ветер'	—	—	—	погода	погода
3. 'Северный ветер, несущий холод'	си́вер си́верина	си́вер	си́вер	си́вер	се́вер
4. 'Южный ветер, несущий ненастье'	—	—	—	—	по́лдень полуденный ветер
5. 'Резкий ветер со снегом или дождем'	падера	—	падера	падера	—
6. 'Холодный зимний ветер со снегом'	хиуз	—	—	хиуз	—
7. 'Холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом'	—	—	хи́уз	—	хи́уз
8. 'Сильный зимний ветер, сопровождающийся обильным снегопадом'	буран бура́нина пурга	буран метель	буран бура́нина	буран, вьюга, метель пурга	буран

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
9. 'Сильный низовой ветер, несущий снег'	метель пéреметель	—	метель пурга вьюга	—	метель пурга
10. 'Низовой ветер, несущий снег по земле'	поземка ползýн поползýн ползéнь	пéреметель	пéреметель	пéреметель	пéреметель поземка
11. 'Сильный круговой ветер со снегом'	вьюга	—	—	—	вьюга
12. 'Порывистый ветер разрушительной силы (кратковрем.)'	ураган	ураган варган	ураган	вихерь	буря ураган
13. 'Кратковременный круговой ветер разрушительной силы'	вйхорь	—	вйхорь	—	вйхорь
14. 'Ветер разрушительной силы летом'	—	буря	—	буря	—

компонентами, выходящими за рамки анализируемой ЛСГ (т. е. относящимися к другой предметно-понятийной сфере). Кроме того, различия создают слова, способные в границах одной ЛСГ обладать несколькими значениями, т. е. характеризующиеся многозначностью в пределах одной предметно-понятийной сферы. Для таких слов характерна диффузиость семантики как на уровне микросистемы, так н иа межсистемном уровне и тенденция к нейтрализацин в этих словах дифференциальных признаков и актуализации интегральных.

Фактором, обусловливающим лексико-семантические различия, является мотивированность. Осознание мотивировочного признака и актуализация его в отиошениях лексической мотивации оказывают непосредственное влияние иа формирование лексического значения слова: одна н та же лексическая единица на межсистемном уровне, являясь мотивированной, актуализует одно значение, немотивированной — другое.

Различия плана выражения при тождестве плана содержания могут быть связаны с тем, каким словом мотивируется данная лексическая единица (табл. 1).

ЛСГ «НАЗВАНИЯ ПОГОДЫ»

В основе данной ЛСГ лежит категориально-лексическая сема 'погода' (состояние атмосферы в данное время в данном месте). Модель-эталон лексико-семантической группы, представляющая максимальный набор единиц плана содержания и плана выражения, включает следующий состав семем и лексем:

1. 'Погода' (состояние атмосферы в данное время в даином месте): *погода, погóдье.*

1. 'Хорошая погода': *погода, погóдье.*

3. 'Плохая погода': *нéпогодь, нéкоть, непогóда, ненастье, погода.*

4. 'Ясная солнечная погода летом': *вёдро.*

5. 'Теплая погода': *теплы́нь, тёпло.*

6. 'Жаркая погода': *жар, жара, жары́нь.*

7. 'Засушливая погода': *засýха, сушь, пересýха.*

8. 'Пасмурная погода': *мóрок, хмáра, пáсмур.*

9. 'Дождливая погода': *ненастье.*

10. 'Дождливая погода в период сенокоса': *сеногной, гнилой пост.*

11. 'Холодная погода': *холодища, холодина, холод.*

12. 'Холодная погода зимой': *мороз, стужа.*

13. 'Очень холодная погода зимой': *клящий мороз, плящий мороз, студёный мороз, морозёнище.*

Каждый из пяти сопоставляемых говоров располагает дробной системой названий различных видов погоды и характеризуется аналогичным способом членения внеязыковой действительности. Различия между частными диалектными системами касаются в первую очередь плана выражения, то есть набора лексем; их дистрибуции, а также (в меньшей степени) характера семантических отношений между лексическими единицами.

Опорное слово *погода,* выражающее в основном своем значении общую семантическую идею ЛСГ, является родовым для остальных компонентов группы. Это определяет структуру семантических отношений в каждой микросистеме — реализуется структура I типа.

Семантический спектр многозначного слова *погода* весьма широк и выходит за рамки рассматриваемой ЛСГ. Часто оно актуализует в пределах одного говора взаимоисключающие дифференциальные признаки. Слово обозначает разное состояние атмосферы, а именно: общее состояние атмосферы, хорошую погоду, плохую погоду, ветер, сильный ветер (последние два значения входят в ЛСГ «Названия ветра»).

Семема 'погода' в исследуемых говорах манифестируется двумя лексемами: *погода, погóдье.* Говоры сел Саровка, Баранаково, Усть-Чая располагают одним родовым названием *погода,* в то время как в микросистемах сел Типсино и Инкино отмечены морфологические варианты: *погода, погóдье.*

Актуализация дифференциального признака 'хороший', релевантного для всех ЧДС, материально выражена следующим образом: в говорах Саровки, Типсина, Усть-Чаи, Баранакова — словом *погода* (во втором его значении), для инкинского говора характерно слово *погодье.* Мы сочли возможным говорить и об аналитическом способе выражения семемы ('хорошая погода'), так как наблюдения показали, что каждая ЧДС, кроме уже отмеченных слов, располагает атрибутивным сочетанием, характеризующимся частотностью употребления. Это говорит о постепенном стирании в слове *погода* его второго значения. Для исследуемых ЧДС характерны

различные ступени изменения семантики этого слова, проявляющего тенденцию к утрате полисемии.

План выражения семемы 'плохая погода' дает различия. В говоре с. Баранаково ее манифестирует дублетная пара *нéкоть=нéпогодь;* в саровском говоре — *нéкоть=непогода;* в никинском — *непогода=погода;* в усть-чаинском — *непогода;* в типсинском — *ненастье.* Слово ненастье на межсистемном уровне и даже в пределах типсинской ЧДС характеризуется многозначностью, обозначая 'плохую погоду' и 'дождливую погоду'. Наряду с вышеуказанными в каждой ЧДС широко отмечено атрибутивное словосочетание *плохая погода.*

Семемы 'хорошая погода', 'плохая погода', представляющие вторую ступень иерархии ЛСГ, являются родовыми по отношению к видовым названиям соответствующих видов погоды.

Языковое сознание носителей говоров соотносит с понятием «хорошая погода» семемы 'ясная солнечная погода летом', 'теплая погода', 'жаркая погода'. Понятие плохой погоды связывается с семемами 'пасмурная погода', 'дождливая погода', 'дождливая погода в период сенокоса'.

Семема 'ясная солнечная погода летом' во всех ЧДС манифестируется одинаково — лексемой *вёдро*[43]. Кроме того, отмечено широкое употребление атрибутивных словосочетаний: *ясная погода, вёдренный день, вёдрый день, вёдрешный день, ясный день.* Слово *вёдро* во всех анализируемых говорах вступает в отношения семантического противопоставления со словом *ненастье* 'дождливая погода', актуализуя при этом дифференциальные признаки 'плохой/хороший', причем семантическое противопоставление *вёдро/ненастье* гораздо более актуально, чем противопоставление общих родовых названий хорошей и плохой погоды. Очевидно, что определяющим в данном случае оказывается внеязыковой фактор: связь слов *вёдро, ненастье* с важным для диалектоносителей периодом сельскохозяйственных работ.

Семема 'теплая погода' также не дает по говорам различий ни в плане выражения, ни в плане содержания, манифестируясь лексемами *теплынь, теплинь* (Сар.),

---

[43] Ср.: слово *яснопогодье,* бытующее в прикетской и среднеобской группах говоров.

тёпло (тёпло стоит). Характеризующаяся семантической однородностью на межсистемном уровне семема 'жаркая погода' представлена в саровском говоре морфологическими вариантами *жар/жара,* в инкинском — *жар/жарынь,* в баранаковском и типсинском в этом значении отмечено слово *жар,* в усть-чаинском — *жара.* Несмотря на различия в лексемных наборах, можно констатировать достаточную близость плана выражения, так как формальные различия обусловлены тем, что один и тот же мотивировочный признак в различных ЧДС, оформляется при помощи различных словообразовательных средств.

Аналогичен характер различий плана выражения семемы 'засушливая погода': говоры сел Саровка, Типсино — лексемы *сушь, засу́ха;* с. Усть-Чая — *сушь, пересу́ха;* с. Баранаково — *сушь*; Инкино — засуха.

Семема 'пасмурная погода' в исследуемых ЧДС лексически представлена довольно однотипно: саровский говор располагает дублетной парой *мо́рок, хма́ра,* говор с. Типсино — парой *мо́рок, па́смур* (причем слова *хма́ра, па́смур* менее употребительны, чем *мо́рок*); во всех остальных микросистемах отмечено слово *мо́рок.* Кроме субстантивных названий пасмурной погоды во всех ЧДС широко функционируют атрибутивные пары, выражающие то же понятие: *пасмурная погода, хмурый/хмурный день, мо́рочный день, пасмурный день,* а также наречия *пасмурно, мо́рочно, мо́росьно.* Слово *мо́рок* входит в анализируемую ЛСГ лишь одним своим значением — 'пасмурная погода', другое — 'туча' — относится к ЛСГ «Названия туч и облаков», однако оба значения в контекстах трудноразграничнмы, что объясняется смежностью денотатов, обозначаемых ими.

Слово *мо́рок* образует словообразовательный ряд: *морочáть, заморочáть, позаморочáть.* Интересно отметить, что во всех микросистемах широко представлены слова, образованные от существительных *па́смур* и *хма́ра,* несмотря на то, что функционирование этих существительных ограничено одной ЧДС: *па́смурный, хма́рный, хму́рный, захма́реть, захму́реть, па́смурнеть* и т. д.

Актуализация дифференциальной семы 'дождь' в семеме 'дождливая погода' отграничивает ее от семемы 'пасмурная погода', хотя, как показывают контексты, границы эти весьма зыбки. Зыбкость границ, трудности

в разграничении семантических объемов характерны для анализа названий смежных денотатов. Такие названия в семантическом плане представляют собой бисемемные структуры. Примером в данном случае может служить слово *ненастье,* обозначающее название дождливой погоды и название затяжного дождя, или слово *сеногнóй,* обозначающее название дождливой погоды в период сенокоса и название затяжного прерывистого дождя в период сенокоса. На материале других ЛСГ — это *талúба* 'весенняя оттепель' и 'талый снег, образующийся в результате оттепели' и т. д. Бисемемные структуры, в которых одно из значений называет состояние атмосферы, другое — явление, определяющее это состояние, вызывающее его, — один из видов полисемии, характерный для исследуемой лексики.

Уже упоминавшаяся семема 'дождливая погода в период сенокоса' манифестируется во всех ЧДС лексемой *сеногнóй.* В говоре с. Инкино наряду с ним отмечено атрибутивное словосочетание *гнилой пост.* Слово *сеногнóй* во всех рассматриваемых микросистемах актуализует отношения лексической мотивации.

При конструировании модели-эталона ЛСГ «Названия погоды» интегральная сема 'холодный', объединяя вокруг себя ряд семем, позволила вычленить в составе ЛСГ подгруппу «Виды холодной погоды», включающую семемы 'холодная погода', 'холодная погода летом', 'холодная погода зимой', 'очень холодная погода зимой'. Однако при корректировке модели в процессе сбора материала обнаружилось отсутствие специального названия для холодной погоды летом. Родовая семема 'холодная погода' может быть представлена прежде всего категорией состояния *хóлодно* и существительным *холод.* Отмечены также менее употребительные *холодúна, холодúща.* Провести границу в определении принадлежности лексем *холодúна, холодúща* либо к родовой семеме, либо к обозначению зимней холодной погоды в ряде контекстов представляется затруднительным. Так как понятие «холод» связывается в сознании диалектоносителей преимущественно с зимним периодом, вычленяя родовую семему, мы должны отметить ее меньшую актуальность в говорах в сравнении с видовыми.

Видовая семема 'холодная погода зимой' выражается лексемами *мороз, стужа,* различаясь в конкретных

ЧДС сочетаниями этих лексем: в говорах сел Саровка, Усть-Чая, Типсино отмечена дублетная пара *мороз=стужа;* в баранаковском и инкинском говорах слово *стужа* либо отсутствует, либо квалифицируется информантами как малоупотребительиое, хотя его дериваты, например *студёный, студёно,* известны этим говорам.

Названия очень холодной погоды также дают лексические различия плана выражения. Говор с. Саровка: *кля́щий мороз, студёный мороз, морозе́нище;* с. Баранаково: *кля́щий мороз, студёный мороз,* с. Усть-Чаи: *морозе́нище;* с. Инкино: *пля́щий мороз;* с. Типсино: *кля́щий мороз, плящий мороз.* Как видим, для всех ЧДС характерно устойчивое словосочетание *кля́щий/пля́щий мороз.* Название ни в одном из говоров не мотивировано, но широко употребительно. Функционирующее в усть-чаинском говоре слово *морозе́нище* обладает дополнительиым оттенком значения 'с ветром'.В этом случае также трудно разграничиваются два значения слова 'сильиый мороз с ветром' и 'ветер'. Разграничителем становится лексическая сочетаемость каждого ЛСВ, ср. контексты: Тако́ морозе́нище стоит седня и ...задул морозе́нище.

Таким образом, ЛСГ «Названия погоды» характеризуется большой степенью членимости семантического пространства, абсолютным тождеством плана содержания. Лексические различия создает план выражения, однако и в плане выражения общность лексических средств преобладает над их различием.

Виды системных отношений между компонентами ЛСГ в пределах одной мнкросистемы: родовидовые, видовидовые, отиошения семантического протнвопоставления, вариантные, дублетные. Сопоставление характера семантических отношений, устанавливающихся между аналогичными единицами ЛСГ в разных микросистемах, позволяет констатировать почти полное тождество.

Отношеиия лексико-семаитического варьирования в границах одной микросистемы связаны только с многозначностью слова *погода*[44].

В связи с анализом типов семантических отношений, устанавливающихся между компонентами ЛСГ, представляется зиачимым наличие в ее составе лексико-се-

---

[44] См.: Тюрина Р. Я. Лексика природы... Дис. ...канд. филол наук, с. 91—92.

Таблица 2

Названия погоды

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1	2	3	4	5	6
1. 'Погода'	погода	погода	погода	погода погодье	погода погодье
2. 'Хорошая погода'	погода	погода	погода	погода	погодье
3. 'Плохая погода'	не́коть непогода	не́погодь не́коть	непогода	ненастье	не́погодь погода
4. 'Ясная солнечная погода летом'	ведро	ведро	ведро	ведро	ведро
5. 'Теплая погода'	теплынь тепли́нь тепло	теплынь тепло	теплынь тепло	теплынь тепло	теплынь тепло
6. 'Жаркая погода'	жар, жара	жар	жара	жар	жар жарынь
7. 'Засушливая погода'	сушь засу́ха	сушь	пересу́ха сушь	сушь, засу́ха	засу́ха
8. 'Пасмурная погода'	мо́рок хма́ра	мо́рок	мо́рок	па́смур мо́рок	мо́рок мо́рок

1	2	3	4	5	6
9. 'Дождливая погода'	ненастье	ненастье	ненастье	ненастье	ненастье
10. 'Дождливая погода в период сенокоса'	сеногно́й	сеногно́й	сеногно́й	сеногно́й	гнилой пост сеногно́й
11. 'Холодная погода'	холоди́ща холод	холод	холод	холоди́на холод	холоди́на холод
12. 'Холодная погода зимой'	стужа мороз	мороз	мороз стужа	мороз стужа	мороз
13. 'Очень холодная погода зимой'	морозёнище кля́щий мороз студёный мороз	кля́щий мороз студёный мороз	морозёнище	кля́щий мороз пля́щий мороз	пля́щий мороз

мантических вариантов слов, характеризующихся бисемемностью. Двузначные слова типа *мо́рок, хма́ра, нена́стье, сеногно́й* вторым своим значением устанавливают ассоциативные связи с компонентами других ЛСГ. Определить иерархию значений представляется затруднительным, так как бисемемность обусловлена внеязыковым фактором — характером соотношения реалем.

Семемно-лексемный состав ЛСГ «Названия погоды» с учетом ареальной характеристики компонентов представлен в табл. 2.

ЛСГ «НАЗВАНИЯ СНЕГА»

Модель-эталон лексико-семантической группы «Названия снега» представляет собой объединение слов на основании вычленяющейся в значении каждого из них категориально-лексической семы 'снег'. В анализируемой ЛСГ в силу причин неязыкового характера наблюдается весьма дробное членение занимаемого ею семантического пространства. Система названий снега в говоре, включающая множество видовых единиц, явно богаче системы, которой располагает литературный язык. Объясняется это значимостью реалии в повседневной жизни сельского населения, тесно связанной с различными зимними промыслами.

Не все компоненты ЛСГ обладают одинаковой степенью употребительности в говоре. Часть слов получила закрепленность в речи преимущественно мужского населения в статусе профессиональной лексики. Такие слова, как *па́хта, ки́ча, чи́льга, перено́в* и под., либо совсем неизвестны остальным носителям говора, либо известны с неточным, приблизительным значением. Однако мы сочли возможным рассматривать эти названия в пределах анализируемой ЛСГ, так как количество случаев их актуализации достаточно велико и, исключив их, мы бы неточно отразили существующее положение вещей.

Семемно-лексемный состав ЛСГ:

I. 1. 'Снег': *снег.*

2. 'Снег, идущий большими мягкими хлопьями': *лопу́шник, лопу́хник, лопуха́, лопухи́.*

3. 'Снег, идущий, с дождем, мокрый': *слякоть, шля́коть, сля́ка, шля́ка, сля́ча, сля́кость.*

4. 'Снег, идущий, густой, мелкий, мокрый': *кить, кúча, úзморозь.*

5. 'Снег идущий в виде крупы, холодный, мелкий, твердый': *кúча, кичь, кить, чúльга, крупá.*

II. 6. 'Мягкий лежащий снег': *пáхта, пáхточка.*

7. 'Мягкий снег, лежащий тонким слоем': *пáхта, пáхточка.*

8. 'Мягкий снег, лежащий толстым слоем на деревьях': *кýхта, кýфта.*

9. 'Рыхлый, мокрый, лежащий снег в период оттепели': *талúба, пóдлип.*

10. 'Снег, выпавший после перерыва': *перенóвка, перенóвочка, перенóв, внук по дедушку пошёл, внук за дедушкой идёт, внук за дедом идёт, пáхта, пáхточка.*

III. 11. 'Первый снег': *озúмок, зазúмок, озúмье, отзúмье, отснéжье, пáхта.*

IV. 12. 'Тонкий верхний слой подтаявшего снега': *пóдлип, подлúп.*

13. 'Верхний слой снега, замороженный после оттепели': *канáска, канасóк, наст, чары́м, чир.*

14. 'Толстый верхний слой снега, замороженный после оттепели': *наст.*

15. 'Верхний слой снега средней толщины, замороженный после оттепели': *чары́м, чир.*

16. 'Тонкий верхний слой снега, замороженный после оттепели': *чары́м, гололедица.*

В ЛСГ «Названия снега» могут быть выделены подгруппы, в которых слова объединены не только интегральной семой 'снег', но и одной и той же общей для них дифференциальной семой. Так, для подгруппы I дополнительной интегральной семой служит сема 'идущий' — в рамках всей ЛСГ она является дифференциальной, для подгруппы II—сема 'лежащий', для подгруппы III—нерелевантность деления на семы 'лежащий/идущий', для подгруппы IV — сема 'верхний слой'.

Слово *снег* является родовым по отношению к ряду видовых названий и вступает в родовидовые отношения с каждым из компонентов, входящих в состав ЛСГ. Родовое понятие равно по объему категориально-лексической семе: ЛСГ представляет собой структуру I типа. В родовом значении во всех ЧДС отмечено слово *снег.*

В подгруппе I (дополнительный интегральный признак 'идущий') модель включает четыре семемы, однако

наличием четырех семем характеризуется лишь инкинский говор, в то время как для других ЧДС релевантен набор из двух или трех семем.

Название 'снег, идущий большими мягкими хлопьями' вычленяется для всех ЧДС, но в способе выражения этой семемы наблюдаются различия. Во всех микросистемах названия этого вида снега мотивированы и соотносятся с названием растения *лопýх*. Возможность метафорического переноса обусловлена наличием общих для мотивированного и мотивирующего слов сем 'большой, мягкий' благодаря сходству некоторых характеристик денотатов. Вариантность названий *лопухá, лопухú, лопýшник* объясняется вариантностью слов, выполняющих функцию мотивирующих единиц в наименовании снега: наличием в говорах наряду с общерусским словом *лопýх* 'растение с большими мягкими листьями' его диалектного соответствия *лопýшник*. При этом слово (во втором, переносном, значении) в различных микросистемах как бы находится на разных ступенях метафоризации: если большинство говоров располагает уже сформировавшимся метафорическим названием, в них осознается связь между мотивируемым и мотивирующим (как *лопух, лопушúстый,* как *лопýшник*), то в говоре с. Усть-Чая, несмотря на то, что этот вид снега вычленяется в сознании диалектоносителей, метафорического названия он не приобретает, хотя установление ассоциативной связи между двумя единицами, относящимися к различным предметно-понятийным сферам, имеет место. Осуществляется как бы первая ступень метафоризации: сравнение денотатов. — О, говорят, пошёл снег лопухами, так называют, а лопушник нет. Мягкий он такой, как лопушник, вот как лопушник снег летит. Но лопушник уж не назовут, это же совсем другое.

Таким образом, семема 'снег, идущий большими мягкими хлопьями' выражается в говорах следующим образом: в с. Саровка — вариантными названиями *лопýшник/лопýхник,* в с. Баранаково — словом *лопушник,* в с. Инкино — вариантами *лопýшник/лопухú/лопухá,* в говоре с. Усть-Чая — словосочетаниями *снег лопухами* и *лопушúстый снег*. Эти словосочетания, являясь единственным способом выражения семемы в усть-чаинском говоре, широко употребительны в остальных говорах наряду со специальными названиями этого вида снега.

Во всех анализируемых говорах отмечено название мокрого снега, идущего с дождем, выраженное различными лексемами. Слова, материализующие эту сему, обладают большой степенью вариативности не только на межсистемном, но и на внутрисистемном уровне. Основным вариантом, характеризующимся наибольшей частотностью употребления и широтой ареала, является слово *слякоть*. Оно отмечено во всех анализируемых ЧДС. Самым большим количеством вариантов представлен саровский говор: *слякоть/шля́коть/сля́ка/шля́ка*. В говоре с. Усть-Чая функционирует только слово *сля́коть*. Промежуточное положение занимают остальные говоры, располагающие двумя вариантами: Баранаково — *слякоть/сля́ка*, Типсино — *сля́коть/сля́ча*, Инкино — *сля́коть/сля́кость*. Члены вариантного ряда слова *слякоть* входят в анализируемую ЛСГ одним своим значением, остальные, будучи отмечены во всех ЧДС, являются компонентами других групп.

В модели подгруппы I вычленяются еще две семемы: 'снег, идущий, густой, мелкий, мокрый' и 'снег, идущий в виде крупы, холодный, мелкий, твердый', отмеченные в типсинском, инкинском и саровском говорах. Остальным ЧДС названия этих двух видов снега неизвестны. В говоре с. Типсино снег, идущий, густой, мелкий, мокрый называют *и́зморозь*, в Инкино — *кичь/ ки́ча*, в Саровке — *кичь, и́зморозь*. Интересно ,что вариантные лексические единицы *кить/ки́ча/кичь* в типсинском говоре и дублеты *кичь=и́зморозь* — в саровском обозначают 'снег, идущий в виде крупы, холодный, мелкий, твердый', в Инкино эта семема выражается дублетной парой *чи́льга=крупа*, причем слово *чи́льга* характеризуется ограниченностью употребления, относясь к сфере профессиональной лексики. Относительное сходство обозначаемых денотатов, проецируясь на языковой план (в семемах интегральные признаки преобладают над дифференциальными), обусловило лексико-семантическое варьирование слова *ки́ча* и его формальных вариантов на межсистемном уровне.

В инкинском говоре слово *кичь/ки́ча* сближается в своем значении со словом *сля́коть*, однако полностью не совпадает, противопоставляясь по дифференциальным семам 'густой, мелкий'. — Ну слякоть и кичь, да то же самое. Но слякоть бuват мо́кра, а это идёт прям такой

густой, падат такой, как изморозь какая-то такая. Туманный день, тёмный. Ну, слякоть — это с дождём, мокрый снег. А это тоже мокрый, но уже очень густой.

Модель подгруппы II (дополнительная интегральная сема 'лежащий') состоит из пяти семем. Для каждой ЧДС характерна разная степень заполненности семантического пространства и разные способы выражения семем.

Слово *па́хта,* отмеченное в большинстве ЧДС, обладает диффузной семантикой как на уровне микросистемы, так и на уровне макросистемы. Образованное способом семантической деривации, оно регулярно актуализует сему 'мягкий'. Актуализация сем 'неглубокий', 'первый', 'новый', которые также отмечены в ЛСВ слова *па́хта,* свидетельствует о процессе семантического изменения в слове. Осознание связи производного и производящего слова зафиксировано лишь единичными случаями актуализации отношений лексической мотивации. Ср.: Пахточка — ну он как пахта мягонький такой. Как пахточки, говорят, немножко так выпадет и говорят на снег па́хточка... Че к чему, пошто так говорят? Всё это старинно.

Прогрессирующий процесс лексикализации внутренней формы слова влечет за собой появление новых оттенков значения, изменение иерархии сем в семеме. Сема 'мягкий' становится менее актуальной, уступая свое место другим семам. Слово в говорах отмечено в следующих значениях: 'мягкий снег', 'мягкий снег, лежащий тонким слоем', 'снег, выпавший после перерыва', 'первый снег'. В качестве номинативной единицы весьма частотным оказывается слово *па́хточка,* характеризующееся наличием коннотации, обычно не свойственной подобным названиям. Сфера употребления слова ограничена: оно принадлежит к кругу профессиональной лексики, и предпочтительное употребление образования с суффиксом субъективной оценки вызвано внеязыковым фактором: закреплением в слове положительной с профессиональной точки зрения оценки денотата (*па́хта/па́хточка* — вид снега, на котором хорошо видны следы зверя): Охотники говорят: пахточку подбросило. Это для охотника шибко хоро́ша штука. От неё толку много, вот и говорим пахточка (Типс.). Ну пахточка, вот пойдёшь белковать или что, следов не заметно, а тут видно. Пах-

точку бросило, подсыпало, говорим... след звериный-то видать (Инк.).

Принадлежностью к профессиональной лексике объясняется и особая синтаксическая сочетаемость слова *пáхта/пáхточка*, ограниченная рядом глаголов в безличном значении: *подлóжило, подбрóсило, подвали́ло, подсы́пало, ки́нуло, брóсило, принеслó*. Выбор безличной конструкции, очевидно, связан с суеверным охотничьим требованием устранить из речи указание на производителя действия.

Территориальное распространение слова *пáхта (пáхточка)* в разных его значениям следующее: в говоре с. Усть-Чая слово не отмечено, в баранаковском говоре оно выступает в значении 'мягкий, лежащий снег', в типсинском и саровском — дополнительно актуализуется дифференциальный признак 'тонким слоем', инкинский говор располагает самым широким набором семем, обозначенных лексемой *пáхта:* 'мягкий, лежащий снег', 'мягкий снег, лежащий тонким слоем', 'снег, выпавший после перерыва', 'первый снег'.

Введение в модель подгруппы II семемы 'мягкий снег, лежащий толстым слоем на деревьях' (лексемы *кýхта, кýфта)* обусловлено отмеченностью этой системы в говоре с. Типсино. Для остальных ЧДС она нерелевантна. Это слово на межсистемном уровне представлено в двух значениях. Одно, определяемое категориально-лексической семой 'снег', лежит в границах анализируемой ЛСГ, другое — категориально-лексическая сема 'снегообразные кристаллы' — устанавливает парадигматические связи с компонентами другой ЛСГ и рассматривается в ее составе. Синтагматические связи слова ограничиваются группой глаголов типа *намотáла, замотáла, нави́сла, нали́пла, увпáла,* в сочетании с которыми слово выступает в роли субъекта действия. Словообразовательными возможностями оно не обладает, ни в одной ЧДС не актуализует мотивационных отношений.

Семема 'рыхлый, мокрый снег, лежащий в период оттепели' вычленяется во всех микросистемах и манифестируется в баранаковском говоре лексемой *пóдлип,* во всех остальных говорах — лексемой *тали́ба.* Слово *тали́ба* выступает во всех ЧДС (исключая баранаковскую) в двух значениях, актуализуя два лексико-семантических варианта, входящих в различные ЛСГ: 'время

таяиия снега' и 'рыхлый мокрый снег, лежащий в период оттепелн'. В баранаковском говоре второе значение, входящее в состав ЛСГ «Названия снега», выражается в слове *пóдлип*. Различия в плане выражения семемы обусловлены разными средствами номинации одного и того же денотата: в слове *пóдлип* — по свойству, присущему называемому предмету, в слове *талúба* — по характерному признаку реалии.

Семема, заключающая подгруппу II 'снег, выпавший после перерыва', отмечена только в трех говорах: инкинском, саровском и типсинском — и различается средствами выражения в каждом из них. Типсинский и саровский говоры представлены названием ***перенóвка (перенóвочка)***, инкинский — группой названий, характеризующихся различной частотностью и сферой употребления: ***внук по дедушку пошёл*** (***внук по дедушку идёт, внук за дедом идёт*** и под.), ***перенóв, пáхта (пáхточка)***. Наиболее частотным и общеупотребительным является устойчивое словосочетание метафорического характера ***внук по дедушку пошёл*** и его модификации. У слов ***перенóв, пáхта*** (в указанном значении) сфера употребления ограничена: они входят в круг профессиональной лексики. Так же можно квалифицировать слово ***перенóвка (перенóвочка)*** в говоре с. Типсино. Вычленение названий ***перенóв, перенóвочка, перенóвка, пáхта*** связано с необходимостью обозначить вид снега, на котором хорошо видны следы зверя. Этим же объясняется наличие коннотативных формантов. Значение 'снег, выпавший после перерыва' в принципе можно вычленить во всех ЧДС, но не везде оно приобретает статус названия, оно может передаваться описательно или при помощи атрибутивных словосочетаний типа ***свежий снег, новый снег.***

Семема 'первый снег' имеет специальное обозначение во всех исследуемых говорах. Все названия, исключая наименее частотное ***пáхта*** (инкинский говор), лексически и структурно мотивированы и связываются в сознании говорящих с понятием «зима» или «снег», таким образом, различия наблюдаются в лексическом наборе каждой ЧДС и обусловлены различиями в выборе мотивировочного признака, лежащего в основе наименования, и специфических словообразовательных средств.

Лексемный набор в каждой ЧДС следующий: саровский говор — *озимок, зазимок,* баранаковский говор — *зазимок, озимок, отзимье,* усть-чаинский говор — *зазимок,* инкинский говор — *отзимье, отснежье, озимок, зазимок,* типсинский говор — *отзимье.*

Все слова, обозначающие названия первого снега, представляют собой один из лексико-семантических вариантов бисемемной структуры, включающей, кроме указанного, сему 'время выпадения первого снега'.

В составе ЛСГ в отдельную подгруппу (IV) вычленяются названия верхнего слоя снега. Модель-эталон подгруппы включает пять семем, которые дифференцируются по признакам 'качество снега' ('подтаявший' и 'замороженный после оттепели') и 'толщина слоя' — признак, который обусловливает иерархическое соотношение семем на основании противопоставления 'толстый' — 'средней толщины' — 'тонкий'. Вычленение отдельного названия для тонкого верхнего слоя подтаявшего снега характерно только для саровского говора. Оно представлено акцентологическими вариантами *по́длип/подли́п.* Слово *подлип* на межсистемном уровне обладает еще одним значением, отмеченным в баранаковской ЧДС, — 'рыхлый мокрый снег, лежащий в период оттепели', то есть значения ЛСВ соотносятся как родовое и видовое. В саровской ЧДС аналогичное сотношение устанавливается между словами *тали́ба* и *по́длип,* все остальные микросистемы располагают только нерасчлененным родовым названием.

Модель-эталон анализируемой ЛСГ включает ряд наименований верхнего слоя снега, замороженного после оттепели, дифференциация значений которых осуществляется по признаку 'толщина слоя'. Максимально наполненная модель (говор сел Инкино и Саровка) членит семантическое пространство на четыре семемы, хотя реально в актуализации определенного типа семантических отношений между компонентами участвуют максимум три. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, когда один и тот же говор одновременно реализует два типа семантических отношений. Первый тип предполагает последовательное противопоставление названий толстого слоя, слоя средней толщины и тонкого слоя (Инкино: *наст⊥чир=чарым=резуне́ц⊥гололе́дица*). Второй тип — противопоставление нерасчлененного названия наз-

ванию тонкого слоя (Инкино: *наст=чир=чарым⊥гололедица;* Саровка: *канаска/канасóк⊥чарым*). Третий тип — противопоставление названия толстого слоя названию слоя средней толщины (Саровка: *наст⊥чарым*) Четвертый тип — семантическое пространство представлено нерасчлененно (баранаковский, усть-чаинский говоры: *наст=чарым*). Типы отношений, в которых система названий представлена наиболее расчлененно, характерны для речи той части информантов, чья профессиональная деятельность связана с промыслом. При анализе других типов достаточно четко прослеживается тенденция к сближению значений анализируемых слов, к стиранию дифференциальных признаков.

Слова, входящие в подгруппу IV, *канасóк/канáска* и *гололéдица* характеризуются многозначностью либо на межсистемном уровне, либо в пределах ЧДС, в которой они отмечены в анализируемом значении. Слово *гололéдица,* обозначающее в инкинском и типсинском говорах название тонкого верхнего слоя снега, замороженного после оттепели, в саровской ЧДС, сохраняя некоторые дифференциальные признаки, отличается категориально-лексической семой, содержание которой связывает слово с понятийной сферой 'лед'. Принадлежностью к этой же понятийной сфере отмечен один из ЛСВ слова *канасóк/канáска.* Семантический спектр этого слова достаточно широк: в говорах, включенных в зону исследования, оно входит по меньшей мере в четыре предметно-понятийные сферы, обозначая название снега, льда, болота, тайги.

В итоге можно отметить следующее: ЛСГ «Название снега» характеризуется большой степенью расчлененности семантического пространства, обусловленной внеязыковыми причинами. Наиболее расчлененно представлена ЛСГ в инкинском и типсинском говорах (14, 12 семем), менее расчлененно — все остальные (саровский, баранаковский — 8, усть-чаинский — 7).

Каждая ЧДС располагает специфическим набором значений и выражающих их лексем.

Возможность выделения родового слова, вступающего в привативную оппозицию со всеми остальными компонентами ЛСГ, определяет семантическую структуру ЛСГ как структуру I типа.

Таблица 3

Названия снега

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1	2	3	4	5	6
1. 'Снег'	снег	снег	снег	снег	снег
2. 'Снег, идущий большими, мягкими хлопьями'	лопу́шник лопу́хник	лопу́шник	снег лопуха́ми лопуши́стый снег	лопу́хник	лопу́шник лопухи́ лопуха́
3. 'Снег, идущий с дождем, мокрый'	сля́коть сля́ка шля́ка шля́кость	слякоть сля́ка	слякоть	слякоть сля́ча	слякоть сля́кость
4. 'Снег, идущий, густой, мелкий, мокрый'	—	—	—	изморозь	кичь ки́ча
5. 'Снег, идущий в виде крупы, холодный, мелкий, твердый'	кичь изморозь	—	—	кича кичь кить	чи́льга крупа
6. 'Мягкий лежащий снег'	—	па́хта па́хточка	—	—	па́хта па́хточка
7. 'Мягкий снег, лежащий тонким слоем'	па́хта па́хточка	—	—	па́хта па́хточка	па́хта па́хточка

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6
8. 'Мягкий снег, лежащий толстым слоем на деревьях'	—	—	—	кухта кухта куфта	—
9. 'Рыхлый, мокрый снег, лежащий в период оттепели'	талиба	подлип	талиба мокрый снег липучий снег	талиба	талиба
10. 'Снег, выпавший после перерыва'	переновка переновочка	—	—	перено́вка перено́вочка	внук по дедушку пошел па́хта перено́в
11. 'Первый снег'	ози́мок зази́мок	ози́мье отзи́мье зази́мок	зази́мок	отзи́мье	отзи́мье отсне́жье ози́мок зази́мок па́хта
12. 'Тонкий верхний слой подтаявшего снега'	по́длип по́длип	—	—	—	—
13. 'Верхний слой снега, замороженного после оттепели'	кана́ска канасо́к	наст чары́м	наст чары́м	наст чир	наст чир чары́м

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6
14. 'Толстый верхний слой снега, замороженный после оттепели'	наст	—	—	—	наст
15. 'Верхний слой снега средней толщины, замороженный после оттепели'	чары́м	—	—	—	чир чары́м резунёц
16. 'Тонкий верхний слой снега, замороженный после оттепели'	чары́м	—	—	гололе́дица	гололе́дица

Компоненты ЛСГ как на уровне микросистемы, так и на межсистемном уровне устанавливают между собой следующие виды парадигматических отношений: родовидовые, гипонимические, дублетные, вариантные. Характер отношений, устанавливающийся между аналогичными компонентами в различных микросистемах, специфичен для каждой ЧДС, что обусловлено различным семантическим наполнением компонентов.

Отношения лексико-семантического варьирования актуализуются преимущественно на межсистемном уровне, исключение составляют слова *пáсха, наст* в инкинском говоре и *чир, чáрым* — в инкинском саровском говорах, характеризующиеся лексико-семантическим варьированием в пределах микросистемы.

Группа слов (в качестве основной единицы) характеризуется бисемемностью структуры, причем слово может быть двузначным в одном говоре и выступать как однозначное в другом, создавая таким образом различия в потенциальной возможности ЛСВ устанавливать ассоциативные связи, выходящие за пределы данной предметно-понятийной сферы (например, ЛСВ *талúба, озúмок, зазúмок, отзúмье, отснéжье* и др). Отмеченную особенность можно квалифицировать как типологическую черту исследуемой лексики.

В плане выражения анализируемой ЛСГ выявлен тип качественно-количественных различий: одни и те же семантические объемы выражаются различным набором лексем (табл. 3).

ЛСГ «НАЗВАНИЯ ВИДОВ АТМОСФЕРНЫХ ОСАДКОВ, СОСТОЯЩИХ ИЗ СНЕГООБРАЗНЫХ КРИСТАЛЛОВ»

Семантические различия лексических единиц, составляющих основу исследуемой ЛСГ, нейтрализуются в категориально-лексической семе 'атмосферные осадки, состоящие из снегообразных кристаллов'. Отсутствие формальной выраженности категориально-лексической семы посредством отдельной лексической единицы определяет структуру ЛСГ как структуру II типа, в которой семантические объемы компонентов находятся друг с другом в отношениях пересечения.

Правильное вычленение родового компонента в составе значения слов — членов ЛСГ, то есть введение значения в однородный класс денотатов, вызывает в данном случае затруднения, обусловленные прежде всего внешним сходством неоднородных денотатов (снег и иней) — эта неоднородность либо не всегда осознается информантами, либо не всегда получает адекватное словесное выражение. Кроме того, отсутствие в литературном языке таких понятий, как *кýхта, куржáк*, затрудняет их лингвистическую интерпретацию.

Идеальная модель ЛСГ, характеризующаяся максимальной наполненностью, включает названия трех видов осадков, состоящих из снегообразных кристаллов: степень членимости внеязыковой действительности языковыми средствами невелика. Дифференциация видов осуществляется по различным признакам: временному (семы 'зимой' — 'осенью'), месту образования (семы 'на поверхности земли' — 'в местах перепада температуры — на деревьях'), толщине слоя (семы 'тонким слоем' — 'толстым слоем').

Сememно-лексемный состав ЛСГ:

1. 'Снегообразные кристаллы, оседающие тонким слоем на поверхности охлажденной земли осенью': *íней, íня, íнея.*

2. 'Снегообразные кристаллы, образующиеся в морозную погоду в местах перепада температуры': *куржáк, кýхта, íзморозь.*

3. 'Снегообразные кристаллы, образующие толстый слой на деревьях в морозную погоду': *кýхта, куржáк.*

Семема 'снегообразные кристаллы, оседающие тонким слоем на поверхности охлажденной земли осенью' отмечена во всех анализируемых ЧДС, план ее выражения обнаруживает различия качественно-количественного характера: баранаковский, типсинский и усть-чаинский говоры располагают лексемой *íней*, саровский — морфологическими вариантами *íней/íнея*, инкинский — вариантами *íней/íня/íнея.*

Первая семема противопоставляется двум остальным по временному признаку, регулярно актуализуя семы 'осенью' — 'зимой' (или 'в морозную погоду'). Таким образом, варианты *íней/íня/íнея* вступают с остальными компонентами в отношения семантического противопос-

тавления. Вторым основанием для противопоставления служит признак 'место образования': если место образования инея осознается как локализация только на поверхности земли или низких растениях (на траве, на ботве картофеля, огурцов), то место образования других видов осадков, состоящих из снегообразных кристаллов, — как локализация либо в местах перепада температуры, либо только на ветвях деревьев. Следует иметь в виду, что сема 'места перепада температуры' обобщает самые различные виды таких мест, включая в том числе и ветви деревьев, так как при резком похолодании между веткой и воздухом также образуется перепад температуры. Однако в одном типе значения (слово *кýхта*) вычленение признака 'на ветвях деревьев' закрепляется отдельным языковым знаком, в другом — этого вычленения не происходит.

Семема 'снегообразные кристаллы, образующиеся в морозную погоду в местах перепада температуры' во всех микросистемах, кроме баранаковской, обозначается лексемой *куржáк*. В типсинском говоре в этом значении отмечено слово *и́зморозь*, однако оно рассматривается носителями говора как инородное, еще не ставшее элементом системы: А куржак-от, куржак пошёл, по всему лесу, под вид снега. А по-научному это называ́тся изморозь. Куржак — не снег, а как весь лес покрылся куржаком. Тёплый воздух вылетат, с холодным меша́тся, образуется куржак. Щас заместо куржак и́зморозь кото́ры говорят, но мало.

В баранаковском говоре в этом значении функционируют два слова: *куржáк* и *кýхта*. Это только один говор, в котором не отмечено семантических различий между названиями *куржáк* и *кýхта*, выступающими в данном случае как дублеты.

Третья семема 'снегообразные кристаллы, образующие толстый слой на деревьях в морозную погоду' релевантна только для говоров сел Усть-Чая и Саровка и манифестируется в них лексемой *кýхта*. Значение слова *кýхта* в этих двух говорах противопоставляется значению слова *куржáк* по двум признакам: во-первых, по месту образования — *кýхта* образуется только на деревьях, *кýржак* — в местах перепада температуры и, во-вторых, по толщине слоя: *кýхта* — снегообразные крис-

таллы, образующие толстый слой, для названия *куржа́к* признак 'толщина слоя' нерелевантен.

Таким образом, слово *ку́хта* в саровском и усть-чаинском говорах противопоставлено в своем значении слову *куржа́к*, в баранаковском говоре они равны по значению, в говоре с. Инкино слово *ку́хта* вообще не отмечено, в типсинском говоре слово является компонентом другой ЛСГ и выступает в значении 'мягкий снег, лежащий толстым слоем на деревьях' (категориально-лексическая сема 'снег').

Пример со словом *ку́хта* показателен. Он иллюстрирует тезис: территориальной границей распространения семантических различий является микросистема, именно исследование говоров малого ареала позволяет дать адекватную картину лексико-семантических отношений слов при построении диалектной лексической типологии. Обращают на себя внимание различия в словообразовательных возможностях слов — компонентов анализируемой ЛСГ. Слово *ку́хта* таковыми вообще не обладает. От слова *иней* и его вариантов образуются глаголы *за́инеть, заиндеть, заиндеветь*. Слово *куржа́к* обладает наиболее широкими словообразовательными возможностями и образует глаголы *закуржа́веть (заку́ржеветь), окуржа́веть, заку́ржеть, наку́ржаветь* и существительное *куржачо́к*.

Интересно, что между словами *иней* и *куржак* во всех ЧДС без исключения существуют отношения семантического противопоставления, в то время как их производные *заку́ржаветь* (и под.) и *заинеть* (и под.) выступают как синонимы.

ЛСГ «Названия видов атмосферных осадков, состоящих из снегообразных кристаллов» характеризуется малой степенью членимости семантического пространства.

Тождественные в плане содержания саровская и усть-чаинская микросистемы включают максимальный набор семем (три) и противопоставляются баранаковской, инкинской и типсинской микросистемам, также устанавливающим между собой тождество плана содержания (по двум семемам).

План выражения характеризуется качественно-количественным типом различий. Анализируемая ЛСГ представляет собой структуру II типа, смысловым стержнем

которой является категориально-лексическая сема, не материализованная в самостоятельной лексической единице.

Лексико-семантическое варьирование слов — членов ЛСГ, не выходящее за пределы ЛСГ, то есть касающееся различий только в дифференциальных компонентах значения, наблюдается на межсистемном уровне.

Каждая ЧДС характеризуется специфичностью системных отношений, устанавливаемых между лексическими единицами данной ЛСГ (табл. 4).

Таблица 4

Названия видов осадков, состоящих из снегообразных кристаллов

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1. 'Снегообразные кристаллы, оседающие тонким слоем на поверхности охлажденной земли осенью'	иня, иней	иней	иней	иней	иней иня инея
2. 'Снегообразные кристаллы, образующиеся в морозную погоду в местах перепада температуры'	куржáк	куржáк кýта	куржáк	куржáк	куржáк
3. 'Снегообразные кристаллы, образующие толстый слой на деревьях в морозную погоду'	кýхта	—	кýхта	—	—

ЛСГ «НАЗВАНИЯ ДОЖДЯ»

В составе ЛСГ «Названия дождя» категориально-лексическая сема 'дождь', имеющая материальное выражение, объединяет вокруг себя группу слов, в лексическое значение которых входит, в качестве интегральной, категориально-лексическая сема и семы, дифференцирующие значения слов по разным основаниям. Признаки, по которым осуществляется дифференциация: 'сильный',

'затяжной', 'кратковременный', 'несильный', 'мелкий' 'прерывистый', 'в период сенокоса', то есть по качеству, продолжительности, времени.

Модель-эталон анализируемой ЛСГ включает семь семем, которые, приобретая различное лексическое выражение, актуализируются в каждой ЧДС одинаково, создавая таким образом тождество плана содержания.

Семемно-лексемный состав ЛСГ:

1. 'Дождь': *дождь.*

2. 'Сильный, обычно длительный дождь': *ли́вень* (м. р.), *ли́вень* (ж. р.), *ули́вный дождь, зали́вный дождь, дожди́на.*

3. 'Затяжной дождь': *ненастье.*

4. 'Кратковременный несильный дождь': *дождик, режжевой дождь.*

5. 'Мелкий дождь': *ситни́к, бус, мелкий дождь.*

6. 'Затяжной прерывистый дождь в период сенокоса': *сеногно́й.*

7. 'Дождь, идущий при свете солнца': *слепой дождь, слепой дождик, слепе́нь, куриная слепота.*

Категориально-лексическая сема во всех ЧДС выражается лексемой *дождь*. Противопоставление родового слова ряду видовых обусловливает I тип структуры ЛСГ.

План выражения семемы 'сильный, обычно длительный дождь' представлен разнообразно, однако во всех ЧДС присутствует слово *ли́вень* (морфологический вариант — *ли́вень* ж. р.), которое является единственным выразителем семемы в баранаковском и усть-чаинском говорах, и синонимизируется в саровском говоре с атрибутивными словосочетаниями *ули́вный дождь, зали́вный дождь*, в типсинском говоре — с атрибутивным сочетанием *зали́вный дождь*, и в инкинском говоре — со словом *дожди́на*, характеризующимся наличием экспрессии. Несмотря на относительное единообразие плана выражения данной семемы в каждой ЧДС и абсолютное тождество плана содержания, различия наблюдаются в отношениях, устанавливающихся между компонентами ЛСГ: только в типсинском говоре можно отметить семантическое противопоставление единиц *ли́вень, зали́вный дождь* слову *сеногно́й* по признаку 'сильный' (дающий обилие воды), 'слабый' (не дающий обилия воды).

Семема 'сильный, обычно длительный дождь' содержит два дифференциальных признака, занимающих неодинаковое положение в составе семемы, так как сема 'сильный' актуализуется регулярно и является основной, в то время как сема 'длительный' является факультативной.

Семема 'затяжной дождь' обозначается во всех ЧДС лексемой *ненастье*. В качестве основной единицы это слово характеризуется бисемемностью структуры и состоит из двух ЛСВ, близость значений которых обусловлена смежностью денотатов.

В анализируемой семеме дифференциация осуществляется только по признаку 'продолжительность', дифференциация по качественным характеристикам нерелевантна: затяжной дождь может быть или сильным, или слабым, или мелким.

План выражения семемы 'кратковременный, обычно несильный дождь' характеризуется единообразием, которое нарушается лишь в типсинском говоре, где наряду с лексемой *дождик*, отмеченной во всех ЧДС, выступает атрибутивное сочетание *режевóй дождь*. Слово *режевой* мотивировано и связывается с лексическим мотиватором *редкий* в значении 'несильный'. Таким образом, в словосочетании внутренняя форма компонента, несущего дифференциальный признак, актуализует сему 'несильный', которая проявляется, как правило, менее регулярно, чем сема 'кратковременный'.

Во всех ЧДС отмечено специальное название мелкого дождя. В саровском говоре это *ситнúк*, в усть-чаинском — атрибутивное сочетание *мелкий дождь (мелконький дождичек, мелкий дождик)*, в баранаковском, типсинском, инкинском — *бус*. Различия плана выражения в данном случае носят качественный характер. Они обусловлены различиями в мотивировочных признаках, легших в основу того или иного названия. Во всех ЧДС без исключения выпадение мелкого дождя сравнивается с процессом просеивания через сито. И только в саровском говоре это сравнение материализуется в названии вида дождя *ситник:* Как из сита сеет ситник, дож (Сар.). Бус — когда бусит... он мелкий... как из сита сеет (Бар.). Ситничок — не слышали, если мелконький, мелкий дождичек идёт — как из сита сеет (У.-Ч.). Бус — это уж такой мелкий-мелкий, прямо сыпется. Как

из сита всё равно сеет бус (Типс.). Ну бус, бус забусит. Мелкий дождик когда идет — бусит и бусит... как скрозь сито (Инк.).

Несмотря на отмеченность слова *бус* только в трех ЧДС (баранаковской, типсинской, инкинской), его дериваты *бусúть, забусúть* 'моросить' характеризуются широким ареалом. Немотивированность в исследуемых говорах слова не дает возможности вычленить мотивировочный признак, легший в основу наименования, однако, учитывая наличие на микросистемном уровне существительного *бус* в значении 'пыль' и 'мелкая мучная пыль', а также прилагательного *бусовóй/бусóвый* в значении 'частый (о сите)', можно предположить наличие данного мотивировочного признака в диахронии, обусловливающего различия в средствах выражения семемы 'мелкий дождь' *(ситнúк=бус)*.

План выражения семемы 'затяжной прерывистый дождь в период сенокоса' тождествен во всех ЧДС: она манифестируется лексемой *сеногнóй*. Слово *сеногнóй* (как основная единица), подобно слову *ненастье*, представляет собой бисемемную структуру, заключающую в своем составе два ЛСВ — компонента различных лексико-семантических групп: «Названия погоды», «Названия дождя», устанавливающих между собой отношения лексико-семантического варьирования.

Объем семантических признаков данной семемы в принципе можно расширить, вводя характеристики по противопоставленным друг другу признакам 'мелкий' — 'сильный', так как в некоторых контекстах, легших в основу толкования лексического значения слова *сеногной*, такие характеристики отмечены. Невведение их в состав семемы обусловлено их периферийностью, факультативностью в ряду других и нерегулярностью актуализации.

Заключающая состав ЛСГ семема 'дождь, идущий при свете солнца' представлена в микросистемах различными наборами лексических единиц (качественно-количественный характер различий плана выражения): саровский говор — *слепой дождик, слепéнь;* баранаковский говор — *слепой дождь*; усть-чаинский говор — *слепой дождь, куриная слепота;* типсинский говор — *куриная слепота*, инкинский говор — *слепой дождь, куриная слепота*. Формой выражения семемы являются ат-

Таблица 5

Названия дождя

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1. 'Дождь'	дождь дождик	дождь дождик	дождь дождик	дождь дождик	дождь дождик
2. 'Сильный, обычно длительный дождь'	ли́вень (м. р.) ливе́нь (ж. р.) ули́вный, зали́вный дождь	ливень	ливень	ливень зали́вный дождь	ли́вень (м. р.) ливе́нь (ж. р.) дождúна
3. 'Затяжной дождь'	ненастье	ненастье	ненастье	ненастье	ненастье
4. 'Кратковременный, обычно несильный дождь'	дождик	дождик	дождик	дождик режево́й дождь	дождик
5. 'Мелкий дождь'	ситник	бус	мелкий дождь	бус	бус
6. 'Затяжной прерывистый дождь в в период сенокоса'	сеногно́й	сеногно́й	сеногно́й	сеногно́й	сеногно́й
7. 'Дождь, идущий при свете солнца'	слепой дождик слепёнь	слепой дождь	слепой дождь курная слепота	курная слепота	слепой дождь куриная слепота

рибутивные словосочетания (исключение составляет саровский говор, располагающий наряду с атрибутивным сочетанием словом *слепе́нь*, которое вторично и образовано на базе словосочетания *слепой дождь*). Все названия, формально различаясь, связаны с понятием 'слепой', 'слепота', но эта связь не получает никакого объяснения в говорах, что затрудняет возможность говорить о причинах различий, так как не позволяет проследить семантические процессы, приведшие к формальной дифференциации и семантической интеграции.

Итак, рассмотренная ЛСГ характеризуется рядом типологических черт (табл. 5), следует отметить полное тождество плана содержания, обусловленное одинаковым членением неязыковой действительности во всех ЧДС.

План выражения представлен неоднородно: семемам, лексемное выражение которых различно в каждой ЧДС, противопоставлены семемы, имеющие тождественный план выражения. В тех случаях, где различия носят качественно-количественный характер, микросистемы отличаются друг от друга специфическим набором лексических единиц. Различия качественного характера связаны с двухчленным противопоставлением лексических единиц, имеющих разную звуковую оболочку (*ситни́к — бус*). Качественные различия в ряде случаев объясняются различиями в выборе мотивировочных признаков, лежащих в основе названий одного и того же денотата.

Для членов данной ЛСГ нехарактерна многозначность единиц в пределах группы ни на уровне микросистемы, ни на межсистемном уровне. Ряд компонентов устанавливает отношения лексико-семантического варьирования с членами других ЛСГ, соотносясь по типу ассоциации по смежности, то есть метонимического переноса(целое и частный фактор, определяющий это целое).

Семантическое тождество соотносимых компонентов ЛСГ и сходство формального плана определяют в целом однотипный характер парадигматической соотнесенности членов в каждой ЧДС.

ЛСГ «НАЗВАНИЯ БОЛОТА»

Семемно-лексемный состав ЛСГ:

1. 'Болото': *болото, боло́тье.*

2. 'Небольшое болото': *болоти́на, болоти́нка, бала́хтина, бала́хтинка, боло́тичко, боло́тце.*

3. 'Болото, занимающее обширную территорию': *голе́й, у́ра.*

4. 'Болото, покрытое мелким лесом, кустарником': *кирги́зное болото, черемо́жное болото.*

5. 'Болото, не покрытое лесом, чистое': *поньжа, клюквенное болото.*

6. 'Болото, покрытое высокими кочками, труднопроходимое, сырое': *со́гра, са́кта, са́хта.*

ЛСГ «Названия болота» представлена группой слов, парадигматическая противопоставленность которых осуществляется по признакам 'величина' и 'характер поверхности'. Центром семантического поля выступает родовая сема 'болото', которая, актуализуясь во всех наименованиях, определяет анализируемую ЛСГ как структуру I типа. Материальная выраженность родовой семемы характеризуется однообразием на межсистемном уровне: все ЧДС располагают общерусским словом *болото,* и только в саровском говоре наряду с ним отмечен лексико-грамматический вариант *боло́та* (ж. р.).

Большинство говоров (исключение составляет только баранаковский) актуализует противопоставления по размеру, однако в характере этих противопоставлений наблюдаются различия. В модели-эталоне представлен следующий тип семантических отношений: 'болото' : 'небольшое болото'⊥'болото, занимающее обширную территорию', который реализуется лишь в типсинском говоре. Саровскому, усть-чаинскому и инкинскому говорам известно соотношение родового названия и названия небольшого болота. Баранаковский, как уже отмечалось, представляет этот семантический отрезок нерасчлененно.

В плане выражения семемы 'небольшое болото' наблюдаются различия в наборе представляющих ее лексем качественно-количественного характера: саровский говор представлен лексемами *болоти́на, болоти́нка, бала́хтинка;* усть-чаинский — лексемой *болотина;* типсин-

ский — лексемами *балахтинка, балахтина, болотичко* и инкинский — лексемами *болотина, болотинка, болотце, болотичко.* Причем наиболее употребительным в саровском, усть-чаинском и инкинском говорах является слово *болотина,* в типсинском — *балахтина.*

Семема 'болото, занимающее обширную территорию', представлена в типсинском говоре синонимами *голея, ура,* один из которых — *ура* — малоупотребителен. Слово *голея* на межсистемном уровне характеризуется полисемантичностью, обозначая в инкинском и саровском говорах 'место, не покрытое лесом'.

Наличие или отсутствие леса является одним из самых значимых признаков, участвующих в характеристике объекта. С его учетом осуществляется отграничение от других, ему подобных. Так, наличие крупного леса выводит реалему из категории объектов, объединенных родовым признаком 'болото', — это уже участок леса, тайги, материка, бора и под., не являющийся болотом, а лишь сохраняющий отдельные признаки заболоченности. Поверхность болота может характеризоваться только наличием мелкого, низкорослого леса и кустарника или их полным отсутствием.

Представленное в модели семантическое противопоставление 'болото, покрытое лесом, кустарником' и 'чистое, не покрытое лесом болото' реализуется в саровском и усть-чаинском говорах, причем тождеству плана содержания соответствуют в данном случае различия плана выражения, имеющие качественный характер: в саровской ЧДС противопоставление представлено словами *киргизное болото⊥поньжа,* в усть-чаинской — *череможное болото⊥клюквенное болото.* Различия плана выражения обусловлены различиями в способе номинации объекта при общности принципа номинации: в саровском говоре 'болото, заросшее мелким лесом, кустарником' — *киргизное болото* (*киргизник, кыргызник, кыргышняк* — 'мелкий, низкорослый сосновый лес'), в усть-чаинском — соответственно *череможное болото.* 'Чистое, не заросшее лесом болото' в саровском говоре — *поньжа* (причем немотивированность названия как бы восполняется его лексической сочетаемостью: большое количество контекстов дает его в сочетании с прилагательным *чистый* — *чистая поньжа*), в усть-чаинском — *клюквенное болото.* Кстати, можно за-

метить, что для носителей усть-чаинского говора в речевом общении весьма харектерно разграничение названий болот по тому, какой вид ягоды на них произрастает: Клюквенное болото — клюква растёт, а черемо́жно — само́ собой, где что растёт, так и называют. Ну, пошли на болото, на голуби́жно место. Там и кочки, и мох, и сосёнки стоят.

Особое место с системе наименований, составляющих анализируемую ЛСГ, занимает отмеченное в типсинском говоре название болота, покрытого высокими кочками, труднопроходимого. Оно не имеет языковых соответствий ни в одной ЧДС. Доминирующим признаком здесь выступает сема 'покрытое высокими кочками'. Вычленение этого вида болота языковым сознанием обусловлено, очевидно, не только наличием, но и его распространенностью среди прочих на территории типсиского говора. Материальным выражением являются лексемы *со́гра, са́кта, са́хта*. Тем же лексемным набором типсинская ЧДС манифестирует семему 'низменное труднопроходимое заболоченное место в тайге, покрытое высокими кочками', где категориально-лексическая сема определена как 'низменное заболоченное место'.

Такой род многозначности слова (идентичность ДП и различие в родовых признаках, относящихся к весьма близким, смежным предметно-понятийным сферам) получил распространение в исследуемой лексике вообще и в лексике, связанной с подтемой «заболоченность», в частности.

Диффузности семантики таких слов способствует, с одной стороны, их иноязычное происхождение, а следовательно, затемненность внутренней формы. С другой — диффузность заложена в их предметной соотнесенности.

В выборе объектов, выделенных языковым знаком, можно наблюдать определенный «прагматизм». В качестве референтов, как правило, представлены такие отрезки реальной действительности, с которыми, в силу тех или иных причин, не сталкивается носитель языка в своей повседневной жизни. Некий семантический объем, закрепленный за тем или иным названием, определяется опытом языкового коллектива, который, складываясь из индивидуальных опытов, может быть различным по от-

ношению к одному и тому же денотату и характеризоваться большей или меньшей степенью обобщения.

В данном случае значение слов-синонимов *сóгра* и *сúкта/сáхта* (из которых более употребительно *сóгра*) определяется либо как болото, либо как низменное заболоченное место, то есть в первом случае значение более конкретно и дискретно, тогда как во втором это может быть место и на болоте, и в тайге, и на лугах—значение подразумевает более высокую степень обобщения и является менее дискретным. Различия в толковании определяются различным опытом носителей, который либо связывает слово с классом однородных денотатов, либо с классом различных денотатов, объединенных общностью признаков.

ЛСГ «Названия болота» структурно организована по I типу: лексически выраженный родовой компонент значения привативно связан со всеми членами ЛСГ.

Для анализируемой лексики характерно преобладание непротивопоставленных различий плана содержания над различиями противопоставленными.

Характер расчлененности семантического пространства специфичен в каждой из исследуемых ЧДС. Наименее расчлененно представлены баранаковский и никинский говоры (2 названия). Все остальные микросистемы, располагая одинаковым количеством названий (4), качественно различаются либо в плане содержания, либо в плане выражения. В плане содержания нет ни одной ЧДС, которая реализовала бы идеальную модель, полученную индуктивно.

Типы семантических отношений между компонентами идентичны в саровском и усть-чаинском говорах: они реализуют соотношения родового и видового, видовидового и два семантических противопоставления: 'большое⊥маленькое' и 'покрытое лесом⊥чистое'. Баранаковский и никинский говоры реализуют отношения род — вид, вычленяя при этом различные виды наименований: баранаковский — *чистое болото*, никинский — *маленькое болото*.

Типсинский говор актуализует семантическую оппозицию 'большой⊥маленький', родовидовые и видовидовые отношения. Кроме того, в Типсинской ЧДС имеют место синонимические отношения (*голея=пóнька, сóгра=сáхта*).

Таблица 6

Названия болота

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
1. 'Болото'	болото болота	болото	болото	болото	болото
2. 'Небольшое болото'	болоти́на болоти́нка бала́хтинка	—	болоти́на	бала́хтина бала́хтинка боло́тичко	боло́тина болоти́нка боло́тце боло́тичко
3. 'Болото, занимающее обширную территорию'	—	—	—	голе́я у́ра	—
4. 'Болото, покрытое мелким лесом, кустарником'	кирги́зное болото	—	черемо́жное болото	—	—
5. 'Болото, не покрытое лесом, чистое'	по́ньжа	по́ньжа	клю́квенное болото	—	—
6. 'Болото, покрытое высокими кочками, труднопроходимое, сырое'	—	—	—	со́гра са́кта са́хта	—

План выражения анализируемой ЛСГ характеризуется качественно-количественным и качественным типом различий (табл. 6).

В семантической оппозиции 'покрытое лесом⊥чистое' различия плана выражения определяются фактором мотивированности.

Для ряда слов — компонентов ЛСГ — характерно лексико-семантическое варьирование, выходящие за пределы ЛСГ и наблюдаемое как на уровне микросистемы, так и на межсистемном уровне[45].

**
*

Результаты проведенного сопоставления 26 ЛСГ в пяти ЧДС прикетской группы говоров позволяют сделать следующие выводы:

1. Фактором, определяющим общую семантическую структуру ЛСГ, является наличие/отсутствие в составе ее компонентов опорного слова, являющегося семантическим стержнем группы. С учетом этой типологической характеристики выявлены: а) группы, характеризующиеся наличием стержневого слова, значение которого привативно связано со значениями других компонентов ЛСГ. Это такие группы, как «Названия ветра», «Названия погоды», «Названия снега», «Названия озера» и т. п. — всего 14 групп; б) группы слов, характеризующиеся отсутствием стержиевого слова и установлением соотношения между значениями компонентов по типу эквиполентной оппозиции. Это ЛСГ «Названия естественного водного потока», «Названия осадков в виде снегообразных кристаллов», «Названия наметенной ветром массы снега» и т. п. — всего 12 групп.

---

[45] Анализ ряда ЛСГ прикетских говоров — «Названия льдины», «Названия полосы льда у берега», «Названия видов льда», «Названия низменных и зоболоченных мест» см.: Гынгазова Л. Г. Типы лексических различий в тематической группе «Названия льда». — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 182—192; Она же. О методике сбора материала для типологического исследования диалектной лексики. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 229—233; Она же. О диалектных лексических различиях говоров малого ареала: (К постановке вопроса). — В кн.: Молодые ученые и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция: Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983, с. 132—134.

При сопоставлении структур соотносимых ЛСГ на межсистемном уровие различий в этом плане не наблюдается. Процесс вычленения родового компонента во всех ЧДС представлен однозначно: он либо вычленяется, и это вычленение (независимо от средств его манифестации) прослежнвается во всех сопоставляемых фрагментах, либо нет, и отсутствие такого вычленения также релевантно для всех ЧДС. Такое единство в способе подведения однородных видовых понятий под родовое свидетельствует о типологической общности анализируемых говоров.

2. Типологнческой характеристикой, определяющей общую структуру ЛСГ, является функциональная подвижность сем в составе семемы, которая позволяет дифференциальным семам, вследствие их повторяемости в различных семемах, приобрести статус интегральных и способствует вычленению подгрупп в составе ЛСГ. Группы, характеризующиеся расчлененной системой входящих в их состав названий, такие, как ЛСГ «Названия снега», «Названия льда», «Названия ветра», «Названия места на болоте» и др., формируют в своих границах объединения компонентов, связанных общими дифференциальными семами.

Указанная характеристика нерелевантна при установлении различий на межсистемном уровне, определяя таким образом структурное единообразие сопоставляемых ЛСГ. Представляется, что она могла бы быть значимой в плане выявления различий при сопоставлении фрагментов менее близких языковых систем, например, системы говора и литературного языка.

3. Абсолютное структурно-семантическое тождество ЛСГ во всех анализнзуемых микросистемах характеризует минимальное количество групп: в тематической подгруппе «Атмосферные и климатические явления» это ЛСГ «Названия росы», в подгруппе «Водные источники» — «Названия русла реки» и «Название ровного участка реки», в подгруппе «Рельеф» таких ЛСГ нет. Перечисленные группы характеризуются минимальной степенью расчлененности семантического пространства — в пределах одной-двух семем. Каждое выделенное название манифестируется одной лексемой. Видимо, здесь наблюдается зависимость тождества плана содержания от степени расчлененности, которая, в свою оче-

редь, обусловлена отсутствием разнообразных аспектов уточнения категориально-лексической семы, то есть неактуальностью вычленения языковым сознанием дифференциальных признаков, способных стать основой наименования определенного вида.

4. Ряд рассмотренных лексико-семантических групп характеризуется тождеством плана содержания при релевантности различий в их лексемном составе: в подгруппе «Атмосферные и климатические явления» — это ЛСГ «Названия погоды», «Названия наметенной ветром массы снега», «Названия льда», «Названия разлива реки», «Названия дождя». В подгруппе «Водные источники» — это ЛСГ «Названия естественного водного потока», «Названия обратного течения реки». В подгруппе «Рельеф» таких ЛСГ не отмечено.

Различия в наборе лексем при их семантическом тождестве — явление, характерное для говоров, причем из двух типов формальных различий — качественных и качественно-количественных — явное преимущество наблюдается в реализации различий качественно-количественного типа. Различия плана выражения обусловлены рядом причин. Прежде всего они тесно связаны с особенностями номинации. Один и тот же предмет реальной действительности может иметь по говорам различные типы наименований, различающихся как качественно, так и количественно. Каждая реалема характеризуется комплексом присущих ей свойств и качеств, и многие из них, проецируясь на языковой план, способны служить основой для номинации данного объекта. Различные мотивировочные признаки могут быть закреплены в названиях одного и того же денотата как на уровне микросистемы, так и на межсистемном уровне (см., например, названия полосы льда, образовавшейся у берега в период ледостава: *за́берег, осенчу́к,* или названия топкого непроходимого места на болоте: *трясина, топоти́на, а́дина*).

При общности мотивировочного признака различия могут быть заключены в средствах номинации, определяя нетождественность плана выражения (см., например, названия изгиба реки: *изгиб, криву́н, излучина, ло́коть*).

Варьирование наименований, закрепленных за одним денотатом, при общности средства номинации может

осуществляться за счет различных наборов словообразующих формантов, причем в рамках одной ЧДС такие наборы способны оформлять до 5—6 названий (например, названия первого снега: *озимок, зазимок, отзимье, зазимье, озимье* или названия низового ветра, несущего снег по земле: *ползун, ползёнь, поползёнь, ползунец*).

При обозначении одного денотата можно наблюдать синонимические ряды мотивированных и немотивированных единиц как в пределах микросистемы, так и на межсистемном уровие. Синонимия лексических единиц может быть результатом семантических процессов — нейтрализации в слове дифференциального признака, а также актуализации нового (например, синонимы *шуга, шонга* 'мелкий, рыхлый лед, идущий по поверхности реки в период ледостава'), установлению семантического равенства между которыми способствует стирание ДП 'подо льдом' в слове *шонга*, реализующего семантическую оппозицию по признаку 'место образования'.

Ряды синонимов пополняют слова, обладающие диффузной семантикой (например, синонимические ряды, включающие слово *пахта* в ЛСГ «Названия снега» или слово *погода* в ЛСГ «Названия погоды»).

Наличие синонимов может быть также результатом языковых взаимодействий: один синонимический ряд может включать как общерусские единицы, так и собственно диалектные — исконные или заимствованные (например, названия водоема, образующегося на низком месте у реки и к осени пересыхающего: *закулига, залив, лыва* или названия ответвления от основного русла реки, представляющего собой рукав: *анга, протока, старица, рукав,* или названия верхнего слоя снега, замороженного после оттепели: *наст, чир, чарым, чурым, резунец*).

Различия плана выражения при тождестве содержательной стороны могут объясняться также наличием в высшей степени характерной для говоров системы вариантных образований (например, вариантные ряды *кухта/куфта/кухта; согра/согора/согура*).

Богатство словообразовательных средств, характеризующее говоры, а также относительная свобода словотворчества при отсутствии письменно закрепленной нормы обеспечивают появление в говорах ряда различных наименований, соотнесенных с одним денотатом.

5. В результате анализа выявляются лексико-семантические группы, актуализующие различия плана содержания и плана выражения. В тематической подгруппе «Атмосферные и климатические явления» — это ЛСГ «Названия снега», «Названия осадков в виде снегообразных кристаллов», «Названия льдин». В подгруппе «Водные источники» — это ЛСГ «Названия озера», «Названия водоемов», «Названия ответвлений от основного русла реки», «Названия заливов», «Названия островов», «Названия полуостровов», «Названия изгиба реки». В подгруппе «Рельеф» практически весь ее состав характеризуется различиями содержательного и формального планов. Такой тип различия представляется наиболее значимым для выявления специфики каждой микросистемы, так как в нем в наибольшей степени проявляется зависимость семантической системы языка от «системы» реального мира. Определяющим в данном случае является различный характер и степень членимости внеязыкового пространства языковыми средствами, которая может быть обусловлена экстралингвистическими различиями или неодинаковым осознанием факта реальной действительности языковым сознанием носителей говора. Как в том, так и в другом случае имеет место непротивопоставленность различий плана содержания.

Большой удельный вес приходится на долю различий, связанных со спецификой восприятия факта внеязыковой действительности в отдельной ЧДС. При этом вычленяются следующие типы:

5.1. Тип различия, когда в одних говорах явление представлено нерасчлененно, одним понятием, в других — дифференцированно. Так, семантический отрезок 'верхний слой снега, замороженный после оттепели' осознается в различных ЧДС по-разному. Отсутствие членимости семантического пространства по признаку 'толщина слоя' представлена в баранаковском говоре (*наст*); противопоставление нерасчлененного названия названию толстого слоя характерно для саровского говора (*чарым=канасо́к⊥наст*); трехчленное противопоставление толстого слоя, слоя средней толщины и тонкого слоя реализует никинский говор (***наст⊥ чир⊥гололедица***).

5.2. Тип различия, когда в одних говорах релевантно противопоставление по данному ДП, а в других — нет. Например, название кратковременного порывистого вет-

ра разрушительной силы *(ураган)* противопоставлено в саровском, усть-чаниском и инкинском говорах названию кратковременного кругового ветра разрушительной силы *(вйхорь)*, Баранаковская ЧДС такого противопоставления не актуализует, не вычленяя признак, характеризующий направленность ветра, — 'круговой'.

5.3. Тип различия, когда в одних говорах для противопоставления релевантен один набор ДП, в других — другой. Примером может служить система признаков, формирующих группу названий озер: типсинский говор: 'озеро в лесу', 'озеро на лугах', 'озеро на болоте', 'луговое озеро с истоком', 'маленькое озеро' *(таёжное озеро⊥луговское озеро=сорник — пóньжа — чвор — мурлинка)* и усть-чаинский говор: 'озеро с истоком, вытекающим из болота', 'маленькое озеро' *(чвор — ямка — каган)*.

Основываясь на материальном тождестве лексических единиц, можно выявить следующие типы различий:

5.4. Тип различия, при котором слово, известное одному говору, не отмечено в соответствующем значении в другом (других) говоре, (например, слово *пóдлип* 'рыхлый мокрый снег в период оттепели', неизвестное усть-чаинскому, инкинскому, типсинскому говорам; слово *кичь* 'снег, идущий в виде крупы, холодный, мелкий, твердый', неизвестное баранаковскому говору, слово *тесáн* 'низменное заболоченное место в тайге с твердой почвой', известное только типсинскому говору).

5.5. Тип различия, при котором слово, известное говору в одном значении, в другом говоре характеризуется специфическим смысловым наполнением. Различия в данном случае могут реализоваться: а) в наличии различительного дифференциального признака (*мýча* — 'изгиб реки' и 'большой изгиб реки', *пáхта* — 'мягкий, лежащий снег' и 'мягкий снег, лежащий тонким слоем'); б) в наличии специфического набора ДП при общности категориально-лексической семы (*хйуз* — 'холодный зимний ветер со снегом' и 'холодный весенне-осенний ветер с мокрым снегом'); в) в различных категориально-лексических семах, которые вводят названия в смежные предметно-понятийные сферы (*ручей* — 'небольшой естественный водный поток, обладающий быстрым течением' и 'русло высохшего ручья'), в не соприкасающиеся предметно-понятийные сферы (*канасок* — 'лед, покры-

вающий речку, озеро тонким, прозрачным слоем' и 'место в тайге, удобное для охоты').

Выявленные типы различий в значении лексических единиц при их материальном тождестве позволяют сделать вывод, имеющий приниципиальное значение: для говоров малого ареала характерен широкий семантический диапазон слова на ограниченной территории.

6. Семантический объем, закрепленный за каждой языковой единицей в конкретной микросистеме, определяет специфический характер парадигматических отношений, устанавливающихся между соответствующими компонентами ЛСГ.

7. Лексика, входящая в сферу анализа, несмотря на определенную близость к терминологической, характеризуется способностью к лексико-семантическому варьированию. Различия в данном случае создаются соответствующими компонентами ЛСГ, реализующими или нет потенциальную возможность семантической деривации (см., например, слово *чигúн,* которое в усть-чаинском говоре актуализует значения 'большой изгиб реки' и 'полуостров, образованный изгибом реки', а в саровском говоре отмечена только вторая семема, первая манифестируется лексемами *изгиб, кривýлина, кривýн, поворóт, излýчина;* слово *осенчýк* в баранаковском говоре выступает в значении 'лед, образующийся у берега в период ледостава' и 'льдина, образовавшаяся из прибрежной полосы льда в период ледохода', в инкинском говоре первая семема манифестируется лексемами *зáбережник, закрáйка*).

Можно говорить о специфике в характере лексико-семантического варьирования слов — компонентов различных ЛСГ. Для многозначных единиц подгруппы «Атмосферные и климатические явления» в большей степени характерен тип соотношения ЛСВ, представляющих собой в составе основной единицы бисемемную структуру (*талиба* — 'рыхлый, мокрый снег, лежащий в период оттепели' и 'время таяния снега', *сеногной* — 'затяжиой прерывистый дождь в период сенокоса' и 'дождливая погода в период сенокоса'). В подгруппах «Рельеф» и «Водные источники» преобладают многозначные слова, характеризующиеся в качестве основиой единицы полисемемностью структуры (*согра* — 'труднопроходимое сырое болото, покрытое высокими кочками', 'труд-

непроходимое заболоченное место в тайге, покрытое густым лесом, кочками', 'низкое заболоченное место на лугах, покрытое мелким лесом, кочками'; *полой* — 'ответвление от основного русла реки, покрытое водой в период половодья', 'низкое место, затопленное в период половодья водой', 'небольшой естественный водный поток, обладающий быстрым течением', 'естественный непрерывный водный поток, текущий в разработанном русле, соединяющий два водных источника').

8. В создании диалектных лексических различий значительную роль играет мотивированность слов в плане установления отношений лексической мотивации. Осознание мотивировочного признака и актуализация его в отношениях лексической мотивации оказывают существенное влияние на формирование лексического значения слова. Лексическая единица, мотивированная в системе одного говора и не мотивированная в системе другого, характеризуется различиями плана содержания (например, слово *вьюга,* соотносящееся в саровском говоре с лексическим мотиватором *вить* и актуализующее в значении сему 'круговой'; в баранаковском, усть-чаинском, типсинском говорах слово формирует другое значение, характеризуясь размытостью семантики).

Таким образом, анализ языкового материала выявляет как тождество сопоставляемых фрагментов, так и типы различий, устанавливающихся при сопоставлении по разным основаниям.

§ 5. Некоторые итоги и перспективы типологического исследования лексики среднеобских говоров

Как свидетельствуют результаты проведенного комплексного анализа типологических признаков говоров Среднего Приобья, степень общности их лексического состава уменьшается от уровня к уровню: наибольшей она является на уровне отдельного слова (ЛСВ), наименьшей — на уровне фрагментов лексических микросистем. Изучение типов и характера лексических различий говоров малого ареала — прикетских говоров — обнаружило в сфере тематической группы «Природа», в названиях погоды, ветра, снега, дождя, росы, льда, льдин, водных источников, рельефа, разную лингвистическую сегментацию сходной или одной и той же внеязыковой действительности, что составляет правило, а не

исключение. Отсюда — разное количество вычленяемых семантических отрезков, получивших выражение в однословных номинациях или в словосочетаниях, разная степень дифференцированности семантического поля, разные основания для его сегментации. И как неизбежное следствие — разные типы структур ЛСГ.

Общность ЛСГ нередко исчерпывается одним-двумя их компонентами. Так, общим компонентом ЛСГ «Названия болота» в прикетских говорах является слово *болото*, выражающее категориально-лексическую сему данной ЛСГ; общим компонентом ЛСГ «Названия видов озёр» является слово *озеро (возеро)*, также обозначающее категориально-лексическую сему анализируемой ЛСГ; в составе ЛСГ «Названия разлива реки» общность составляет два компонента группы: *разлив* и *наводнение;* два общих компонента из трех — *иней* и *куржак* — имеется в составе ЛСГ «Названия видов атмосферных осадков, состоящих из снегообразных кристаллов». Редкое исключение составляет общность большинства компонентов ЛСГ как это наблюдается среди названий естественного водного потока: *река, речка, ручей, ключ, исток* в пяти ЧДС прикетской диалектной группы имеют одно и то же значение. Редки и случаи полного тождества ЛСГ как в плане выражения, так и в плане содержания соответственных семантических отрезков. Один из примеров — ЛСГ «Названия росы», малочисленная по составу, которая тождественна и по типу отношений между компонентами ЛСГ во всех ЧДС прикетских говоров (табл. 7).

Таблица 7

Семема	Саровка	Баранаково	Усть-Чая	Типсино	Инкино
'Роса'	роса	роса	роса	роса	роса
'Отсутствие росы'	сухорóс	сухорóс	сухорóс	сухорóс	сухорóс

Исследование Р. Я. Тюриной, проведенное с учетом диалектного членения среднеобских говоров, показало, что в лексике природы в рамках Среднего Приобья одни ее микрогруппы составляют общность элементов

ЧДС отдельных групп говоров среднеобского массива. Таковы, например, микрогруппы — названия месяцев, суток и их частей, названия мышеобразных, бабочек, мух, муравья и др.[46]; другие микрогруппы составляют различия фрагментов диалектных систем. Как выявлено, лексическая противопоставленность групп говоров Среднего Приобья на избранном ею уровне выражается в разных формах: либо различно количество компонентов, входящих в лексическую микрогруппу, либо различны смысловые отношения между компонентами микрогруппы, либо различно и то и другое одновременно. На основе проведенных наблюдений можно сделать вывод о том, что лексическую противопоставленность обнаруживает или каждая из групп среднеобских говоров, например, в названиях созвездий и звезд, названиях сугроба, воды в реках и озерах, названиях пасмурной погоды, ветра, инея[47] или две-три группы говоров в разных комбинациях. Например, по характеру смысловых отношений компонентов соответственных элементов ЧДС (на межсистемном уровне) микрогруппы названия сторон света притомская, причулымская и приобская диалектные группы противопоставлены прикетской и нарымской[48], по составу микрогруппы «Названия времен года» притомская и причулымская группы противопоставлены всем остальным[49] по составу и смысловым отношениям микрогруппы «Названия состояния реки» притомская, причулымская и приобская группы противопоставлены как прикетским говорам, так и нарымским[50], то же соотношение характеризует микрогруппу «Название погоды[51].

Аналогичные выводы дает анализ других микрогрупп, извлеченных из области производственно-промысловой и предметно-бытовой лексики.

Однако такой анализ лексических различий и общности среднеобских говоров (в связи с их диалектным членением) не всегда бывает возможным из-за отсутст-

---

[46] См.: Тюрина Р. Я. Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья..., с. 221, 227, 231, 293 и др.
[47] См.: Там же, с. 55—144.
[48] См.: Там же, с. 37.
[49] См.: Там же, с. 42.
[50] См.: Там же, с. 100.
[51] См.: Там же, с. 65.

вия единообразия в «поведении» лексических микрогрупп в каждой из ЧДС той или иной диалектной группы. Так, по данным картографирования микрогруппы «Названия фартука»[52] при общеобском ареале слова *фартук* «единообразной» оказалась лишь прикетская группа говоров (ей неизвестны дублетные названия соответствующей реалии), в то время как в остальных диалектных группах слово *фартук* употребляется то как единственное обозначение данной реалии, то имеет дублеты: или *передник* — в отдельных говорах приобской; причулымской и нарымской групп, или *запон* — в отдельных, единичных, говорах причулымской и притомской групп; в говоре же с. Верхотомка, Кемеровской области (притомская группа) зафиксированы все три названия. Идентичную картину представляют результаты картографирования названия мучной каши, названий чердака, хода в подполье, названий детской колыбели[53], а также результаты лингвогеографического и сопоставительного анализа других лексических микрогрупп.

Таким образом, проведенный анализ лексики среднеобских говоров с достаточной очевидностью выявил, что их диалектное членение, осуществленное на фонетическом и морфологическом материале (см. первую часть настоящей монографии), не имеет постоянной поддержки на лексическом уровне: сложность и своеобразие лексической системы каждой ЧДС, тесная связь с реальной действительностью, диффузность лексической семантики, разная лингвистическая сегментация соотносительных семантических полей и многое другое группирует говоры того или иного диалектного континуума более дробно, нежели их фонетико-морфологический строй, особенно на уровне фрагментов микросистем; на уровне же отдельного слова (или ЛСВ) и уровне лексических парадигм диалектное членение говоров Среднего Приобья по данным лексики может как соответствовать, так и не соответствовать его диалектному членению по данным фонетики и морфологии.

Проведенный анализ показал перспективность типологического изучения словарного состава среднеобских

---

[52] См.: Иванова Ф. П. Предметно-бытовая лексика...: Дис...канд. филол. наук. Приложения, карта № 15.

[53] См.: Там же, карты № 2—5.

говоров, о чем свидетельствуют как уже имеющиеся лексикологические и лексикографические разработки, так и планируемые в будущем. Безусловно, перспективным представляется выявление типологических характеристик лексики говоров на уровне фрагментов микросистем прежде всего говоров малого ареала, которое должно предшествовать подобному изучению в рамках большего и большого ареала. В намеченном аспекте требует расширения предмет типологического рассмотрения: им должны стать разные ЛСГ, как построенные на основе общности категориально-лексических сем, так и на базе разного рода системных отношений: синонимических, антонимических, формального и семантического варьирования, мотивационных и др.; им должны стать ЛСГ разных тематических групп с последующим переходом к анализу лексических блоков — более крупных единиц типологического анализа.

Перспективным представляется типологический анализ и на уровне отдельного слова, и на уровне лексических парадигм, соединенный с лингвогеографическим анализом. Возможности такого исследования диалектной лексики далеко не исчерпаны и с привлечением ономасиологического подхода (который может стать и самостоятельным аспектом типологического исследования) таит в себе важные результаты.

Создаваемые на материале лексики среднеобских диалектов разные типы словарей — полные словари одного говора (с. Вершинино, Томского района, Томской области и с. Нарым, Парабельского района, Томской области), мотивационные словари одного говора (вершининского и нарымского), антонимические словари одного говора (вершининского и нарымского), идеографический словарь одного говора (нарымского), обратный словарь одного говора (вершининского) и планируемые на будущее словари явятся достаточной базой для подлинно типологического исследования словарного состава говоров Среднего Приобья, цель которого — сравнение систем.

Глава II

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Раздел 1. О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ

§ 1. К вопросу о единицах сопоставительного словообразования

Типологический анализ среднеобских говоров представляет собой сложную задачу, что связано, прежде всего, с уровнем развития типологии руского диалектного словообразования, находящейся, по существу, в начале своего пути. В настоящее время типологические исследования характеризуются поиском основных единиц сопоставления, способных отражать своеобразие системной организации диалектного словообразования. Трудности выделения единиц сопоставления порождаются теми особенностями словообразования, которые предопределяют его промежуточное (межуровневое) положение между лексикой и грамматикой. Наиболее существенными из них являются полифункциональность словообразования; своеобразное противоречие между конечностью формальных средств и открытостью рядов словообразовательных значений; связанная с этим противоречием семантическая разноуровневость наиболее простых, исходных единиц словообразования (словообразовательных формантов, словообразовательных типов) и их широкая синонимия.

Полифункциональность словообразования проявляется в совмещении разных по назначению процессов: во-первых, словообразование осуществляет первичную (лексическую) номинацию предметов и явлений; во-вторых, производит вторичную номинацию предметов и явлений, создавая стилистически окрашенную лексику или подвергая грамматическому (морфолого-синтаксическому) переоформлению существующие лексические единицы.

Наибольшей сложностью обладает механизм создания первичных номинативных образований (мутационное словообразование). Особенности организации системы словообразовательных значений разных частей речи связаны со спецификой отражения внеязыковых явлений каждой из них. Но наиболее важным в данном случае является противопоставление существительных (субстанциональных слов) остальным частям речи (признаковым словам). Значимое для синтаксиса[1], оно оказывается важным и для словообразования[2].

Для существительных характерно отражение явлений как дискретных единиц, которые представляют собой комплексы свойств и благодаря этому образуют классификацию таксономического типа. Находясь на службе у лексики, первичная номинация имеет своей целью пополнение лексических рядов тех или иных семантических тем недостающими с точки зрения носителя языка единицами. Такая «лексическая» направленность словообразовательных процессов приводит к тому, что наиболее абстрактная словообразовательная семантика может быть представлена в ряде постепенно конкретизирующихся значений вплоть до узких лексико-тематических значений производных и производящих единиц. Иными словами, словообразовательная семантика обладает иерархически организованной структурой, для характеристики которой принципиально важно выделение трёх уровней абстракции: грамматико-словообразовательного, собственно словообразовательного и лексико-словообразовательного[3].

Наиболее высокий, грамматико-словообразовательный уровень обобщения (ГСЗ) определяется отношениями частей речи («предмет по действию», «действие по предмету», «предмет по признаку», «признак по признаку», «признак по предмету» и т. д.).

---

[1] Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 326—356.

[2] Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1977, с. 14—18.

[3] Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования. Томск, 1979, с. 77—136; Она же. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983, с. 25—35.

Собственно словообразовательный (ССЗ) — отражает менее общие виды отношений между предметами и явлениями объективной действительности, зафиксированные в различных грамматических категориях языка (см. категорию падежа, прямую и косвенную переходность глаголов и др.) и используемые также в целях номинации («субъект действия», «орудие действия, «объект действия», «действие по результату», «действие по месту», «носитель признака», «целое по части», «часть по целому» и т. п.). Указанные виды значений сформировались применительно к производным широкой тематической семантики (лица, животного, артефакта, естественного явления) и, отражая самые общие ономасиологические аспекты, реализуют функциональный, определительный и соотносительный принципы номинации, последний — в его определительном, функциональном, соединительном и общесоотносительном (собственно соотносительном) вариантах[4].

Собственно словообразовательная семантика конкретизируется до уровня лексико-словообразовательных значений (ЛСЗ), в которых оказываются учтенными более или менее узкие тематические группы производных и конкретные семантические темы мотивирующих слов (отражающие типы номинации): например, «профессиональное лицо по месту работы», «помещение для домашних животных», «охотиться на дикого животного» и т. п. Диалектную специфику вероятнее всего ожидать на уровне первого и третьего видов словообразовательных значений.

Количество лексико-тематических конкретизаций обобщенного словообразовательного значения как по степени обобщения, так и по перечню подтем, представленных на каждом уровне обобщения, может быть неограниченным. Во многом определяемые лексической системой, а через нее и внеязыковыми факторами, словооб-

---

[4] Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования ..., с. 35—43; Она же. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа». — В кн.: Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984, с. 8—21; Она же. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985.

разовательные значения лексико-тематического уровня образуют открытые ряды и являются ведущими в лексической номинации. Последнее обстоятельство проявляется, в частности, в том, что грамматико-словообразовательные и собственно словообразовательные значения в словообразовательных типах (СТ) очень редко бывают представлены без дальнейшей их конкретизации (исключение составляет, например, словообразовательный тип отглагольных существительных на *-тель* с собственно словообразовательным значением производителя действия). Характеризуя глубинную сущность словообразовательных процессов, указанные значения на поверхностном уровне обычно предстают не в чистом виде, а через призму семантической темы того или иного вида обобщения (см. отглагольные существительные на *-льщик*, где значение субъекта, производителя действия, представлено через тему лица — «лицо, производящее действие»). Следует признать, что реальную картину словообразовательных значений (СЗ) наиболее адекватно (во всяком случае, на уровне современных знаний) отражает такое описание, которое построено на основе трех показателей: частеречной характеристики производных, собственно словообразовательной семантики (учет внутреннего механизма их создания, связанного с принципами и типами номинации) и их поверхностной лексико-тематической представленности. Настоящее описание словообразования среднеобских говоров произведено с указанных позиций.

Прилагательные, будучи единицами признакового типа, отражают один признак или комплекс свойств как один признак, свойственный классу однородных предметов, указание на который, хотя и в достаточно общем виде, имеется в самой семантике прилагательного (ср. синтаксичность их морфологических показателей). Эта зависимость прилагательного от определяемого им существительного на уровне словообразования проявляется в том, что аспекты номинации свойств, признаков носят «отраженный» характер, являясь следствием того, в каком аспекте рассматриваются предметы, субстанции, которые этими свойствами обладают. Отсюда — наличие таких черт в организации словообразовательных значений прилагательных, как учет тематической дифференциации называемых признаков и связанная

с этим иерархическая упорядоченность словообразовательных значений.

Виды глагольных значений в немалой степени определяются теми отношениями, которые складываются между приглагольными актантами и без которых семантика глагола не может быть реализована в речи. Аспекты номинации действия также оказываются связанными с аспектом рассмотрения предметов, явлений, играющих роль субъекта, объекта и т. п. в называемой процессуальной ситуации.

Неоднозначное решение получает вопрос о средствах и способах выражения различных видов словообразовательного значения. Важная для типологического анализа особенность заключается в том, что СЗ любого уровня обобщения в принципе может иметь как непосредственное, так и опосредованное выражение. В первом случае оно является «общим значением» СТ (см. значение «помещения для находящегося в нем предмета» у общерусских существительных типа *колокольня, голубятня, слесарня*), во втором — его «частным значением»[5] (ср. с таким же значением у общерусских существительных типа *коровник, птичник,* связаным со словообразовательной формой опосредованно, через общее значение СТ «предмет по предмету»).

Так как указанные СЗ способны в качестве общих или частных значений проходить через многие словообразовательные типы, т. е. способны иметь несколько средств выражения, они могут быть квалифицированы как словообразовательные категории или подкатегории. Под словообразовательной категорией (СК) понимается такой вид словообразовательной семантики, известный ряду словообразовательных типов, который является общим значением хотя бы одного СТ, т. е. имеет хотя бы один специализированное средство выражения. Функцию категории могут выполнять также общие значения СТ, на периферии которых возникают словообразовательные значения других видов, представленные, однако, единичными производными (ср. в среднеобских говорах значение орудия действия у существительных на *-льник* и существительное молотильник, 'тот, кто молотит'). Частные значения словообразовательных типов

[5] Русская грамматика. АН СССР. М., 1980, ч. 1, с. 136.

(ЧСЗ), т. е. значения, не соотносимые ни с одним специализированным формантом, образуют словообразовательные подкатегории (СПК).

Способность словообразовательных средств выражать семантику разной степени абстракции приводит к тому, что словообразовательные категории могут быть разного уровня обобщения — от самого высокого до самого низкого, а общее соотношение «категория — подкатегория» далеко не всегда носит родовидовой характер.

В отличие от семантической системы мутационного словообразования модификационные значения не образуют многоуровневой структуры и характеризуются тенденцией к специализации словообразовательных средств, что и обусловливает наличие определенного количества более или менее конкретных словообразовательных категорий (см. категории женскости, уменьшительности, увеличительности и т. п. у существительных, категории разной степени интенсивности признака у прилагательных и др.). Категории модификационного словообразования могут быть объединены в группы, что, однако, на формальном уровне не поддерживается.

Что касается внутриглагольной префиксации, то необходимо выделить такую особенность данного процесса, как совмещение в нем собственно словообразовательной и морфологической направленности. Как известно, в результате префиксации, с одной стороны, видоизменяется лексическое значение глагола, с другой — создаётся грамматическое значение вида. При этом изменения лексического характера актуализируются тогда, когда префиксальное значение соединяется с глагольной семантикой, выражающей характер протекания действия; взаимодействие с семантикой результативного аспекта выводит на первый план грамматическое значение вида[6]. Лексико-грамматический характер процессов префиксации и широкая полисемия префиксов, организованная по принципу «веера», ставит глагольную префиксацию в особое положение по сравне-

---

[6] Лебедева Н. Б. Описание глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности): Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Томск, 1979, с. 8.

нию с другими видами модификационного словообразования.

Словообразовательные значения синтаксической деривации образуют один уровень обобщения, определяемый частью речи, показатели которой производное приобретает.

Модификационное и синтаксическое словообразование существительных характеризуется нестойкостью словообразовательных значений, их способностью переходить в разряд конкретно-предметных значений, поэтому четкой грани между данными сферами словообразования не существует[7]. Нет также, хотя и по другим причинам, заметных и определенных границ между мутацией, модификацией и синтаксической деривацией прилагательных и глаголов.

Связь словообразования с морфологией проявляется на уровне лексико-грамматических значений (одушевленность/неодушевленность, дискретная множественность/собирательность, конкретность/отвлеченность у существительных, качественность/относительность у прилагательных, переходность/непереходность у глаголов и т. д.)[8]. Некоторые СТ способствуют пополнению указанных лексико-грамматических разрядов слов (см. производные существительные со значением единичности, отвлеченного значения, качественные прилагательные с суф. *-аст-* и др.). И хотя такая связь является далеко не обязательной для всех СТ, целесообразно учитывать особенности грамматического оформления производного слова, считая его одним из элементов словообразовательной структуры производного слова.

---

[7] Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью. — Учен. зап./Томск. ун-т, 1965, № 57: Вопросы русского языка, с. 76—81.

[8] См., например: Азарх Ю. С. Проблемы связи словообразования и формообразования в истории русского языка (имя существительное): Автореф. дис. ...докт. филол. наук, М., 1983, с. 23—52; Янценецкая М. Н. К вопросу о связи категории переходности — непереходности со словообразовательным глагольным типом. — В кн.: Вопросы грамматики русского языка (функциональный анализ морфологических структур). Иркутск, 1977, с. 28—33; Она же. Заметки о суффиксальном значении: Глагольные суффиксы. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1978, с. 17—34; Она же. Суффиксы имен прилагательных и существительных. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1978, с. 34—56.

Типологическое исследование предполагает выявление в сопоставляемых системах как общего, так и различного, способного проявляться на разных уровнях: способа создания слова, словообразовательной категории и подкатегории, словообразовательного гнезда, типа и подтипа, аффикса, префикса и т. п. При этом возможны следующие моменты анализа материала: 1) семасиологический аспект, предполагающий изучение от системы словообразовательных средств (способов создания производиых, словообразовательных типов, словообразовательных аффиксов и т. д.) к выражаемым ими значениям, 2) ономасиологический аспект, предопределяющий анализ материала от системы словообразовательных значений к средствам их выражения. Второй подход возможен при условии предварительного описания словообразовательной системы с семасиологических позиций, позволяющего выявить деривационные поля (семантические темы) и их конкретные подвиды для производных всех частей речи; определить связь выявленных семантических сфер со словообразовательными значениями разного уровня обобщения и выделить обобщенные единицы словообразовательной семантики (категории, подкатегории), которые могут быть использованы[9] как основа сопоставления разных словообразовательных систем[10].

Комплексные единицы словообразования (словообразовательная цепочка и словообразовательное гнездо) могут быть в полной мере использованы как единицы сопоставления лишь после создания их типологии и классификации применительно к каждой из сопоставляемых систем. Это очень сложная задача и, несмотря на значительные достижения в области изучения словообразовательных гнезд (А. Н. Тихонов и др.), в настоящее время ее нельзя признать решенной.

---

[9] См., например: Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Ереван, 1975.

[10] В последующем оба вида анализа полезно дополнить сопоставлением полученных результатов с семантическим полем иных (аналитических и собственно семантических) способов номинации. Ср.: Никитевич В. М. Лингвистические основы сопоставительного исследования номинативной деривации близкородственных языков. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 1982, ч. 2, с. 6—9.

Выбор аспекта и единиц сопоставительного анализа во многом зависит от степени и характера общности сопоставляемых систем.

§ 2. Аспекты и источники сопоставительного анализа среднеобского словообразования

Русское диалектное словообразование характеризуется наличием широкой общерусской базы, состоящей из единиц (формантов, типов, категорий) и способов словообразования, известных литературному языку и говорам. Это определило изучение диалектных словообразовательных систем преимущественно через сопоставление со словообразованием литературного языка. Литературному языку противопоставлялись отдельные говоры, группы говоров, диалектная словообразовательная система в целом.

Другой вид типологического изучения диалектного словообразования, пока еще менее распространенный, сводится к сопоставительному анализу словообразовательных систем диалектных наречий (северно-русского, южно-русского, среднерусского, сибирского) и отдельных говоров внутри одного диалекта. Диалектно-литературному и внутридиалектному сопоставительному изучению могут подвергаться целые словообразовательные системы (всех частей речи и всех способов словообразования), отдельные способы словообразования (суффиксация, префиксация, словосложение и т. д.), подсистемы отдельной части речи, ее конкретных лексико-семантических тем и т. д. вплоть до отдельных суффиксов.

Словообразование среднеобских говоров в типологическом аспекте изучалось на уровне отдельных формантов (М. Н. Янценецкая, Е. М. Пантелеева, М. Г. Семенкина)[11], именного словосложения (Е. М. Пантелеева)[12],

---

[11] Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью, с. 76—81; Пантелеева Е. М. Бессуффиксные имена существительные, мотивированные глаголами. — В кн.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, с. 82—89; Семенкина М. Г. О роли глагольного префикса в организации глагольной синонимии. — В кн.: Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1986.

[12] Пантелеева Е. М. Образование сложных имен существительных в говорах. — В кн.: Грамматика русского языка. Иркутск, 1972, вып. 1, с. 157—166.

суффиксальной подсистемы существительных, отыменных глаголов (Л. А. Араева, М. Н. Янценецкая, С. Н. Гудкова)[13], лексико-семантических тем лица, артефакта и др. (Е. М. Пантелеева, М. Н. Янценецкая, Л. А. Араева, З. И. Резанова)[14], модификационного словообразования (М. Н. Янценецкая, Е. М. Пантелеева)[15], с точки зрения словообразующих возможностей существительных (З. И. Резанова)[16], глаголов (Н. Е. Грушко)[17], фразеологических устойчивых сочетаний (М. Б. Та-

---

[13] Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе одного говора: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981, с. 27—182; Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования; Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1982, с. 198—327; Гудкова С. Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. 180 с.

[14] Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971, ч. 1, с. 120—127; Она же. Образование имен существительных со значением лица. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, с. 14—22; Она же. Образование и функционирование имен существительных отвлеченного значения. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1976, с. 40—47; Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования, с. 198—327; Она же. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система русского языка. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 128—145; Араева Л. А., Резанова З. И. Производные существительные со значением артефакта в говоре и литературном языке. — В кн.: Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984, с. 73—79.

[15] Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью, с. 76—81; Пантелеева Е. М. Особенности имен существительных эмоционального и экспрессивного значения на словообразовательном уровне. — В кн.: Грамматические проблемы русского языка. Барнаул, 1974, с. 76—87.

[16] Резанова З. И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 156—160; Она же. Качественные и относительные прилагательные в словообразовательных отношениях. — В кн.: Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1986.

[17] Грушко Н. Е. Семантика производных существительных, мотивированных глаголами физического действия. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982, с. 42—53; Она же. О семантической соотносительности глагола и отглагольного имени с суффиксом-*к(а)*. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 177—188.

расова)[18]. Кроме того, среднеобские говоры сопоставлялись с материнскими (европейской части РСФСР) говорами (Л. А. Араева, М. Н. Янценецкая, Л. Г. Ким, Т. А Шишкина)[19].

Источником исследования послужили картотеки словообразовательного словаря среднеобских диалектов (КСДС) и рукописные словообразовательные словари среднеобских говоров (дипломные сочинения Л. Г. Волковой, О. Г. Гаджиевой, Н. Н. Николаевой, Т. М. Марьясовой, Л. Е. Печенежской, выполненные под руководством М. Н. Янценецкой)[20]. В качестве дополнительного источника использовался обратный диалектный словарь[21]. Общий объем материала насчитывает более 5 тыс. собственно диалектных и общерусских единиц (40 тыс. словоупотреблений). Результаты исследования изложены в статьях, докторской и кандидатских диссертациях (см.: Библиография. — Русские говоры Среднего Приобья. Томск, 1984, ч. 1, с. 179—202). Благодаря проделанной работе появилась возможность дать более или менее целостное описание словообразовательной системы русских старожильческих говоров Среднего Приобья. И хотя полнота исследования зависит от количества и качества собранного материала, который, вероятно, и в будущем в тот или иной момент трудно будет назвать исчерпывающим, принципы организации

---

[18] Тарасова М. Б. О некоторых факторах, регулирующих отфразеологическое словообразование (на материале русских народных говоров и литературного языка). — В кн.: Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1986.

[19] Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе одного говора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981, с. 3—10; Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования, с. 198—327; Ким Л. Г. Словообразовательная характеристика существительных пространства. — В кн.: Вопросы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1985; Она же. Семантическая характеристика производных с суффиксом *-ник-*. — В кн.: Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1986; Шишкина Т. А. Единицы номинации и их особенности в говорах Сибири и европейской части страны. — В кн.: Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1986.

[20] КСДС и указанные дипломные сочинения хранятся на кафедре русского языка Томского университета.

[21]. Обратный диалектный словарь. — В кн.: Диалектное словообразование. Томск, 1979, с. 22—142.

словообразовательной системы рассматриваемых говоров, целостная ее картина, общерусские и специфические ее черты в настоящее время могут быть уже определены.

Словообразование среднеобских говоров обладает однородностью единиц на всей территории и потому не поддается дальнейшему типологическому членению, как это отмечается относительно фонетической, морфологической и в какой-то мере лексической подсистем. Внутридиалектные словообразовательные различия возможны лишь на лексико-словообразовательном уровне, отражающем скорее лексические (определяемые внеязыковыми факторами), чем собственно словообразовательные различия

Более заметными являются особенности диалектной словообразовательной системы в отличие от системы литературного языка, что позволило дать последовательное их противопоставление.

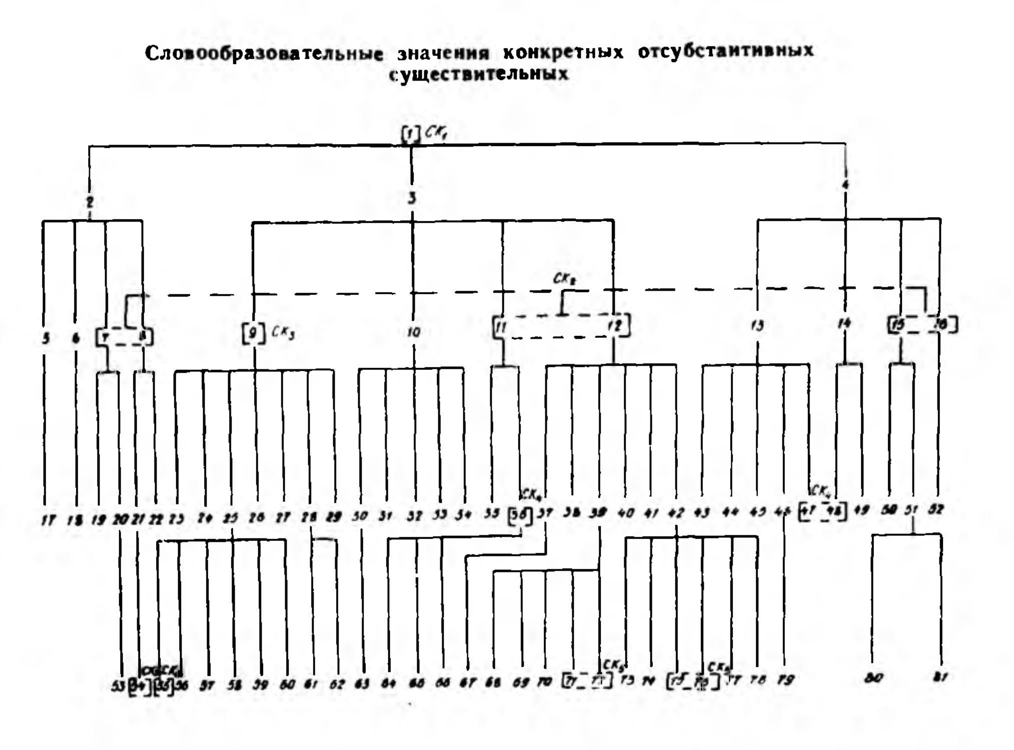
Сопоставление с другими русскими говорами проводится только в тех случаях, когда оно помогает наиболее ярко представить какую-либо особенность среднеобского диалекта.

В данной работе описание словообразовательной системы говоров Среднего Приобья проводится в направлении от семантики к форме (ономасиологический подход), что связано со следующими ее особенностями. Прежде всего, необходимо отметить, что наиболее простые, исходные единицы диалектной словообразовательной системы — форманты и типы — носят общерусский характер. Собственно диалектные факты здесь немногочисленны. Диалектное своеобразие в большей мере образуется за счет формального и семантического варьирования указанных общерусских словообразовательных единиц. Особую роль в создании «местного колорита» среднеобских говоров играют семантические «варианты» общерусских словообразовательных типов, что в большей степени определяет существование собственно диалектных словообразовательных категорий и подкатегорий, т. е. формально отмеченных (непосредственно или опосредованно) общих и частных словообразовательных значений. Так как прямой зависимости между категорией и подкатегорией, с одной стороны, и уровнем обобщения словообразовательных значений — с другой,

в русском словообразовании не существует, в основу описания положена система словообразовательных значений с учетом указанных выше уровней обобщения. Выполняя функцию общего или частного значения словообразовательных типов, они приобретают соответственно статус категорий и подкатегорий. В разных словообразовательных системах эти функции могут не совпадать, свидетельствуя тем самым не только о семантических, но и формальных особенностях каждой из них. Созданная указанным способом схема словообразовательных значений очерчивает семантическую сферу действия морфологического словообразования, которая в каждом языке может иметь свои границы, и представляет собой классификацию словообразовательных значений, отражающую виды ономасиологических классов (семантические темы производных), характерные для них принципы и типы номинации (последние выражаются разными видами мотивирующей семантики) и внутреннюю упорядоченность каждого класса.

Классификация словообразовательных значений не может не учитывать частеречных показателей производных и производящих единиц, в рамках которых происходит формирование классифицируемых СЗ, и поэтому на основе учета этих показателей, естественно, распадается на ряд частных классификаций, представленных в работе в виде схем СЗ, которые дают общее представление о словообразовательных значениях производных (схема 4), отражая в своей структуре наиболее абстрактную словообразовательную семантику (цифра 1 на верхней горизонтальной линии), ее детализацию за счет соотносительного, функционального и определительного аспекта номинации (второй ряд цифр, 2—4), конкретные варианты СЗ «внутри» каждого аспекта с учетом семантических (чаще лексико-тематических) классов, к которым принадлежат производные (третий ряд цифр, 5—8, 9—12, 13—16) и, наконец, еще более частные СЗ, учитывающие конкретные типы номинации и, следовательно, дальнейшее сужение классифицирующей и производящей семантики (четвертый и последующие ряды цифр). Количество рядов таких суженных значений у производных разных видов словообразования (имеется в виду мутация, модификация и собственно трансформация) колеблется от трех до одного, в чем и проявляется специфика

Словообразовательные значения конкретных отсубстантивных существительных



указанных словообразовательных подсистем. Каждая цифровая схема раскрывается с помощью нескольких схем-таблиц, в которых, наряду с цифрами, даются формулировки СЗ всех уровней (схема 4 конкретизируется в схемах 5—8).

В работе каждое словообразовательное значение связывается со всеми существующими средствами его выражения, включая разные способы словообразования. Исключение составляет способ словосложения существительных, вынесенный в самостоятельный раздел в силу своеобразной по комбинации ономасиологических аспектов схемы СЗ, выражаемых с помощью данного способа. Включение этой схемы в общие классификации субстантивных СЗ значительно усложнило бы последние, сделав их малопригодными для практического пользования.

Особенности морфонологического порядка даются применительно к каждой словообразовательной подсистеме, завершая описание средств выражения разных видов словообразовательных значений.

Своеобразие среднеобского словообразования создается за счет собственно диалектных значений, возможность появления которых тем выше, чем они конкретнее, за счет «местных» форм выражения общерусских значений, за счет специфического соотношения общерусских словообразовательных средств. Последнее для рассматриваемых нами говоров наиболее характерно.

Анализу подвергаются суффиксальные и префиксально-суффиксальные существительные, префиксальные, суффиксальные и префиксально-суффиксальные прилагательные, сложные существительные и прилагательные, в том числе осложненные суффиксами, префиксальные и отыменные суффиксальные глаголы[22].

---

[22] Префиксально-суффиксальные существительные, отглагольные суффиксальные, префиксально-суффиксальные и т. п. глаголы и наречия не подвергаются описанию, так как в словообразовательной картотеке среднеобских говоров эти группы производных не нашли достаточно полного отражения, что связано с малочисленностью в говорах одних образований (префиксальных существительных, наречий) и с трудностью выявления других (вопрос о разграничении словообразовательных и собственно грамматических отвербиальных суффиксальных глаголов до сих пор является дискуссионным). В будущем указанные группы производных слов будут проанализированы с принятых в данной монографии пози-

Раздел 2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Субстантивное словообразование в среднеобских говорах обслуживает семантику предмета, отвлеченного понятия, модификационные значения. Значение предмета представлено семантическими темами лица, натурфакта—предмета, «факта» естественной природы, такого, как животное, растение, территория, минерал, атмосферное явление, болезнь и др., и артефакта — предмета, созданного человеком. Эти темы очерчивают круг предметов и явлений, которые находятся в центре познавательной деятельности человека и получают наименования, отражающие углубление человеческих знаний об их видах и связях. В целом производные указанной семантики известны также и литературному языку, и другим русским говорам, однако конкретная её реализация в каждой словообразовательной системе имеет свои особенности. В литературном языке, например, более широко представлена отвлеченная семантика, отражающая систему научных понятий. В говорах, напротив, наиболее разветвленной является модификационная семантическая сфера.

§ 1. Конкретные отсубстантивные существительные

Словообразовательные значения отсубстантивных существительных получили отражение в схеме 4[23]. Для данной словообразовательной системы существительных характерен соотносительный аспект номинации. Наиболее обобщенную словообразовательную категорию ($СК_1$) образует значение «предмет (одушевленный и неодушевленный), определяемый по его соотношению с другим предметом», которое является общим значением целого ряда словообразовательных типов с суф. *-ник, -ниц(а), -чик/-щик, -к(а), -арь, -ач, -ец и др.*

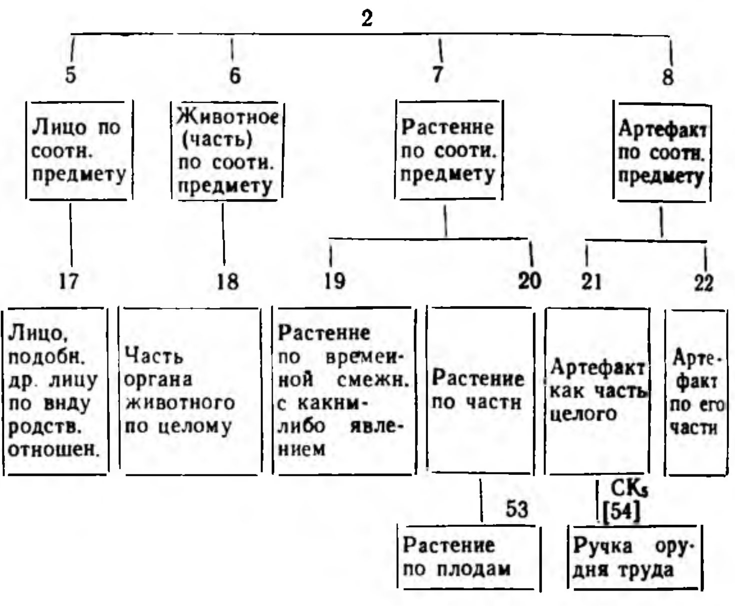
ций и представлены в качестве дополнения к данной монографии в сборниках Томского университета в виде отдельных очерков.

[23] Общие пояснения к схемам см. на с. 134—136.

Менее абстрактной, но все же достаточно общей семантикой обладает $СК_2$—«неодушевленный предмет, определяемый по его соотношению с другим предметом» (схема 4, гр. 7—8, 11—12, 15—16), непосредственной формой выражения которой является СТ с суф. *-ин(а)*, *-ив(о)* и др.

Схема 5

Соотносительные словообразовательные значения конкретных отсубстантивных существительных



Соотносительный аспект представлен тремя принципами номинации: собственно соотносительным (схема 4, гр. 2), функционально-соотносительным (3) и определительно-соотносительным (4) (далее — соотносительный, функциональный и определительный принципы номинации). С указанных позиций названы лица, животные, неодушевленные предметы, явления естественной природы и артефакты (ср. соответственно: 5—8, 9—12, 13—16).

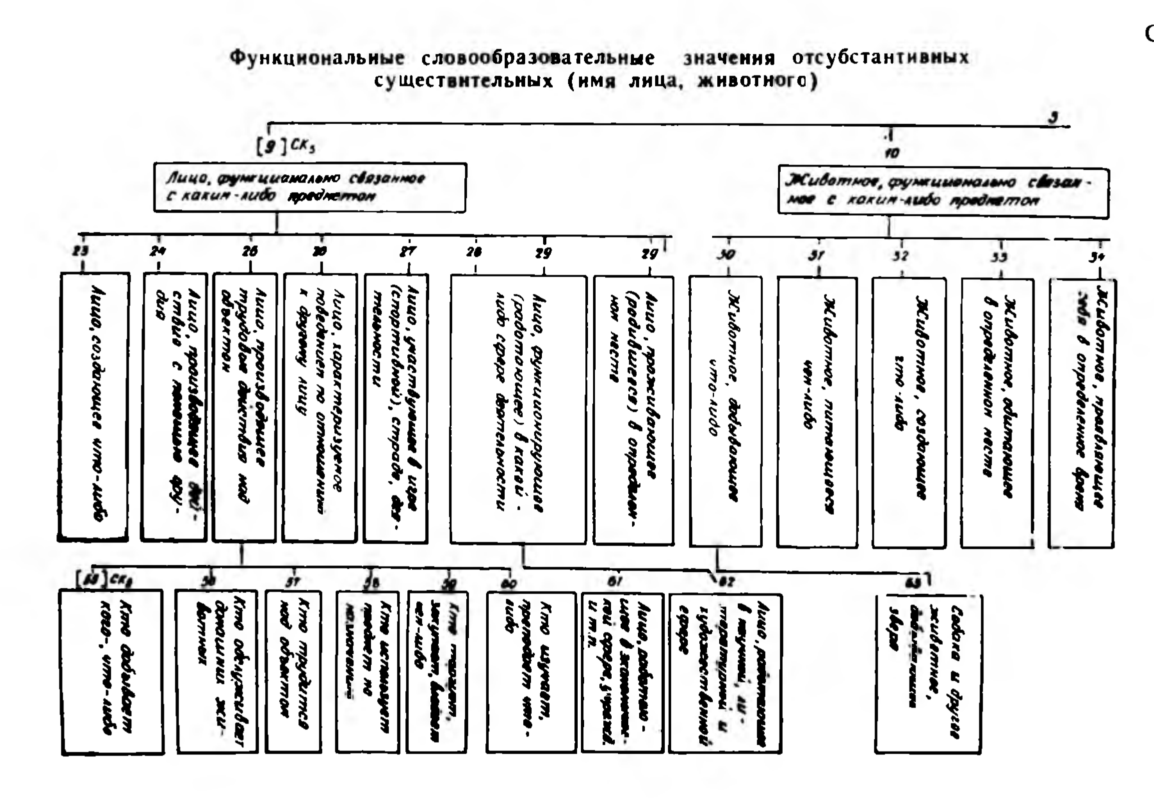
С о о т н о с и т е л ь н ы е наименования в среднеобских говорах даны лицам, животным, растениям и артефактам (схема 5, гр. 5—8).

Значение лица, подобного другому лицу по виду родственных отношений, в литературном языке не отмечено, в говорах оно выражается с помощью суф. *-ейник/-ельник, -ениц(а): братейник (брательник)* 'двоюродный брат', *свекреница, сношеница, сестреница* (17). Часть органа животного называется по целому (18), производные имеют суф. *-ин(а): брюшина, грудина*. Номинация растений по временной смежности с каким-либо явлением (19) и по его плодам (20—53) производится с помощью суф. *-ник: сенокосник* 'ромашка, цветущая во время сенокоса' и *голубичник, горошник, калинник, крушинник, малинник, рябинник, черемушник, черничник*. Первое значение (19) является собственно диалектным, второе (20) известно и литературному языку (ср.: *орешник*), но в среднеобских говорах реализуется более регулярно, образуя ярко очерченную словообразовательную подкатегорию. Артефакты представлены как часть целого, чаще — это ручка орудия труда (21—54): *граблёвище (грабловище, грабовище), кособвище (косьёвище), литовище, пеховище* (ср.: *пешня* 'лом с древком для долбления льда'), *ухватище, сошник, столешник* — суф. *-овищ(е), -ищ(е), -ник, -ниц(а)*, и как целое по части (22): *колесуха* 'колёсная часть сохи или плуга', *колесянка* '=колесуха', *мшаник* 'сруб для зимовки пчел, утепленный мхом' — суф. *-анк(а), -ух(а), -(а)ник*. Значение 'ручка орудия труда' (54) в наших говорах имеет статус словообразовательной категории, т. е. является общим значением СТ с суф. *-овищ(е)* и частным значением СТ с суф. *-ник, -ниц(а), -ищ(е)*. В других говорах оно представлено также производными с суф. *-ин(а)* (ср.: нвсб. *граблина* 'ручка грабель'). Значение артефакта, равного части целого (22), напротив, в других диалектах выражается преимущественно с помощью одного суффикса (например, в яросл. и урал. говорах — с суф. *-ник,: мшарник* '=мшаник', *спичник* 'бревно со спицами для укрепления крыши', *колосник* '=колесуха', *лямочник* 'сарафан', *балясник* 'палисадник' и др.).

Функциональные имена характеризуются принадлежностью к указанным выше семантическим классам, но отличаются богатством представленных в них

Схема 6

Функциональные словообразовательные значения отсубстантивных существительных (имя лица, животного)



собственно словообразовательных и лексико-словообразовательных значений (схемы 6—7).

СЗ «лицо, функционально связанное с другим предметом» (9) образует словообразовательную категорию: оно является общим значением СТ с суф. *-ист, -ик.*

В более конкретных словообразовательных значениях лицо представлено как «создающее что-либо (схема 6, гр. 23): *башмачник, бегтярник, бадейщик, жалобщик, еланьщик* (ср.: *елань* 'дорога в лесу'), *мостовщик, обувщик, пролубщик, кружевница, кудельница, шапошница, чеботарь,* оформляется с помощью суф. *-ник, -щик, -ниц(а), -арь,* из которых *-ник* является ведущим, но нет образований с суф. *-ант, -ист* (ср.: лит. *музыкант, диссертант, очеркист, карикатурист);*

«действующее с помощью орудия» (24): *мотоциклист, парашютист, вертолетчик, пулеметчик, бечевник* тот, 'кто следит за бечевой во время ловли рыбы неводом', *неводник, плугарь* (суф. *-ист, -чик,* кроме того, *-ник, -арь*);

«производящее действие над объектом» (25), которым может быть предмет (животное, ягода и пр.) промысла (55): см. производные *волчатник, зайчатник, грибник, ягодник, барышник, золотарь* 'старатель', *шишкарь,* образованное с помощью суф. *-атник, -ник, -арь;* выращиваемое животное (56): *овчарник, скотник* 'тот, кто пасет коров', *собачник, гусятник, курятница, утятница, цыплятница, псарь, свинарь* (суф. *-ник, -ница, -арь*); так или иначе обрабатываемый предмет (57): *огуречница* 'работница, выращивающая огурцы', *посудница* 'тот, кто моет посуду', *трубач* 'трубочист', *асфальтщик, стекольщик,* имеющие суф. *-ниц(а), -ач, -щик* (ср. в других говорах *-арь:* яросл. *гвоздарь);* предмет (музыкальный инструмент и др.), используемый по назначению (58), см. производные *барабанщик, шарманщик, балалаечник, башмачник* 'тот, кто надевает на лошадь башмаки', 'путы'), *гармошник, лыжник, баянист, гармонист, гитарист, пианист, скрипач, трубач, шармач* 'шарманщик' с суф. *-щик, -ник, -ист, -ач;* предмет торговли, обмена, частного владения (59): *горшечник, мелочник* 'тот, кто торгует горшками, мелкими товарами', *мясник, молочница* 'продавщица молока' (форманты *-ник, -ниц(а);* не отмечены *-щик, -ант,* ср.: лит. *утильщик, фабрикант);* предмет, область исследования, преподавания и т. п. (60), произ-

водные этого типа в говорах немногочисленны, являются общерусскими единицами, имеют преимущественно суф. *-ик: химик, физик, историк* (ср.: лит. *болгарист, пушкинист*) и др.;

«лицо, характеризуемое по отношению к другому лицу» (26): *бабник, юбочник* (суф. *-ник*);

«лицо, участвующее в определенном виде деятельности, спортивных играх и т. п.» (27): *раздатчик, сыщик, покосник, сенокосник* 'участник покоса', *футболист* (суф. *-чик, -ик, -ист, -ник,* в то время как в литературном языке данное значение выражается также суф. *-ец, -ёр,* ср.: лит. *сопротивленец, примиренец, монтажёр, ремонтёр*);

«лицо, функционирующее в экономической и научно-художественной деятельности»: *банщик, водник, дворник, каторжник, клубник, буфетчик, гардеробщик, кладовщик, базист* 'работник базы', *телеграфист, гимназист, чекист, избач, циркач, аптекарь, библиотекарь, почтарь, вахтёр, шахтёр, курсант, моряк* (суф. *-ник, -щик, -ист, -ач, -арь, -ёр, -ант, -як* не отмечен суф. *-анин* и др.; ср. лит. *заводчанин, академик, лесничий* и др. (28—61) и *техник, литератор* 'писатель' (28—62).

Значение «охотник, промышляющий диких животных» (55) имеет специализированное выражение — суф. *-атник (волчатник, зайчатник, лисятник, лосятник, медвежатник, соболятник)*, образует узкую словообразовательную категорию.

Из словообразовательных подкатегорий семантической темы лица в среднеобских говорах выделяются СПК, известные также литературному языку:

«лицо, называемое по результату действия» выражается в говорах, как и в литературном языке, с помощью ряда суффиксов, но прежде всего с помощью суф. *-(ев)ник, (горшевник, веревочник, кадочник, кожевник, колёсник, латочник, лодочник, сапожник, шорник)*;

«лицо, называемое по орудию действия» с характерными для данной СПК суф. *-ист, -чик/-щик, -ов,* и др. *(дизелист, дружбист* 'тот, кто работает с электропилой «Дружба», *мазист* 'шофер МАЗа', *таксист, танкист, тракторист, бульдозерист, барабанщик, веяльщик, весчик, кормовщик, клейтонщик,* ср.: *клейтон* 'вид веялки', *парашютчик, паромщик, самолётчик, тальянщик, трамвайщик)*;

«лицо (работник животноводства), обслуживающее домашних животных» — преимущественно с суф. *-(ар)ник* (*коровник, овчарник* 'тот, кто обслуживает овец', *свинарник, телятник, скотник* и др.);

«участник спортивной игры» — с суф. *-ист* (*баскетболист, волейболист, хоккеист, шахматист, шашист);*

«лицо, называемое по экономической и т. п. сфере деятельности, пребывания» — с характерными суф. *-ник, -чик/-щик* (*колхозник, клубник, лесник, огородник, прачечник, речник, совхозник, таёжник, транспортник, школьник, базарщик* 'тот кто торгует на базаре', *тюремщик* 'заключенный').

Два из пяти словообразовательных значений производных семантической темы «животное» (10) являются собственно диалектными, это ЛСЗ «животное» (чаще собака), добывающее зверя» (30—63): *крысятница* 'кошка', *лосятница, медвежатница, соболятница, утятница* и др. (оформляется с помощью суф. *-ятниц(а))* и «животное, проявляющее себя в определенное время» (34): *денник, ночник* (оформляется с помощью суф. *-ник*). Остальные СЗ известны также литературному языку, к ним относятся значения «животное, характеризуемое предметом питания» (31): *голубятник, крапивник, муравейник* 'медведь', *овсяник* 'медведь', *тетеревятник, орешница* 'виды птиц'; «животное, создающее что-либо» (32): *сетник* 'паук' (*сеть* 'паутина'), *молочница, ведерница, рекордница* и «животное, характеризуемое местом обитания» (33): *травник, кедровник, дуплянка, травянка, горлянка* 'змея, которая может залезть в горло спящего человека', оформляемые с помощью суф. *-ник, -ниц(а), -янк(а)*.

Растения называются по получаемому из них предмету (35), производные оформляются с помощью суф. *-ник: дровник* 'нестроевой лес', *семенник* 'огурец, оставленный на семена', *карандашник, цевочник, шпальник.*

Значение «место, участок земли, характеризуемый привнесенными сюда артефактами, явлениями» (36) представляет собой общее значение словообразовательного типа (ОСЗ) отсубстантивных существительных с суф. *-ур-, -ищ-* и ЧСЗ отсубстантивных существительных с суф. *-ник.* Это общее значение концентрируется, в свою очередь, в трех ЛСЗ. Место, участок земли может характеризоваться по происходящему там действию

(36—64) *(пастбище, стрельбище)*, по засаженной на нем культуре (36—65) *(картофелище* и *картовище, ячменище, клеверище, льнище, овсище, пшенище, просовище, коноплище, рейпище, ржище, табачище; горошник, капустник, картовник)* и по другому какому-либо артефакту, явлению, связанному с данной территорией в настоящем или прошлом (36—66) *(могилище, кладбище, муравьище* 'муравейник', *пожарище, огнёвище* и *огнище* '=пожарище').

Последнее из трех ЛСЗ в других говорах выражается с помощью суф. *-ник* (ср.: урал. *могильник*, 'кладбище', яросл. *овинник* 'земля с овином').

Имена артефактов обладают разветвленной системой значений, из которых два выделяются как словообразовательные категории: 1) «вещественный предмет, полученный из животного» (71—72) и 2) «помещение, предназначенное для объекта» (75—76). Первое из них имеет специализированный показатель — суф. *-атин(а)*, кроме того, является ЧСЗ словообразовательной модели «основа существительного+суф. *-ин(а)*» (С+*-ин(а)*[24] и, в свою очередь, может быть представлено в виде ЛСЗ «мясо животного» *(баранина, гусятина, конина, курятина, лисятина, лосятина, медвежатина, поросятина, свинина, утятина, подсосина,* ср.: *подсосок* 'поросенок, сосущий мать', *псина)* и «шкура животного» (72) *(бычина, козлятина, лосятина, медвежатина, овчина, собачина)*. Второе значение является общим словообразовательным значением типа С+*-н (я)* и частным словообразовательным значением типа С+*-ник* и распадается также на два ЛСЗ: «помещение, предназначенное для лица определенной профессии» (75: *конюшня, пекарня, слесарня, столярня)* и «помещение, место, предназначенное для не-лица: животного, растения и т. п.» (76: *голубня* и *голубятня, овечня; гусятник, коровник)*. Последние ЛСЗ в литературном языке и других говорах имеют еще такие показатели, как *-арий, -ниц(а)*, не отмеченные в нашем регионе, ср.: лит. *дельфинарий*, нвсб. и яросл. *пелевница* 'сарай для пелевы (мякины)'. Выраженное с помощью суф. *-ник* это ЛСЗ в среднеобских

---

[24] Здесь и далее в схемах словообразовательных типов прописные буквы означают: П — основа прилагательного, С — основа существительного, Г — основа глагола, Н — основа наречия.

Схема 7

Функциональные словообразовательные значения от субстантивных существительных (имя натурфакта, артефакта)

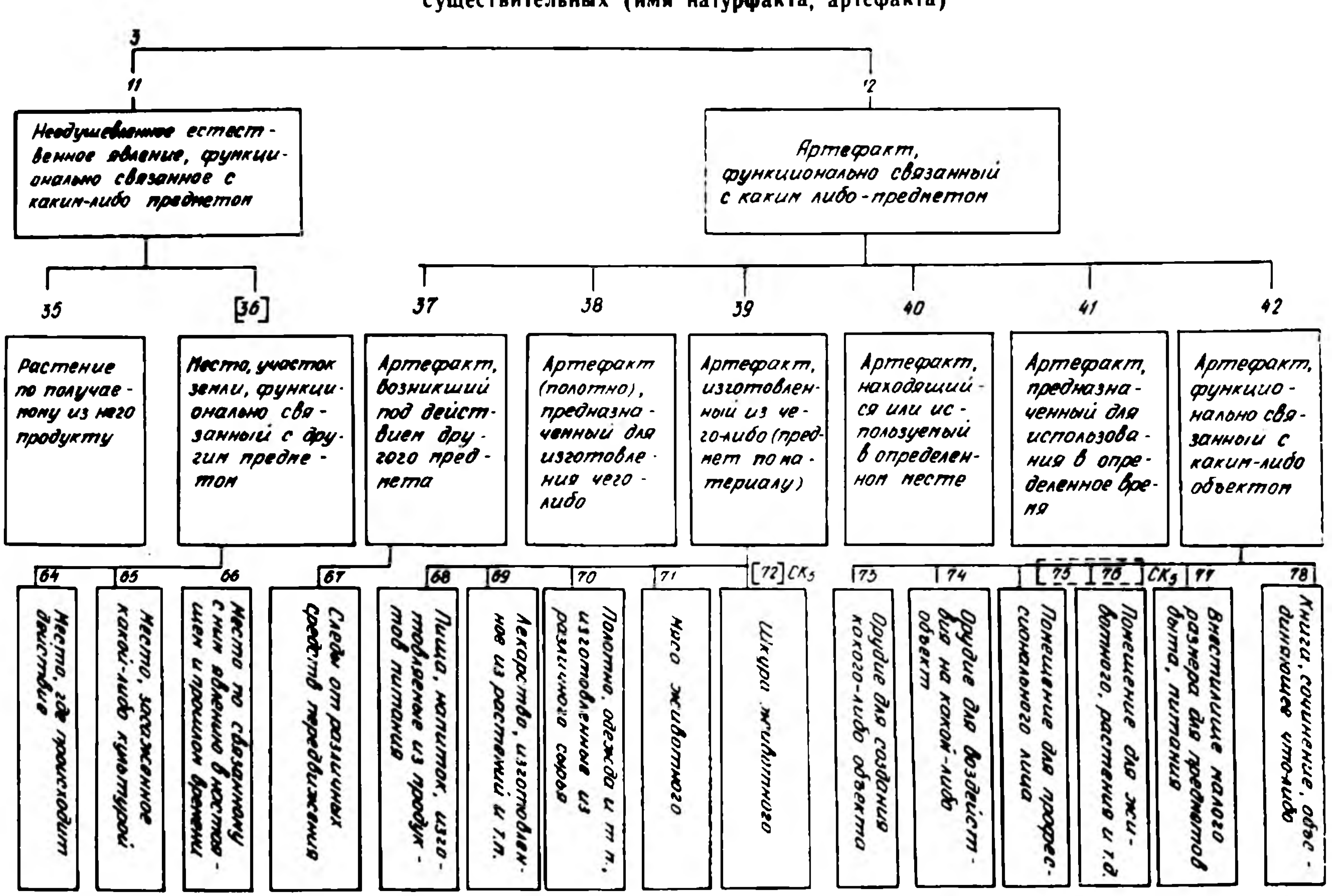
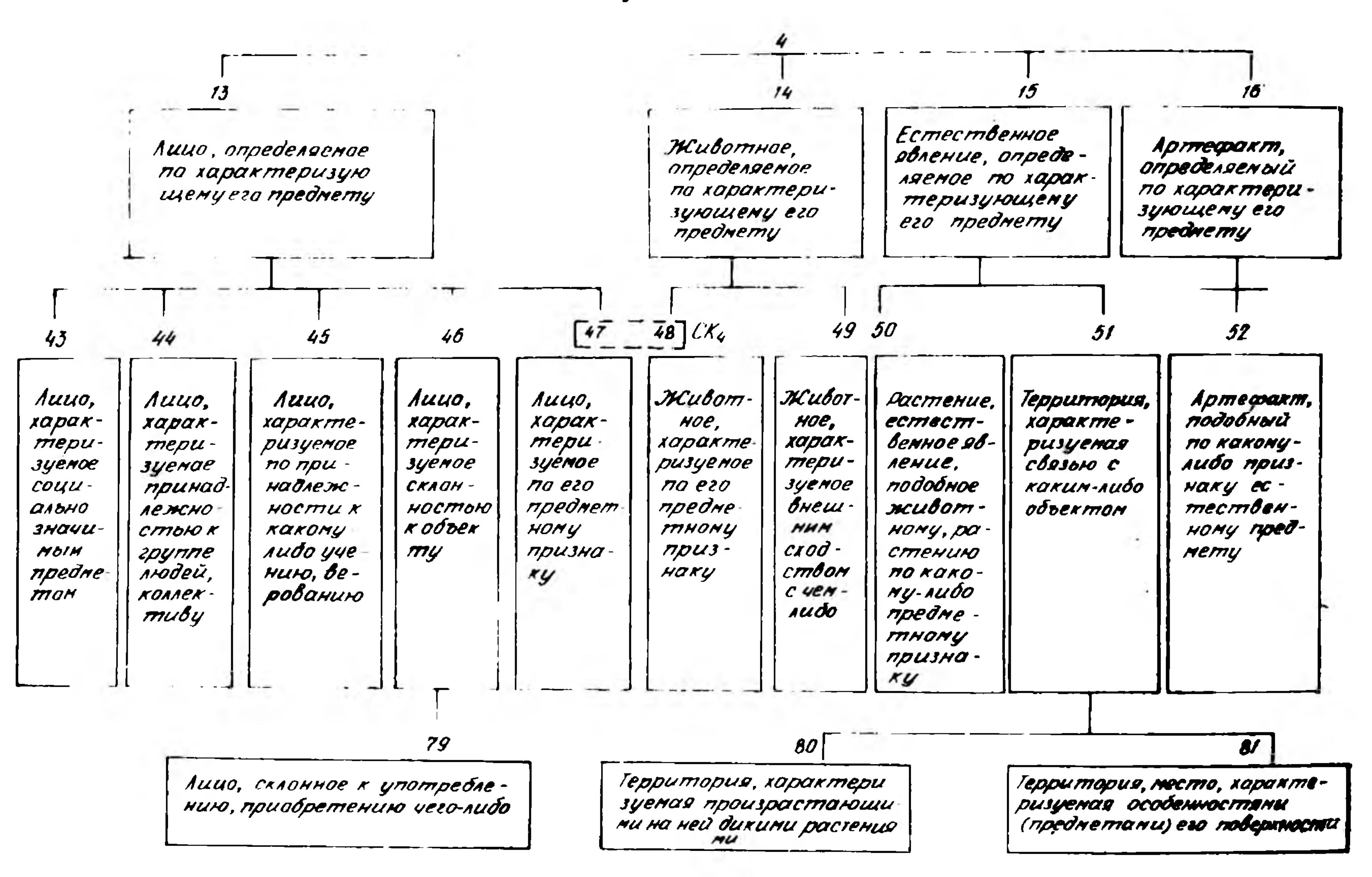


Схема 8

Определительные словообразовательные значения отсубстантивных существительных



говорах выделяется как регулярно проявляемая словообразовательная подкатегория (см.: *голубятник, курятник, лисятник, маточник, огуречник, птичник, рыбник, собачник, скворечник, сенни́к* 'сарай для сена', *телятник, цыплятник*).

Другие значения семантической темы артефакта представляют собой СПК, из которых наиболее яркими являются: ЛСЗ «следы от различных средств передвижения» (37—67), оформляемое с помощью суф. *-ниц(а), -иц(а)* (в литературном языке отмечен только суф. *-н(я)*: лыжня), см.: среднеобск. *колесница, лы́жница* и *лы́жица, нартница, полозница, тележница;* ЛСЗ «пища, напиток, приготовленный из продуктов питания» (39—68), выражаемое с помощью суф. *-ник, -ниц(а), -янк(а),* ведущим из которых является *-ник: голубижник, курник, черништик* 'виды пирогов', *гребник, горошник* 'виды супов', *капустник, морковник, манник, свекольник, творожник; грибни́ца, горошница, яичница; сливянка;* не отмечен суф. *-ин(а),* нвсб. *осердина* 'пирог с осердием'; ЛСЗ «вместилище малых размеров, предназначенное для предметов быта, питания» (42—77) — с суф. *-ниц(а),* ведущим для данного ЛСЗ, а также с суф. *-ник, -янк(а): вафельница* и *вахольница, гусятница, грибочница, жа́рница* 'совок для раскаленных углей', *игольница, масленица, мыльница, оладница* 'сковородка для приготовления оладьев', *пепельница, сахарница, сольница, утятница, уточница, хлебница; бражник* 'посуда для браги', *бумажник, жа́рник* '=жарница', *кофейник, молочник, патронник, сливочник, чайник; водянка* 'бочка для воды'; ЛСЗ «приспособление, орудие для воздействия на какой-либо объект» (42—74), оформляемое с помощью суф. *-ник: бабник* 'отбойник', *горшевник* 'тряпка для горшков', *квашенник* 'нож, которым выскребают квашню', *посудник* 'полотенце для посуды', *сковородник, хлебник* 'нож для хлеба'; *молоканка* 'сепаратор', *посудница* '=посудник' (суф. *-ник, -анк(а), -ниц(а),* последние два суффикса в литературном языке данное значение не оформляют).

Остальные ЛСЗ (схема 7) мы представим в виде иллюстраций и указаний на оформляющие их суффиксы, см. значения, отмеченные в гр. 38: *мешковина, парусина, портянина* 'домотканый холст, идущий на портянки' (суф. *-ин(а)*); 39—69: *горчичник, редечник* (суф. *-ник,*

но ср. лит. *кофеин* с формантом *-ин*); 39—70: *березина* 'насест для кур', *волокнина, льнина* 'виды полотна', *перина; волоконь* '=волокнина' (суф. *-ин(а)*, ср.: лит. *ватин*, пск. *атласник*, урал. *кашемирник* 'виды платьев', *лычник* 'лапоть', сев.-двинск. *аглечник, аглец* 'сорт материала', *матерник* 'виды платьев' (форманты *-ин, -ник*); 40: *донник* 'остатки кваса на дне посуды', *становина* 'нижняя женская рубаха', *ушанка (суф. -ник, -овин(а), -анк(а)*; в других говорах возможен суф. *-ниц(а)*, ср.: нвсб. *лыжница* 'кожа, прибитая на полозья лыж'); 41: *денник* 'загон для скота на день', *ночник* 'лампа' (суф. *-ник*); 42—73: *бороздник, пазник* 'инструмент для выделывания пазов' (также с суф. *-ник*); 42—78: *задачник, молитвенник, песенник, сонник; букварь, словарь* (суф. *-ник, -арь*).

Среди словообразовательных значений определительного аспекта (схема 8) статус $СК_4$, как и в литературном языке, приобретает значение «живое существо (лицо и животное), определяемое по предметному признаку» (47—48); специализированным средством его выражения является суф. *-ан*, а опосредованными — суф. *-ач, -ун*: *брюхан, лобан, пузан; брюхач, бородач, горбач, космач, усач; горбун*.

В среднеобских говорах регулярностью проявления выделяется ЛСЗ «лицо, характеризуемое склонностью к употреблению, приобретению чего-либо» (46—79), которое представляет собой ЧСЗ словообразовательного типа С+*-ник*: *блинник, барыжник, взяточник, курятник* 'любитель куриного мяса', *сагызник* 'любитель сагыза (сорт табака)', *табачник*. Остальные ЛСЗ представлены единичными словами, см. значения, отмеченные в гр. 43 (*лапотник*, ср.: урал. *азямник* 'крестьянин', яросл. *лоскутник* 'бедняк' с формантом *-ник*, в других говорах также суф. *-ниц(а)*: нвсб. *андарачница*; ср.: *андарак* 'юбка из домотканого полотна'); 44 (*артельщик, бандит* — с суф. *-щик, -ит*; не используется суф. *-ант*, ср.: лит. *сектант*); 45 (*фашист, христианин*, формальный показатель *-ист, -анин*, ср. в лит. языке суф. *-ик*: *еретик, платоник*).

Производные семантической темы «животное», кроме указанного значения (48), обладают семантикой подобия по внешнему признаку (49) (*волосец, змеевец, во-*

лосина, проволочник), оформляемой формантами *-ец, -ник*.

Семантическая тема естественного явления (растения и т. п.) характеризуется подобием животному, растению и т. п. (50: *конёвник, коровник* 'виды растений' (ср.: лит. *жабник), лопухник* 'снег'); данное ЛСЗ связано с суф. *-ник*. ЛСЗ «участок земли, территория, определяемая по произрастающим на ней диким растениям» образует довольно регулярную СПК, получающую опосредованное выражение с помощью формантов *-ник, -оч, -овищ(е)* (51: *берёзник, брусничник* и *бруснижник, ельник, земляничник, кедровник, ли́стенник, малинничник, осинник, смородичник, топо́льник, чернижник; кедрач, пихтач; маховище*). В литературном языке суф. *-ач* и *-овищ(е)* данного ЛСЗ не оформляют. Остальные ЛСЗ определительного аспекта имеют единичное проявление, ср. (51—80): *глини́на* 'глинистое место', *моховина* 'мшистое место', *кочкарь* 'место, покрытое кочками' с формантами *-(ов)ин(а), -арь* (ср. в других говорах *-ник, -ищ(е)*: ивсб. *кочкарник*, пск. *валунище* 'место, обильное валунами'); (52) *горлач* 'горшок с узким горлом', *рогач* 'ухват', *журавéц* 'колодец' — суф. *-ач, -ец*, в других говорах возможны суффиксы *-ниц(а), -ун*: урал. *глазница* 'яичница', *горбун* 'вид косы'; в литературном языке такое значение не отмечено. Как видим, артефакты в определительном плане рассматриваются очень редко.

Если сравнить литературный язык и среднеобские диалекты, то можно отметить, что основная часть литературных и диалектных отсубстантивных имен обладает тождественными мотивационными значениями. Наиболее регулярными среди них являются СЗ «лицо, называемое по создаваемому продукту труда», «лицо, называемое по орудию его действия», «лицо, называемое по объекту его труда», «лицо, определяемое по месту его трудового действия», «лицо, определяемое по месту рождения и проживания», «артефакт, называемый по материалу, из которого он изготовлен», «артефакт (помещение, посуда), определяемый по помещаемому в нем объекту» и «территория, характеризуемая произрастающими на ней растениями».

В то же время литературный язык имеет целый ряд значений, не отмеченных в среднеобском регионе. К ним

относятся СЗ «лицо, характеризуемое по болезни» (*диабетчик, ревматик, гипертоник*), «специалист в области науки и т. п., называемый по объекту изучения» (*балканист, китаист, пушкинист*), «минерал, определяемый по его элементу» (*хромит, кальцит, фосфорит*), «минерал, определяемый по месту нахождения» (*байкалит, хибинит*), «минерал, называемый по имени человека-открывателя и т. п.» (*воробьевит, кировит*), «сплав, предмет, определяемый по составному его компоненту» (*бетонит, камышит, соломит*), «лекарство, предназначенное для лечения вида болезни» (*радикулин, туберкулин*), «болезнь, определяемая по объекту поражения» (*невроз, тромбоз*), «продукт деятельности животного» (*паутина, сычужник*), «приспособление, определяемое по производимому с его помощью действию» (*компрессор, тренажер*) и др. Многие из СЗ отражают такие сферы деятельности и знания человека, которые не имеют широкого территориального распространения и потому неизвестны диалектоносителям. Значительная их часть относится к социально значимому аспекту. Отдельные примеры свидетельствуют об отсутствии в исследуемых говорах соответствующего типа номинации, например, номинации биологического продукта по создающему животному (лит. *паук — паутина*); в наших говорах известно другое направление связи: животное называется по создаваемому продукту (*сеть — сетник* 'паук').

И наоборот, такие словообразовательные значения, в которых закреплены знания, связанные с местными условиями жизни и в которых нашли отражение характерные для данных говоров типы номинации, являются принадлежностью лишь диалектной системы языка. Здесь следует назвать значения «лица, подобного другому лицу по виду родственных отношений», «вида собаки, используемой для добывания какого-либо зверя», «артефакта, называемого по его составной части», «животного, определяемого по создаваемому им продукту», «животного, характеризуемого временем рождения, активной жизни», «растения, характеризуемого временем цветения».

Бо́льшая часть собственно диалектных ЛСЗ представлена в социально незначимом аспекте. Кроме того, в отличие от литературного языка в среднеобских говорах широко распространены вторичные названия

предметов, явлений, тождественные первым: *ложбина, бугорина, мендачина* 'мягкая часть дерева' (ср.: *мендач); лывина* 'лужа' (ср.: *лыва*); *зыбунина* 'зыбкое место' (ср.: *зыбун*); *горбина, жердина, азямина, стволина, кузовина, осинник* 'осина', *крапивник* 'крапива', *жнивище* 'жниво', *братарь, кочкарня* 'место, покрытое кочками' (ср.: *кочкарь*).

Подобные производные отражают тенденцию к мотивированности, проявляющуюся в говорах наиболее последовательно.

Существование собственно диалектных и собственно литературных ЛСЗ — свидетельство возможностей отсубстантивной словообразовательной системы русского языка соответственно в его литературной и диалектной разновидностях. Наличие таких значений говорит об открытом характере лексико-словообразовательных рядов производных. Они очерчивают круг семантических тем, которые, будучи реализованными в одной, в нашем случае, диалектной системе, с помощью общерусских словообразовательных средств могут быть представлены и в литературном языке. Больше того, рассматриваемое явление свидетельствует о принципиальной допустимости в рамках существующих словообразовательных форм расширения семантической сетки отсубстантивных существительных, как, видимо, и других классов производных, за счет новых для словообразования семантических тем. Иными словами, через лексико-словообразовательные значения словообразовательная система непосредственно связана с лексикой, обогащая ее тематические группы новыми лексическими единицами.

Морфонологические особенности отсубстантивных существительных сводятся к следующему: в производных с суф. *-ист* конечный согласный мотивирующей основы смягчается (*машина — машинист* (н//н'), *банда — бандист* (д//д')). Ударение падает на суффикс.

В мотивированных словах с суф. *-ник* на морфемном шве отмечаем чередование *г//ж: бодог — бодожник, чапыга — чапыжник, шарамыга — шарамыжник; и//j: хозяин — хозяйник; к//ч: ремок — ремочник, табак — табачник, пасека — пасечник.* Ударение падает 1) на корень — в зависимости от ударения мотивирующего слова: *верётье — верётник, лагу́н — лагу́нник, кирпи́ч*

— *кирпичник, постéля — постéльник, совхóз — совхóзник;* 2) на суффикс — при ударной флексии мотивирующего слова: *квашня́ — квашни́к.*

В мотивированных словах с суф. *-щик* под влиянием [*щ*] суффикса конечный согласный основы смягчается: *бандурщик* [*р'*], *кинщик* [*н'*]. Соотношение основ регулярно: *гармонь — гармонщик, десятина — десятинщик, клуб — клубщик, магазин — магазинщик.* Исключение составляют слова: *камень — кáмщик* (отсекается финаль *-ень*) и *корабль — корáбщик* (отсекается *-ль*).

Ударение падает на корень: *подвóда — подвóдчик, прилáвок — прилáвщик, прóлубь — пролýбщик, сбор — сбóрщик, наём — наёмщик, бой — бóйщик, забóй — забóйщик, подбóр — подбóрщик, учёт — учётчик.*

В мотивированных словах на *-ец* конечный согласный мотивирующей основы смягчается: *эвенк — эвенец* (*-к* отсекается, *н//н'*), *партизан — партизанец.* Ударение остается неподвижным: *рестáн — рестáнец, эвенк — эвенец.* Нерегулярно соотношение основ: *партия — партéец.*

В мотивированных словах с суф. *-ух(а)* соотношение основ регулярно, на морфемном шве не отмечено морфонологических изменений, ударение падает на гласный суффикса: *дева — девýха, вдова — вдовýха, свёкор, свекра — свекрýха, брат — братýха.*

В мотивированных словах с суф. *-ач* ударение падает на суффикс: *горбач, бородач, рогач.* Нерегулярно соотношение основ: *трубка — трубáч* 'тот, кто курит трубку'.

В мотивированных словах с суф. *-ан* ударение падает на суффикс: *братан, молокан, квартиран.* Конечный согласный *г//ж: каторга — каторжан.* Мотивирующая основа может быть представлена формой им. п. ед. ч. и формой род. п. ед. ч.: *угол — углан* 'нелюдимый, угрюмый человек'.

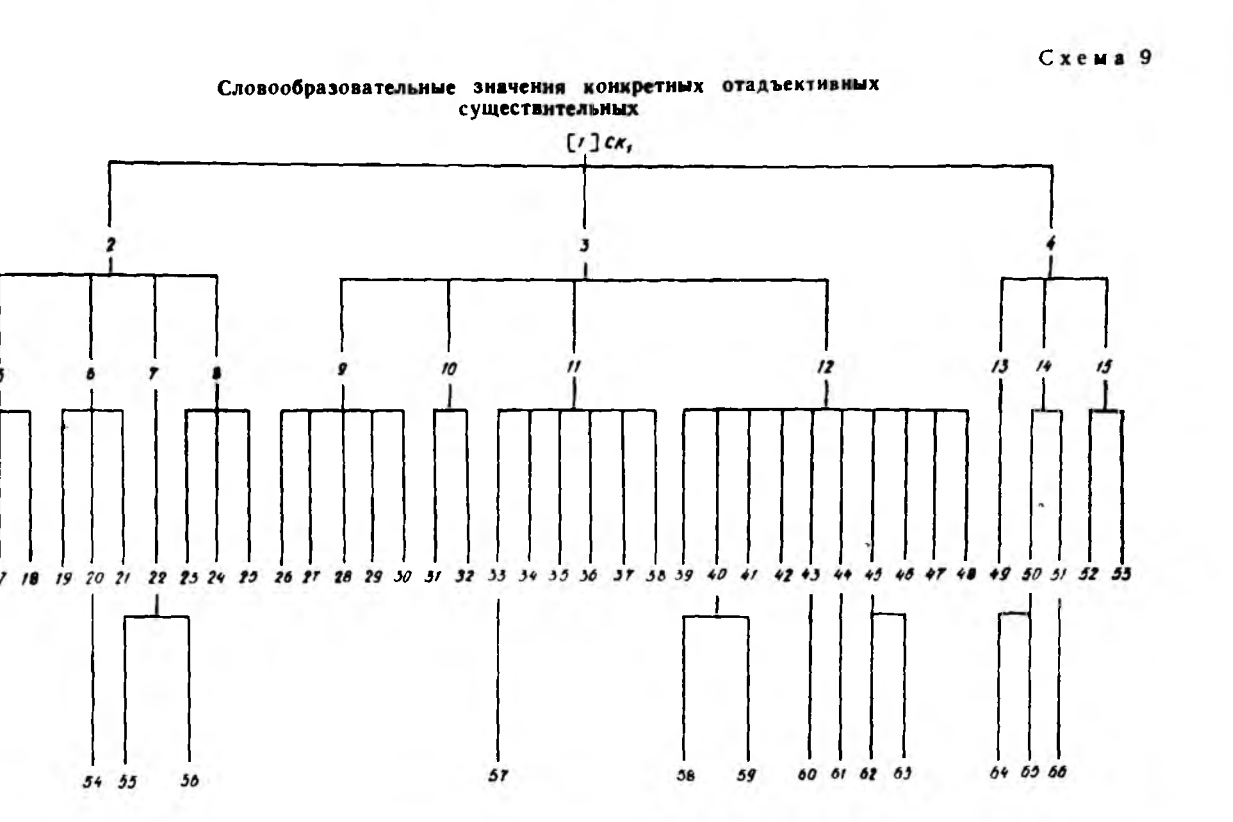
§ 2. Конкретные отадъективные существительные

Отадъективные существительные говоров Среднего Приобья обладают сложной структурой СЗ.

Словообразовательную категорию ($СК_I$) образует в высшей степени абстрактное значение «предмет — носи-

Схема 9

Словообразовательные значения конкретных отадъективных существительных



тель признака» (схема 9, гр. 1), получающее непосредственное выражение с помощью суф. *-к(а)), -ик, -ак, -ач, -ец, -иц(а), -ин(а), -ух(а)* и др. Три принципа номинации: определительный (характеризующий), функциональный и соотносительный — связаны с формальными показателями опосредствованно, образуя более или менее отчетливо выделяемые подкатегории.

Среди определительных СЗ (схема 10) регулярностью реализации в конкретных производных отличаются:

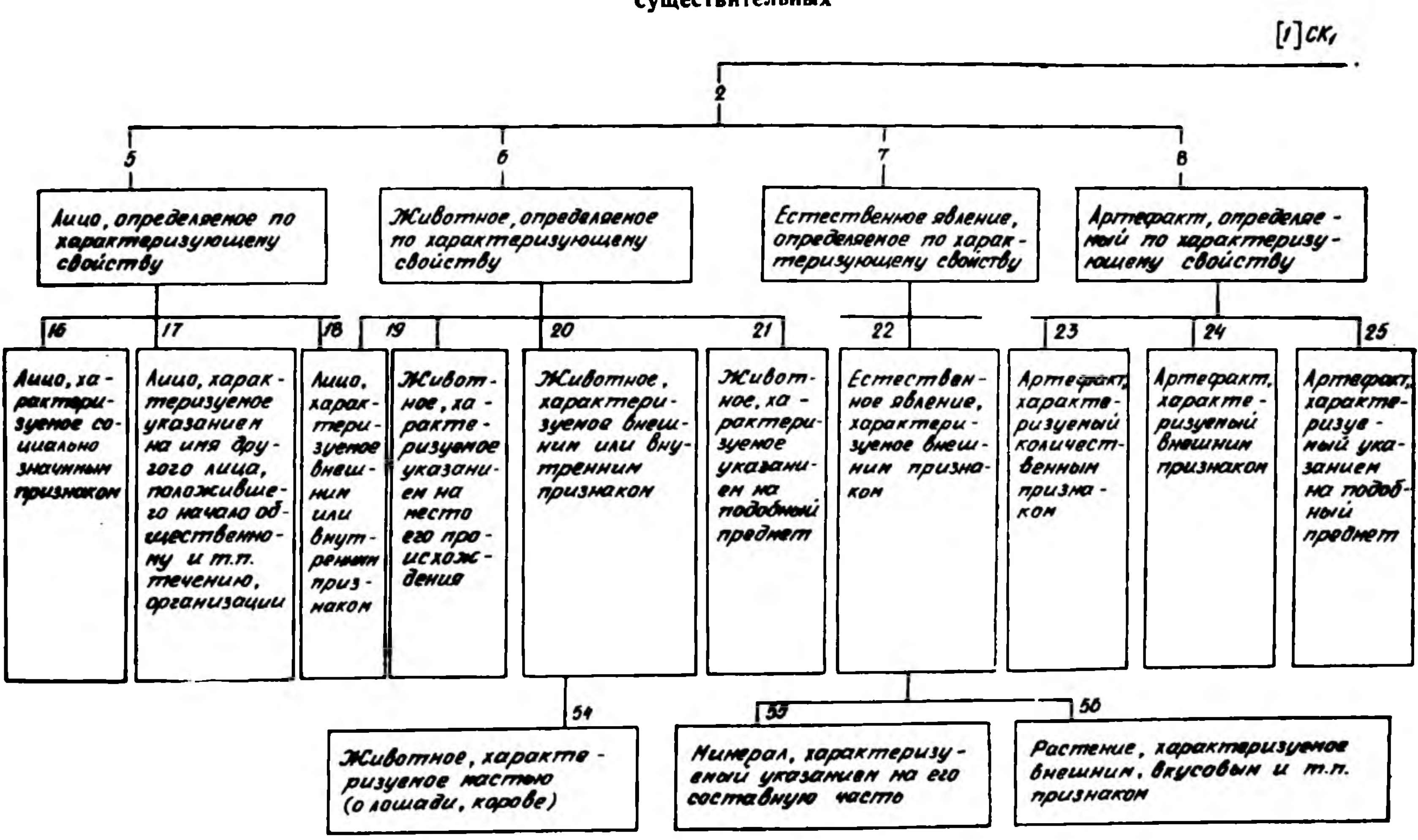
СПК «лицо, характеризуемое внешним или внутренним признаком (18), оформляемая с помощью суф. *-к(а), -ик, -ец, -ыш,* а также суф. *-ан, -иц(а), -ух(а): озорник, рыжик, старик, умник, дохлик, ветреник, коренник* 'коренной житель', *пучеглазник, черник* 'брюнет'; *глупец, ленивец, младенец, мудрец, подлец, слепец, удалец, упрямец, хитрец, юнец, вежливец: дурныш, крепыш, малыш, коротыш, слепыш, черныш; молодица, тупица, умница, славница* 'приятный человек', *жадница; грязнуха, старуха, толстуха, гнилуха, молодуха* 'молодая жена', *левуха* 'левша', *правуха* 'правша', *рыжуха, чернуха; молодка;*

СПК «животное, характеризуемое внешним или внутренним признаком (чаще мастью)» (20—54), выражаемая с помощью суф. *-ух(а),* а также *-к(а), -ак, -ик, -иц(а), -ыш, -ец: белуха, гнедуха, лысуха, пеструха, пегуха, серуха, сивуха, чернуха, чернезюха, яловуха* 'корова'; *каурка, сивка чернобурка, серебрянка* 'виды лис', *огнёвка* 'змея', *лохматка* 'овца', *молодка* 'курица'; *беляк, русак, третьяк, серяк* 'утка'; *белопузик* 'ласточка', *синица, слепыш* 'птица', *живец;*

СПК «растение, характеризуемое внешним, вкусовым и т. п. признаком» (22—55), представляемая с помощью суф. *-к(а), -иц(а),* кроме того, *-ух(а), -ин(а), -ик, -ец: белянка* и *белявка, синявка* и *синянка, чернушка* 'виды грибов', *душмянка,* ср.: *душмяный* 'пахучий'; *брусница, голубица, горчица, живица, кислица, мокрица, черница; гнилуха* 'дерево', *рябина, сушина* 'дерево', *рыжик, мокрец* 'мокрица'. В других говорах возможен также суф. *-ак:* ирк. *толстяк* 'белый гриб', нвсб. *длинник* 'строевой лес', урал. *горчак* 'перец';

С х е м а 10

Определительные словообразовательные значения отадъективных существительных



СПК «естественное явление (участок земли, водоема и др.), характеризуемое внешним и т. п. признаком» (22—56), которая оформляется с помощью суф. *-ин (а)* и *-иц(а): выпуклина, глубина* 'глубокое место на реке', *равнина, ужина* 'узкое место на реке', *целина, чистовина* и *чищина* 'поляна в лесу', *ширина* 'широкое место на реке', *быстрица* 'место быстрого течения на реке', *прямица* 'новое спрямленное русло на реке', *старица* 'старое русло реки'; *беляк* 'волна', *голыш, круглыш* 'виды камней', *белыш* 'белок', *желтыш* 'желток', *багрянец*. В других говорах суф. *-ец* более распространён (ср.: яросл. *глубец* 'глубокий снег', *живец* 'родник', *ржавец* 'вода на болоте', *яснец* 'первый снег' и т. п.).

СПК «артефакт, характеризуемый внешним признаком» (24), выражаемая суф. *-ак, -к(а)*, а также *-иц(а), -ин(а), -ец, -ик, -ыш: востряк* 'нож', *голяк* 'веник', *косяк, кругляк, серяк* 'домотканый кафтан', *черствяк* 'хлеб'; *гнилушка* 'старый дом', *кривулька* 'соха', *мохнашка* и *мохнатка* 'рукавица', *рогатка, режовка, частушка* 'виды сетей', *светёлка, сушка; темница, теплица* 'рига'; *мякина, рогатина, солонина; червонец, частик* 'сеть', *мякиш*. Остальные значения представлены единичными производными. Например, значением лица, характеризуемого социально значимым признаком (16), обладают лишь производные *бедняк, безработец* 'тунеядец', *босяк, середняк* (суф. *-ак, -ец*; ср. в других говорах с суф. *-овк(а)*: пск. *богачовка* 'богатая невеста'). Определительные наименования мотивируются, прежде всего, качественными прилагательными. Относительные прилагательные используются в роли мотивирующих лишь в тех случаях, когда они отражают социальные взгляды лица (17: *ленинец* — суф. *-ец*); происхождение животного (19: *монголка* 'лошадь', *тюменка* 'лиса' — суф. *-к(а)*); количественную характеристику предмета (23: *восьмилетка, литровка, сотка, полуторка, четвертушка; десятина, четвертина; двойник* — суф. *-к(а), -ин(а), -ик*) или определяют животное (21), артефакт (25) по его подобию какому-либо предмету (*волосянец* 'водяной червь', *крестовка* 'лиса'; *леденец* и *ледяшка* — суф. *-ец, -к(а)*).

Отадъективные существительные функционального вида (схемы 11 и 12) дают наиболее разветвлен-

ную сеть лексико-словообразовательных значений. Данные имена мотивируются относительными прилагательными, у которых релятивный компонент словообразовательного значения, в свою очередь, указывает на функциональный аспект семантики производящего существительного.

При этом лицо (9) может характеризоваться признаком, указывающим на объект его действия (26: *массовик, классуха* 'классная руководительница' — суф. *-ик, -ух(а)*); признаком объекта или результата его трудового действия (27: *вéрхни́к* 'тот, кто шьет верхнее платье', *лёгочник* 'тот, кто шьет лёгкое платье', *срочник* 'разносчик срочных телеграмм' — формант *-ик;* ср.: пск. *большени́к* 'пастух крупного скота', *мелочник* 'пастух мелкого скота' — суф. *-ник*); признаком, указывающим на способ его действия (28: *единоличник, заочник, отличник* — формант *-ик);* признаком, указывающим на место его проживания или происхождения (30: *американец, украинец, русак* 'русский' — форманты *-ец, -ак).*

ЛСЗ производных семантической темы «животное» отражают характеристику последних с точки зрения того, где они обитают (31: *камышóвка, кедровка* 'птица', *полёвка* 'мышь') и чем питаются (32: *капустница).* Оформляются с помощью суф. *-к(а)* и *-иц(а).* Первое ЛСЗ в литературном языке имеет более широкий ряд средств выражения суф. *-ик, -як, -ух(а): ручейник, степняк, береговуха,* ср. также: яросл. *луговик* 'чибис' с суф. *-ик.*

Естественные явления (растения, территория) также могут характеризоваться признаком, раскрывающим его функцию в той или иной ситуации. ЛСЗ отражают номинацию растения по признакам, указывающим на место его выведения, это касается, главным образом, разных средств выведения картофеля (33—57: *американка, бахчарка, берлинка, нарымка, сибирка* — суф. *-к(а)*); на получаемый из него результат (34: *сорняк* — суф. *-як,* ср.: лит. *шелковица* — с суф. *-иц(а)*); на особенность, способ его произрастания *(бессмертник, скороспелка* — суф. *-ик, -к(а)*); на место его произрастания (36: *боровик, моховик, землянка* 'земляника' — суф. *-ик, -к(а);* на объект его воздействия (37: *кровави́к* 'растение, останавливающее кровь'. Место, участок земли, характери-

Схема 11

Функциональные словообразовательные значения отадъективных существительных

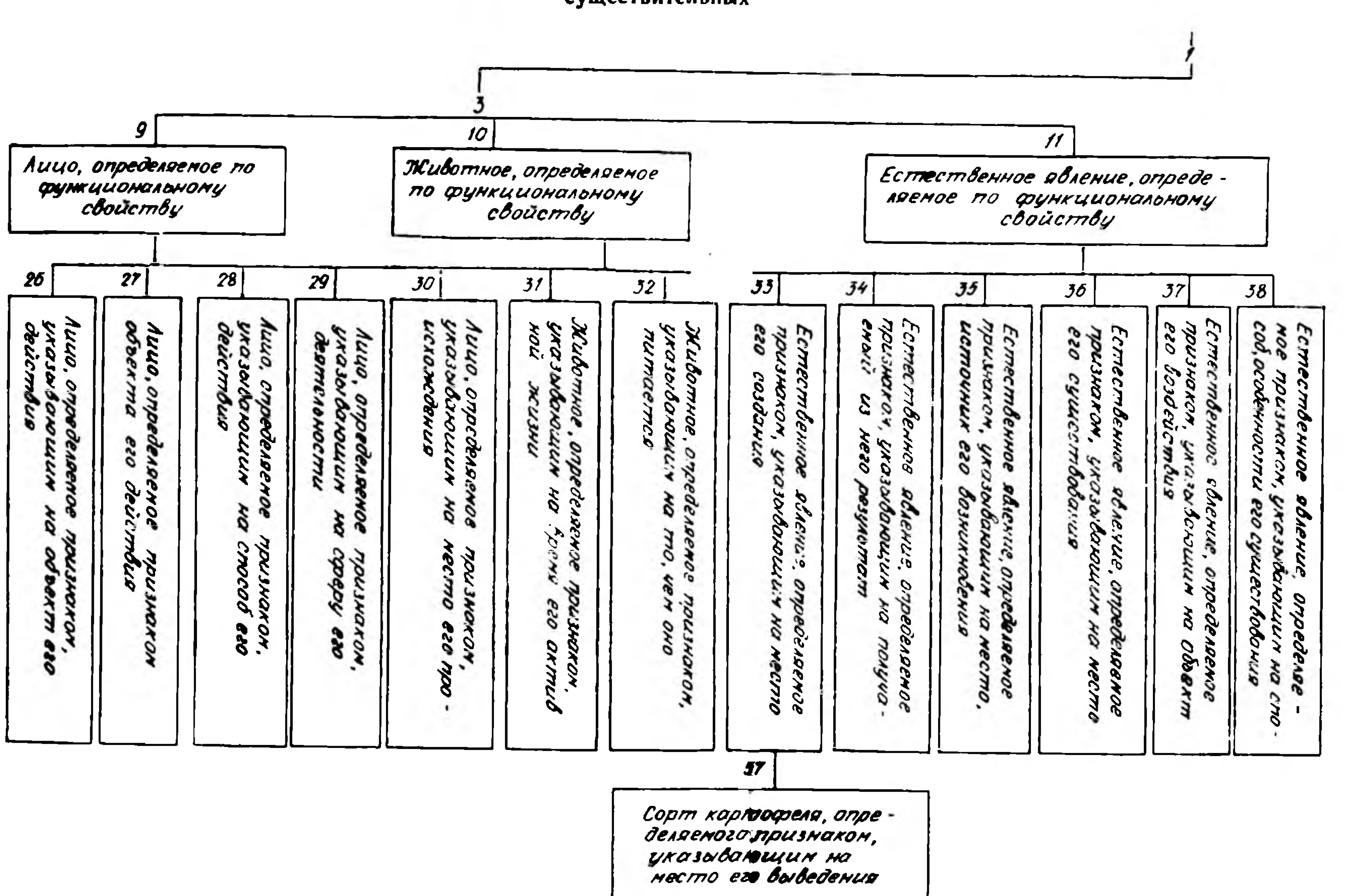
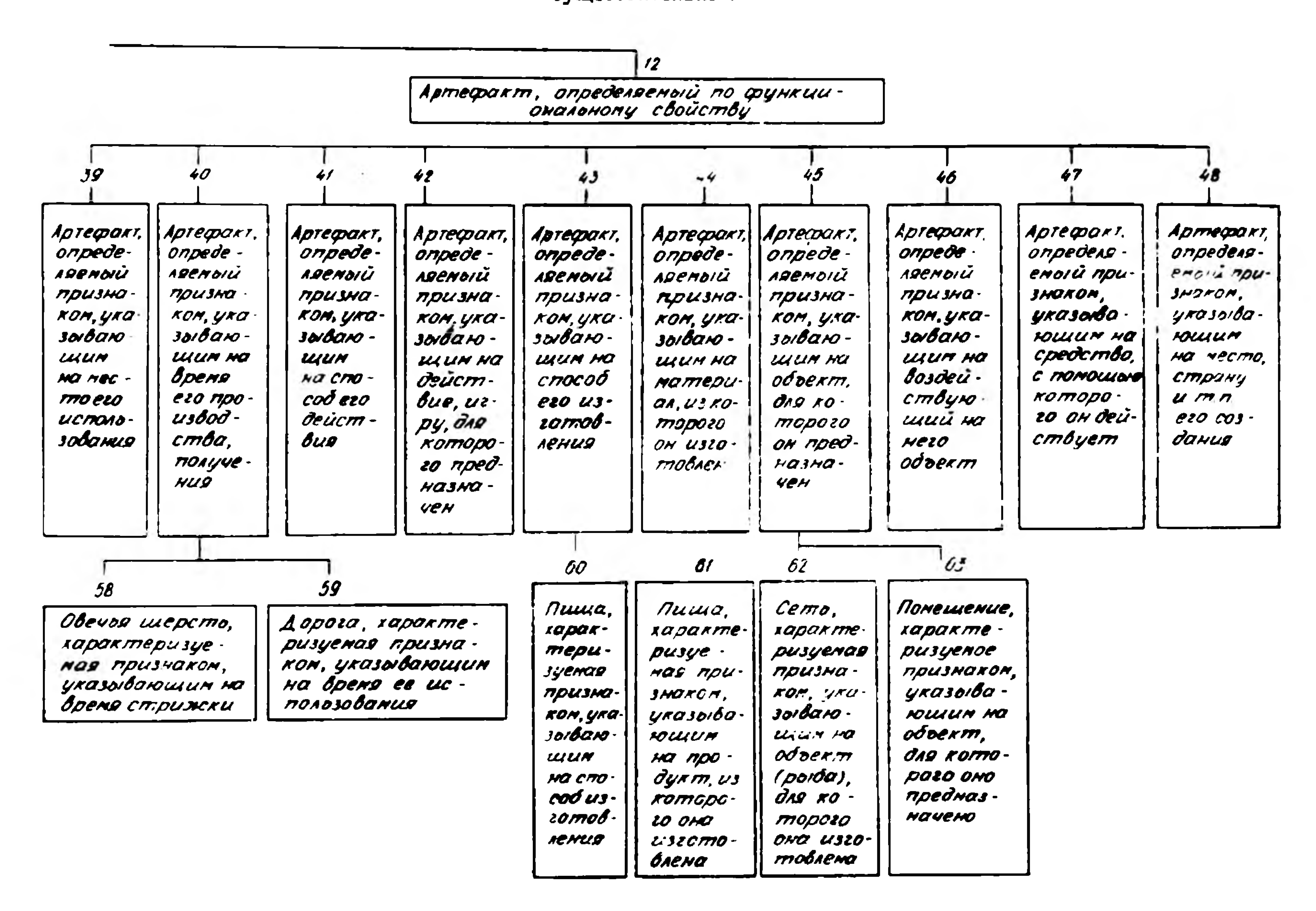


Схема 12

Словообразовательные значения конкретных отсубстантивных существительных



зуется признаком, указывающим на действие, в результате которого оно образовалось (38: *горельник* — с формантом *-ник*).

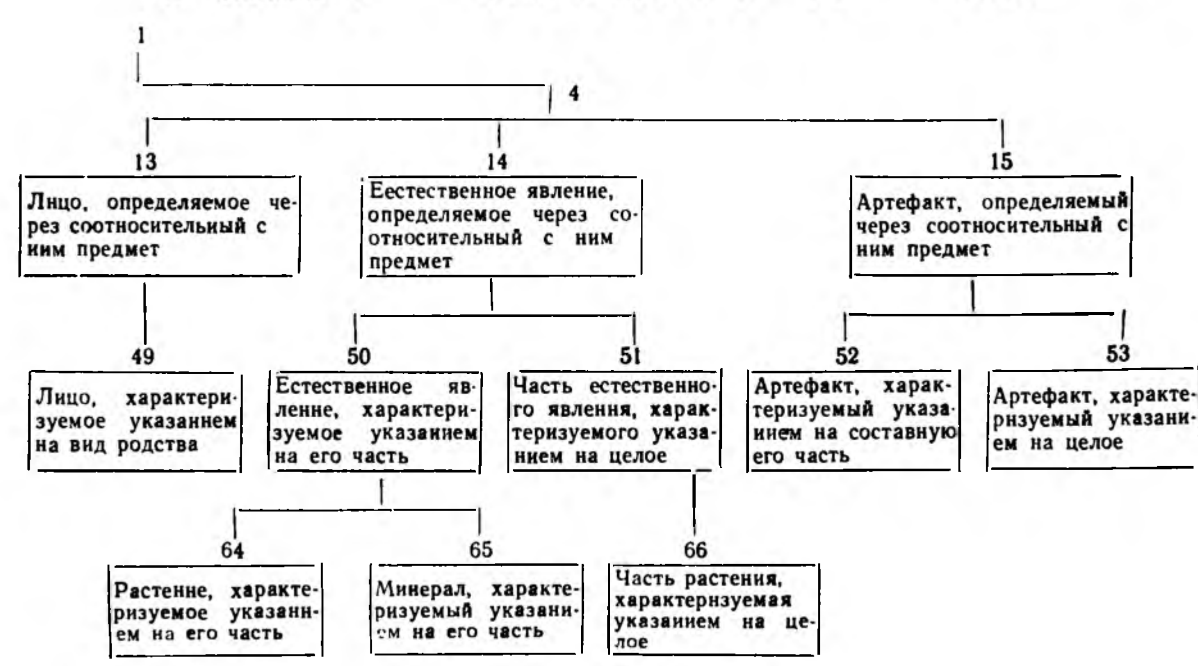
Наибольшее количество ЛСЗ имеют производные семантической темы «артефакт» (схема 12). Среди них регулярностью проявления выделяются следующие значения (СПК): «овечья шерсть, характеризуемая признаком, указывающим на время стрижки» (40—58: *вешни́на* и *весни́на, зимни́на, летни́на, осени́на*, оформляются с помощью суф. *-ин(а)*; «дорога, характеризуемая признаком, указывающим на время её использования» (40—59: *ве́шник, зи́мник, ле́тник, осе́нник,* формант *-ик* (ср.: урал.: *вешняк* 'дорога', суф. *-як*)), оба значения являются собственно диалектными; «пища, характеризуемая признаком, указывающим на способ приготовления» (43—60: *газировка, дранка* 'картофельная лепёшка', *жаренка, копчушка, ме́шанка, мочёнка, толчёнка, тушенка; мешани́на* 'корм для скота', *строгани́на, варе'ец,* выражается, прежде всего, через формант *-к(а)*, возможны также *-ин(а), -ик, -ец*; ср. другие виды артефактов, называемых по такому же признаку: *дублёнка, долблёнка,* 'лодка', *плетёнка* и *плетушка* 'корзина', *стёганка* и *стёжанка, кошенина* и др.);

«артефакт, характеризуемый признаком, указывающим на материал, из которого он изготовлен» (44: *берестянка* 'корзина', *двустволка, железка* 'печь', 'железная дорога', *жестянка* 'печь', *каменка* 'печь', *землянка, кремнёвка, ко́жанка, лосинка* 'рукавица', *моторка, осиновка* 'корзина', *стеклянка* 'банка', *щитовушка* 'сборный дом'; *броневка, ватник, дощани́к; желёзница;* среди них компактную группу составляют имена семантической темы «пища» (см. 44—61): *аржанушка, аржани́к* и *ржануха* 'хлеб', *берёзовка* 'берёзовый сок', *индюшка* 'индийский чай', *крапчатка, манка, овсянка* 'хлеб', *перловка, перцовка, пшёнка, ячменка* 'кисель'; *сморо́дичник* 'напиток', *творожник, медовуха, гороховница,* образуются с помощью суф. *-к(а)*, а также *-ик, -ух(а), -ниц(а)*);

«артефакт (особенно сеть (45—62) и помещение (45—63)), характеризуемый признаком, указывающим на объект, для которого он предназначен» (*ельцовка, карасёвка, лещовка, окунёвка, язёвка* 'виды сетей'; *бондарка* 'бондарная мастерская', *кочегарка, слесарка, сто-*

Схема 13

Соотносительные словообразовательные значения отадъективных существительных



лярка, дровяник, кроме того, *нефтянка* 'баржа для перевозки нефти', *пожарка* 'пожарная машина', *матроска, жиповик,* оформляются с помощью суф. *-к(а), -ик,* в других говорах возможен *-ец,* ср.: нвсб. *зверильнец, свининец* 'свинарник').

Проиллюстрируем также другие значения функционального аспекта, представленные в говорах (39: *боковушка* и *боковица* 'боковая комната', 'боковая полка', *верхонка, исподка* 'вид рукавиц', *исподник, нижник,* 'нижние юбки', *кольцевик* 'автобус с кольцевым маршрутом', форманты *-к(а), -иц(а), -ик;* в других говорах возможен также суф. *-ух(а):* пск. *боковуха* '=боковушка'); (42: *взрывчатка, приёмка* 'приёмный пункт', *футболка; долбёжник, отборник* 'виды плотничьих инструментов', *купальник, спальник* 'ночная рубашка', *учебник,* форманты *-к(а), -ик,* не отмечен суф *-иц(а),* ср.: лит. *лечебница);* (46: *дождевик,* суф. *-ик,* ср.: нрк. *ветренка* 'лента, завязываемая на вороте, рукавах', пск. *ветрянка* 'кофта, одеваемая поверх сарафана', где формант *-к(а));* (47: *водянка, ветрянка* 'виды мельниц', *керосинка* (суф. *-к(а))* и (48: *казанка, тюменка* 'виды лодок', *финка* (суф. *-к(а)).*

Соотносительный аспект номинации (схема 13) представлен немногочисленными СЗ. Функцию мотивирующей единицы во всех случаях выполняют относительные прилагательные. При этом семантика лица характеризуется указанием на вид родственных и т. п. отношений (49: *брошенка* 'женщина, оставленная мужем', *одиночка, разведёнка, вдовец, разведенец; свояк, холостяк; женатик,* оформленные с помощью суф. *-к(а), -ец, -як, -ик;* в других говорах отмечен также суф. *-ыш* (ср.: пск. *взятыш);* семантика растения, минерала, артефакта определяется через указание на их составную часть (50—63: *лиственница* с суф. *-иц(а),* 50—64: *железняк;* 52: *двуручник, одноручник* 'виды рубанка', *моторка,* а часть растения и артефакта именуется через указание на целое, 51—65: *грибница, луковица* и 53: *оконница* с суф. *-иц(а)).* В литературном языке и других говорах набор суффиксов, с которыми связаны соотносительные СЗ, может быть несколько иным. Кроме уже указанных несоответствий можно назвать не отмеченные в среднеобских говорах суффиксы: для значе-

ния 63 — суф. *-ник* (лит. *терновник, хлопчатник*), для 64 — суф. *-ик* (лит. *галечник, песчаник, торфяник*), для 52 — суф. *-ух(а)* (пск. *бортовуха* 'грузовой автомобиль с откндными бортами'), для 65 — суф. *-к(а)* (урал. *кедровка* 'кедровая шишка').

Семантика животного в соотносительном аспекте не представлена.

Сравнение с литературным языком показывает, что средиеобским говорам неизвестны многие ЛСЗ лица, рассматриваемого в разных социально значимых планах: «лицо, характеризуемое признаком, раскрывающим действие, объектом которого оно является» (*изгнанник*), «лицо, характеризуемое признаком той организации, учреждения и т. п., в котором оно состоит» (*балтиец*), «лицо, характеризуемое количественным признаком явления, времени, к которому оно принадлежит» (*пятидесятник*), «лицо, определяемое через указание на характер его взглядов» (*западник*). Кроме того, к литературным ЛСЗ относятся значення неодушевленного предмета (учреждения и т. п.), характеризуемого через указаиие на собственное имя лица, с которым он связан (*Третьяковка*), животного, характеризуемого указанием на время его активной жизни (*ночница*) и др.

Но более убедительными аргументами, подтверждающими мысль о различном семантическом наполнении литературиых и диалектных словообразовательных типов, являются собственно диалектные ЛСЗ. Среди иих имеются значения социальиого и несоциального плана: «животное, характеризуемое указанием на место его происхождения» (*монголка*), «растение, характеризуемое указанием на место выведения (*нарымка*) и на объект его воздействия» (*кровавик*).

Морфонологические особенности отадъективных существительных сводятся к следующему. В мотивированных словах с суф. *-ак* (*-як*) ударение падет на суффикс: *красня́к, большáк, новый — новя́к;* нерегулярно соотношение основ: *чужой — чужья́к, блатной — блатя́к, близкий — близня́к, молодой — молодняк.*

В мотивнроваиных словах с суф. *-ух(а)* ударение падает на гласный суффикса: *медову́ха, корену́ха, молоду́ха, хитру́ха, пестру́ха, большу́ха.* Соотношение основ регулярно, морфонологических изменений не происходит,

В мотивированных словах с суф. *-ач* ударение падает на суффикс: *цепкáч, долгáч, строгáч, цинкáч*. В качестве мотивирующей основы выступает корень слова.

В мотивированных словах с суф. *-ец* конечный согласный мотивирующей основы смягчается, ударение падает на суффикс: *живой — живец, овдовой — овдовец, мокрый — мокрец*. В словах *нелюдúмец, рождёнец, стлáнец, шлёпанец* ударение сохраняется на слоге мотивирующего слова. Нерегулярно соотношение основ: *младой — младёнец*.

§ 3. Конкретные отглагольные существительные

Словообразовательные значения отглагольных существительных образуют принципиально иную структуру, нежели производные имена.

У отсубстантивных существительных опорные значения схемы создаются за счет ЛСЗ, учитывающих тематическую принадлежность называемого предмета и оформляемых в русском языке (его литературном варианте и говорах) в виде СК и СПК.

СЗ отсубстантивных существительных поэтому построены путем выделения обобщенных семантических тем производных внутри функционального, определительного и собственно соотносительного аспекта и дальнейшей их конкретизации.

По тому же принципу организована структура СЗ отадъективных существительных, имеющих, впрочем, лишь одну СК «предмет (одушевленный и неодушевленный) — носитель признака».

У отглагольных существительных структура словообразовательных значений строится на основе ССЗ, отражающих общие виды связей предметов и функций (действий, состояний), выполняемых ими. Именно такого типа значения образуют СК разной степени обобщения (схема 14).

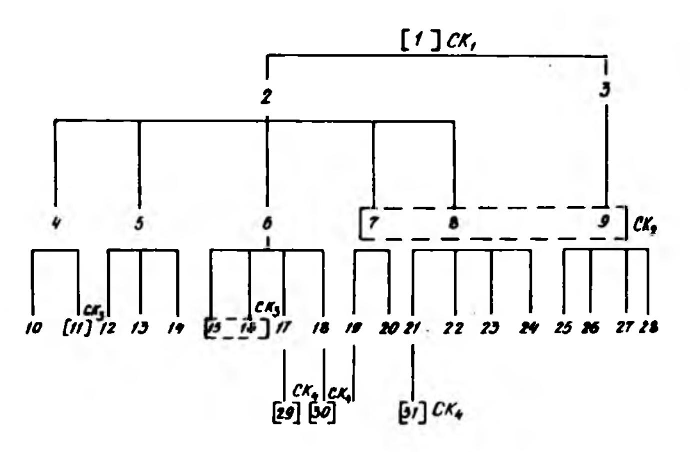
Тематические уточнения отглагольных производных в среднеобских говорах хотя и возможны (29—31), но в значительно меньшей степени, чем у отсубстантивных существительных, и непосредственного выражения ни одно из них по существу не получает.

Наиболее абстрактная словообразовательная категория ($СК_1$) создаётся за счет значения «предмет (одушевленный или неодушевленный), связанный с каким-либо действием», которое является ОСЗ словообразовательных типов с суф. *-к(а), -ак, -ок, -ец, -н(я), -ень* и др.

Словообразовательную категорию ($СК_2$) образует менее абстрактное СЗ «предмет (одушевленный и неодушевленный), производящий действие или предназначенный для его выполнения», объединяющее в себе семантику субъекта и орудия действия (7, 8, 9) и получающее непосредственное выражение через суф. *-ник, -чик/-щик, -тель, -ач, -ун, -л(о), -ух(а), -ниц(а)* и др.

Схема 14

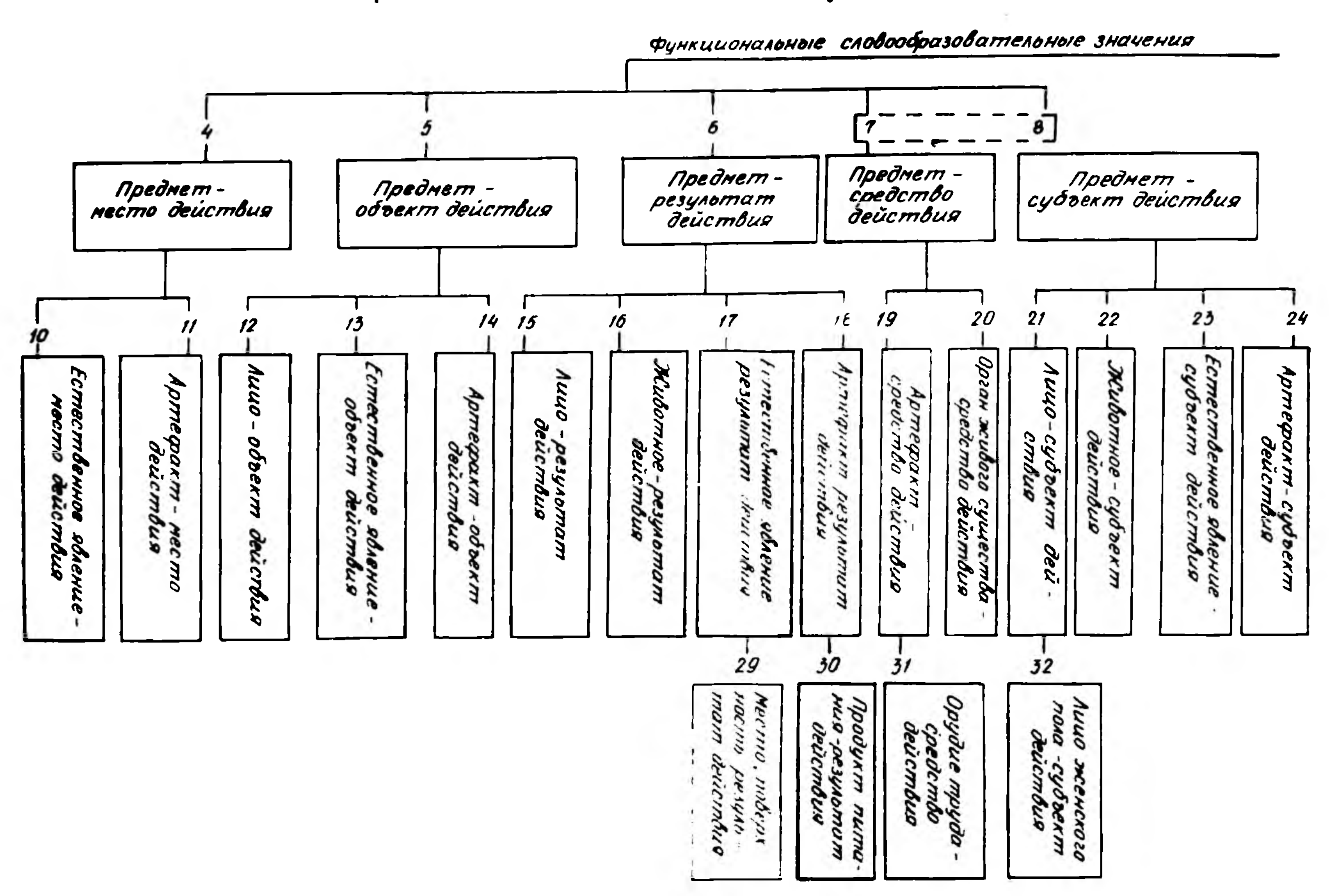
Словообразовательные значения конкретных отглагольных существительных



Дальнейшая конкретизация указанных значеиий происходит в двух аспектах: функциональном и определительном (2 и 3). Абсолютное большннство СЗ отглагольных имен представляет собой реализацию функционального принципа номинации (схема 15). Классифицирующий компонент СЗ «место, где совершается действие» (4) может быть конкретизирован до значения «естественное пространство» (10): боец 'порожистое место на реке' с суф. *-ец* (ср. в других говорах: пск. *броденъ* 'брод', урал. *курень* 'место в лесу для выжига-

Схема 15

Словообразовательные значения отглагольных существительных



ния древесного угля' с суф. *-ень*, в лит. языке данное ЛСЗ не отмечено) и «артефакт (помещение, сосуд и т. п.)» (11: *кла́дбище, ла́зище* 'вход в погреб', *убежище, хранилище; караульня, беседка, дежурка, закладка, зимовка, катушка* 'ледяная горка'; *стайка, курилка, морозилка* 'холодное помещение', *парилка, сушилка; жи́ло* 'жильё', *сушило* 'верх русской печки, где сушат одежду'; *умывальник* 'помещение, где умываются'; *мельница, жа́рница* и *жаровня* 'сковородка'; *сидун* 'стул', *гла́жа* 'место, где глядят одежду', *прито́н* 'место, где выбрасывают невод' с суф. *-ищ(е), -льн(я), -к(а), -лк(а), -л(о), -льник, -ниц(а), -овн(я), -ун* и безаффиксные. Суффиксы *-ищ(е)* и *-льн(я)* специализируются на значении «артефакт — место действия» и потому оно образует $СК_4$. В исследуемых говорах не отмечены такие опосредствованные средства выражения, как *-ух(а)* и *-ак* (ср.: ирк. *кладовуха* 'двухколёсная повозка для перевозки снопов', яросл. *набитуха* 'лукошко', урал. *кладуха* 'телега для перевозки груза', *мочак* 'место, где вымачивают лен').

$СК_3$ образует значение «одушевленный предмет (лицо, животное) — результат действия», непосредственно выражаемое суф. *-ыш*; а опосредованно—суф. *-ок* (15—16: *выкормыш, приемыш, подранок*). В литературном языке статусом СК обладает более общее значение «одушевленный и неодушевленный предмет — результат действия» (*подкидыш, вкладыш*). В среднеобских говорах существительные на *-ыш* значением неодушевленного предмета не обладают.

Из общего значения «естественное явление — результат действия» (*падальник* и *падальница* 'павшая с кедра шишка', *выворотоk* 'вывороченное бурей дерево', *выпадок* 'первый снег', *выросток* 'побег фруктового дерева' и др.; форманты *-льник, -льниц(а), -ок*) условно может быть выделена более конкретная $СК_4$ «часть поверхности — результат действия», представляющая собой ОСЗ словообразовательного типа с суф. *-ин(а)* (*выбоина, горенина* 'выгоревшее в лесу место', *извилина, изгибина* 'изогнутое русло реки', *морщина, оплывина, пропарина*, 'полынья', *проталина, трещина, царапина*; ср., однако: *убоин(а)* 'мясо убитого животного', *пропади́на* и *пропасти́на* 'падаль') и ЧСЗ словообразовательных типов с суф. *-льник* (*горельник* 'участок горелого ле-

са') и безаффиксного (*гарь* 'выжженная земля', *выруб* 'место ,где вырубили лес').

Среди производных со значением «артефакт — результат действия» (18: *лепёшка, приговутка* 'присказка', *присказутка* '=приговутка', *сказка, шутка; вырезка* 'резной узор', *намычка, обойка, плетушка; выворотоk* 'сорт шкуры', *опоек* 'сорт шкуры', *прикладок* 'кладка снопов', *примёток* 'кладка снопов', *окладок* 'складка'; *борщага* 'сборки',*выгреб* (о земле), *обрòн* 'выпавшее из колоса зерно', *присуха* 'высушенные дрова', *приработ, резь* (ср.: резать); форманты *-к(а), -ок, -аг(а)* и нулевой), выделяется конкретная словообразовательная категория (CK_4) «вещество — результат действия», оформляемая, как и в литературном языке, с помощью специализированного средства *-к(и)* (30: *выварки, выжимки, высевки* 'пшеничные отруби высшего сорта', *опрядки, очёски, почёски,* 'остатки льна на разных этапах его обработки', *сливки, отжимки, отрёпки, поскрёбки*) и связанная опосредственно с суф. *-к(а), -н(я), -ев(о), -ух(а)* (*заварка, закваска, запеканка, мешка* 'корм скоту', *настойка, наливка, окрошка, поджарка; квашня* 'дрожжевое тесто', *стряпня; варево, жарево, крошево, месиво* и *мешево* 'корм скоту'; *заболтуха* 'мука, заваренная кипятком', *заваруха* '=заболтуха').

Значение субъекта и орудия действия (7—9) создает обобщенную CK_2 «одушевленный и неодушевленный предмет — производитель действия», выступающую как ОСЗ в словообразовательных типах с суф. *-чик/-щик, -ник, -тель, -ач, -ун, -лк(а).*

Дифференциация этого общего значения в среднеобских говорах приводит к появлению не трёх, как это наблюдается в литературном языке, а двух СК: CK_4 (32) «лицо женского пола — субъект действия», непосредственно связанной с суф. *-е(я)* и *-х(а),* а опосредствованио — с суф. *-ух(а)* (*ворожéя, жнéя, пряха, стряпуха*), и CK_3 «лицо — субъект функционального действия» (21), выражаемой с помощью специализированного суф. *-льщик* и опосредствованно с помощью суф. *-чик, -ник, -тель, -ун, -ец, -льник, -к(а), -ок, -ач* (*белильщик, боронильщик* и *бороновальщик, верщильщик* 'тот, кто вершит, выкладывает верхнюю часть стога', *веяльщик,*

выступальщик 'выступающий', *вязальщик* 'тот, кто вяжет снопы', *загребальщик* 'тот, кто загребает сено', *карасевальщик* 'тот, кто карасюет, ловит карасей', *ка́тальщик* 'тот ,кто катает валенки' *метальщик* 'тот, кто мечет стог', *мяльщик* 'тот, кто мнет лён', *плавильщик, полольщик, подметальщик, подкапнивальщик* 'тот, кто подкапнивает копну сена', *помогальщик, рисовальщик, сгребальщик* 'тот, кто сгребает сено', *скирдовальщик, сеяльщик; брако́вщик, вальщик, вздымщик* 'тот, кто сдирает кору с брёвен', *возчик, вязчик, грузчик, забойщик* 'тот, кто забивает скот', *заказчик, закройщик, заправщик, засольщик, кидчик, конопатчик, лазчик,* 'тот, кто лезет на кедр для сбивания шишек', *лётчик, мётчик* '=метальщик', *наладчик, неводчик, обходчик, объездчик, перевозчик, подборщик* 'сборщик кедровых шишек', *погонщик, приёмщик, прицепщик, разведчик, расфасовщик, сварщик, стрелевщик, смазчик, сплавщик, трелевщик, учетчик; едок, ездок* 'водитель транспорта', *нырок* 'ныряльщик', *стрелок; грёбни́к* 'гребец', *истопник, караульник* 'лесник', *мельник, наёмник, охотник, охранник, подсочник* 'тот, кто подсачивает, снимает кору с деревьев', *помощник, проводник, промышленник* 'охотник', *работник, рульник* 'водитель'; *колдун, шатун* 'тот, кто часто меняет место работы'; *вожатель* 'проводннк плотов', *водитель, губитель, закупатель* 'скупщик меха', *заготовитель, заместитель, испытатель, наблюдатель, преподаватель, скрыватель* 'сокрыватель', *свидетель, сказитель, сохранитель, строитель, учитель; боец* 'тот, кто сбивает с кедра шишки', *гребец, ворожец* 'колдун', *игрец* 'игрок', *ловец, продавец, торговец, убиец; ковач.* В литературном языке и других говорах данное значение может выражаться с помощью суф. *-лк(а), -л(а), -ак* (ср.: лит. заряжалка, резалка, сиделка, пск. *бурилка* 'бурильщик', *воротила* 'командир', *водила* 'тот, кто водит в игре', *видак* 'свидетель', *валяк* 'тот, кто валяет валенки', *брата́к* 'тот, кто берёт замуж', *борак* 'борец' и др.).

СЗ «артефакт — средство действия» (7), имеющее в литературном языке специальное средство выражения — суф. *-льник,* в среднеобских говорах выступает как СПК, т. е. имеет лишь опосредствованное выражение через суф. *-к(а), -лк(а), -ок, -ник, -льник, -чи, -тель,*

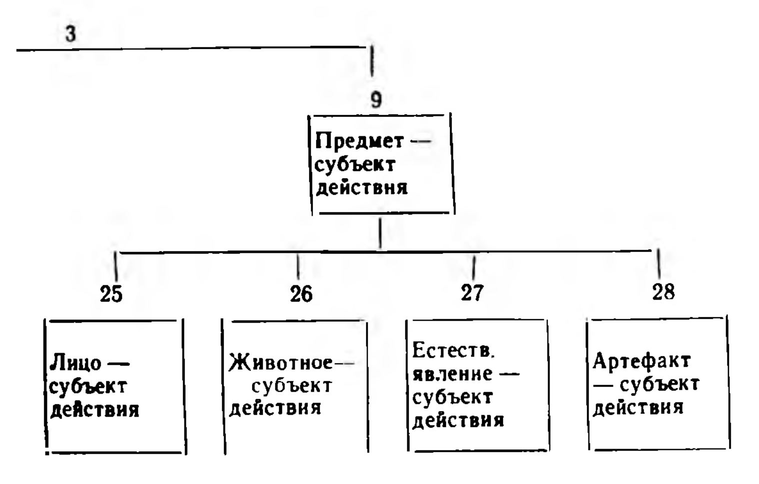
-л(о), -ач, -ак, -ун, -ниц(а) и безаффиксным способом (*игрушка, гребёлка* 'гребёнка', *поилка, сеялка, цедилка, грелка, зажигалка, вешалка* 'приспособление для сушки табака', *качалка* 'колыбель', *отымалка* 'тряпка для чугуна', *тушилка* 'крышка в трубе самовара', *севалка* 'то, из чего сеют', *возовка, заслонка, затворка, опояска, подпояска, пристяжка, утирка, погрузчик, счётчик, поводок, гребок* 'мешок для зерна', *кадило, пугало, будильник, утиральник* 'полотенце', *делитель* 'приспособление для деления теста', *обогреватель, предохранитель, пугач, тягач, черпак* и др.). Центральное место среди таких производных занимают слова семантической темы «орудие труда» (31: *жатка, бойка* 'приспособление для сбивания масла', *долбёжка, жнейка, завёртка, закидушка, запорка, заточка, конопатка, насторожка* 'часть охотничьей ловушки', *поворотка, придавка, скребка, тяпка, царапка; веялка, косилка, молотилка, мялка, прялка, сеялка, точилка, белилка, билка* 'орудие для разбиваиия глиинстой земли', *бороздилка* 'окунчик', *боталка* 'шест, которым, ударяя по воде, загоняют рыбу в сеть', *гребёлка* 'мотыга', *каталка* 'каток', *ковырялка* 'маленькая лопата', *копалка* 'лопата', *мешалка* 'лопаточка для замешивания теста', *колотилка* 'валек для белья', *крутилка* 'то, чем закручивают крышки на стеклянных банках', *пихалка* '=боталка', *подавалка* 'вилы', *подбивалка* 'мотыга', *скобелка, погонялка* 'киут', *чесалка* 'приспособленне для обработки льна', *правилка* 'приспособление для обработки брёвен'; *биток* 'бьющая часть цепа', *валёк* 'скалка', *каток* '=валёк', *цежок, вязок* 'вязка для снопа'; *долбёжник, отборник* 'струганок', *резник* 'нож', *ухватник* 'ухват', *колотун* 'приспособление для сбивания кедровых шишек', *чиститель* 'приспособление для чистки колёс у машины', *воротня, поворотень* и *поворотня* 'орудие для долбления лодок', *валец* 'приспособление для валки леса', *запускница* 'шест для проталкивания невода подо льдом', *прясница* 'прялка'; *гибало* 'приспособление для изготовления полозьев', *клепало, молотило* 'молотилка', *трепало* и *чесало* 'приспособления для обработки льна', *бродень* 'ручная сеть на мелкую рыбу', *закладина* 'палка, которой закладывают ворота', *таскуша* '=волокуша', *колот* 'то, чем колотят', *выдерга* 'то, чем выдергивают гвозди', *срез* 'то, чем срезают что-либо', *ухват*).

В среднеобских говорах суф. *-льник* мало распространен как средство выражения СЗ «орудия действия».

Остальные СЗ функционального аспекта представлены меньшим количеством производных, см. значения 20: *нюхало, рыло, хлёбало, ступня* – суф. *-л(о), -н(я)*; 22: ***ищейка, лайка*** — суф. *-к(а)*; 23: ***завальник*** 'деревья, преграждающие в лесу путь', ***тормозу́н*** 'липкий снег' — суф. ***-ник, -ун***; 24: ***катушка, стойка, бегунок, поплавок, блёнка, слопец*** 'ловушка', ***бодряга*** 'водка' — суф. *-к(а), -ок, -н(а), -ец, -яг(а)*, в других говорах возможны суф. *-л(о), -ев(о), -ун,* (см.: яросл. *дрожало* 'жидкая часть студня', *сдергало* 'зеркало', урал. *курево* 'костер', пск. *вертун* 'самолет').

Схема 16

Определительные словообразовательные значения отглагольных существительных



СЗ определительного аспекта (схема 16) отражают субъективную позицию называемого предмета. Полнее других представлено значение «лицо — субъект характеризующего действия» (25), образующее заметную СПК: *болтушка, выскочка, зазнайка, летучка* 'быстрый человек', *пискулька* 'крикливый ребенок', *спяшка* 'любитель поспать', *курилка, наряжалка, нюхалка*

'любитель нюхать табак', *сиделка* 'тот, кто любит сидеть', *трепалка* 'болтушка', *хожалка* 'любитель ходить пешком'; *баламутчик, доносчик, захватчик, изменчик, разводчик* 'разлучннк', *сводчик* 'сводник', *указчик, хвалебщик; блудник, полюбовник, просмешник, разводник, смутник* 'смутьян', *собачник* 'тот, кто собачится, ругается', *соблáзник, ссóрник, трýдник* 'трудяга', *шкóдник, бегун* '=летучка', *ворун* 'вор', *мигун, ползун, орун, сидун, форсун, храпун; защититель, издеватель, подсказатель, ругатель, указатель* 'любитель комаидовать', *куритель* 'курильщик', *сказитель* 'любитель рассказывать разные историн'; *говоруха, кирюха* 'любитель выпить', *копуха, подлизуха, сердуха, запивоха, вертуша, веньгуша* 'плакса', *выжимала, погоняла, блудня* 'неверный муж', *выползня* и *выползень* 'последний ребенок', *дребезжень* 'ворчун', *курач* 'курильщик', *буза* 'крикун', *бормота, глот* 'тот, кто пьёт что-либо крупными глотками', *греза* 'хулиган' (ср.: *грезить* 'хулигаиить'), *небережь* 'тот, кто не бережется', *развара* 'неповоротлнвый человек', *шнырь,* используются суф. *-к(а), -лк(а), -чик, -ник, -ун, -л(а), -тель, -н(я), -ух(а), -уш(а), -ень* и др.; но не отмечены суф. *-ок, -льник* (см.: арх. *валявок* 'лежебока', яросл. *посидельник* 'милый, любнмый').

Проиллюстрируем оставшиеся значения определительного аспекта. 26: *бодун, грызун, скакун* 'заяц', *певун* 'петух', *стригун, будач* 'бык', *лягач* 'конь', *секач* 'кабан', *дергач* 'коростель', *плевок* 'муха', *стрелок* 'змея', *квакушка, кукушка, сидушка* 'наседка', *стрюкалка* 'насекомое', *хрюкало* 'свинья', *блудня* 'медведь', *квохтуха, паруха, сидуха* 'наседка', *летуга* — суф. *-ун, -ач, -ок, -к(а), -лк(а), -л(о), -н(я), -аг(а)*; 27: *зыбун, плывун, жальник, ожальник* 'крапива', *росток, стланец* — суф. *-ун, -ник, -ок, -ец*; в других говорах отмечен более широкий набор суффиксов (ср.: урал. *бучило* 'омут', яросл. *катыш* 'сорт зеленого горошка', пск. *валище* 'поваленные деревья', смол. *блискалка* 'молния', ивсб. *плесня* 'зацветшая вода на болоте', *плывень* 'ливень', *поползень* 'поземка'); 28: *коптилка, фыркалка* 'молотилка', *торчок* 'гвоздь', *ползун* 'соха', *поползуха* 'петля', *рассыпуха* 'картофель, разваривающийся при варке', *лежень* 'часть рыбозаградительного сооружения' — суф. *-лк(а), -ок, -ун, -ух(а), -ень;* (см. в других говорах суф. *-л(о),*

-ец, отсутствующие в среднеобских говорах: нвсб., урал. *брякунец* 'колокольчик на домашнем животном', яросл. *басило* 'сигнальная труба').

Различие функционального и определительного аспектов связано прежде всего с тем, что первый отмечает социально обусловленные действия предметов, второй — естественную, природную склонность предмета к тем или иным действиям, его тяготение к определенному состоянию.

С противопоставлением социального и несоциального подходов связаны определенные особенности в номинации предмета.

Прежде всего, указанные аспекты различаются семантикой мотивирующих глаголов, которые в первом случае выражают производственные, трудовые и другие, подобные им процессы, а во втором — действия, характеризующие какую-либо черту называемого предмета. Отсюда — выделение таких обобщеных значений, как «предмет, называемый по функциональному действию» и «предмет, называемый по характеризующему действию» (гр. 2—3), которые у отглагольных существительных оказались тождественными значениям социального и несоциального аспектов.

Семантические характеристики производных функционального аспекта в значительной мере зависят от принадлежности называемого предмета к классу живых или неживых явлений. Во-первых, благодаря своим биологическим свойствам живые существа не способны выполнять некоторые функции, такие, как места и орудия действия, отмеченные у неодушевленных предметов, вследствие чего не могут обладать соответствующими ЛСЗ (ср.: гр. 10—13). Кроме того, одинаковые функции живых и неживых предметов в силу их природного своеобразия могут различаться качественно. Так, живые существа (лица, животные) интерпретируются как результат вскармливания и т. п. (ср.: *выкормок, откормок, выкормыш* и др.), в то время как неодушевленные предметы (особенно артефакты) чаще всего являются результатом физического действия (ср.: *обрезок, недовесок, пашня, стряпня, плетень* и др.).

Различаются также наименования живых (в частности лиц) и неживых предметов по содержанию их объектной функции: объект-лицо характеризуется по дей-

ствию, отражающему, прежде всего, сферу воспитания, обучения человека и т. п. (ср.: *питомец*, диал. *выращенец* 'воспитанник' и др.), неодушевленный предмет выступает как объект физического, нередко конкретного трудового действия (ср.: диал. *ка́чка* 'зыбка', *ты́чка* 'колышек на пограничной меже', *затыка́льник* 'основа для тканья' и т. п.).

Значение результата действия наиболее характерно для названий неодушевленных предметов (ср.: *трещина, извилина, морщина, выбоина* и т. п. и единичное *заглотыш* 'рыба, проглоченная другой крупной рыбой').

Более конкретный уровень обобщения СЗ связан с делением одушевленных существительных на имена лиц и животных, а неодушевлённых — на имена естественных явлений и артефактов.

Социально обусловленные имена лиц и животных отражают различия, прежде всего, в составе функций, выполняемых указанными видами живых существ. Если, например, лицо может называться по его объектной функции (14), то подобные названия животных в русском языке отсутствуют.

Но и при общности функций, выполняемых лицом и животным, суть их может существенно различаться. Так, субъектные функции лица и животного в обществе распределены достаточно строго. Человек обращается к животным в расчёте на использование таких их способностей, которыми сам не обладает. Это и находит отражение в языке и, в частности, в специфике мотивирующей семантики (ср.: *стряпка, служка*, диал. *мойка* 'прачка' и др. и *ищейка, лайка*).

Своеобразным является также ЛСЗ «лицо — объект действия», отражающее роль, место лица в сфере разного рода общественных отношений, в которые животные вступать не могут (ср.: *арестант*, диал. *браковёц* 'белобилетник', *призывник* 'допризывник').

Когда же лица рассматриваются наряду с животными как результат каких-либо биологических и т. п. процессов, то, как уже отмечалось, и лица, и животные в силу их биологической общности могут быть интерпретированы как результат одинаковых и даже одних и тех же действий со стороны других живых существ (ср.: *выкормыш, приёмыш, выкидыш, изморыш, подранок* и др.). В этом случае трудно, если не невозможно, устано-

вить семантическую специфику глаголов, мотивирующих имена лиц и имена животных.

Не всегда имеют различия в мотивирующем значении «субъектные» наименования предметов характеризующего аспекта (ср.: *болтун, брызгун, визгун* (25); *бодун, грызун, скакун* (26); *зыбун, плывун* (27); *воркун* 'колокольчик', *ползун* 'соха', *шептун* 'лапоть'(28)).

Однако в ряде случаев можно было бы выделить значение лица, характеризующегося действием, на которое способен лишь человек (ср.: *выскочка, зазнайка, доносчик, жалобщик, обманщик, спорщик, зубрилка, курилка* 'любитель покурить', *наряжалка* 'модница' и т. п.).

Следует сказать, что в среднеобских говорах, как и в литературном языке, более или менее регулярным, наблюдаемым во многих словообразовательных типах и способным реализоваться в достаточно большом количестве производных единиц (от 10 до нескольких десятков), является ограниченное число ЛСЗ. К ним относятся такие значения, как «лицо — субъект функционального действия», «лицо — субъект характеризующего действия» и «предмет — орудие, средство функционального действия». Для некоторых словообразовательных типов можно также отметить значение *вместилища*, места, где происходит функциональное действие (см.: существительные на *-лка*) и значение «неодушевленный предмет, вещество — прямой или побочный результат функционального действия» (см.: существительные на *-ки*) и др. Остальные ЛСЗ представлены немногочисленными производными.

Морфонологические явления у отглагольных существительных: 1) в пределах одной и той же словообразовательной модели в качестве мотивирующей может выступать основа инфинитива и основа 1-го л. ед. или мн. ч.: *проходить — прохóдец*, но *ходить, хожу — хожéц; доставить — доставщи́к, подсобить — подсобщик*, но *гребу — грéбщи́к, гоню — гонщик; хранить — хранитель, приискать — приискатель, защитить — защититель*, но *вожу — вожатель;* 2) перед морфом *-льщик* не всегда сохраняется конечная гласная мотивирующей основы: *подавать — подава́льщик, выкидать — выкида́льщик, катать — ката́льщик, подскребать — подскреба́льщик, помогать — помога́льщик*, но *борони́льщик, боронéльщик; верши́льщик, вершéль-*

щик; бороновáльщик, бороновóльщик; зубрúльщик, зубрéльщик (в редких случаях эта особенность имеет место перед морфом *-тель*: поручáтель, поручúтель, сказáтель, сказúтель; 3) единичными примерами представлено нерегулярное соотношение основ. Ср.: *сватать — сватун, врать — врун, форсить — форсун, кашлять — кашлюн, молчать — молчун*, в мотивированных словах морф *-ун* присоединяется к корню мотивирующего слова, при этом *-ть* и конечная гласная инфинитивной основы отсекаются, но в паре *петь — певун* отмечаем нерегулярное соотношение основ. Ср. также: *хлопать — хлопуша, хвастать — хвастуша, но хвалиться — хвальбуша*, где появляется [*б*] как своеобразная звуковая прокладка. Ср.: *гребщик, гребельщик*, где *-ель* — можно признать интерфиксом, если оба слова считать мотивированными словоформой *греб-*. В паре *гонщик, гонёвщик -ев-* является интерфиксом, если мотивирующей считать основу *гон-(гоню)*. Ср. также: *лазить — лазака, курить — куряка*, но *сеять — севáка; говорить — говоруха, копаться — копуха*, но *петь — певýха*, в которых *-в-* является интерфиксом, образующем сочетание гласных звуков *еа, еу (се+ака, пе+уха)*; 4) изменение акцентной кривой в отдельных словах в пределах одной и той же словообразовательной модели. При образовании мотивированных с суф. *-щик* ударение остается неподвижным, если оно падает в мотивирующем слове на конечную гласную инфинитивной основы: *вершúть — вершúльщик, катáть — катáльщик, помогáть — помогáльщик*. Ударение подвижно, если в мотивирующем слове оно падает на корневую гласную: *достáвить — достáвщик* и *доставщúк: сплавить — сплáвщик* и *сплавщúк; устáвить — устáвщик* и *уставщúк*.

В мотивированных словах с суф. *-тель* ударение сохраняется на том же слоге, что и в мотивирующем слове: *провожáть — провожáтель, скрывáть — скрывáтель, сохранúть — сохранúтель, спогубúть — спогубúтель, защитúть — защитúтель*.

В мотивированных словах с суф. *-ник* ударение переходит на корень, если в мотивирующем слове оно находится на гласной инфинитивной основы: *покосúть — покóсник, наводúть — навóдник, обручúть — обрýчник, блудúть — блýдник, глотáть — глóтник, заразúть — зарáзник*. Ударение неподвижно, если оно в мотивирующем слове находится на корневой гласной: *караýлить —*

караульник, волокушить — волокушник, пакостить — пакостник.

В мотивированных словах с суф. *-ун* ударение падает на суффикс независимо от места ударения в мотивирующем слове: *свистеть — свистун, лазить — лазун, спорить — спорун ,плясать — плясун.*

В мотивированных словах с суф. *-ач, -уш(а)* ударение падает на гласный суффикса, независимо от места нахождения его в мотивирующем слове: *торговать — торгач, курить — курач, хвастать — хвастуша, хвалиться — хвальбуша, хлопать — хлопуша.*

В мотивированных словах с суф. *-ец/-лец* не обнаруживается зависимости ударения от места ударного слога в мотивирующем слове: *ворожи́ть — вороже́ц, стреля́ть — стреле́ц, жить — жиле́ц, сиде́ть — сиде́лец, постоя́ть — постоя́лец,* которые можно комментировать как слова с неподвижным ударением, но *торгова́ть — торго́вец, проходи́ть — прохо́дец,* где в мотивированном ударение переносится с тематической гласной инфинитивной основы на один слог вперед; 5) единичными случаями представлено чередование *т'//т: свистеть — свистун; р'//р: спорить — спорун, курить — курач; з'//з: лазить — лазун; л//л': ссылать — ссыльщик; в//в': торговать — торговец;* 6) целый ряд мотивированных слов может быть соотнесен с разными мотивирующими единицами, и отсюда — разная трактовка их словообразовательной структуры: *воспитальник* и *воспитанник,* однозначно выделяется суф. *-ник.* Оба слова можно считать мотивированными глагольной основой *воспита-* и в таком случае *-ль-* и *-н-* — звуковыми прокладками, интерфиксами. Возможна иная интерпретация: *воспитанный — воспитанник, воспитать — воспитальник,* где *-ль-* также является интерфиксом.

§ 4. Сложные имена существительные

По характеру синтаксических связей между компонентами сложные имена существительные разделяются на две группы: с сочиинительным отношением основ и с подчинительным отношением основ.

Сложные существительные с сочинительным отношением основ в говорах единичны, и поэтому сам словооб-

разовательный тип, в отличие от литературного языка, является непродуктивным.

Абсолютное большинство сложных имен представляет другой тип — сложение с подчинительным отношением основ. В них опорным компонентом выступает имя существительное, в качестве первой основы, выполняющей уточнительную, конкретизирующую роль, выступают: а) основы существительных (*кровотечение, курошест, лёнзавод, маслозавод*); б) основы прилагательных (*белотал, желтоцвет, красноножка, пустоцвет, чернолес, вострохвост, косогорка, кругоход, лектропила, легкодум, гололёд*); в) основы числительных (*двухстенка, двоерожки, трёхрожки, трёхугольник, четырёхрожки*).

В отличие от литературного языка в говорах нет того многообразия языковых единиц, которые продуктивно используются в качестве первых конкретизирующих компонентов. Исключения составляют: а) основа местоименного прилагательного *сам-* (*самолов, самолодка, самопряха, самород, самоход*); б) компонент *полу-* (*полубахилы, полумо́ток, полуотва́л, полуса́к, полуты́сячник, полуу́м*); не отмечены сложные слова с первым компонентом — усеченной основой существительного или прилагательного типа *авиа-, авто-, гермо-, зоо-* и под. и со связанным компонентом типа *авто-, аэро-, био-, гидро-, микро-* и под.; не зарегистрированы в говорах и сложные существительные со связанными опорными компонентами, набор которых в литературном языке достаточно объемен[25].

Этот своеобразный «недостаток» словообразовательных моделей в говорах компенсируется разнообразием суффиксально-сложных имен различного строения.

Совокупность словообразовательных значений сложных имен существительных отражена в схеме 17, в целом повторяющей основные принципы выделения словообразовательных значений, принятые в данной работе (см., напр., схему 4 и комментарии к ней). Отличия связаны со спецификой образования сложных имен существительных, в том числе и количеством их в говорах.

---

[25] В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, с. 162—163) их отмечено 26, сюда же следует прибавить больше двух десятков производных единиц, способных выступать в качестве связанных опорных компонентов сложных слов.

Схема 17

Словообразовательные значения сложных отсубстантивных и отглагольных имен существительных

1 СК₁ 2 [СК]₁

3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45

46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64

С учетом аспекта номинации сложные существительные можно разделить на две группы: выражающие характеризующие СЗ и функциональные СЗ (схема 17: 1, 2).

По семантическому соотношению опорного и конкретизирующего компонентов сложные имена разделены на собственно характеризующие, соотносительно характеризующие, соотносительно-функционально характеризующие, пространственно характеризующие, темпорально характеризующие (3, 4, 5, 6, 7). У слов этой группы мотивирующим опорным компонентом является имя существительное.

По этому же признаку функциональные сложные имена разделены на результативно-функциональные, орудийно-функциональные, объектно-функциональные, пространственно-функциональные, выделительно-функциональные (8, 9, 10, 11, 12, 13). Мотивирующим опорным компонентом является глагол.

Третий ряд цифр (14—45) отражает «конкретные варианты СЗ «внутри» каждого аспекта с учетом семантических (чаще — лексико-тематических) классов, к которым принадлежат производные». Четвертый ряд цифр (46—64) отражает «еще более частные СЗ, учитывающие конкретные типы номинации».

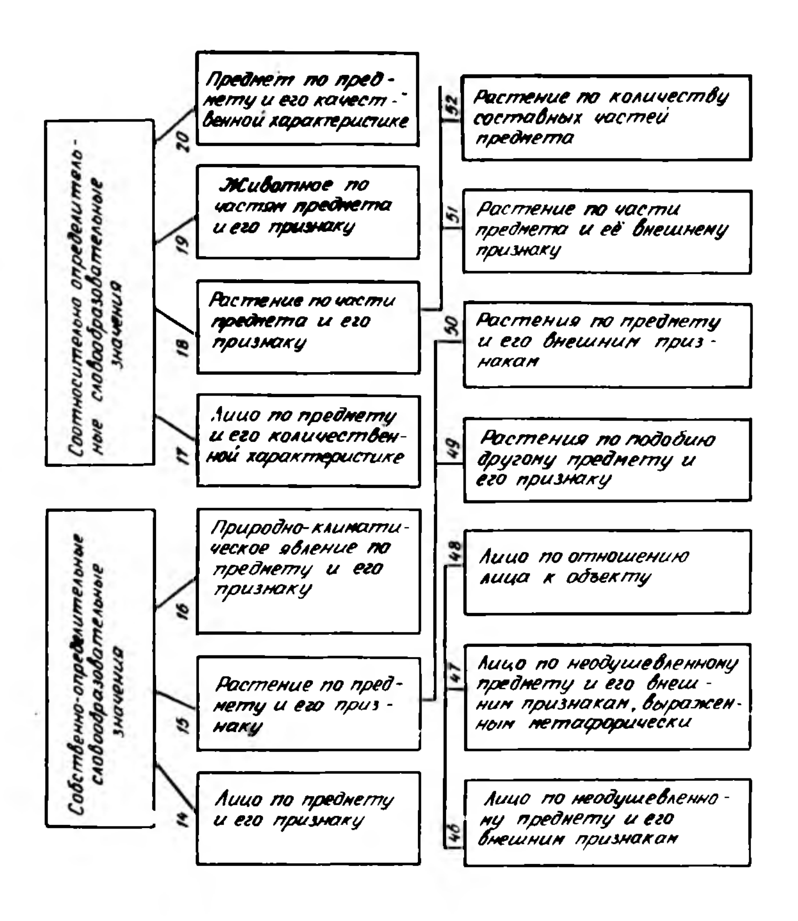
Специфика образования сложных существительных в говорах обнаруживается, в частности, в двух явлениях: 1) производные, выражающие частные СЗ, когда учитываются конкретные типы номинации, отмечены не от всех лексико-тематических классов слов, обладающих характеризующими СЗ (схемы 18—19: 16, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 28), но в целом их достаточно много; 2) подобных производных нет от лексико-тематических классов слов, обладающих функциональными СЗ (за исключением группы «лицо» (36), схема 20).

Собственно характеризующие наименования в среднеобских говорах (схемы 18—19) даны лицам, растениям, природно-климатическим явлениям (схема 18: 14—16).

Значение лица по предмету и его признаку (46) передается словами *серокафтанник, белобилетник*. Производные имеют суф. *-ник*. Значение лица по предмету и его внешним и внутренним признакам (47) передают

Схема 18

Определительные словообразовательные значения сложных имен существительных



слова *легкоум, полоум,* полученные безаффиксным способом, и слово *простоволоска* (суф. *-к(а)*).

Значение лица по отношению лица к объекту (48) названо словами *домохозяин, домохозяец* (суф. *-ин, -ец*).

В качестве конкретизирующей основы выступают имена существительные и прилагательные. В первом случае компоненты связаны подчинительными отношениями, во втором — сочинительными.

Растения, характеризуемые по подобию предмету и его признаку (15, 49), имеют дополнительное значение 'предназначенный для...' и значение 'цвет, окраска': *мышерепка, русолейка* (суф. *-к(а)*).

Более активна номинация растений по части предмета и его внешнему признаку 'окраске' (50): *чернолес, белотал* и под., образованные безаффиксным способом. Различные природно-климатические явления названы словами: *гололёд, пустоплёс, сухорос* (безаффиксный способ), *яснопогодье, пустоплёсье* (суф. *-j-*).

Соотносительно характеризующие наименования даны лицам, растениям, животным и артефактам.

Лицо по предмету и его количественной характеристике (17) названо словами: *однобрюшник, однопородник, однофамилец, разнофамилец, единородец* 'инородец' (суф. *-ник, -ец*). В качестве конкретизирующей основы выступают имена прилагательные и числительные. В последнем случае между компонентами устанавливаются сочинительные отношения.

Растения, называемые по количеству составиых частей (52): *пятилистовка, троелистка, триколенка, трёхколенка.* В качестве конкретизирующей основы выступает имя числительное, представленное в диалектных словах в различной форме *(трое-, три-, трёх-)*, что дает вариантные образования.

Номинация всего растения по какой-либо части предмета и его признаку (51) в среднеобских говорах, видимо, является более активной, вследствие чего используется большое число производных имен разной словообразовательной структуры: *бардоголовник, белоголовник, красноголовник, желтоголовник, краснопрутник* (суф. *-ник*); *белоколоска, белокурка, белолистка, голоколоска, красноколоска, криворожка* (суф. *-к(а)*); *краснопузик* (суф. *-ик*); *желтоцвет, белострелка, красноножка, бардоголовка* (безаффиксный способ).

Этот же признак номинации (целое по части) использован и в названиях животных (19): *белодушка, вострохвостка, шилохвостка, востроносок, вострохвостиха* (суф. *-к(а), -их(а), -ок*); *вострохвост* (безаффиксный способ). В качестве конкретизирующей основы выступают имя прилагательное (как и в названиях растений) и имя существительное (*шилохвостка*), которое служит опосредованным, метафорическим обозначением признака 'острый'.

Группа артефактов (20) немногочисленна и включает предметы обуви, одежды по предмету и его внешним признакам: *полубахилы, полусак* (безаффиксные производные), *большеворотка, косоворотка* (суф. *-к(а)*).

Соотносительно-функциональио характеризующие наименования даны лицам, растениям, животным, артефактам.

Лицо, обладающее признаком, указывающим на способ его действий, характер занятий (схема 19:53), названо словами *самоук, миронос* 'нищий', *гужеед* 'презрительная кличка ямщиков' (безаффиксный способ), *мироносик* (суф. *-ик*), одноличник (суф. *-ник*).

Опосредованное, метафорическое осмысление признаков, отражающих особенности характера человека, его поведения, отношения к людям (54), зафиксировано в словах *кошкодуй* 'хитрый человек', *зубомой* 'просмешник', *хвостокрутка* 'лживая, ленивая женщина', *пустосмешка* 'легкомысленная женщина' (безаффиксный способ, суф. *-к(а)*).

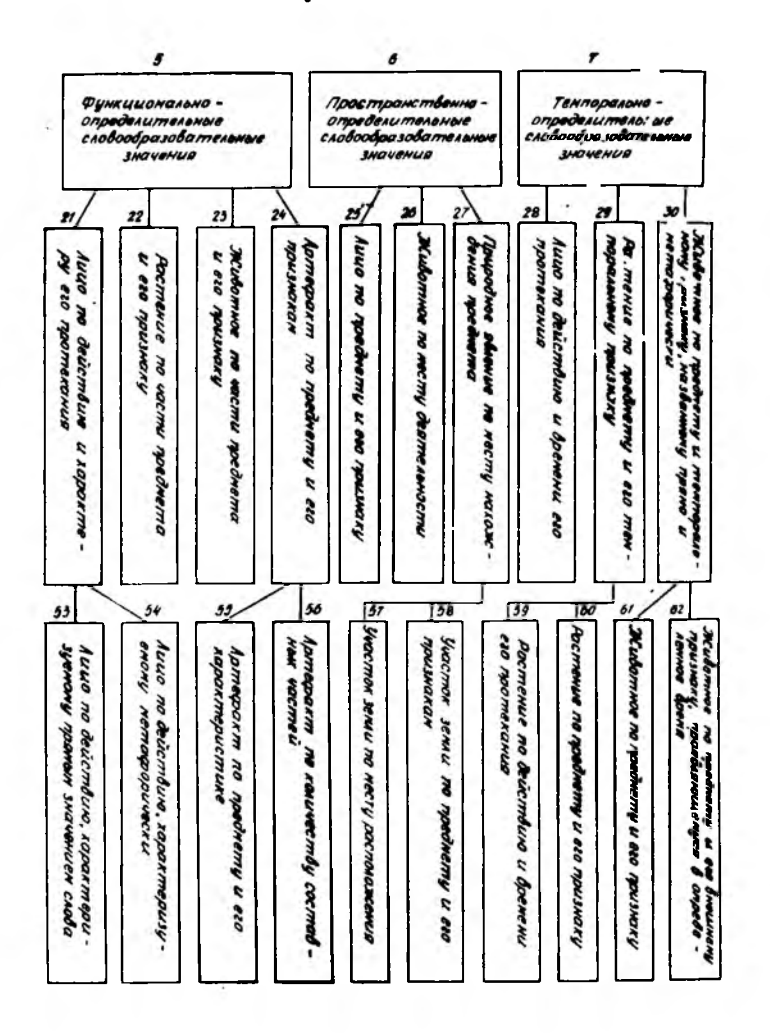
В названиях растений этой группы (22), в отличие от названий растений предыдущей соотносительно характеризующей группы (18), выделен не внешний признак, а функционально значимый: *пустоцвет* (безаффиксный способ), *голоколоска* (суф. *-к(а)*), *сыростланец* (суф. *-ец*).

Животные, называемые по предмету и его признаку (23), также немногочисленны: *белодушка, вострохвостка* (суф. *-к(а)*).

Группа артефактов (24) в говорах многочисленна и включает названия различных орудий труда, хозяйственной утвари, построек, характеризуемых по количеству составных частей или размеру составной части (56): *троерожки, трёхрожки* 'вилы'; *трипёрстка, трёхпёрстка, трёхперстовка, троепёрстка, пятипёрстка, восьмипёрст-*

Схема 19

Определительные словообразовательные значения сложных имен существительных



ка, 'рыболовные сети'; *однорядка, однорядник, одностенка, трёхстенка* 'рыболовные сети, неводы'; *одностопка* 'изба в одну комнату'; *однодеревка* 'небольшая лодка' (суф. *-к(а), -ник*). Вариантные образования создаются за счет различных модификаций формы конкретизирующего (*три, трое, трёх-*), опорного компонентов (*-пёрстка, -перстовка*) и варьирования словообразовательных суффиксов (*однорядка, однорядник*).

Орудия труда по предмету и его признаку, отражающему способ их действия (55): *самолодка* (безаффиксное производное).

Пространственно характеризующие наименования даны лицам (25): *детдомец* (суф. *-ец*), *детсадник* (суф. *-ник*), животиым (26): *доморостка* (суф. *-к(а)*), *верхотучник* (суф. *-ник*), природно-климатическим явлениям (27) — они называют участки земли, определяемые по предмету и месту его расположения (57): *междулесье*; по предмету и признаку (58): *пустолесье, сыролесье, чернолесье, разнотравье, полугорье* (суф. *-j-*), *косогорка, косогор* (безаффиксные).

Темпорально характеризующие наименования даны лицам (28): *старожитель, первоселенец, малолетник* (суф. *-тель, -ец, -ник*), растениям (29), животным (30). При номинации растений мотивировочный признак может отражать продолжительность какого-либо биологического процесса (59): *скороспелка* или продолжительность жизни (60): *долголетник, однолетник* (суф. *-ник*), *единолетка, зималетка (суф. -к(а))*. Животное может характеризоваться по предмету и признаку (61): *первосенок, новотёлок, первотёлок* и по внешнему признаку, появляющемуся в определенное время года (63): *синеручка* 'белка в предзимний период'.

Таким образом, в среднеобских говорах, в отличие от литературного языка, в группе имен, выражающих характеризующие СЗ, в качестве конкретизирующего компонента в каждой модели выступает меньше частей речи. Так, в словах с суф. *-ник* не используются основы существительных (ср.: в лит. языке *судоремонтник*), в словах с суф. *-к-* — основы глаголов (ср.: в лит. языке *пучеглазка*); в словах с суф. *-и-, -j-* — основы числительных (ср.: в лит. языке *двоевластие*); в словах с суф. *-ок-* — основы числительных (ср.: в лит. языке *трехле-*

ток); в словах с суф. -ец- — основы числительных (ср. в лит. языке *двоеженец)*.

Некоторые модели, непродуктувные в литературном языке ,в говоре вообще не зафиксированы (сущ. pluraeia tantum), с суф. *-ц(ы)*; сущ. ж. р. с суф. *-иj-* типа *Черногория*; сущ. с суф. *-ан, -ин/-чан, -ин* типа *однополчанин)*.

С другой стороны, в говорах отмечены модели, неизвестные литературному языку: сложные слова с суф. *-их- (шилохвостиха), -ик (долгоносик), -ниц- (полузимница)*.

Отсубстантивные имена функциональной семантики по соотношению значения компонентов можно разделить на результативно-функциональные: *лензавод, маслозавод* и орудийно-функциональные: *лектропила*.

Отглагольные имена функциональной семантики представлены более разнообразными группами слов, образованных по многим моделям (схемы 20—21).

Результативно-функциональные наименования в среднеобских говорах даны лицам, артефактам, различным трудовым процессам. Наиболее многочисленна группа слов со значением лица по действию и его результату (31): *дровокол, дроворез, дроворуб, дровосек, пимокат, стогомёт* (безаффиксные производные), *кашеварка* (суф. *-к(а)*), *дроворезчик, стогомётчик* (суф. *-чик)*.

Тематические уточнения производных, почти так же, как и в группе простых имен конкретного значения, не отмечены.

Названия различных промыслов и трудовых процессов по действию и его результату (32) немногочисленны: *шишкобой, медопад, медосбор* (безаффиксный способ), *хлебопашество* (суф. *-ств(о)*).

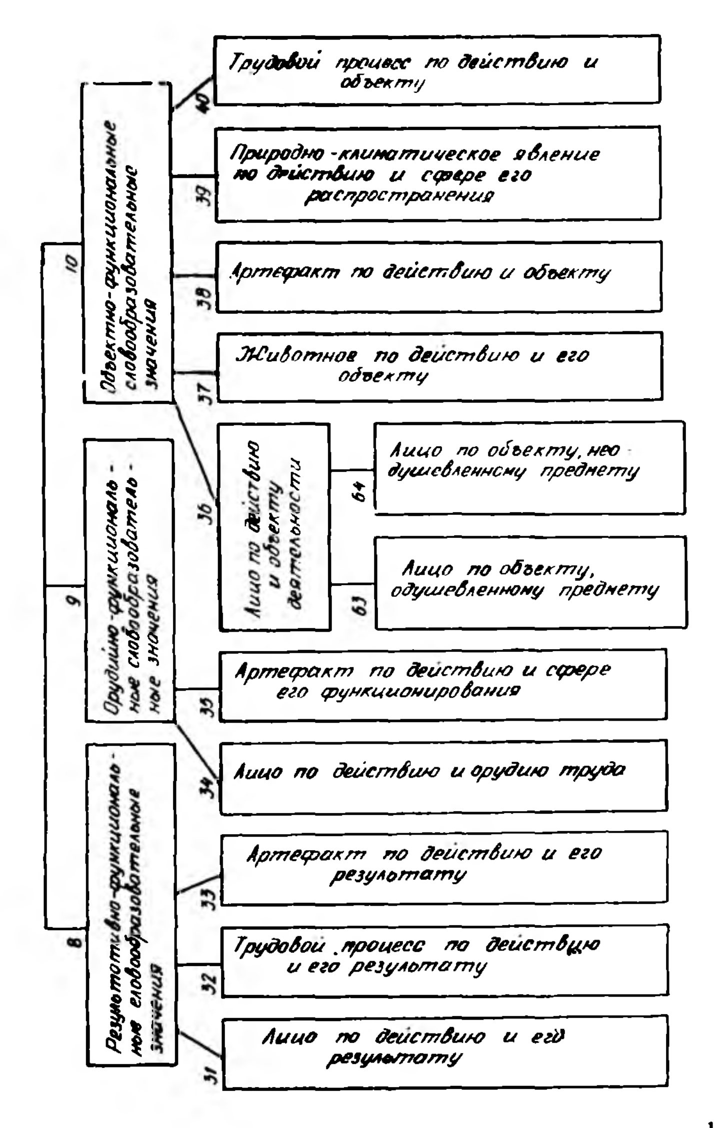
Имена артефактов (33) называют различные орудия и приспособления по действию и его результату: *круподёрка, дроворезка* (суф. *-к(а)*), *маслобойня, воскобойня* (суф. *-н(я)*), последние могут называть и соответствующие производственные помещения.

Орудийно-функциональные наименования даны лицам и артефактам. Лицо характеризуется по действию и используемому орудию труда (34): *молотобойщик, лектропильщик* (суф. *-щик)*, ср. также: *самолётчик, вертолётчик, самоловщик* 'тот, кто использует самолов'.

Особенностью сложных имен рассматриваемой группы (2) является наличие у них двух компонентов значения: они называют различные орудия труда, приспо-

Схема 20

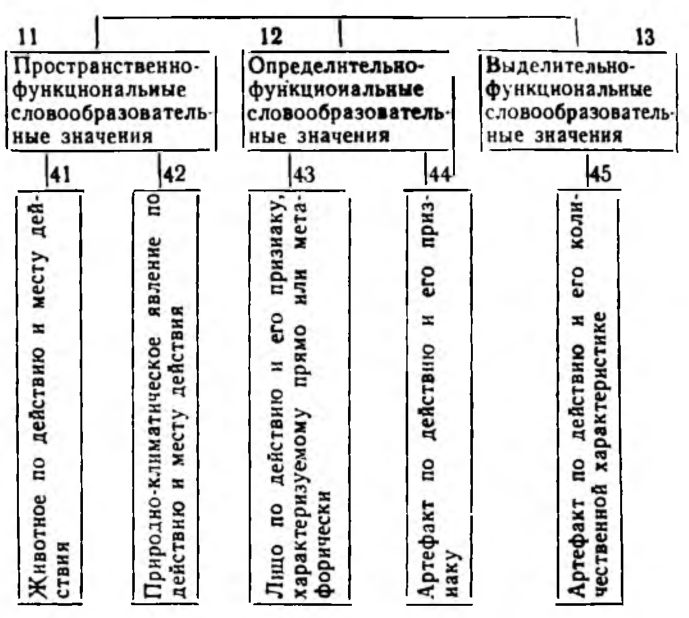
Функциональные словообразовательные значения сложных имен существительных



собления и сферу функционирования их, объект. Ср.: *судомойка, водовозка, картошкокопалка, картошкосажалка, рукомойка, сеновозка, шерстобилка, шерстобитка* (суф. *-к(а)*), *гвоздодёр, гвоздодёрга, водомер* (безаффиксные). Орудийно-функциональная семантика однозначно выделяется только у слова ***ветродуйка*** (суф. *-к(а)*).

Схема 21

Функциональные словообразовательные значения сложных имен существительных



Объектно-функциональные наименования даны также лицам, животным, природно-климатическим явлениям и трудовым процессам. Названия лиц тематически уточняются в зависимости от характера объекта, на который направлена их деятельность: это — одушевленный предмет (63): ***коновал, коновод, конокрад*** (безаффиксные), ***пчеловодка*** (суф. *-к(а)*), звеновод (опосредованное наименование группы лиц); неодушевленный предмет (64): ***письмонос, письмоносец, письмоноска, пар-***

ниководка, счетоводка, чаерез. Кроме того, следует отметить названия животных (37): *броненос, людоедица* (суф. *-иц(а)*), артефактов (38): *мухошлёпалка,* природно-климатических явлений (39): *бурелом, рекостав, реколом, градобой, водоворот* (слова *бурелом, водоворот* имеют также значение пространства, характеризуемого по результатам действия названного явления), трудовых процессов (40): *рыболовка, рыболовля, рыболовство, скотоводство* (суф. *-к(а), -ств(о)*), биологических процессов: *икромётка, кровотечение, кровоизливание* (суф. *-к(а), -ниj-),* обрядов: *рукобитье* (суф. *-тj-*), *благословление, благословение, басловенье* (суф. *-ниj-/ньj-),* верований: *светопреставление* (суф. *-ниj-*).

Пространственно-функциональные наименования даны животным и природно-климатическим явлениям. Названия животных по действию и месту действия (41) очень немногочисленны: *водоплавка* 'утка', *доморостка* 'любое выросшее дома животное'. Группа слов, называющих различные природно-климатические явления, объкты (42), также малочисленна: *лесосека, бурелом, водоворот.*

Определительно-функциональные наименования даны лицам и артефактам. Обе группы слов в говорах достаточно многочисленны. Названия лиц (43) по действию и его признакам: *дармоед, самоход, пешеход* 'тот, кто по своей инициативе переселился на новое место жительства', *трудолюбимец, первоселенец* (суф. *-ец*), *самопряха* (суф. *-х(а)*), *полупасок* (суф. *-ок*); имена артефактов (44) по действию и его признакам: *самолов, коловорот, самогон, самодёр, самодел* (безаффиксные производные), *самобивка, полусложка* (суф. *-к(а)*), *самоловница* (суф. *-ниц(а)*), *самодельщина, своедельщина* (суф. *-щин(а)*).

Выделительно-функциональные наименования даны артефактам (45): *однорезка, одношовка* (суф. *-к(а)*), *однорезник* (суф. *-ник*).

Таким образом, в отличие от литературного языка в говорах в качестве первого, конкретизирующего, элемента отмечено значительно меньше частей речи. Так, в сложных словах с суф. *-тель* не используются основы существительных (типа *мореплаватель*); в словах с суф. *-ец-* основы существительных (типа *баснописец*), основы числительных (типа *двоеборец*), основы место-

имения *себя* (типа *себялюбец*); в словах с суф. -ств(о) — основы прилагательных (типа *пустозвонство*); в словах с суф. -*ниj*-, -*тиj*, -*иj*-, -*j*- — основы прилагательных (типа *ясновидение*) основы числительных (типа *двоевластие*), основы местоимения *себя* (типа *себялюбие*).

В говорах проявляется другая, противоположная, тенденция: в качестве конкретизирующей основы выступают слова таких частей речи, которые в литературном языке не участвуют в словообразовании. В словах с суф. -*к(а)* — это основы глагола *(куродымка)*; в словах с суф. -*ник* — основы числительных *(однорезник)*.

В целом типы отглагольных имен в говорах менее регулярны, набор их менее разнообразен по сравнению с соответствующими типами литературного языка и многообразием типов отсубстантивных имен в системе самих говоров.

При образовании наблюдаются следующие морфонологические явления.

1. Употребление интерфиксов: а) в абсолютном большинстве слов отмечается интерфикс -*о*- *(белолистка, водополье, разнотравье)*; б) после непарных твердых и мягких согласных — -*е*- *(большеворотка, гужеёд, кашеварка, мышерепка, пешеходец, общежилище, пищевод)*. После мягких согласных, парных по твердости—мягкости, отмечены факультативные интерфиксы -*о*- и -*е*- (гвоздедёр, гвоздодёрга, ногтеедка, ногтоед). После компонентов *дв(а)*, *тр(и)* возможно использование нескольких интерфиксов, в том числе -*е*- *(двоерядка, двоеручник, троелистник)*; в) после компонентов *три*-, *пяти*-, *шести*-, *семи*-, *десяти*- наблюдается -*и*- *(триколенка, трипёрстка, шестипёрстка, семигруппка, десятиперстовка)*; г) после компонентов *пол*-, *меж*-, *дв*- — -*у*- *(полубахи́лы, полуво́зье, полуго̀рье, полуса́к, полусло́жка, полуя́зок, межудво́рка, двуска́тка, двупёрстка)*; д) нулевой интерфикс имеет место в чистых сложениях подчинительного типа *(уточки-водоплавочки, казак-трава, меч-кладене́ц)*, в сложениях с первым компонентом *полу*- *(полуценок)*, в сложениях с первым компонентом *дв(а)*, *тр(и)*, *четыр(е)*, представленных в форме род. п. *(двухстенка, трёхрожки, четырёхпалки)*, в сложениях типа *лёнзавод, белбилетник*.

2. Различные усечения основы опорного компонента: *репка-турнепка* (ср.: турнепс), *белохребка* (ср.: хребет),

круподорка (ср.: драть, деру), *дубинка-самобивка* (ср.: бить, бью), *чернозём* (ср.: земля).

3. Факультативные чередования гласных и согласных в основе опорного компонента (*сыроежка, ногтоедка, пустоплес, пустоплёс*).

В силу разнообразных изменений основы опорного компонента возможно появление сложных слов с омоничными опорными компонентами. Ср.: *гужеедка* 'презрительное название лиц, занимающихся извозом', где опорный компонент — основа формы глагола 1-го л. ед. ч. — ехать — еду, *ногтоедка* 'название болезни', где опорный компонент — основа формы глагола 1-го л. мн. ч. — есть — едим.

Следствием всех названных особенностей образования сложных слов в говорах является наличие большого числа сложных имен, эквивалентных по выражаемому значению: а) сложные и сложносуффиксальные (*стогомёт — стогомётчик, рукотёрт — рукотёрник, мухомор — мухоморник, пустоплёс — пустоплёсье, гололёд — гололедье*); б) сложносуффиксальные, образованные по разным моделям (*однорезка — однорезник, однорядка — однорядник, рукомойка — рукомойник, рыболовка — рыболовье*); в) сложносуффиксальные, образованные по одной и той же модели, различие в их структуре создается различным морфемным составом опорного компонента (*трехпёрстка — трёхперстовка*); г) сложносуффиксальные, различающиеся интерфиксом (*белбилетник — белобилетник, междворка — междворка*).

Словообразовательные значения сложных и сложносуффиксальных слов образуют лишь самые общие словообразовательные категории в зависимости от частеречной характеристики мотивирующих слов. Это категории «предмет по предмету, обладающему количественным или качественным признаком», «предмет по действию, связанному с каким-либо другим предметом».

§ 5. Отвлеченные существительные

Имена существительные отвлеченного значения в среднеобских говорах представляют самостоятельную, хотя и немногочисленную, группу слов.

В основном они образованы морфологическим способом, и лишь небольшую часть составляют общерусские слова, проникшие в говоры из литературного языка. В процессе усвоения они частично были переоформлены: *унистожение, ослобождение, карактер, антирес, бонбёжка.* Некоторые слова заимствованы из литературного языка без каких-либо изменений их формы и значения: *постановление, радость, сознание.* Но гораздо больше слов, которые по отношению к словам современного литературного языка являются лексико-семантическими вариантами: *воздух* 'запах', *сила* 'имущественное состояние', *мечтание* 'память', *поговорка* 'произношение'.

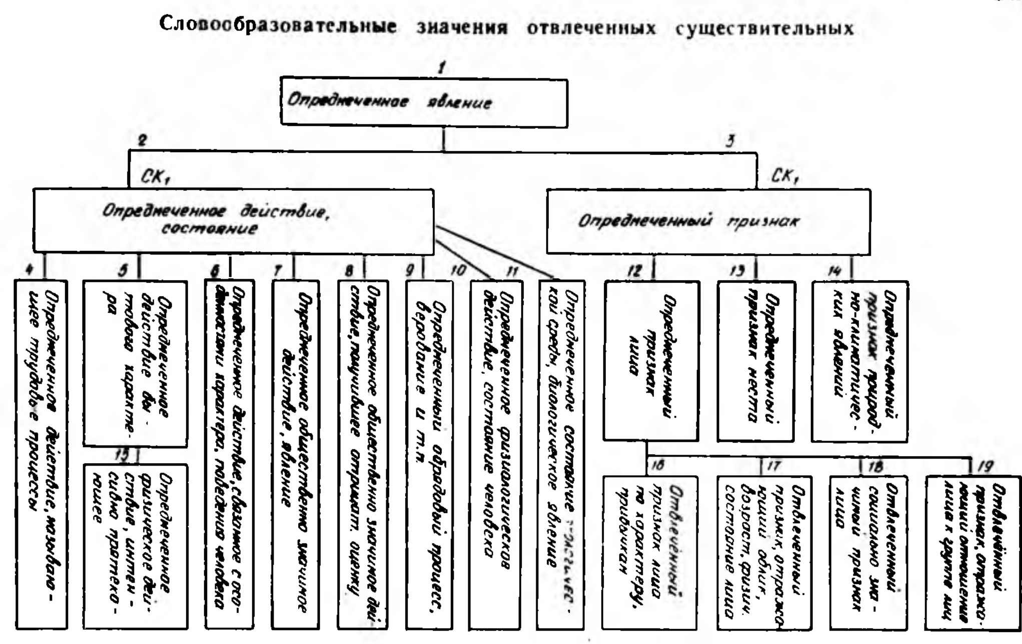
Морфологический способ образования имен отвлеченного значения в анализируемых говорах более активен.

По типу мотивирующей семантики их можно разделить на две группы: производные со значением отвлеченного опредмеченного действия и состояния (далее — отвлеченного действия) и отвлеченного опредмеченного признака (далее — отвлеченного признака). Дальнейшая конкретизация СЗ определяется тематическим значением мотивирующего глагола, прилагательного или существительного и значением предмета (одушевленного или неодушевленного), который может определяться названным отвлеченным признаком или действием, состоянием (схема 22).

Группа отглагольных имен со значением отвлеченного действия, называющего различные трудовые процессы (4), в говорах самая многочисленная: *обкид, подпой, сбой* (безаффиксные производные), *лёжка, окантовка, огрёбка, опалка, подпоёнка, подпушка, располка, расстилка, шворка* (суф. *-к(а)*). Подобные слова активнее используются в деловых бумагах, оформляющих, фиксирующих трудовую деятельность человека. Так, например, в документах (нарядах на работу) колхоза, расположенного в с. Калеул, Мариинского района, Кемеровской области, отмечены слова, называющие самые разные трудовые процессы: *подборка* (пшеницы), *очистка* (ячменя), *копка* (земли), *укладка* (дров), *обделка* (граблей), *буртовка* (навоза), *качка* (воды), *завалка* (мостов), *привозка* (дуста), *приводка* (водопровода), *закатка* (баков), *трамбовка* (силоса), *ошкуровка* (жердей), *обшивка* (стойла), *забирка* (забора), *подчинка*

Схема 22

Словообразовательные значения отвлеченных существительных



(мешков), *острожка* (плах), *навеска* (дверей с подгонкой), *мётка* (сена), *поделка* (воротничков), *конопатка* (стаек), *относка* (отходов), *выкопка* (навоза), *перепилка* (дров).

Отвлеченные существительные, называющие трудовые процессы, образуются также с помощью суф. *-ниj* (*пастушенье*), с суф. *-ств(о)* (*двóрничество, прикáзчество*), которые в определенных контекстах обладают значением 'постоянно выполняемая работа', с суф. *-б(а)* (*бороньба, вязьба, городьба, неводьба, пастьба, сторожба*). Имена со значением отвлеченного физического действия бытового характера могут называть нейтрально, спокойно протекающее действие (5): *бойка* 'сбивание масла', *заварка, недосол, побег, поднос, пристройство, устройство*. Некоторые из них развивают вторичное значение места, поверхности предмета, характеризуемых по совершающемуся действию: *покат* 'поверхность доски, используемой в качестве жёлоба', *сбёг*, 'жёлоб', *бойка* 'посуда, в которой сбивается масло'. В говорах выражается также значение интенсивно протекающего действия (5—15): *брякоток, громоток, хлопоток, хрустоток, щелкоток* (суф. *-оток*), *брякотня* (суф. *-отн(я)*).

Имена со значением отвлеченного действия, отражающего особенности характера человека, поведения, темперамента, отношения к другим людям (6), образуются по различным моделям: *взыск* 'требовательность', *грёза* 'баловство', *воспретá* 'запрещение', *галь* 'издевательство', *недогляд* 'невнимательность к другим', *ýрос* 'капризное поведение', *выскочка* 'необдуманные поступки', *передумка* 'раздумья', *торопь* 'торопливость' (безаффиксные производные), *забавление, завлечение, изгалéние, привечание* (суф. *-ениj-*), *блудство, згальство, изгальство, изгилятельство* (суф. *-ств(о)*), *болтня, брехня, прихотня* 'прихоть' (суф. *-н(я)*). Некоторые из них имеют вторичное значение «лицо, характеризуемое по склонности к каким-либо действиям»: *урос* 'капризный ребенок', *грёза* 'проказник, безобразник', *торопь* 'тот, кто торопится', *болтня* 'болтливый человек', *брехня* 'обманщик'.

Отвлеченные имена, называющие общественно значимые явления, действия (7), образуются по моделям с суф. *-ни(е), -н(я), -б(а), -к(а)*: *закулачивание* 'раскулачивание', *казнение, расправдание* 'оправдание', *раз-*

группление 'деление групп на более мелкие' (суф. *-нuj-*), *сборня* 'общее собрание жителей села' и вторичное значение 'место, где проводится называемое действие' (суф. *-н(я)*), *селитьба* 'переселение', *женитьба, клятьба* 'порицание, осуждение' (суф. *-б(а)*), *штрафовка* (суф. *-к(а)*).

Отвлеченные имена, называющие общественно значимые, получившие отрицательную оценку, явления, действия (8), образуются с помощью суф. *-ств(о), -н(я), -ен(а), блудство, хулиганство, развратство, спекулянство, насильство, спекулянничество, хитство* (суф. *-ств(о)*), *развóдня* 'бракоразводный процесс' (суф. *-н(я)*), *гулёна* 'гуляние, безделье' (суф. *-ён(а)*), *поруха* (безаффиксное производное). Некоторые производные имеют значение 'склонность человека к проявлению качеств, свойств характера': *развратство, спекулянство, помешательство, недоразумительство* и вторичное значение лица, проявляющего называемые качества: *гулёна* 'гуляка' и др.

По моделям ряда словообразовательных типов образуются отвлеченные имена, называющие действия, связанные с различными верованиями, обрядами (9): *причёт* 'плач, причитание над умершим' (безаффиксное производное), *напущéние* 'ворожба', *наговор, смотрение* 'один из свадебных обрядов' (суф. *-нuj-*), *молебство, волшебство* (суф. *-ств(о)*), *молебствие* (суф. *-ствuj-*), пережиток (суф. *-ок*), *касть* 'покаяние' (суф. *-ст'-*), прощины, запóины (суф. *-ин-*), *разговня́* (суф. *-н(я)*), производное от разговеться 'начать употреблять непостную пищу'.

Отвлеченные имена, называющие физиологические состояния человека (10), в говорах немногочисленны: *ломота, лихота, резота, зевота, чесота, чихота* (суф. *-от(а)*), *голодьба* (суф. *-б(а)*), *дрожени*е 'дрожь' (суф. *-енuj-*), *гурготня* (суф.*-н(я)*).

Отвлеченные имена, называющие биологические явления в жизни животных, растений, состояния окружающей экологической среды (11), образуются преимущественно безаффиксным способом: *загар* 'состояние воды с острым недостатком кислорода', *зажог* 'болезнь лошади от переутомления', *налёв* 'созревание зерна', *окол* 'резкая, колющая боль у лошадей', *óпух* 'опухание', *познóб* 'обмораживание', *потóпа* 'наводнение' (безаффиксные производные), *зажигание* 'болезнь лошадей от переутомления', *изожирение* 'ожирение', *воздушевление*

'свежий воздух после дождя' (суф. *-ниj-*), *упадок* (суф. *-ок*) 'падёж скота'.

Таким образом, имена существительные со значением отвлеченного действия, состояния, мотивированные глаголами, образованы безаффиксным способом, с суф. *-к(а), -ниj -/ениj -/нj -/енj -, -ств(о), -н(я), -от(а), -б(а), -ин(ы), -сть, -овщин(а), -оток, -ан, -он(я), -ок.*

Обратимся к морфонологической характеристике отглагольных существительных со значением отвлеченного действия. При безаффиксном образовании в качестве мотивирующих выступают глаголы с основой инфинитива на *-и-* (*закосить*), *-е-* (*высмотреть*), *-а-* (*опухать*), *-о-* (*околоть*). По структуре это простые глаголы (*грезить, мочить, торопить*), префиксальные несов. в. (*наливаться*), префиксально-суффиксальные несов. в. (*взыскивать*), префиксальные сов. в. (*закосить*). При образовании существительных происходят следующие морфонологические изменения: 1) не сохраняется конечная гласная инфинитивной основы (*опухать — опух*), финали *-ыва-, -ива-* (*раздумывать — раздума, взыскивать — взыск*); 2) конечные согласные глагольной основы, парные по твердости—мягкости, чередуются (*потопить — потопа*), кроме *галиться — галь, ш//х* (*слышать — слых, порушить — поруха*), *ж//г* (*побежать — побёг*); 3) в корне чередуются гласные: *е//'о* (*грезить — грёза*), *и//о* (*зажигать — зажог*), *и//'а* (*наливать — налёв, причитать — причёт*); 4) ударение сохраняется на том же слоге, если в мотивирующем слове оно находится на приставке или корне (*слы́шать — слы́х, заме́тить — заме́та, вы́ставить — вы́став,* кроме *заморо́зить — за́мороз*); ударение переходит на корень, если в мотивирующем слове конечные гласные глагольной основы *-о-, -и-, -е-, -а-* являются ударными: *зажига́ть — зажо́г, недогляде́ть — недогля́д, около́ть — око́л, познобі́ть — позно́б*. Производные существительные входят в три типа склонения: сущ. м. р. I субстантивного склонения (*обиход, окос*), сущ. ж. р. II субстантивного склонения (*раздума, управа*), сущ. ж. р. III субстантивного склонения (*галь, торопь*).

В производных с суф. *-к(а)* в качестве мотивирующих выступают глаголы самой различной структуры (ср.: *лежать — лёжка, трамбовать — трамбовка, окан-*

товать — окантовка, перепилить — перепилка). При образовании производных происходят следующие морфонологические изменения: 1) не сохраняется конечная гласная инфинитивной основы *-а- (лежать — лёжка)*, *-и- (носить — носка)*; 2) финали *-в-*, *-ов-* в производных сохраняются *(промывка, окантовка)*; 3) финаль *-ыв-* не сохраняется *(укладывать — укладка)*; 4) конечный согласный основы, парный по твердости—мягкости, в мотивированном слове становится твердым *(конопатить — конопатка)*; 5) иных чередований согласных, кроме *остругать — острожка*, не отмечено; 6) в корне мотивирующего глагола чередование *е//'о* *(метать — мётка, лежать — лёжка)*. Чередование *и//о* факультативно. Ср.: *убирать — уборка, подбирать — подборка*, но *забирать — забирка*; 7) ударение сохраняется, если в мотивирующем слове оно находится на префиксе *(вы́копать — вы́копка, вы́везти — вы́возка)* или корневой морфеме *(слы́шать — слы́шка, укла́дывать — укла́дка, наве́сить — наве́ска)*; 8) ударение переносится, если в мотивирующем слове оно падает на конечную гласную инфинитивной основы *(насыпа́ть — насы́пка, копа́ть — ко́пка, завали́ть — зава́лка)*.

В производных с суф. *-ниj -/нj-* в качестве мотивирующих выступают глаголы несов. в. с основой инфинитива на *-а- (замечать)*, на *-и- (казнить)*, на *-е- (смотреть)*, глаголы сов. в. с основой инфинитива на *-и- (притонить)*. При образовании происходят следующие изменения морфонологического порядка: 1) конечная гласная инфинитивной основы *-а-* в основном сохраняется *(привечать — привечание, зажигать — зажигание*, но: *дрожать — дрожение; изгаляться — изгаление)*; 2) конечная гласная инфинитивной основы *-е-* сохраняется *(смотреть — смотрение)*; 3) конечная гласная инфинитивной основы *-и-* отсекается *(казнить — казнение)*; 4) конечный согласный глагольной основы чередуется: *ж//г (визжать — визганье), к//ч (протекать — протечение), ст//щ (напустить— напущение), б//бл (способить — способление), в//вл (воздушевить — воздушевление), п//пл (разгруппить — разгрупление)*; 4) ударение во всех мотивированных остается неподвижным или на корневом морфе *(зазы́бать — зазы́банье)*, или на гласной, предшествующей морфу *-ниj- (пастуши́ть — пастуше́нье*, кроме *визжа́ть — ви́зганье)*.

В производных с суф. *-ств(о)* в качестве мотивирующих выступают простые глаголы несов. в. с основой инфинитива на *-и-(блудить — блудство́)*, производные с основой инфинитива на *-а- (дворничать — дворничество)*, производные глаголы сов. в. с основой инфинитива на *-и- (убить — убийство)*. При образовании отмечены следующие морфонологические изменения: 1) гласные основы инфинитива *-а-, -и-* не сохраняются *(изгаляться — изгальство, хитить — хитство*, кроме *устроить — устройство, пристроить —пристройство, убить — убийство*, где конечная гласная инфинитивной основы *-и-* чередуется с *-j-*); 2) в мотивированных словах словообразовательному морфу предшествуют интерфиксы различного звукового строения *(изгиляться — изгилятельство, недоразумить — недоразумительство, молиться — молебство)*; 3) в некоторых словах глагольный суффикс *-а(ть), -и(ть)* сохраняется в мотивированиых *(изгиляться — изгилятельство, недоразумить — недоразумительство, помешаться — помешательство.*

В производных с суф. *-н(я)* в качестве мотивирующих отмечены непроизводные глаголы несов. в. с основой на *-а- (болтать)* и производные несов. в. с основой на *-и- (разводить)*, на *-а- (собирать)*. При образовании слов показатели глагольности (конечная гласная инфинитивной основы *и, -ть)* устраняются, суффикс *-н(я)* присоединяется контактным способом, на морфемном шве в большинстве слов морфонологических изменений не происходит. Исключения составляют: *болтовня, брякотня*, где появляются интерфиксы *-ов-, -от-*. Ударение падает на морф *-н(я)*, исключая *разво́дня, сбо́рня.*

В производных с суф. -от*(а)* в качестве мотивирующих выступают непроизводные глаголы несов. в. с основой инфинитива на *-а-, -и-*, которые при образовании производиых устраняются. В слове *лихота* (от «лихотить») происходит наложение морфем. Во всех отмеченных словах ударение падает на окончание.

В производных с суф. *-б(а)* в качестве мотивирующих выступают непроизводные глаголы с основой инфинитива на *-а- (вязать)*, на *-и-(боронить)*, на согласный *(пасти, клясть)*. При образовании даиных имен 1) конечный гласный основы инфинитива не сохраняется *(голодать — голодьба)*; 2) в ряде слов мотивирующая

основа представлена или в полном виде без каких-либо преобразований (*женить — женитьба, пасти — пастьба*), или с изменением звукового состава, не затрагивающим глагольной финали (*клятьба*); 3) перед суффиксом *-б(а)* согласный смягчается, если в мотивирующем глаголе он был твердым; 4) во всех производных ударение переносится на конечную гласную (кроме *женúтьба*); 5) факультативно чередование *т//д(сватать—свадьба, молотить — молодьба.*

Не менее многообразны в говорах существительные со значением отвлеченного признака, мотивированные прилагательными. Значение отвлеченного признака, отражающего привычки человека, особенности его характера, отношения к другим людям (12→16), выражено в словах *дурость, дурность* 'неразумное поведение', *спокойность, жадость, радивость, наречность* 'разговорчивость' (суф. *-ость*), *дурнина* (суф. *-ин-*), *дурничка* (суф. *-ичк*), *диковщина* (суф. *-овщин-*) 'глупость, неразумное поведение', *приятство* 'обходительность' (суф. *-ств(о)*), *срамотища* (суф. *-отищ(а)*), *стыдовище* (суф. *-овищ(е)*).

Значение отвлеченного признака, отражающего внешний облик человека, возраст, физическое состояние (12→17), имеют производные: *взрослость, отличность* 'индивидуальные черты внешности', *необрядность* 'неряшливость', *присталость* 'усталость', *сытность, хворость* (суф. *-ость*), некоторые из них выражают «более общее значение подвижного количественного признака, проявляющегося в различной степени»[26].

Значение отвлеченного признака, социально значимого для характеристики лица (12→18), выражено словами *бедность, зажиточность* (суф. *-ость*), *бедство, богачество, сиротство* (суф. *-ств(о)*).

Значение отвлеченного признака, отражающего родственные и др. отношения к людям (12→19), названо словами *знакомство, родство, свойство* 'родственные отношения', *сродство* (суф. *-ств(о)*).

Некоторые отвлеченные признаки могут быть характерны и для лица, и для самых различных предметов: *крепкость, легкость, новность, нужность* (суф. *-ость*).

---

[26] Грамматика современного русского литературного языка, с 96.

Значение отвлеченного признака, характеризующего место, пространство (13), выражено словами: *засорность, мокрость, обширность, сырность, топость* 'топкость', *ширность* (суф. *-ость*). Признак может проявляться в разной степени. Это значение более четко выражено в словах *глубжина, ужина* (суф. *-ин(а)*).

Значение отвлеченного признака, определяющего различные природно-климатические явления (14), отражено в словах: *прохладство* (суф. *-ств(о)*), *глушина* 'тихая, безветренная погода' (суф. *-ин(а)*), *глухота* (суф. *-от(а)*), *тихоня* 'безветренная погода' (суф. *-он(я)*).

Таким образом, отадъективные имена существительные со значением отвлеченного признака образуются при помощи суф. *-ость, -ств(о), -ин(а), -щин(а), -он(я), -от(а)*.

Морфонологические показатели отадъективных существительных со значением отвлеченного признака также отличаются большим разнообразием. В производных с суф. *-ость* в качестве мотивирующих выступают основы качественных прилагательных. При образовании отмечены следующие морфонологические изменения: 1) морф. *-ость* прибавляется к мотивирующей основе контактным способом, при этом факультативно в некоторых мотивированных конечный согласный основы может устраняться (ср.: *дурной — дурость, дурность, лёгкий — лёгкость, жадный — жадость, жадность)*; 2) в некоторых словах, напротив, в подобной же позиции выступает морф. *-ность: (новый — новность)*; 3) отсечение части основы мотивирующего сопровождается прибавлением *-н-* (ср.: *широкий — ширность*); 4) если мотивирующее прилагательное имеет ударное окончание *-ой*, то в мотивированном ударение переносится на корневую морфему *(ду́рость, сы́рость, жи́вность)*, в остальных случаях ударение остается неподвижным *(хво́рый — хво́рость, мо́крый — мо́крость)*.

В производных с суф. *-ств(о)* в качестве мотивирующих выступают основы качественных прилагательных, непроизводных и производных, основа местоименного прилагательного *сво*[*j*]-, основа относительного производного прилагательного *ребяч-*. При образовании отмечены следующие морфонологические изменения: 1) устранение конечной согласной основы *(бедный — бед-*

ство, прохладный — прохладство, родной — родство); 2) чередование *т//ч (богачество)*; 3) ударение переносится на окончание, если мотивирующим выступает прилагательное с ударным окончанием *-ой (роднóй — родствó)*. Во всех остальных словах оно остается на том же слоге, на котором было в мотивирующем слове.

В производных с суф. *-ин(а)* в качестве мотивирующих отмечены: основа отглагольного прилагательного *(кошеный)*, основы качественных прилагательных *(дурной, узкий)*. При образовании имен наблюдаются следующие морфонологические изменения: 1) смягчение согласных, парных по твердости—мягкости *(дурной — дурнина)*; 2) чередования: *х//ш (глушина)*, *з//ж (узкий — ужина)*; 3) усечение основы мотивирующего слова *(узкий — ужина)*; 4) интерфиксация *(глыбокий — глыбжина)*.

Небольшое число существительных со значением отвлеченного признака образовано в говорах по следующим моделям: основа качественного прилагательного+*ичк(а) (дурничка* 'глупость'), основа качественного прилагательного +*щин(а) (диковщина)*, основа качественного прилагательного+*он(я) (тихоня* 'безветренная погода'), основа качественного прилагательного+*от(а) (глухота* 'безветренная погода').

Таким образом, особенности образования диалектных имен существительных со значением отвлеченного действия и отвлеченного признака наблюдаются на уровне словообразовательных типов (различно количество и качество основ, способных выступать мотивирующими) и на уровне словообразовательных моделей (различны морфонологические изменения).

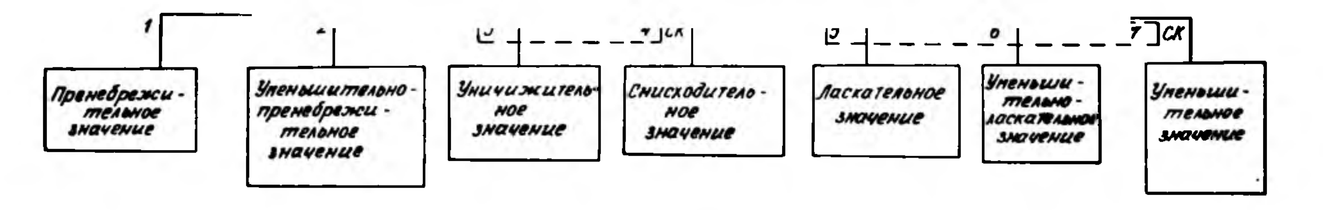
§ 6. Существительные со значением субъективной оценки и женскости

Имена существительные с суффиксами субъективной оценки выражают значения: пренебрежительное, уменьшительно-пренебрежительное, уничижительное, снисходительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительное (схема 23).

Что касается значений 1—6, то границы между ними крайне подвижны, часто определяются контекстом. Пре-

Схема 23

Словообразовательные значения существительных субъективной оценки



небрежительное значение передается суф. *-ошк-* (*лаптёшки*), *-яг(а)* (*лошадяга*).

Уменьшительно-пренебрежительное значение выражено единичным производным (*копняшка* 'копна').

Многочисленны имена существительные, выражающие уничижительное значение. Оно передается суффиксами: *-ишк-* (*докторишка, колхозишко, махришки, окончишко, остячишка, отчишка*); *-онк* (*дровёнки*); *-анк-* (*жистянка* 'жизнь'); *-ушк-* (*махрушки*). Существительные называют предметы (одушевленные и неодушевленные) и отвлеченные понятия. Снисходительное значение передается суффиксами: *-ишк-* (*банишка, болотишко, боришко, ботунишко, веслишко, волостишка, газетишка, костюмишко*); *-ошк-* (*барышнёшка, вертёшко, грамотёшка, жердёшка, карамошка*); *-ушк-* (*брёвнушко, кимонушка*); *-онк-* (*веретёнка, горничонка, дровёнки, избушонка, капустёнка, колодчонка, кофтёнка*); *-чик-* (*лагунчик*); *-инк-* (*одёжинка*); *-онок-* (*остячонок*).

Самую многочисленную группу слов составляют существительные, выражающие ласкательное значение. Оно передается суффиксами: *-ушк-* (*банюшка, берёзушка, вертёнушка, гармонушка, дровнушки, зазнобушка, звёздушка, землюшка, колядушка, ладушка*); *-оньк-/|-еньк-* (*браженька, зимонька, кизаченька, матерёшенька*); *-очк-/-ечк-/-ичк-* (*болохточка, дресвяночка, заботочка, зимочка, колосиночка, лампочка; братечка, берестечка, китаечка* 'чашка', *местечко, парнечка, смертичка; игличка, клётичка, модичка*); *-ышк-* (*волоконышко, зерёнышко*); *-ек/-ик/-ок-* (*гостенёчек, душочек, зародушек, испыточек, кипяточек, лоточек, окóлочек; оладики, копытико; звозок, калбучок*); *-к-* (*кватерка, кисличка, кукушечка, колобушечка ,коротаечка, кудёрочки, ластовочка, нашлёпочка, обуточка, осотинка*). Суф. *-к-* может присоединяться к основам непроизводных слов (*кватерка*), к основам производных (*коротай*), в которых он выражает только грамматическое значение женского рода (ср.: *коротай, коротайка* 'верхняя рабочая одежда'; *обуток, обутка*). Однако суф. *-к-* может присоединяться и к основам таких производных слов, которые уже выражают различные значения субъективной оценки (*детка, жевулька, кофтёнка, кудёрки, осотина*). В таком случае производные с суф. *-к-* выражают наряду с ласкательным значением оттенки первичного значения. Ср.: у сло-

ва *кофтёночка* не только ласкательное значение, но и оттенок снисходительного значения; у слова *осотинка* не только ласкательное значение, но и оттенок значения единичности.

В отдельных словах отмечается намеренное усиление говорящим ласкательного значения: *дойнушечка* от *дойнушка, осотиночка* от *осотинка, колосиночка* от *колосинка*. Ласкательное значение передается суффиксами: *-ул(я) (детюля); -онк- (дровёнки), -ищ(а) (золовица, кожурица, кулежица, мялица, одёжица, прялица, погодица, солица); -чик (костюмчик, кудельчик); -ц(ы) (кудёрцы); -ошк- (мужичошка); -очек (обручочек, нарывочек); -иночк- (зариночка)*.

Уменьшительно-ласкательное значение передается суффиксами: *-к- (бревёшечко, гумёшечко, жевулечка, кукушечка, колобушечка, колыбёлочка, ластовочка, лоскутиночка, боковушечка, деревнюшечка, лужаночка)*. Суффикс присоединяется к основе производного слова, выражающего уменьшительное значение, повторная суффиксация создает уменьшительно-ласкательное значение. Такое соотношение значений (нейтральное — уменьшительное — уменьшительно-ласкательное) в среднеобских говорах стабильно, доказательством чего могут служить ряды слов (*вершина — вершинка — вершиночка, деляна — делянка — деляночка, пролубь — пролубка — пролубочка*), являющиеся общерусскими; ряды диалектных слов (*кошель — кошелёк — кошелёчек, краюха — краюшка — краюшечка, плат — платок — платочек, ступа — ступка — ступочка, струг — стружок — стружочек, сшив — сшивок — сшивочек, стырь — стырёк — стырёчек*); ряды слов, в которых первое уже не известно литературному языку, а в говорах еще употребляется (*буда — будка — будочка, верхуша — верхушка — верхушечка, косына — косынка — косыночка, лава — лавка — лавочка, ловуша — ловушка — ловушечка, нóчва — ночёвка — ночёвочка* 'корыто для муки'). И несмотря на это в словах *будка, верхушка, лавка, ловушка* нет значения уменьшительности. Следовательно, можно констатировать десемантизацию суффикса, динамику развития суффиксального значения от уменьшительного до конкретно-предметного.

Уменьшительно-ласкательное значение выражается также суффиксами: *-ишк-* *(веретишко)*, *-ик* *(обручик)*, *-ышек* *(колышек)*, *-ушк-* *(озерушка)*, *-ушек* *(колушек)*.

Уменьшительное значение выражается суффиксами: *-к-* *(еланька, луговинка)*, *-ок* *(кузовок, копылёк)*, *-онк-* *(кроватёнка)*, *-ечк-* *(лешечко, леха* 'земля').

В отличие от различных суффиксов мутационного значения суффиксы субъективной оценки более многозначны. Например, суф. *-онк-* передает уменьшительное, ласкательное, уничижительное и снисходительное значения, суф. *-ушк-* — уничижительное, снисходительное, ласкательное и уменьшительно-ласкательное значения.

Как и в литературном языке, в среднеобских говорах отмечены производные с суффиксами субъективной оценки не только конкретно-предметного, но и отвлеченного значения: *волостишка* *(-ишк-)*, *нарывочек* *(-очек)*, *жистянка* *(-анк-)* 'жизнь', *заботочка, штраховочка, премировочка* 'премирование', *смертечка* *(-ечк-)*, *дурничка* *(-ичк-)* 'глупость', *грамотёшка* *(-ошк-)*, *службинушка* *(-ушк-)*. Однако в говорах таких слов сравнительно немного, как и соответствующих суффиксов. Ср.: в литературном языке значение субъективной оценки передают суффиксы: *-ок* *(басок, шумок)*, *-ец* *(сюжетец, вопросец)*, *-к(а)* *(серединка, сторонка)*, *-иц(а)* *(ленца, грязца)*, *-ц(о)* *(дельце, словцо)*, *-к(о)* *(облачко)*, *-ишк(а)* *(мыслишка)*, *-ушк(а)* *(долюшка, сторонушка)*, *-ат(а)* *(деньжата)*, *-ин(а)* *(морозина)*, *-ищ(а)* *(скучища)*.

В отличие от литературного языка в говорах обнаруживается тенденция к нейтрализации у некоторых суффиксов значения субъективной оценки: *вдовушка* (Вдовушка — если муж помер. Одни женщины остались, вдовушки), *войнушка* (Раньше край на край драться сходились. Войнушка была), *паразитик* (Они ведут паразитический образ жизни. Это не люди, а паразитики... Паразитики в нашем колхозе). Разновидность этого явления отражена в словах: *заботочка, смёрточка, нарывочек, болюшка,* в которых уменьшительно-ласкательное и ласкательное значения относятся не к явлению и состоянию, названному словом, а к испытавшему или испытывающему их лицу.

При образовании существительных субъективной оценки происходят следующие м о р ф о н о л о г и ч е-

ские изменения: 1) в производных именах ласкательного и уменьшительно-ласкательного значения конечный согласный [к] производящей основы, выступающей в форме род. п. ед. ч., регулярно, как и в литературном языке, чередуется с [ч]: *бревёшко — бревёшек — бревёшечко, детка — деток — деточка, дресвянка — дресвянок — дресвяночка*. Регулярно чередование *к//ч* в словах типа *гостенёк — гостенёчек, казак — казаченька; ц//ч: жерлица — жерличка, кислица — кисличка; г//ж: кулега — кулежица, брага — браженька; х//ш: дух — душок, чепуха — чепушишка, заваруха — заварушка*. Из нерегулярных чередований отмечены: *н//ш* (*капкан — капкашек, балаган — балагашек, гармонь — гармошонка*); *к//т* (*куфайка — куфайтишка*); *к//ш* (*клюка — клюшка*); 2) различные нерегулярные, часто представленные единичными случаями усечения производящих основ: *дратовка (дратва), золовица (золовка), клетичка (клетка), дровенки (дровни), парнишонка (парнишка), избушонка (избушка), копёшка (копна), татаришка (татарин), жеребчишка (жеребёнок), кишишка (кишка), овечушка (овечка), стряпонька (стряпка), белёночек (белка), юбица (юбка), речеюшка (река — речек)*; 3) различные нерегулярные чередования гласных звуков: *колыбёлочка* (ср.: лит. *колыбель, колыбельный*), *кудёрочки* (ср.: лит. *ку́дерьки*), *одёжица* (ср.: лит. *одежда*), *дровёнки* (ср.: лит. *дровни, дро́венки*); 4) нерегулярность ударения в производных одного и того же словообразовательного типа: *обручо́чек* и *нары́вочек, доктори́шка* и *колхо́зишко, брёвнушка* и *киму́шка*; 5) более частое, чем в литературном языке, использование производящей основы в форме косвенных падежей придает словам нерегулярное индивидуальное звучание: *зерёнышко*, ср.: лит. *зёрнышко* (в первом случае производящая основа *зёрен-*, во втором — *зёрн-*), *волоконышко*, ср.: лит. *волокнышко* (в первом случае производящая основа *волокон-*, во втором — *волокн-*), *парнёнка* (производящая основа *парн-*), *матерёнка, дочерёнка* (производящие основы *матер-, дочер-*), ср. также: *медвежатишка, ребятишка, жеребятишка, поросятишка, ребёнчишка*.

В отличие от литературного языка не всегда в производных сохраняется родовая характеристика мотивирующего слова: *вертено — вертенушка, куделя — ку-*

дельчик, житьё — житйшка, кимоно — кимонушка, коноплё — коноплишка, круг — кружиночка, кряж — кряжонка, покрывало — покрывалочка.

В среднеобских говорах отмечается также модификационное значение женскости, которое, как правило, выражается суф. *-к(а)* и *-j-: рыбак — рыбачка, блатяк — блатячка, певун — певунья, хвастун — хвастунья.*

В говорах у анализируемой группы слов нет строгой словообразовательной зависимости сущ. ж. р. от сущ. м. р. Отмечены пары: *рыбак — рыбачка, блатяк — блатячка,* но *свояк — своячина* (суф. *-ин(а)*), *лешак — лешиха* (суф. *-их(а)*), *большак — большуха* (суф. *-ух(а)*).

Это же явление наблюдается в следующей группе слов: *сватун — сватунья, кашлюн — кашлюнья,* но *говорун — говоруха* (суф. *-ух(а)*), *форсун — форсиха* (суф. *-их(а)*), *чистун — чистотка* (суф. *-отк(а)*).

Следовательно, в среднеобских говорах нет такой регулярной, как в литературном языке, соотносительности в коррелятивных парах имен со значением лица мужского и женского рода.

Морфонологические явления при образовании имен с модификационным значением женскости сводятся к следующему. В мотивированных словах с суф. *-к(а)*, как и в литературном языке, регулярно чередование *к//ч: кержак — кержачка, лешак — лешачка, медик — медичка,* кроме *остяк — остятка,* где *к//т.* Ударение остается на том слоге, на котором оно стоит в мотивирующем слове.

В другой группе слов суф. *-ец* отсекается и появляется *-j-*, выполняющий функцию интерфикса: *кореец — корейка, китаец — китайка, россеец — россейка* (в лит. языке в этом случае появляется интерфикс *-ян-: китаянка, кореянка*).

Более многочисленна группа слов, у которых суф. *-к(а)* присоединяется к основе существительного м. р., при этом на морфемном шве не происходит никаких морфонологических изменений: *Акробат — акробатка, кум — кумка, овчар — овчарка, кушёр — кушёрка, матрос — матроска, агроном — агрономка.* Нерегулярно чередование по мягкости — твердости в паре: *лодырь — лодырька* и *лодырка.* Ударение сохраняется на слоге мотивирующего слова.

В мотивированных словах с суф. *-j-* конечные [*к*], [*т*] смягчаются: *кашлюн — кашлюнья, сват — сватья*. В качестве мотивирующей выступает производная основа (напр., *кашлюн*). Ударение падает на суффикс.

Раздел 3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Специфика классификации словообразовательных значений имен прилагательных обусловлена особенностями призначной семантики, которая поддается членению в меньшей мере, чем предметная. Признаком, отражаемым в семантике производных качественных и относительных прилагательных, является отношение к предмету, процессу, другому признаку. В словообразовательной структуре прилагательных отражается либо самое наличие отношения, либо тип конкретного отношения к явлению. Конкретные типы отношения связаны с суффиксальной семантикой качественных прилагательных и рядом суффиксов относительных прилагательных. Относительные прилагательные неоднородны по составу. Противопоставляются группы прилагательных с суффиксами конкретной семантики (напр., *-ов-* — единичная принадлежность) и прилагательные с суффиксами наибольшей степени обобщения семантики (*-ов*(*ый*), *-ск-*, *-н-*) [27]. Лексические значения прилагательных с суф. *-ов-*, *-ск-*, *-н-* и др. выражают не общеотносительные значения, а ряд конкретных типов отношений, которые задаются семантикой мотивирующего слова и реализуются в типовых контекстах. Общеотносительное значение «имеющий отношение к...» «нельзя считать лексическим: нет конкретной предметной (денотативной) отнесенности» [28]. Эта семантика имеет статус словообразовательного значения типов *-н-*, *-ск-*, *-ов-*. Общее словообразовательное значение типа определя-

---

[27] Белошапкова В. А., Земская Е. А. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М. 1962, т. 5, с. 5.

[28] Ким С. Л. Словообразовательные и лексические значения относительных отсубстантивных прилагательных русского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ташкент, 1983, с. 6.

ется обобщением семантики соотношения лексического значения производных, созданных по данной модели, и их производящих. При этом на определенном этапе обобщения — лексико-словообразовательном — словообразовательное значение включает компонент, отражающий конкретный вид отношения. Таким образом, при отглагольном и отыменном словообразовании прилагательных с суффиксами наиболее обобщенной семантики осуществляется не только лексико-семантически немаркированный перевод производящего в другую часть речи (транспозиция), но и одновременное создание нового значения (мутация). Типы отношения, фиксируемые лексико-словообразовательным значением, определяются характером производящей семантики и системой выражаемых в словообразовании значений. Содержание отношений задается аспектами семантики производящего существительного и актантной структурой производящего глагола, «намеченной» в его семантике.

То, что общее словообразовательное значение типов с суффиксами *-ов-*, *-н-*, *-ск-* формулируется без указания на характер отношения, не может служить доказательством того, что эти отношения являются транспозиционными. Ср.: словообразовательные типы П+*-ник*, С+*-ак*, СЗ которых формулируется как общее отношение предмета к признаку, предмету.

Транспозиционный характер имеет словообразование прилагательных от наречий. Наречие, называя признак признака, имеет элементарную семантику. По типу строения лексического значения наречия близки прилагательным. Общность семантической организации определяет установление отношений непосредственной деривационной трансформируемости[29]. В словообразовательном акте осуществляется новое грамматическое оформление лексического значения мотивирующего наречия.

Материал словообразования прилагательных подтверждает положение о грамматической ориентации словообразовательного суффикса[30], стремлении к наибольшей степени обобщения суффиксальной семантики. В силу этого (а также ряда других причин) словообразо-

---

[29] См.: Яиценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования, с. 81.

[30] См.: Таж же, с. 142.

вательные границы качественных и относительных прилагательных оказываются размытыми. Суффиксы, специализирующиеся на выражении качественных значений, расширяют сферу функционирования, оформляя конкретные типы общеотносительных значений. Ср.: *ветвистый* 'с большими ветвями' и *болотистый* 'растущий на болоте'.

Суффиксы наиболее обобщенной семантики образуют и качественные и относительные прилагательные. При этом прослеживается преимущественная специализация суффикса на выражении определенного типа семантики.

Различная степень обобщения семантики словообразовательных суффиксов имен прилагательных обусловливает выделение категорий разной степени обобщения. Уровень обобщения словообразовательного значения колеблется от морфолого-словообразовательного (С+ +*-ов-*) до лексико-словообразовательного (С+*-ат-*).

Относительная конкретность семантики суффиксов качественных прилагательных определяет большое количество словообразовательных категорий, образуемых словообразовательными типами с собственно словообразовательным и лексико-словообразовательным значением.

Вследствие наибольшей степени обобщения семантики отмеченных словообразовательных типов относительных прилагательных ряд собственно словообразовательных и лексико-словообразовательных значений связывается со словообразовательной формой опосредствованно, образуя словообразовательные подкатегории. Для относительных прилагательных характерны словообразовательные категории с морфолого-словообразовательным уровнем обобщения значения и словообразовательные подкатегории собственно словообразовательного уровня.

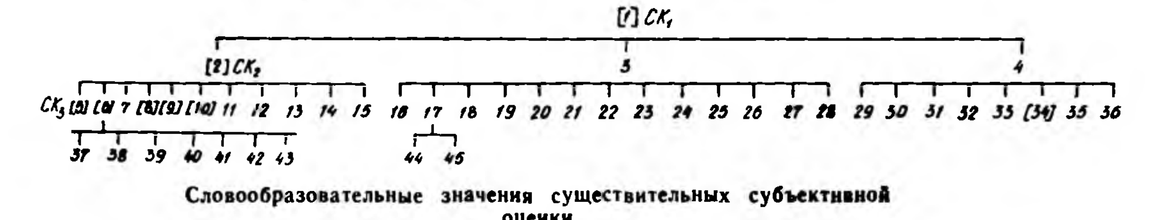
В целом система словообразовательных значений оказывается менее дробной по сравнению с именами существительными.

§ 1. Отсубстантивные прилагательные

Отсубстантивные прилагательные имеют наиболее разветвленную систему значений по сравнению с прилагательными, образованными от других частей речи. Это

Схема 24

Словообразовательные значения отсубстантивных прилагательных



Словообразовательные значения существительных субъективной оценки

объясняется широтой семантических потенций существительных. Словообразовательные значения отсубстантивных прилагательных иерархически организованы (схема 24).

Словообразовательная категория «признак по предмету» (схемы 24—27, гр. 1) образует словообразовательные значения типов с суф. *-ов-*, *-ск-*, *-н-*. СЗ этих типов имеет статус морфолого-словообразовательного: *мангазейные* (анбары), *дужное* (гибало), *картовна* (яма), *засадно* (место); *беглянска* (жись), *мужицка* (курточка), *скотский* (двор), *народский* (мост); *электрическая* (пила), *свинское* (мясо); *брусовой* (дом), *боровое* (место), *ерундовый* (человек), *береговая* (улица), *перовая* (постель), *стоговые* (вилы), *зверева* (собака), *леново* (семя).

Рассматриваемую категорию составляют значения словообразовательных типов, имеющих высокую продуктивность в среднеобских говорах, как и в литературном языке. Прилагательные анализируемой категории мотивируются в трех аспектах: характеризующем, функциональном, соотносительном.

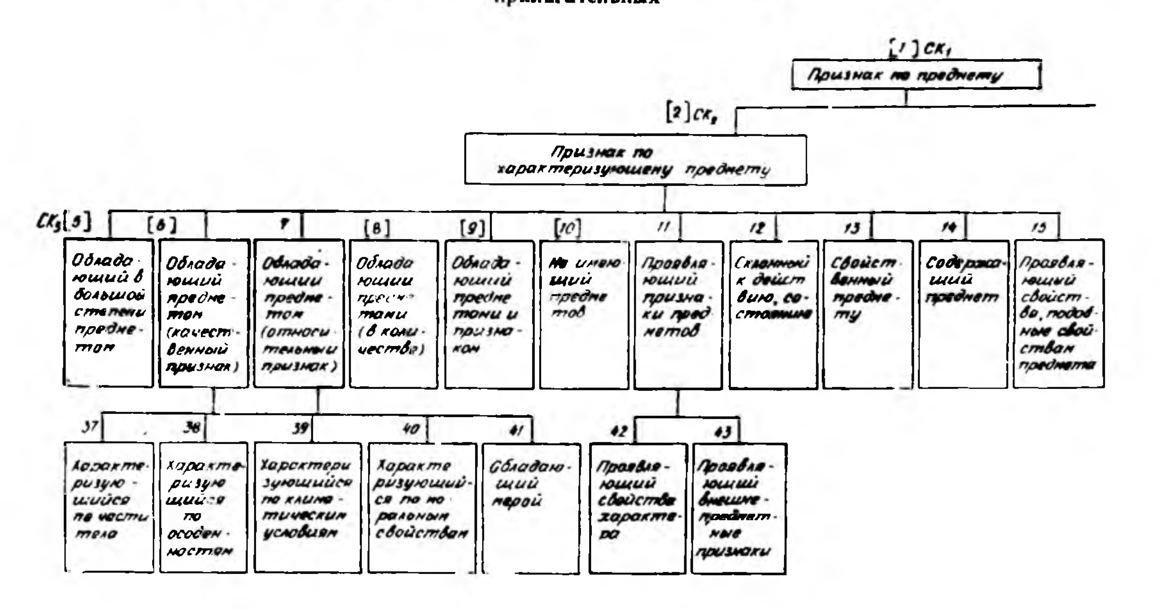
Словообразовательную категорию второй степени обобщения образуют словообразовательные значения, включающие указание на тип ономасиологического аспекта связи признака и предмета. Это категория «признак по храктеризующему предмету» (схема 24, 25, гр. 2). Образуют категорию словообразовательные значения типов с суф. *-ав/-ляв-* и *-лив: буранливый, плешивый, стыдливый, завистливый, затейливый, махрявый, кудрявый, червявый.*

Словообразовательные категории третьей ступени абстракции образуются за счет таких словообразовательных значений, в которых отражаются конкретные виды отношений предмета к признаку в рамках каждого из трех отмеченных ономасиологических аспектов. На этом же уровне семантического обобщения выделяется и ряд подкатегорий.

Словообразовательные значения характеризующего аспекта (схема 25) составляют ряд категорий. В словообразовательной категории «обладающий предметом в большей степени» (гр. 5) ядро категории составляет общее словообразовательное значение типа с суф. *-аст-*, в словообразовательных

Схема 25

Определительные словообразовательные значения отсубстантивных прилагательных



типа с суф. *-ист-*, *-оват-*, *-чат-*, *-ов-*, *-н-* значение является частным словообразовательным: *брыластый, чубастый, брюхастый, задастый, усастый* (о пшенице с большими усиками); *носатый, мослатый, чупатый; каменистый, вётистый, лапистый, горлйстый; суковатый, листоватый; махорчатый* 'с большим количеством махров', *моховое* (болото), *гнусный* 'обильный гнусом'. Все прилагательные — качественные. Словообразовательная категория «обладающий предметом (качественный признак)» (6) является категорией функционального типа. Значение категории является общим СЗ с единичными исключениями в типе с суф.: *-ат-*, *-оват-*, *-ист-*, *-чат-*; как частное словообразовательное значение входит в словообразовательную структуру типов с суф.: *-ав-*, *-лив-*, *-к-*, *-аст-* (единично): *рогатый, пузатый*[31], *бородатый, гранатый* 'имеющий грани', *кочковатый, дыроватый, тиноватый, бугроватый, зыбуноватый, весноватый* 'с веснушками'; *коренистый* 'с корнями', *лйвистый, трахóмистый* 'с трахомой', *буранистый; зубчатый* (коса), *ямчатый; червявый, кудрявый, корявый; байрачливый, буранливый, дожживый, плешивый, совестливый; жаркий, веский.*

Производные этой словообразовательной категории— качественные прилагательные.

Словообразовательную подкатегорию «обладающий предметом (относительный признак)» составляют лексико-словообразовательные значения словообразовательных типов с суф. *-чат-*, *-ан-*, *-анн-*, *-ов-*, *-н-*, *-ск-*, *-енн-*, *-Ø-* (нулевой суффикс) (схема 25, гр. 7): *каёмчатый; лапчатый* (о расцветке ткани), *крапчатый* 'с крапинами'; *аржаное* (поле), *овсянáя* (жнива), *вéтряный* (месяц), *водяное* (болото); *икрянна* (рыба), *буклёво* (платье), *боровóе* (место), *стрежевая* (река), *карчневая* (река), *карасёвый* (водоем), *согорны* (места), *цветная* (рубашка), *пустошные* (места), *тесáнное* (болото), *еланна* (сторона), *кострижна* (пряжа), *гривское* (место), *назёмское* (место), *вёдреный* (день), *отмелые* (берега), *жерёбая* (кобыла).

На основе учета тематической принадлежности производящих существительных в пределах двух категорий (6 и 7) выделяются подкатегории четвертой степени

---

[31] В словах типа *пузатый, брюхатый* интенсивность признака задана производящей семантикой. — Русская грамматика, ч. I, с. 287.

обобщения: «характеризующийся по части тела, особенностям внешнего вида» (37) (суф. *-ат-*, *-ав-*); «характеризующийся по особенностям рельефа, растительности» (38) (суф. *-ист-*, *-оват-*, *-ов-*, *-н-*, *-ск-*); «характеризующийся по климатическим условиям» (39) (*-лив-*, *-енн-*); «характеризующийся по моральным качествам, особенностям поведения» (40) (суф. *-лив-*, *-н-*); «обладающий мерой» (41) (суф. *-ов-*, *-н-*). Приведем примеры производных отмеченных подкатегорий: 37 — *носатый, патлатый, кудрявый, махрявый;* 38 — *ливистый, еланистый, кочковатый, зыбуноватый, боровое* (место), *пустошное* (место), *гривское, наземское* (место); 39 — *буранливый, ведренный* (день); 40 — *совестливый, стыдливый, совестный;* 41 — *ведровый, литровый, ведрошнóй* (бак).

Организуются подкатегории этого уровня так же, как более общие: в структуре нескольких словообразовательных типов выделяется обобщенно-мотивационное значение, связываемое со слабообразовательной формой опосредствованно.

Ряд значений сложносуффиксальных словообразовательных типов образуют словообразовательные категории 8 и 9. Категорию «обладающий предметами в количестве» (8) составляют значения типов сложения основ числительного и существительного и суф. *-н-*, *-ов-*, *-∅-*: *двухкрылый, трехрогие* (вилы), *двухскатная* (крыша), *трехстеношные* (сети), *двухручный* (скобель). Категорию «обладающий преметами, наделенными признаком» (9) составляют словообразовательные значения типов сложения основ прилагательных и существительных с присоединением суф. *-н-* и *-∅-*: *круглоспинный, белоглазый, голопятый, длиннохвостый.*

Словообразовательные значения префиксально-суффиксальных словообразовательных типов образуют категорию, значение которой «не имеющий предмета» (10). Это общее значение словообразовательных типов с суф. *-н-*, *-ов-*, *-∅-* и префиксом *без-*: *бездетный, бездённый* 'без дна', *безрукавный; бескурковый, безногий, беспалый.*

Словообразовательную подкатегорию «проявляющий свойства, признаки предмета» (11) составляют лексико-словообразовательные значения словообразовательных типов с суф. *-ист-*, *-оват-*, *-лив-*, *-н-*, *-∅-*, *-л-*: *гадистый, растрёпистый, натуристый, бархатистый; шельмоватый,*

дураковатый, вороватый; трусливый, дурной, бродяжный, вороной, сиротный, холерный (холера-оценочное имя лица), *калекий, круглый.*

Подкатегории четвертого уровня обобщения составляют ЛСЗ: 42 — «проявляющий свойства характера, поведения» (суф. *-ист-, -оват-, -лив-, -н-*), 43 — «проявляющий внешнепредметный признак» (суф. *-ов-, -л-, -о-, -ян-*). Приведем примеры: 42 — *вороватый, растрёпистый, забулдыжный,* 43 — *круглый, золотой, бархатистый.*

Словообразовательная подкатегория «склонный к действию, состоянию» (12) объединяет ЛСЗ словообразовательных типов с суф. *-лив-, -н-, -ист-, -ов-*: *завистливый, жалостливый, ленивый, затейливый, лестливый; пакостный, вредный, грешный, затейный, ералашный, нравный; задористый, норовистый, службистый, рысковый, ласковый.*

Словообразовательную подкатегорию «свойственный предмету» (13) образуют лексико-словообразовательные значения словообразовательных типов с суф. *-ин-, -ск-*: *беглянска* (жись), *кержацка* (религия), *журавлина* (стать).

Словообразовательную подкатегорию «содержащий предмет» (14) составляют лексико-словообразовательные значения словообразовательных типов с суф. *-н-, -енн-, -ов-, -ян-*: *жирный, сальный, сорный, навозный* (чернозём), *масленный, пырьевое* (сено), *медовые* (травы), *перовая* (постель), *соковой* (слой), *масляный.*

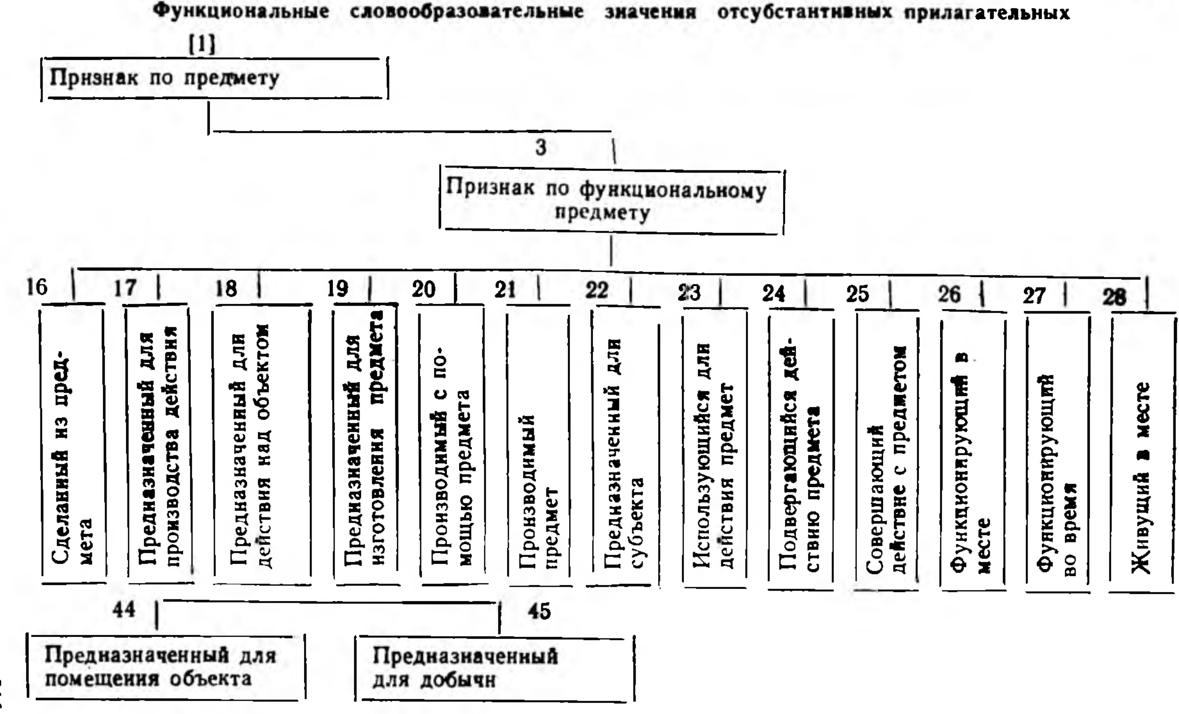
ЧСЗ словообразовательных типов с суф. *-аст-, -ист-, -овит-, -оват-, -ат-*, представленные в единичных производных, составляют словообразовательную подкатегорию (15) «проявляющий свойства, подобные свойствам предмета» (метафорическая мотивация): *горластый* 'с громким голосом', *зубастый* 'злой', *горлистый* 'с громким голосом', *мозговитый, башковитый, башковатый, зубатый* 'острый на слово'.

Производные данные словообразовательной подкатегории — качественные прилагательные.

Прилагательные со словообразовательными значениями функционального аспекта, называющие признак функционального отношения к предмету, являются относительными. Разветвленная система относительных значений функционального аспекта создается преиму-

Схема 26

Функциональные словообразовательные значения отсубстантивных прилагательных



щественно словообразовательными типами широкого уровня обобщения. Закрепления словообразовательных средств за выражением общего функционального предметного отношения и конкретных типов функциональных отношений в говорах Среднего Приобья не отмечено. Словообразовательные значения функционального аспекта организуются в словообразовательные подкатегории третьего и четвертого уровня обобщения — собственно словообразовательного и лексико-словообразовательного. Выделяются отношения социального и несоциального типа. Словообразовательные значения функционального аспекта отражают отношения предметов, включенных в действие. Прилагательные фиксируют тип отношения предмета к действию, его роль в ситуации. Это обусловливает большое количество подкатегорий третьего уровня обобщения с собственно словообразовательным значением (схема 26).

Словообразовательную подкатегорию «сделанный из предмета» (16) образуют ЛСЗ словообразовательного типа с суф. *-ан-*, в котором это значение является ведущим, а также типов с суф. *-анн-, -н-, -ов-, -ск-, -ин-, -Ø-, -ий-, -чат-, -енн-*: *берестяной, жердяной* (остов), *нитяной* 'связанный из ниток', *просяная* (каша), *льняной* (мешок), *травяной* (мешок); *бревянный* (дом), *стеклянный* (глаз), *клюквянный* (кисель), *берестянная* (посуда); *творожные* (шанежки), *счесальный* (холст) 'из счесок', *пачесный, отрепный* (холст), *брюшной* (суп) 'из брюшины', *гардобойно* (масло), *брусовый* (дом), *кирзовы* (сапоги), *карасёва* (уха), *ветловые* (вёсла), *таловые* (лапти), *металлические* (полозья), *осохориный* (наплавок), *лебединые* (полушалки), *верблюжиный* (азям), *золотой* 'из золота', *собачьи* (бахилы), *кошачьи* (шубы), *заячьи* (шубы) 'из зайца', *рыбий* (жир), *свинячье* (мясо), *дощатый* (забор), *бревенчатый* (дом), *верёвчата* (лестница); *чугунённый, шубённый* 'из шубы', *шубинский* 'из шубы'.

Рассматриваемую подкатегорию образуют преимущественно ЛСЗ типов с общеотносительным значением. Исключение составляет тип с суф. *-чат-*, специализирующимся на выражении качественных значений. В среднеобских говорах в формировании рассматриваемого словообразовательного значения принимает участие тип

С+*-ий*, выражающий в литературном языке значение принадлежности и свойственности.

Ряд словообразовательных подкатегорий выражает орудийный тип предметного отношения (17—22).

Ряды производных словообразовательных типов с суф. *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, *-о-* образуют подкатегорию «предназначенный для производства действия» (17). Мотивирующими выступают имена со значением действия: *лечебны* (травы), *смёртна* (одёжа), *кошебно* (место), *сплавная* (сеть), *продажный* (ковёр); *беговые* (лыжи), *гоньбовые* (лошади), *деловой* (лес), *едовая* (трава), *бродовый* (чирок), *солевые* (грибы), *бомбардирские* (пушки), *рабочие* (чирки).

Значение «предназначенный для производства действия над объектом» (18) выражается в словообразовательной структуре типов с суф. *-н-*, *-ий-*, *-ов-*, *ск-*, *-∅-*, *-ин-*: *дўжное* (гибало), *желудочные* (капли), *подковный* (гвоздь), *одёжный* (шкаф), *лампишно* (стекло), *машинная* (дорога), *куропачьи* (ловушки), *телячий* (выгон), *лицевое* (мыло), *зверёва* (собака), *стоговы* (вилы), *скотский* (двор), *мужчинска* (одежда), *будёная* (одежда), *нéльминая* (частушка).

Рассматриваемое словообразовательное значение конкретизируется относительно объекта и типа действия, образуя подкатегории четвертого уровня обобщения (44—45): «предназначенный для помещения объекта» — *телячьи* (стайки), *одёжный* (шкаф), *скотский* (двор); «предназначенный для добычи» — *зверёва* (собака), *куропачьи* (ловушки), *карасёва* (сеть). Последнее ЛСЗ конкретизируется: «предназначенный для ловли рыбы» — *карасная, налимная, сырковая, язёвая, нельмовая* (сеть).

Ряды производных словообразовательных типов с суф. *-ов-*, *-н-*, *-ан-*, *-ин-* образуют подкатегорию «предназначенный для изготовления предмета» (19): *известковый* (завод), *вожжевая* (верёвка), *зипунное* (сукно), *кирпичный* (завод), *верёвочны* (машины), *оклáдные* (брёвна), *платочна* (ткань), *платяная, шерстяная* (нитка), *азяминая* (шерсть).

Словообразовательные подкатегории «производимый предметом» (20) и «производимый с помощью предмета» (21) образуют ЧСЗ словообразовательных типов с суф. *-н-*, *-ян-* (20) и *-ск-*, *-н-*, *-ин-* (21), представленные

единичными производными: *топорная* (работа), *неводная* (ловля), *водяная* (мельница); *кондитские* (изделия), *народский* (мост), *солнечный* (удар), *змеиный* (укус).

В схему субъектно-объектно-орудийных отношений включаются также представленные единичными примерами отношения: «предназначенный для субъекта» (22) — *бондарная* (мастерская); «использующий для производства действия предмет» (23) — *дробовое* (ружьё), *паровая* (мельница); «подвергающийся действию предмета» (24) — *барцевый* (кедрач) 'такой, который можно бить барцем'; «совершающий действие» (25) — *ездовой* (человек) (22—25).

В сфере функционального аспекта номинации выделяется ряд подкатегорий со значением места и времени (26—30).

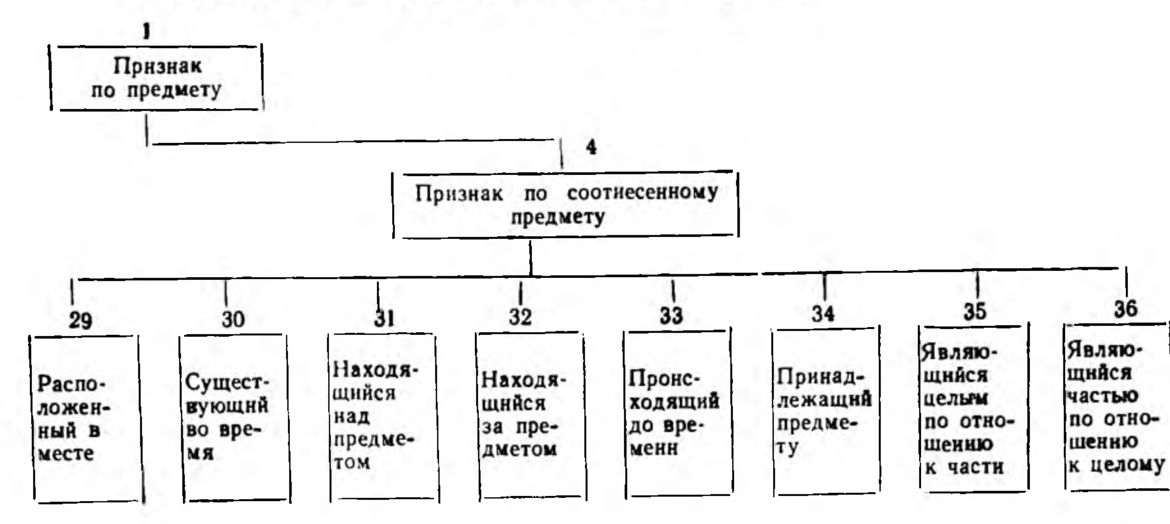
К социально-функциональному аспекту относятся словообразовательные подкатегории: «функционирующий (добываемый, изготовляемый) в месте» (26) (суф. *-н-*, *-ск-*, *-ов-*); «функционирующий (полученный, предназначенный) во время» (27) (суф. *-н-*, *-ов-*); «живущий в месте» (28) (суф. *-ск-, -ов-, -н-*). Примеры: 26—*еланное* (сено), *гривные* (дрова), *базарны* (пояса), *лавошный* (бешмет), *источный* (вентиль); *верхово́* (сено), *стрежевой* (невод), *болотовая* (доска), *манчжурский* (табак), *инкубаторские* (цыплята); 27 — *зимний* (хлеб), *старинные* (дома), *будничиа* (одёжа), *праздничны* (чарки), *весновая* (пшеница), *зимовые* (хлеба); 28 — *сибиряцкий* (урожеиец), *калужские, деревенские* (жители), *верховный* (народ), *дальние* (люди), *детдомовый* (ребёнок).

К функционально-несоциальному аспекту номинации относятся словообразовательные подкатегории: «обитающий, расположенный в месте» (29) (суф. *-ов-*, *-ан-*, *-н-*, *-ист-*, *-ск-*), «существующий во время» (30) (суф. *-н-*, *-ск-*, *-ист-*, *-ов-*). Примеры: 29 — *борова́я* (ягода), *полевое* (растение), *соровой* (зверёк), *водяной* (крот), *земляной* (червь), *избяной* (дух), *болотиста* (трава), *таёжный* (кедрач), *си́верска* (тетива), *камчатская* (крестовка); 30 — *вешний* (лёд), *веснушная* (рыба), *мартовский* (бык), *веснистый* (лёд), *осенчако́вый* (лёд).

Рассмотренная группа словообразовательных подкатегорий является пограничной по отношению к функциональному и соотносительному аспектам номинации. Чем

Схема 27

Соотносительные словообразовательные значения отсубстантивных прилагательных



более пассивен субъект отношения, тем с большим основанием тип значения может быть признан соотносительным. Ср.: *водяной* (крот) 'живущий в воде' и *крылёшна* (дверь) 'расположенная рядом с крыльцом'.

В группу словообразовательных значений соотносительного аспекта включаются значения принадлежности части (целого), пространственно-временной соотнесенности (схема 27).

Общее словообразовательное значение типа с суф. *-ов-*, а также ряд частных словообразовательных значений словообразовательных типов с суф. *-ий-*, *-ск-*, *-н-*, *-н'-* образуют словообразовательную категорию «принадлежащий предмету» (34): *отцова* (мать), *мужевы* (братья), *женихова* (родня), *братова* (дочь), *сношины* (дети), *братнина* (жена), *мизгирина* (сеть), *глухарина* (мать), *заячьи* (следы), *кротячье* (гнездо), *кысачий* (мех), *свинячий* (волос), *родительский* (дом), *отецки* (дочери), *варнацко* (дитя), *мурашейная* (куча), *куричны, утичны* (яйца), *мужняя* (баба), *братня* (дочь).

Ряд префиксально-суффиксальных словообразовательных типов имеют значение пространственной и временной соположенности (31—33). Эти словообразовательные значения не образуют словообразовательных категорий, выражаясь, как правило, в пределах одного словообразовательного типа. Производные представлены в материале единичными параметрами: *подземельный, подстропильные* (балки) (31), *заречный* (луг) (32), *допотопное* (время) (33).

Как подкатегории выражаются значения соотношения «часть—целое». Значения «являющийся целым по отношению к части» (35) и «являющийся частью по отношению к целому» в качестве частных словообразовательных значений входят в словообразовательную структуру типов с суф. *-ов-* и *-н-*: 35 — картовна (шкурка), *грабельна* (головка), *шипичный* (корень), *картошечна* (ботва), *крушинные* (ягоды), *талиновы, тальниковы* (ветки), *луковая* (стрела); 36 — *шомпольно* (ружьё), *дышловые* (сани), *режовая* (сеть), *курково* (ружьё).

Для характеристики морфонологических явлений при образовании имен прилагательных важен учет частеречной принадлежности и морфемного состава мотивирующей единицы. При образовании отсуб-

стантивных прилагательных в среднеобских говорах отмечены следующие морфонологические явления: 1) в отдельных группах слов регулярность чередований *х//ш*: *лопушистый, пушистый, грешный;* в других группах слов это чередование представлено факультативно: *сношин, сношеницын, снохиный, снохин; г//ж: костриж-ный, бродяжный, калужский; к//ч: собачий, верёвчатый, платочный; к//ц: мужицкий, поляцкий, сибиряцкий; з//ж: княжий; д//ж: верблюжиный; ц//ч: венечный, солонечный, долгунечный,* в отдельных словах чередование *ц//ч* факультативно: *шипичный — шипишный; к//ш: желудошный, ск//щ: дощатый;* 2) в пределах одной и той же словообразовательной модели в качестве мотивирующей могут выступать основы разных форм слова: нельма — *нельмовая,* осётр — *осетровая,* язь — *язёвая,* но сырок — *сырковая;* кремль — *кремлистый,* суволь — *суволистый,* елань — *еланистый,* буран — *буранистый,* но бугор — *бугристый;* глина — *глиноватый,* тина — *тиноватый,* согра—*согроватый,* но *зубунёц—зыбунцоватый;* пшеница—*пшеничный,* мука—*мучной,* но овёс—*овсяный,* рожь—*ржаной,* лён—*льняной* и *ленной;* верёвка—*верёвчатый,* доска — *дощатый,* но брёвен — *бревенчатый.* Следствием этого является большое число эквивалентных по значению пар слов: *буденная одежда — буднишная одёжа, отцова дочь — отецки дочери;* 4) нерегулярные, часто представленные в единичных словах усечения мотивирующих основ. Ср.: *счёсальный* (от «счёски»), *пачесный* (от «пачески»), *отрёпный* (от «отрёпки»), *брюшный* (от «брюшина»), *бревяный* (от «бревно»), *кондитский* (от «кондитер»), *куропачий* (от «куропатка»). Вследствие этого функционируют эквивалентные по значению пары слов: *утичий* (от «утка») и *уточий* (от «уток»), *куричий* (от «курка») и *курочий* (от «курок»), *бревённый* (от «брёвен») и *бревяный* (от «бревно»), *речной* (от «река» или «речка») и *реченный* (от «речек»).

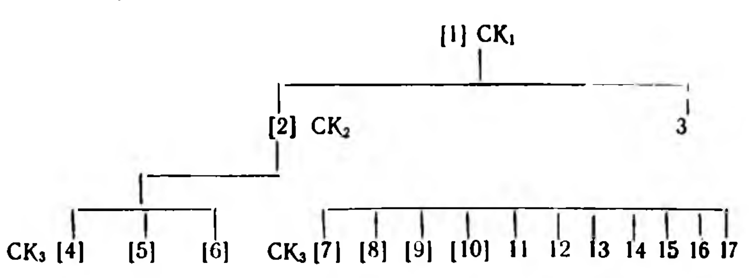
§ 2. Отглагольные прилагательные

Для отглагольных прилагательных характерно объединение словообразовательных значений трех уровней обобщения. Производные именуются в двух аспектах — характеризующем и функциональном. Принцип органи-

зации словообразовательных категорий и подкатегорий подобен описанному в именном словообразовании (схема 28).

Схема 28

Словообразовательные значения отглагольных прилагательных



Словообразовательную категорию первого уровня обобщения «признак по действию» (1) образуют грамматико-словообразовательные значения типов с суф. *-н-* и *-ов-*. Производные прилагательные мотивируются в функциональном и характеризующем аспектах: *баловной, надоедный* (мальчик), *выездной* (конь), *обойная* (мука), *заварное* (печенье), *бузовой* (ребенок), *возовая* (телега).

Как и в группе отыменных прилагательных, словообразовательную категорию второго уровня обобщения образуют общие словообразовательные значения, в которых фиксируется тип ономасиологического аспекта связи признака и действия.

Словообразовательную категорию «признак по характеризующему действию» (2) образуют словообразовательные значения типов Г+*-к'-*, Г+-∅-, Г+*-ист-*: *качкий*, 1. *жоркий* 'такой, который много ест', 2. *жоркий* 'быстро съедаемый', *едкий, разговористый, казистый, караулистый, прядиста* (шерсть) 'удобная для прядения', *гундосый, живой, хворый.*

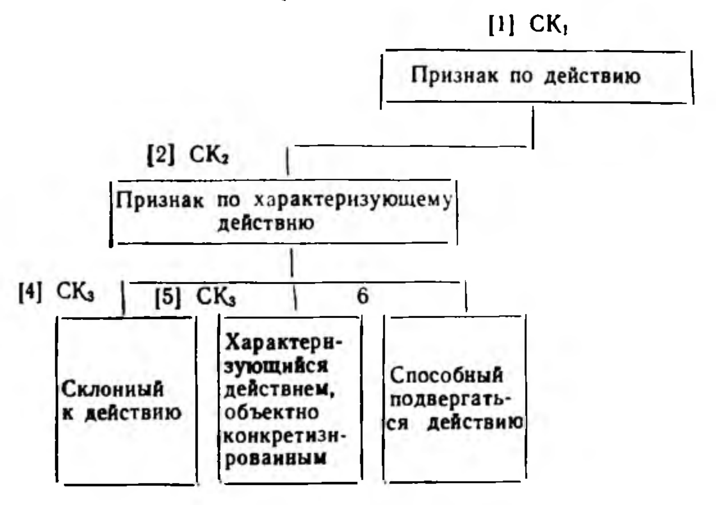
В целом для системы отглагольного словообразования прилагательных характерна бо́льшая специализация словообразовательных средств при выражении определенных типов значений.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е з н а ч е н и я х а р а к т е р и з у ю щ е г о а с п е к т а. Словообразовательную категорию «склонный к действию» (4) образуют общие

словообразовательные значения и частные словообразовательные значения словообразовательных типов с суф. *-оват-, -ав-, -чат-, -уч-, -лив-, -ист-, -∅-, -льн-, -ан-, -н-, -тель-, -ащ-, -им-, -ов-, -ив-*, суффиксально-префиксальным типом за-+Г+*-ов-*: *психоватый, вертлявый, гнусавый, дышлавый, разговорчатый, доверчатый, бодучий, кусачий, кусучий, лягучий, едучая* (известь), *обидливый, блудливый, бругливый, копотливый, куражливый, запасливый, разговористый, выбражулистый, изворотистый, казистый, караулистый, нажимистый, форсистый, зоркий, мазкий, гундосый, картавый, ествяный* 'такой, который много ест', *уважительный, зарный* 'такой, который зарится', *баловный, приветный, радетельный, ругательный* (свекор), *гулящая* (девчонка), *работящий, завидущий, вредимы* (змеи), *лестимый* (народ), *бузовой* (человек), *засмущеновая* (девочка), *радивый* (человек). (Схема 29).

Схема 29

Определительные словообразовательные значения отглагольных прилагательных



Словообразовательную категорию «характеризующийся действием, объектно конкретизированным» (5) образуют СЗ словообразовательных типов сложения основ существительного и глагола с суф. *-чат-*, *-н-*, *-лив-*,

-чив-, *-Ø-*, местоимения и глагола с суф. *-н-*: *гостеприимчатый*, *гостеприимный*, *доможитливый*, *пучеглазый*, *лупоглазый*, *самондравный*, *самолюбный*.

Словообразовательную подкатегорию «способный подвергаться действию» (6) образуют частные словообразовательные значения типов с суф. *-к'-*, *-ист-*: *жоркий*, *едкий* 'хорошо съедаемый', *прядиста* (шерсть), *едомый* 'хорошо съедаемый'.

Словообразовательные значения функционального аспекта. Данную систему образуют категории и подкатегории третьего уровня обобщения. Выделяется также ряд значений, проявляющихся в пределах одного словообразовательного типа и не имеющих статуса подкатегории (схема 30). Для отглагольного словообразования характерно закрепление словообразовательных средств за выражением ряда собственно словообразовательных значений (7—10).

«Предназначенный для выполнения действия» является общим словообразовательным значением в типе с суф. *-льн-*, выражается также в типах с суф. *-н-*, *-Ø-*, *-л-*, *-ов-*: *венчальна* (рубаха), *заживительна* (вода), *молотильный* (цеп), *стирально* (корыто), *ботальна* (сеть), *разливная* (ложка), *прихватный* (палец), *сплавная* (сеть), *ставная* (сеть), *гончая* (собака), *заезжий* (двор), *езжалы* (лошади), *постоялый* (двор), *возовая* (телега), *промышловые* (места).

Объектная конкретизация действия во второй производящей основе отражается в общем словообразовательном значении типа С+Г+*-н-* — «предназначенный для выполнения действия относительно объекта» (8): *водомерна* (палка), *рыболовны* (сети), *лесорубные* (места).

Словообразовательную категорию «полученный в результате действия» составляет общее словообразовательное значение типа с суф. *-ен-* ($н_2$, т), частные словообразовательные значения типов с суф. *-н-*, *-лив-*: *белёная* (пряжа), *золёный* 'посыпанный золой', *гранёный* (стакан), *калёный* (орех), *кула́ченый* 'раскулаченный' (мужик), *морёный* 'замученный' (мужик), *обойная* (мука), *отварная* (вода), *вышивные* (полотенца), *срезное* (сало), *наборные* (бляхи), *заразливый* 'такой, который заряжен', *брошевая* (черепушечка).

Схема 30

Функциональные словообразовательные значения отглагольных прилагательных

Словообразовательную категорию функционального типа составляет общее словообразовательное значение типа с суф. *-л-* «находящийся в состоянии как результате процесса». Это значение выражается также в структуре словообразовательного типа Г+*-лив-*: *повислый, засолодёлый, застарелый, зяблый, мёрзлый, стылый, согрёлый, обгорёлый, рухлый; засушливый, мочлйва* (тайга).

Как частные словообразовательные значения в составе одного словообразовательного типа с суф. *-н-* выделяются значения (11) «являющийся субъектом действия»—*пролётные* (гуси), *протекная* (речка), *пригульный* (гусь), *обложной* (дождь) и (12) «являющийся объектом действия» — *заливные* (луга), *отложной* (воротник), *выворотные* (бахилы), *растворные* (окна).

Ряд сложносуффиксальных типов, имеющих значения 13—16, представлен в материале единичными примерами, а именно: (13) «действующий способом» — *дальнобойно* (орудие), *тихоходный* (пароход); 14 «изготовленный способом» — *рукобитный* (платок), *самодельна* (рубаха); *саморучная* (работа), 15 «подвергающийся действию объекта» — *водотопный* (луг), 16 «подвергающийся действию в состоянии» — *сыромолотно* (зерно), 17 «полученный в результате действия во время» — *веснодельны* (дрова).

При образовании отглагольных прилагательных отмечено 1) больше пар чередующихся согласных звуков: *г//ж* (*запряжной, обтяжной, протяжной, вытяжной*) (чередование регулярно); *с//ш* (*брошевой, кошебный, кошёбный, кошёный*); *ст//щ* (*прощёный, хрещёный*);*к//ч* (*плачебный, протечной, протекной*) (чередование нерегулярно); 2) нерегулярные чередования согласных по твердости—мягкости в производных одной и той же словообразовательной модели: *буранить — буранливый* (н'//н), *переносить — переносливый* (с'//с), но *погулять — погульливый* (чередование отсутствует); 3) в пределах одной словообразовательной модели в качестве мотивирующей может выступать основа неопределенной формы глагола и основа 1-го лица ед. или мн. ч. Ср.: *рассыпать — рассыпистый*, но *пряду — прядистый; улежаться — улежалый*, но *езжу — езжалый, хожу — хожалый, прихожу — прихожалый;* 4) в отглагольных прилагательных больше, чем в прилагательных,

мотивированных словами других частей речи, отмечено влияние аналогичных процессов подравнивания морфемного и звукового состава слов одной и той же словообразовательной модели: *нажить/наживать — наживный, улить/уливать — уливный*, в которых контактным способом прибавляется словообразовательный формант, при этом на морфемном шве не происходит никаких морфонологических изменений, но ср. следующую словообразовательную пару: *лить — ливный*. Как иначе квалифицировать появление *-в-* в производном слове? Ср. также ряды слов: *стежить — стежёный, кулачить — кулаченный, выгореть — выгоренный, назьмить — назьмёный*, но *краплёный, ржавленый, травленый*, в которых появляется *-л-*. Это же явление наблюдается в словах: *подходить — подходявый*, но *вертеть — вертлявый*.

§ 3. Отадъективные прилагательные

Внутрикатегориальное словообразование прилагательных включает две функционально различные сферы — мутацию и модификацию. При этом в силу преимущественной сигнификативности и одноаспектности лексической семантики прилагательных противопоставление двух сфер в ряде случаев оказывается размытым. Существует зона «переходных» значений, включающих признаки мутационного и модификационного словообразования.

В сфере модификационного словообразования признак характеризуется со стороны степени его проявления, оценки, модификации, включая также значение отрицания. Словообразовательные значения всех словообразовательных типов находятся на одной ступени обобщения, при этом наблюдается последовательная специализация словообразовательных средств для выражения одного значения. Систему словообразовательных значений модификационного типа представляют словообразовательные категории одного уровня обобщения, а также словообразовательные значения одного словообразовательного типа. В сфере модификационного словообразования не выделяются подкатегории (схема 31).

Словообразовательную категорию «имеющий усиленную степень качества» (1) составляют общие словооб-

разовательные значения словообразовательных типов: П+-*енн*-, П+-*ущ*-, П+-*уч*-, *пре*-+П, *раз*-+П, *распро*-+П, *пре*-+П+-*енн*, *иcпро*-+П, *за*-+П+-*енн*, П+-*анн*, *ис*-+П, П+-*ан*: *смиренный, густенный, здоровенный, страшенный, пьянущий, толстущий, худущий, ленющий* 'очень ленивый', *долгущий* 'очень длинный', *вострущий* (*вострый* 'подвижный'), *жаднючий, грязнучий, здоровучий, престрашенный, развесёлый, распрекрасный, распрестрашный, испробитый, испораненый, загустенный, горчанный, густянный, исприветливый, грязняный, кисляный, чижеляный, широчаный.*

Схема 31

Модификационные словообразовательные значения отадъективных прилагательных

Словообразовательную категорию «имеющий высшую степень качества» (2) составляют словообразовательные значения префиксального типа *наи*-+П, *само*-+П сложения основ местоимения и прилагательного: *наилучший, наибольший, самолучший, самобольший, самосильный.*

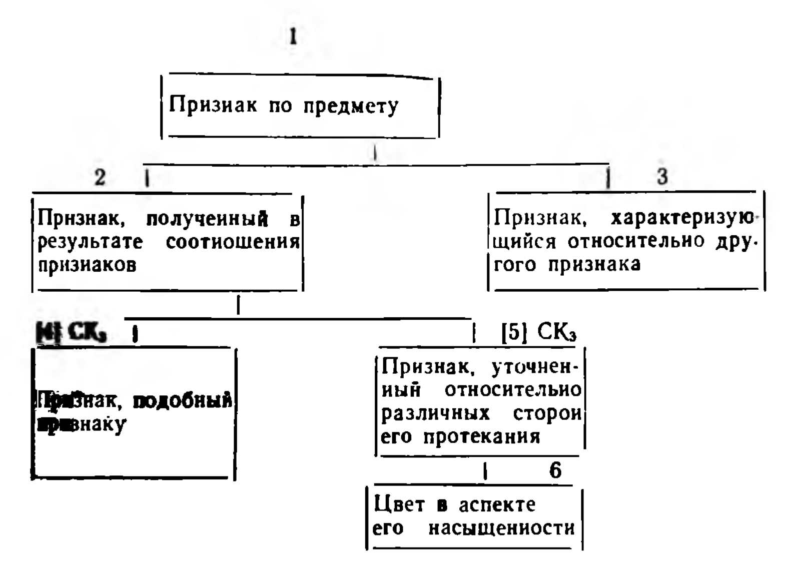
Словообразовательные значения типов с суф. -*охоньк'*-, -*юсишн*-, -*ешеньк*-, -*онечк*- составляют категорию 3 «имеющий усиленную степень качества и положительно оцениваемый»: *малёхонький, мокрёхонький, мáхонький, беднёшенький, махóнечкий, малю́сишный.*

Словообразовательную категорию «имеющий уменьшенную степень качества» (4) образуют словообразовательные значения префиксального типа *недо*-+П, и суффиксального П+-*оват*-, П+-*иват*-: *недоумный, ленивағый, дурноватый, лестливатый, дуроватый*.

Словообразовательное значение «признак, имеющий коннотацию ласкательности» (5) выражается в пределах словообразовательного типа с суф. -*еньк*-: *вышенький, бородастенький, высокенький, глыбоконький, бусенький, маливенький*.

Схема 32

Мутационные словообразовательные значения отадъективных прилагательных



К сфере модификации относится также словообразовательное значение префиксального типа *не*-+П (6). Интерпретация типа включает две релятивные семы «не имеющий признака» и «имеющий противоположный признак». Часть производных имен может быть интерпретирована в рамках первой формулировки (*небогатый, неплохой, неглубокий, некрепкий, небольшой, немелкий*), другая часть — в рамках второй. Так, в слово-

сочетании *невеселый разговор* производное прилагательное означает не только отсутствие признака, названного производящим существительным, но и признак, противоположный ему — 'грустный'. Словообразовательный акт включает элемент мутации, происходит оформление нового содержания, понятия (схема 32). Мутационное словообразование представлено словообразовательными значениями второго, третьего и четвертого уровня обобщения.

Мотивация осуществляется в характеризующем и соотносительном аспектах. В характеризующем аспекте мотивируются производные с отношением подобия и уточнения. Таким образом, характеризующий аспект мотивации представлен двумя категориями третьего уровня обобщения (4—5). ОСЗ типа П+*-ав-* и ЧСЗ типов с суф. *-ист-*, *-ес-* образуют словообразовательную категорию «признак, подобный признаку»: *чернявый, моложавый, смуглявый, серебристый, золотистый, маслянистый, белёсый*. Мотивационные отношения подобия относятся к сфере мутационного словообразования, так как в словообразовательном акте происходит создание, оформление нового понятийного содержания, а не уточнение признака, названного мотивирующим[32].

Словообразовательную категорию «признак, уточненный относительно различных сторон его протекания» образуют словообразовательные значения типов сложения с подчинительным отношением основ: *темно-русая* (шерсть), *малонужный, самосильный, малосильный*. В пределах данной словообразовательной категории могут быть выделены подкатегории четвертого уровня обобщения, выделяемые на основе учета тематической принадлежности мотивирующего прилагательного. Малая представленность словосложения прилагательных в среднеобских говорах не позволяет дать детальную классификацию значений на четвертом уровне обобщения. Выделяется одна подкатегория «цвет в аспекте его насыщенности»: *темно-русый, светло-буланый* и т. д.

Словообразовательная категория «признак, полученный в результате соотношения признаков» представлена

[32] Ср.: отнесение производящего имени *худой* и производного имени *худощавый* к разным синонимическим рядам в «Словаре синонимов русского языка». Л., 1971, ч. 2, с. 660—661.

словообразовательными значениями типов сложения с сочинительным соотношением основ. Единичность примеров сочинительного соотношения основ в словообразовании (внутрикатегориального) прилагательных среднеобских говоров также не дает возможности дать детальную классификацию словообразовательных значений этого типа.

Таким образом, во внутрикатегориальном словообразовании прилагательных активно действуют процессы модификационного словообразования, мутация представлена меньшим количеством и активностью словообразовательных типов.

При образовании отадъективных прилагательных морфонологических изменений отмечено крайне немного, и они представлены единичными примерами: 1) факультативно происходящие чередования *к//ч* (*бойчущий — бойкущий, широкущий — широчущий, высокущий — высочущий*). В других словах это чередование регулярно (*горький — горчанный, высокий — высочанный, широкий — широчанный*). Регулярно чередование *д//ж* (*молодой — моложавый*); 2) в пределах одной и той же словообразовательной модели в качестве мотивирующей основы выступает то основа слова, то корень слова: *обрядный — обрядненький, скусный — скусненький, ладный — ладненький*, в качестве мотивирующей берется форма *обрядн-*, включающая суф. *-н-*. Ср.: *крепкий — крепенький, баский — басенький*, в которых мотивирующей берется форма, не включающая суф. *-к-*; *широкий — широченный*, мотивирующей выступает основа слова, включающая суф. *-ок-*, но *смирный — смиренный*, суф. *-н-* в образовании производного не участвует; *пьяный — пьянющий*, мотивирующей единицей выступает основа слова, включающая суф. *-ян-*, но *ленивый — ленющий*, суф. *-ив-* в образовании производного не участвует.

§ 4. Отнаречные прилагательные

Как отмечалось, сущность словообразовательных отношений отнаречного образования прилагательных составляет транспозиция: «прилагательные совмещают в своем значении присущее мотивирующему наречию зна-

чение признака со значением прилагательного как части речи»[33].

Словообразовательное значение фиксирует новое грамматическое оформление признака, является грамматико-словообразовательным по типу. В словообразовании осуществляется адъективация наречного признака, что отражается в словообразовательном значении «адъективный признак, названный производящим наречием». Дальнейшая конкретизация словообразовательного значения на словообразовательном уровне невозможна. Словообразовательную категорию с отмеченным значением составляют значения словообразовательных с суф. *-н'-*, *-н-*, *-ист-*: *издешний, вчерашний, ранний, теперешний, тутошний, замужняя, чуточный, здешный, ближный, давношный, нахрапистый.*

При образовании отнаречных прилагательных не отмечено регулярных морфонологических изменений. Единичными случаями представлено: 1) чередование *с'//ш — издешний, з//ж — ближный*, характерное и для литературного языка; 2) отсечение финали мотивирующих слов, совпадающее с аналогичным явлением в словах литературного языка: *завтра — завтрий, рано — раньший, близко — ближный, вёдро — вёдрешний, давно — давнышний.* Самым характерным качеством отнаречных прилагательных, не отмеченным у прилагательных, мотивированных другими частями речи, не свойственным отнаречным прилагательным литературного языка, является нерегулярное соотношение основ: *давно — давношний, давнышний, давнишный, рано — ранешний, ноне — нонешний, теперь — теперешний, тут — тутошний.*

В словообразовании прилагательных в среднеобских говорах наблюдаются различия качественного и количественного характера по сравнению со словообразовательной системой литературного языка. Качественное различие систем проявляется в наличии или отсутствии какого-либо словообразовательного явления, количественное — в степени распространенности соответствующей

---

[33] Русская грамматика. М., 1980, ч. 2, с. 303.

словообразовательной единицы. Различия систем наблюдаются на разных уровнях словообразовательной системы.

В среднеобских говорах менее, чем в литературном языке, развита префиксация и словосложение как способы словообразования прилагательных. В говорах не отмечены префиксы, заимствованные и имеющие книжную окрашенность: *а-*, *анти-*, *архи-*, *гипер-*, *им-*, *пост-*, *про-*, *суб-*, *супер-*, *ультра-*, *транс-*, *экстра-*, а также ряд исконно русских префиксов: *со-* (*соприродный*), *сверх-*, *вне-*, *внутри-*. В говорах не отмечен ряд суффиксов, напр., *-абельн-*, *-ианск-*. Отсутствие соответствующего словообразовательного средства может быть связано с отсутствием выражения в словообразовательной системе говоров определенного содержания. Так, в словообразовании прилагательных нет значения «характеризующийся признаком совместно с другим предметом» (префикс *со-*), «пригодный, доступный для действия, названного мотивирующим глаголом» (словообразовательный тип Г+*-абельн-*). Отсутствие ряда префиксов и суффиксов в системе говоров определяет меньшую формальную представленность определенных категорий. Так, словообразовательная категория «имеющий высшую степень качества» в литературном языке выражается, кроме отмеченных в среднеобских говорах, типами с префиксами *архи-*, *гипер-*, *супер-*, *ультра-*, *экстра-* и т. д.

Известные литературному языку словообразовательные средства могут использоваться в словообразовательной системе говора для выражения иного содержания. Ср. использование префиксов *ис-*, *за-*, префиксально-суффиксального типа *за-*+П+*-енн-* для выражения словообразовательного значения «имеющий усиленную степень качества»: *исприветливый*, *затощий*, *загустенный*.

Одно словообразовательное значение может иметь различные системы средств выражения в литературном языке и в говорах: СЗ «имеющий усиленную степень качества и положительно оцениваемый» в литературном языке выражается типами с суф. *-охоньк-*, *-усеньк-*, в говорах — *-охоньк-*, *-юсшин-*.

В словообразовательной системе говора структура типа может быть иной, нежели в литературном языке. Так, словообразовательный тип С+*-оват-* в среднеоб-

ских говорах не имеет частного словообразовательного значения «содержащий в качестве составной части предмет» (*стекловатый, меловатый*), словообразовательный тип С+-*ист*- имеет не отмеченные в литературном языке значения «растущий в месте» — *болотистая* (трава), «сделанный из предмета» — *глинистые* (горшочки).

Различия заключаются также в степени продуктивности определенных словообразовательных средств при выражении определенных словообразовательных значений. Например, отмечается большая продуктивность в говорах словообразовательного типа с суф. *-анн-*: *бревянный, икрянна* (рыба) и т. д.

Раздел 4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

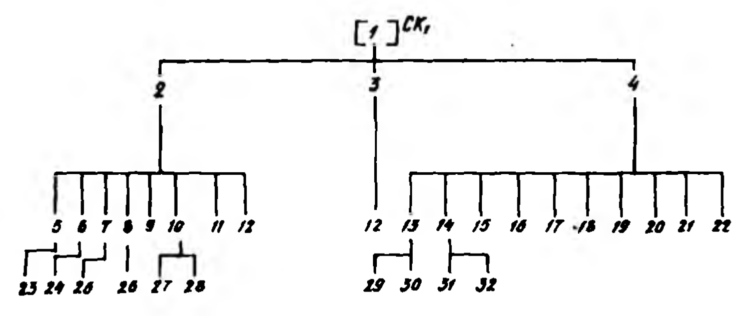
§ 1. Отсубстантивные глаголы

В области глагольного словообразования схемы СЗ литературного языка[34] и диалектов в целом совпадают. Можно говорить лишь о разной степени регулярности проявления того или иного СЗ в разных системах русского языка.

В отсубстантивном глагольном словообразовании (схема 33) выделяется одна словообразовательная кате-

Схема 33

Словообразовательные значения отсубстантивных глаголов



гория, обладающая абстрактным значением процесса, связанного с предметом, явлением (гр. 1). Эта катего-

[34] Ср.: Русская грамматика, ч. 2, с. 333—347.

Схема 34

Функциональные и соотносительные словообразовательные значения отсубстантивных глаголов

- 2 Действие по предмету
  - 5 Реализовать что-либо
  - 6 Производить трудовые и т. п. действия лица
  - 7 Действовать с помощью какого-либо средства
  - 8 Производить действие над объектом
    - 23 Использовать объект
    - 24 Добывать что-либо
    - 25 Удалить что-либо
    - 26 Наделять чем-либо
  - 9 Создавать что-либо
  - 10 Производить действие, связанное с местом
    - 27 Производить действие в данном месте
    - 28 Производить действие, подобное совершенному в данном месте
  - 11 Производить действие в данное время
- 3 Отношение по предмету
  - 12 Находиться в отношениях, названных именем

рия конкретиризуется в серии лексико-словообразовательных значений (схемы 34—35) и выражается в говорах с помощью глагольных суф. *-а-, -и-, -е-, -ова-, -нича-/-ича-*. Производные с данными суффиксами называют действия, процессы отношения и бытия, представленные в функциональном (2), соотносительном (3) и определительном аспектах (4).

В функциональном плане (схема 34) выделяются следующие значения: «совершать, реализовывать то, что названо мотивирующим существительным» (5): *грешить, судить, спорить, промышлять, работать, хлопотать, беседовать, пировать, ремонтировать, танцевать, пьянствовать, беседничать (беседки* 'вечернее развлечение молодежи'), *пёрничать, (пёры* 'первый лов после ледохода'), *сенокосничать*, ср. также: *великопостничать, бузить, помощить, банкетовать, жировать (жиры* 'ловля рыбы в определенное время'), *страдовать* (страда), *постовать* 'соблюдать пост'; «производить действие, предопределяемое трудовыми и т. п. функциями лица» (6): *атаманить, батрачить, бурлачить, кашеварить, мастерить, нянчить, партизанить, портняжить, бригадирить, браконьерить, врачевать, воровать, дезертировать, дворничать, кухарничать, нахлебничать, плотничать, портняжничать, сапожничать, директорствовать, крестьянствовать, хлебопашествовать, тунеядствовать, сватать, бабить* 'заниматься ремеслом повивальной бабки', *бондарить, варначить (варнак* 'вор'), *конюшить, кочегарить, кузнечить, кучерить, пастушить, поварить, санитарить, счетоводить, шишкарить (шишкарь* 'тот, кто занимается сбором шишек'), *ямщичить, бабиковать* '=бабить', *мастеровать, астрономничать, бондарничать, бригадирничать, доярничать, жестянничать, кашеварничать, мастерничать, мельничать, мироношничать (мироносник* 'нищий'), *водовозничать, модистничать* 'работать швеей-модисткой', *начальничать, охотничать, пастушничать, прислужничать, рыболовничать, спекулянничать, бабничать* '=бабить', *бабствовать* '=бабить', *бригадирствовать, домоседствовать, огородничествовать, скотоводствовать, нянькать, лахарничать (лахарь* 'любовник, ухажер'), *мельничать* (мельник), *странничать* (странник);

«производить действие с помощью орудия, приспособления, вещества и т. п.» (7): *бомбить, боронить, вощить, дихлофосить, жарить, клеить, косить, крахмалить,*

купоросить, лопатить, маслить, пилить, рулить, сверлить, смолить, утюжить, швабрить, бинтовать, костылять, пеленать, седлать, хомутать, косоплетничать 'вплетать в косу косоплетку', *мордашничать (морда* 'орудие рыбной ловли'), *наземничать, самоловничать (самолов* 'орудие рыбной ловли'), *сетничать (сеть), чердачничать (чердак* 'орудие рыбной ловли'), *черканничать (черкан* 'ловушка на мелкого зверя'), *багрить* 'ловить рыбу багром', *блеснить* 'ловить рыбу на блесну', *боталить (ботало* 'колокольчик на шее коровы'), *ботить* 'ловить рыбу с помощью бота', *важить* 'поднимать с помощью важ', *вешить* 'укреплять стог сена с помощью вешек', *вилить* 'работать вилами', *волокушить (волокуша* 'приспособление для перевозки сена'), *дымокурить, дубить* 'красить с помощью дуба' (*дуб* 'красящая часть коры'), *золить* 'отбеливать с помощью золы', *клеветонить* 'обрабатывать с помощью клеветона', *кресалить* 'получать огонь с помощью кресала', *лучить* 'ловить рыбу ночью с помощью лучины, луча', *мордачить* 'ловить рыбу мордой', *навозить* 'удобрять землю навозом', *назьмить, наземить, неводить, острожить* 'ловить рыбу с помощью остроги', *петлить* 'ловить зверя с помощью железной петли', *пешнить* 'долбить лёд пешней', *серить* 'обрабатывать серой', *силить* 'ловить рыбу с помощью силков', *скобить* 'соединять скобами', *супенить* 'затягивать с помощью супени', *солодить (солод), удить* 'ловить рыбу удой', *чекмарить* 'работать чекмарем', *чердачить* 'ловить рыбу чердаком', *чертить* 'делать пазы в дереве с помощью черты — приспособления из железа', *щетинить* 'чесать лен щетью, щетиной', *шнурить* 'проводить черту на тёсе с помощью натянутого шнура', *барцевать* 'сбивать кедровые шишки барцем', *бичевать (бич), ботовать* 'ловить рыбу с помощью бота', *бороновать* 'боронить', *лесовать* 'ловить рыбу леской', *чирковать* 'обрабатывать землю сохой-чиркухой', *вожжать* 'управлять лошадью', *ботать* '=ботовать', *крюкать* 'ловить мелких зверей с помощью крюка', *петлять* '=петлить', *сачать* 'ловить рыбу сачком', *уздать* (коня), *хомутать* (коня);

«делать что-либо с объектом, используя его по назначению» (8—23): *завтракать, обедать, ужинать, самоварничать, чаёвничать, бандурить, балалаить* 'играть на соответствующем инструменте', *банить* 'топить баню',

мулить 'гнать муль — лес, не соединенный в плоты', сюда же *обозничать* 'водить обозы';

«добывать что-либо (зверя, дичь, ягоду и т. п.)» (8—24): *калымить, барышить, барышничать, арбузничать, огуречничать, орешничать, шишковничать, ягодничать, глухарничать, лисятничать, медвежатничать, утятничать, стерляжничать, дегтярничать, сочать* 'добывать берёзовый сок', *шишкать* 'сбивать кедровые шишки', *зайцевать, бурундуковать, белковать, зверовать, карасевать, кротовать, лосевать, мышковать, рябковать, соболевать, утковать, щуковать, коровать* 'заготавливать кору', *лесовать* 'заготавливать лес', *пихтовать, сеновать, шишковать, барышевать;*

«удалять что-либо» (8—25): *мездрить, патрошить, шелушить, шкурить, корчевать, пасынковать, комлить* 'срезать с брёвен комель', *корить* 'удалять кору', *кострить, соломить, требушить, пачесовать, лесовать* 'вырубать лес для дороги', сюда же *кулачить* 'раскулачивать';

«наделять чем-либо» (8—26): *асфальтировать, глазировать, известковать, пятнать, перчить, гноить, пéрить* 'наделять гусиным пером', *бирковать, дранковать* 'покрывать дранкой', *коноплевать, паклевать, гневить, стыдить, совестить, смутить* 'вызывать смуту';

«создавать что-либо» (9): *бороздить, звонить, клеймить, копнить, мусорить, плотить, стожить, актировать, межевать, силосовать, скирдовать, пучковать, фотографировать, штабелевать, рукодельничать, прибаутничать, скандальничать, напутствовать, приветствовать, клеветать, пластать, щéпать, болванить* 'заготовлять болванки', *гатить, дорожить* 'делать на тёсе желобок', *дуплить, жарить* 'поддавать жар', *зяблить* 'поднимать зябь', *кострить* 'раскладывать костер', *куделить, кудрúть* 'завивать кудри', *кромить* 'обрабатывать кромку теса', *кряжить* 'распиливать дерево на кряжи', *артопить* 'делать артопы', *пазнить* 'делать пазы', *стожить, стропилить, тропить* 'делать тропу', *таборить* (*табор* 'куча'), *творожить, фонборить* (*фонборы* 'сборки'), *чердачить* 'делать рыболовные орудия — чердаки', *чучелить* 'делать чучело', *щепить, вершить* 'укладывать верх стога', *домить* 'строить дом', *зубить* 'делать зубья на косе', *кучить* '= фонборить', *адресовать* 'писать адрес', *блиновать* 'печь блины', *брусовать, гуртовать* 'объединять в гурты', *клеймовать* 'ставить клеймо', *кряжевать* '= кряжить', *пятновать*

Схема 35

Определительные словообразовательные значения отсубстантивных глаголов

- 4 Состояние, действие по характеризующему предмету
  - 13 Совершать действие, связанное с тем, что названо именем
    - Реализовать то, что названо именем (проявлять свойство, состояние)
    - Вызывать на действие, названное именем
  - 14 Проявлять свойства лица
    - Совершать действие, характерное для лица
    - Придать свойства лица
  - 15 Делать подобно животному
  - 16 Делать подобно предмету
  - 17 Приводить к чему-либо
  - 18 Испытывать свойство, состояние
  - 19 Находиться в состоянии, свойственном лицу
  - 20 Наделяться чертами, свойственными предмету
  - 21 Покрываться чем-либо
  - 22 Наделяться свойством

(скотину), *стоговать, таборовать* '=таборить', *тесовать* 'распиливать на тес', *точковать* 'ставить отметины на лесе', *бороздовать, плантовать, бражничать* 'варить брагу', *кудельничать* 'выделывать куделю', *хлебничать* 'печь хлеб', *молебствовать, спасибствовать;*

«производить действие в данном месте» (10—27): *кедрачевать* 'заниматься кедровым промыслом', *стрежевать* 'ловить рыбу на стрежи', *столовать* 'проводить время за праздничным столом', *базарить* 'торговать', *кедрачить* 'валить, заготавливать кедр', *куревить* 'ловить рыбу подо льдом в куреве — курье', *тропить* 'выслеживать зверя на тропе', *базарничать* '=базарить', *шерстобитничать* 'работать на шерстобитне';

«производить действие, подобное другому действию, совершаемому в данном месте» (10—28): *базарить, балаганить;*

«производить действие в данное время» (11): *вековать, дневать, зимовать, ночевать, сумерничать, недельничать* 'работать всю неделю', *понедельничать* 'работать в понедельник', *весновать, вечеровать, годовать, летовать, осеновать, ночевничать, полдничать, утренничать* 'завтракать', *вечерять* 'ужинать'.

Соотносительное СЗ — «состоять в отношениях, выраженных мотивирующим существительным» (схема 34, гр. 12): *дружить, гостить, соседить* 'быть соседом', *гостевать* 'быть гостем'.

Семантика определительного аспекта (схема 35) представлена значениями свойства, состояния, называемого по предмету. Конкретные актуализации этих значений имеют следующий вид:

«реализовывать то (реализовываться тому), что названо мотивирующим существительным» (13—29): *бредить, дурить, форсить, буранить, дождить, морозить, ехидствовать, упрямствовать, кричать, уросить* (*урос* 'каприз, плач'), *вёдрить* 'об установлении вёдра — солнечной погоды', *метелить, пуржить, струить;*

«вызывать на действие, названное мотивирующим именем» (13—30): *дурачить* 'вызывать на драку';

«совершать действие, свойственное лицу в силу особенностей его характера, поведения» (14—31): *плутовать, психовать, балагурить, баламутить, егозить, филонить, хулиганить, цыганить, горлопанить, верхоглядничать, насмешничать, подхалимничать, полуночничать,*

скромничать, скряжничать, сплетничать, ябедничать, двурушничать, близирничать (*близирник* 'лицемер'), *булдыжничать* (*булдыжник* 'лентяй'), *олюсничать* (*олюсник* 'наушник'), *подхалюзничать* (*подхалюза* 'подлиза'), *прокудничать* (*прокуда* 'баловник'), *фулюганничать* 'хулиганить', *абызить* (*абыз* 'сердитый человек'), *грезить* (*грез* 'баловник'), *немовать* 'невнятно говорить';

«придавать свойства, черты кого-либо» (14—32): *калечить, уродовать;*

«делать что-либо, как какое-либо животное» (15): *обезьянничать, попугайничать, ишачить, гнусить* 'досаждать, ныть' (*гнус*);

«делать что-либо, как какой-либо неодушевленный предмет» (16): *колесить, стенить* 'двигаться как стень' (*стень* 'полотно невода, опускаемого в глубь реки');

«давать что-либо, приводить к чему-либо» (17): *дымить, коптить, пылить, кружить, мозолить* 'набивать мозоль', *цветить* 'давать цветы, расцветать', *блажить* (*блажь* 'громкий крик'), *кружать;*

«обладать, испытывать свойство, состояние, болезнь» (18): *верить, веровать, горевать, грипповать, тосковать, чувствовать, малодушничать, бедствовать, голодать, скучать, трепетать, силить* 'обладать силой, мочь', *голодовать, лиховать* 'испытывать горе', *недуговать, бедовать, гладовать, каровать* 'мучиться', *неудобствовать* 'испытывать неудобство, недуг';

«находиться в состоянии, свойственном данному лицу» (19): *сиротеть, вдоветь;*

«приобретать, проявлять черты, свойственные данному предмету» (20): *советь, хаметь, звереть, столбеть* 'замирать, столбенеть', *бóтеть* и *ботéть* 'толстеть, полнеть' (*бот* 'стрела лука'), *бронеть* и *брунеть* 'белеть, седеть' (*бронь, брунь* 'колос овса'), *гусеть* 'плесневеть', *дерванеть* 'замерзать, становиться твердым' (*дерван* 'залеж'), *дереветь* 'утрачивать чувствительность, деревенеть', *дубеть* 'глупеть', *болванеть* 'стоять, сидеть молча, ничего не делая; неясно видниться';

«наделяться, покрываться тем, что названо мотивирующим существительным» (21): *дернеть, потеть, бответь, бронеть, брунеть* 'спеть, приобретать колосья', *ботеть* 'расти в ботву', *глеветь* (*глев* 'плесень на пиве, квасе'), *броснеть* (*броснь* 'плесень, гниль'), *дерванеть* (*дерван*

'дери, залежь'), *жиделеть* (*жидель* 'размякшая от воды земля, слякоть');

«наделяться свойством, названным мотивирующим существительным (22): *басеть* и *басе́ть*, ср.: *баса* 'красота', *дуреть* 'беситься'.

Особенностью диалектной словообразовательной системы является менее широкое, чем в литературном языке, использование признаковых компонентов конкретных существительных в качестве мотивирующих. Это касается глаголов, образованных от имен, обозначающих животных, а также некоторых лиц и предметов (ср.: лит. воронить, обезьянничать, акробатничать, школьничать).

Диалектные глаголы, образованные от названий животных, обладают одним из двух значений: 1) производить действие, характерное для животного (о животном), ср.: *барандить* и 2) охотиться на зверя (*белковать, соболевать* и т. д.). Чаще имена животных выполняют мотивирующую функцию в собственно предметном значении: они служат для создания объектного компонента глагольной семантики (второй тип значения). В отличие от говоров в литературном языке «глаголы усваивают только переносное значение» мотивирующих существительных с семантикой животного (О. П. Ермакова).

Стилистической окраской в среднеобском диалекте обладают, прежде всего, те глаголы, которые мотивируются стилистически маркированными именами (см. многие глаголы со значением действия, свойственного лицу в силу черт его характера). Случаи метафорического словообразования глаголов в говорах немногочисленны (*гнусить, столбеть* и др.).

К морфонологическим особенностям отсубстантивных глаголов относятся: 1) усечение финали основ мотивирующих слов *-к-/-ок-, -и[j]-*: *беседничать* (беседки), *вешить* (вешка), *силить* (силки), *сачить* (сачок), *приветствовать* (приветствие) и др.; 2) чередование в производном глаголе перед суффиксом *к//ч, г//ж, х//ш, ц//ч, ск//щ, р//р', р'//р, н//н'* и др.: *сочать* (сок), *олюсничать* (олюсник), *чердачничать* (чердак), *стожить* (стог), *острожить* (острог), *шелушить* (шелуха), *пастушничать* (пастух), *кузнечить* (кузнец), *вощить* (воск), *мастерить* (мастер), *зверовать* (зверь), *балаганить* (балаган) и т. п.

Мотивирующие существительные по структуре являются немотивированными (*узда — уздить, пир — пировать, грех — грешить*) и мотивированными (*шишкарь — шишкарить, нянька — нянчить, сапожник—сапожничать, кашевар — кашеварить* и др.).

Суффиксы *-е-*, *-а-*, *-ова-* чаще являются ударными (*столбеть, брунеть, глеветь, дерванеть, щепать, пластать, блиновать, столовать, весновать, летовать*), но при многосложной основе мотивирующего слова ударение может на суффикс не переходить (*дервáнеть*, см. также: *болвáнеть, уродовать, приветствовать*). Суф. *-и-* в равной мере может быть ударным и безударным (*грешить, судить, кружить*, но *крю́чить, варнáчить, коню́шить*). Не имеет на себе ударения суф. *-нича-* (*двурушничать, модистничать, насмешничать, полдничать*).

§ 2. Отадъективные глаголы

Отадъективные глаголы обладают словообразовательными значениями определительного аспекта (схема 36), которые отражают действия (2) и процессы состояния и его становления (3). СК образуется за счет наиболее абстрактного значения процесса, связанного с признаком (1). Общее количество ЛСЗ, конкретизирующих эту категорию, невелико, к ним относятся следующие значения:

«наделять признаком» (4): *белить, чернить, чистить, веселить, рыхлить, злить, мутить, косить* 'кроить по косой', *готовать* 'делать готовым';

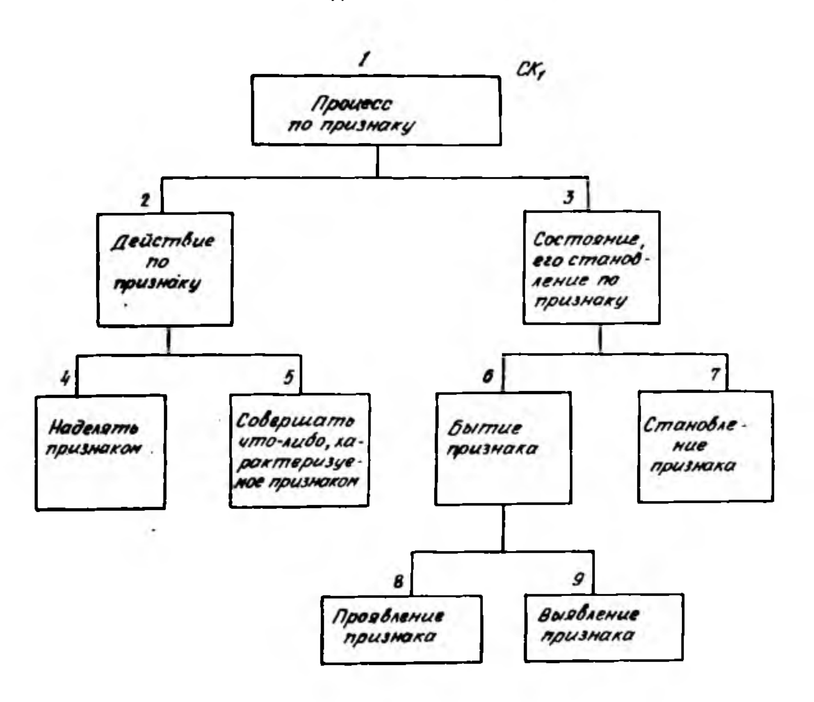
«совершать что-либо, характеризуемое признаком» (5): *глупить, грубить, хитрить, частить, кислить* (безл., неперех.), *горчить, озоровать, своевольничать, халатничать, сладить* 'вызывать сладкий привкус', *задничать* 'занимать последнее место в очереди';

«проявлять признак» (6—8): *шепелявить, пустовать, злобствовать, усердствовать, вредничать, ехидничать, жадничать, капризничать, нахальничать, подличать, скромничать, робеть, хромать, плодородить, диковать* 'сильно переживать', *немовать, жадовать, хитровать, супрепствовать, настырничать;*

«выявлять признак» (6—9): *краснеть* (вдали) и др.;

Схема 36

СЗ отадъективных глаголов



«приобретать признак» (7): *дряхлеть, добреть, чернеть, синеть, крепчать, дичать, киснуть, сохнуть* и др.

Из морфонологических показателей отадъективных глаголов следует отметить: 1) усечение финали основ мотивирующих слов *-к-/-ок-, -н-, -л-*: *сладить* (сладкий), *робеть* (робкий), *мутить* (мутный), *озоровать* (озорной), *жадовать* (жадный), *киснуть* (кислый); 2) чередование перед глагольным суф. *-к-/-ч-*: *горьчить* (горький), *крепчать* (крепкий).

Мотивирующие единицы по структуре могут быть немотивированными (белый — *белить*, готовый — *готовать* и др.) и мотивированными (вредный — *вредничать*, своевольный — *своевольничать*, плодородный — *плодородить* и т. п.).

Ударение падает на производящую основу глагола, если последний образуется с помощью суф. *-нича-* (*настырничать*), *-ну-* (*слепнуть*); суф. *-е-, -и-, -а-, -ова-*, как правило, ударные, хотя возможны и отступления от этого правила (*краснеть; белить, чернить*, но *шепелявить; хромать; готовать, озоровать*, но *жа́довать*).

§ 3. Отглагольные префиксальные глаголы

Словообразовательные значения префиксальных глаголов среднеобских говоров можно объединить в 8 семантических групп в соответствии с основными аспектами глагольного действия (схема 37): достижение предела действия (1); протекание действия во времени (2—5); возможность количественного измерения действия (6—8); субъектно-объектная ориентация глагольного действия (9—17); общая оценка действия с точки зрения прямого или противоположного результата (18—19); характеристика действия со стороны его «вписанности» в более широкий фрагмент действительности, а именно: по отношению к другому действию или к субъекту другого действия (20—26); протекание действия в пространстве (27—42). СЗ «совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (схема 38), находится на грани словообразования и грамматики, в грамматике его выделяют под названием «чистограмматическое значение». В среднеобских говорах это значение передается практически всеми приставками.

Схема 37

Словообразовательные значения префиксальных глаголов

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42

СЗ «совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (I) в среднеобских говорах передается словообразовательными типами со следующими префиксами: *в-, вз-, воз-/вос-, вы-, до-, за-, из-/ис-, на-, о-, об-, от-, по-, под-, при-, про-, раз-/рас-, с-, у-* (*впасть* духом, *вразоблачить; спомянуть, вспомюбить, вскормить, вспомянуть; возлюбить, воспородить, воспринять, возвернуться, возворотиться; выкрасить, вызолить, высеребрить, выколоситься, вытрунуться; досмотреть* за детьми, *догодить* хозяйке, *доглядеть* за детьми; *забелить* суп, *забеспокоить, завенчать, залегистрироваться, заростить* скотину, *зарезать* палец, *запросвататься, завербоваться; истопить, иссечь, исколоть* дрова, *испахать, изловить, изготовить, изглотать, изгородить изгороду, искулачить, истерять* книгу, *изростить* детей, *изготовиться, истелиться, издогодаться; наладить* суп, *наназьмить, надержать, наспиртовать; одарить, ожалить, окулачить, осопатеть, оборотъ, охомутать; обловить, обранить, обсоветовать; отписать, отвалтузить; поназьмить, попотчевать, порушиться, потреложить, почаевать; подбить* картошку, *подфартить, подпотчевать; приустать, призаметить, пригрешить, прибавить, приколоть* свинью, *пристрелить; проглонуть, просватать, прополоскать, прочерпнуть* ведро воды; *распотеть, развидеть, раскулачить, раскумекать, разъяснеть; спахать, спечь, споймать, сполоскаться, срубить* дом; *умаяться, уколоть* борова, *укормить* землю, *урядить, устеречь*).

Схема 38

I

Совершить действие, названное мотивирующим глаголом

СЗ общерезультативного характера

Все остальные группы СЗ, кроме указания на ограниченность действия пределом (значение совершенного вида), содержат дополнительные собственно словообразовательные значения. Совмещение грамматического и

словообразовательного значений — особенность русского префиксального словообразования глаголов. Но в говорах, в отличие от литературного языка, нередки случаи, когда приставка присоединяется к уже префиксальному глаголу совершенного вида, а следовательно, не вносит грамматического значения совершенного вида (*полюбить — вполюбить*), или, присоединяясь к глаголу несовершенного вида, также не переводят глагол в совершенный вид (*зевать — позевать*). Видимо, можно утверждать, что в говорах префиксальное словообразование менее тесно связано с грамматикой, чем в литературном языке.

Семантическая группа (2—5) — «СЗ, характеризующие протекание действия во времени» (схема 39) — объединяет четыре СЗ, содержащих указание на временной предел или на временной промежуток, в течение которого протекает действие.

Схема 39

СЗ «начать действие» (2) передается словообразовательными типами с приставками *за-, в-, воз-, за-, по-* (*вчастить; возрыдать, воскричать; забазлать, забузовать, заклыкать, залениться, заездить, занестись, запечалиться, заполоскать, запоперечить, зарючать, застрадать; попятить, почесать* в город, *потортать, повалить* куда-либо).

СЗ «совершить действие в течение некоторого времени» (3) передается словообразовательными типами со следующими приставками *по-, пере-, при-, про-* (*помешкать, посумерничать; перезимовать, перегоревать;*

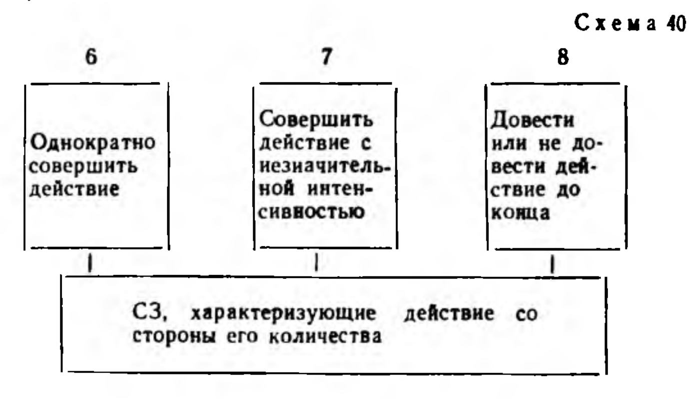
призимовать; прогнуться весь день, *пронёводить, провошкаться, проўросить*).

СЗ «окончить длившееся действие» (4) передается словообразовательными типами с приставками *от-, пере-* (*отневодить, отстрадовать, отстоловать, отвластвовать, отробить; перебродить*).

СЗ «довести действие до временного предела» (5) передается словообразоввтельиыми типами с приставками *до-, допри-* (*додюжить, дожить, достоять, доприждать*).

Группа (6—8) — «СЗ, характеризующие действие со стороны его количества» — объедиияет три СЗ (схема 40).

Схема 40



СЗ «однократно совершить действие» (6) передается словообразовательным типом с приставкой *с-* (*сбегать, сблудить, сбрызнуть, скыхать, слаять, сплутать*).

СЗ «совершить действие с незначительной интеисивностью» (7) передается словообразовательными типами с приставками *по-, под-, при-* (*пообноситься, поподбивать, попридержать; подбреть, подзаняться, подмазюкать, подкутить, подзазнаться; прижечь, призасыпать, припить, прикушать, примять, приломать, приоблить, принакрыть, притрусить*).

СЗ «довести или не довести действие до конца» (8) передается словообразовательными типами с приставками *до-, недо-* (*допахать, дометать, дорóстить, доплести; недоплести, недостроить*).

Группа (9.17) — «СЗ, характеризующие объект и субъект действия со стороны количества или количест-

Схема 41

9. Распространить действие на многие объекты или совершить действие многими субъектами
10. Накопить (ся) в определенном количестве в результате действия, названного мотивирующим глаголом
11. Распространить действие на часть предмета или на весь предмет полностью
12. Уменьшить (ся) в результате действия, названного мотивирующим глаголом
13. Увеличить (ся) в результате действия, дополнительно совершить действие
14. Интенсивно или тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом
15. Довести до нежелательного состояния в результате действия, названного мотивирующим глаголом
16. Уничтожить (ся) в результате действия, названного мотивирующим глаголом
17. Добыть, получить что-нибудь в результате действия, названного мотивирующим глаголом

Количество объектов и субъектов (9, 10)

Количественная измененность объектов и субъектов (11, 12, 13)

Качественная измененность объекта и субъекта действия (14, 15, 16, 17)

СЗ, характеризующие объект и субъект действия со стороны количества или количественной и качественной измененности

венной и качественной измененности» — подразделяется на три семантических подтипа: 1) подтип СЗ, указывающих на количество объектов и субъектов (9—10); 2) подтип СЗ, указывающих на количественную измененность участников действия (11—13); 3) подтип СЗ, указывающих на качественную измененность действия (14—17). Рассматриваемая группа состоит из девяти СЗ (схема 41).

СЗ «распространить действие на многие объекты или совершить действие многими субъектами» [9] передается словообразовательными типами с приставками *из-*, *о-*, *пере-*, *по-*, *при-* (*изоставить*, *изупря́жить*, *исхристать* все плуга; *обегать* все места; *переломать*, *перемыть*, *перерубить* много домов; *передобыть*, *перепомнить*, *перебыть* много людей; *посломать*, *посшибать*; *припортить* все, *припороть* все).

СЗ «накопить в определенном количестве в результате действия, названного мотивирующим глаголом» (10) передается словообразовательными типами с приставками *из-*, *на-* (*изнакинуть* сорок ковров, *изнабарахлить*; *надобыть* мальков, *нарыбачить*, *навздевать*, *надарить* всю родню, *наполить*, *наехать*, *наприехать*).

СЗ «распространить действие на часть предмета или на весь предмет полностью» (11) передается словообразовательными типами с приставками *за-*, *из-*, *над-*, *у-* (*затесать* бревно, *залысить* картошку, *застирать*; *забуранить* всю степь; *изукрасить*, *измазать*; *надпилить*, *надрезать*; *улить* водой, *умазать*).

СЗ «уменьшить(ся) в результате действия, названного мотивирующим глаголом» (12) передается словообразовательным типом с приставкой *у-* (*уварить*, *укипеть*).

СЗ «увеличить(ся) в результате действия, дополнительно совершить действие» (13) передается словообразовательными типами с приставками *до-*, *над-*, *под-*, *при-* (*добрать*, *дополучить*, *доло́жить*; *надсыпать*, *надвязать*; *подвалить*, *поднарезать*; *привалить*, *прикосить*, *примерить* 28 соток огороду, *приэкономить*).

СЗ «интенсивно или тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (14) передается словообразовательными типами с приставками *вы-*, *за-*, *из-*, *на-*, *пере-*, *про-*, *раз-*, *у-* (*выплясать*, *вычистить*, *выбелить*; *запоить*, *закормить*, *изжалить*, *изъесть*, *иссечь*,

исполосовать, измокнуть, испроклясть, испревать, испипортить, испроранить; нахвалить, настрамить, напоить, навдавать; передрогнуть, перезнобить, перемокнуть, перетощать, переутомиться; продоить, простроиться, прожиреть; разбарабанить, разнакрасить, разнарядить, разобидеть, распрогневать, расфулюганить; умазать, умаяться, употчевать).

СЗ «довести до нежелательного состояния в результате действия, названного мотивирующим глаголом» (15) передается словообразовательными типами с приставками *за-, пере- (заболтать, закормить, запарить, затолкать, зажалить, застегать; перекормить, переназьмить, переквасить).*

СЗ «уничтожить(ся), израсходоваться в результате действия, названного мотивирующим глаголом» (16) передается словообразовательными типами с приставками *из-, вы- про-* (*вынюхать* весь табак, *выстряпать* всю квашню; *изопрясть* пряжу, *измотать* все деньги, *искормить* все картошки; *проесть* весь сахар, *проплатить* много денег; *изроиться, издоиться).*

СЗ «добыть, получить что-либо посредством действия, названного мотивирующим глаголом» (17) передается словообразовательными типами с приставками *вы-, за-, о-, об-* (*высидеть, выработать* стаж; *заработать, заробить, зашить* 'заработать шитьем', *замошенничать* десять тысяч; *обработать* на тронх).

Группа (18—19) — «СЗ, характеризующие противоположный, отрицательный результат» — объединяет два СЗ (схема 42).

Схема 42

18	19
Получить результат, противоположный действию, названиому мотивирующим глаголом	Совершая действие, отказаться или заставить отказаться от чего-нибудь

СЗ, характеризующие противоположный, отрицательный результат

СЗ «получить результат, противоположный действию, названному мотивирующим глаголом» (18) передается словообразовательными типами с приставками *от-, раз-* (*отклеить; разоврать, разженить*).

СЗ «отказаться или заставить отказаться от чего-нибудь, совершая действие, названное мотивирующим глаголом» (19) передается словообразовательными типами с приставками *от-, раз-* (*отладить* 'отучить', *отговореть; разговорить* «разговорила — не женился»).

Группа (20—26) — «СЗ, характеризующие действие по отношению к другому действию или к субъекту другого действия» — объединяет семь СЗ. Два из них объединены в подтип (20—21) — «действия, совершенные в «параллельных» ситуациях» (схема 43).

СЗ «упустить что-либо в результате действия, названного мотивирующим глаголом» (20) передается словообразовательными типами с приставками *за-, про-* (*заспать; проглядеть, прохлопать*).

СЗ «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого субъекта такого же действия» (21) передается словообразовательными типами с приставками *за-, пере-, у-* (*замерить* 'измеряя рост, оказаться выше другого'; *перепить, переплясать, пересилить, переспорить; укричать* всех).

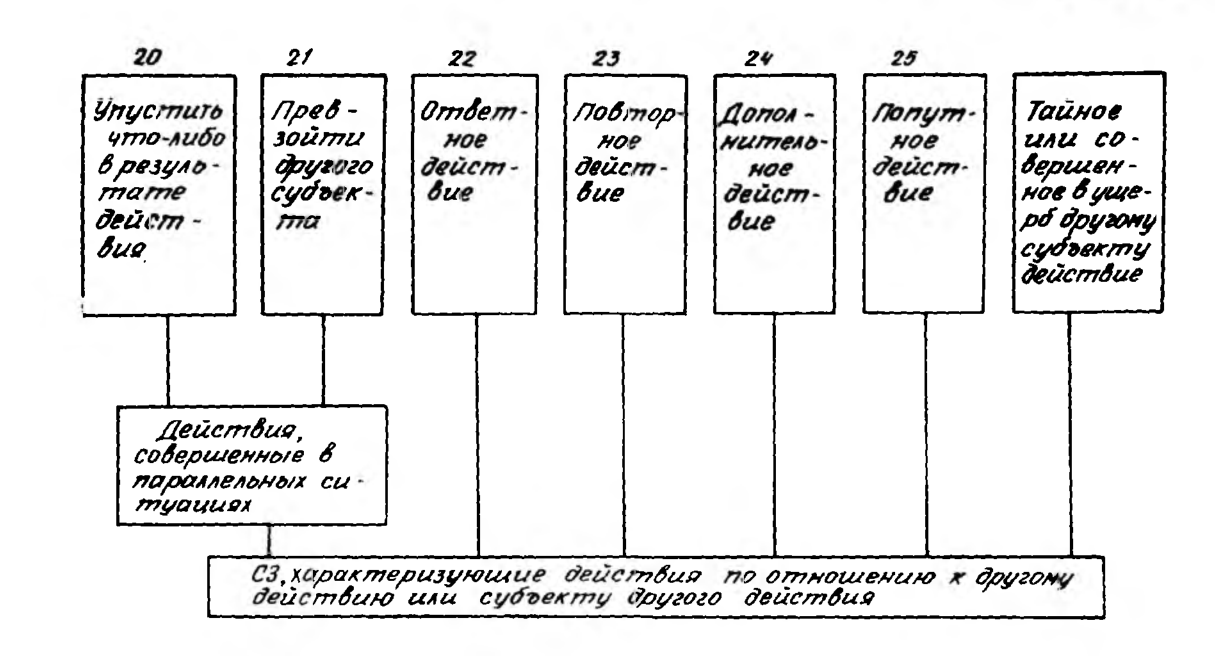
СЗ «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в ответ другому действию» (22) передается словообразовательным типом с приставкой *от-* (*отписать, отдарить*).

СЗ «повторно, иногда по-новому совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (23) передается словообразовательным типом с приставкой *пере-* (*переборонить, переладить, перенадевать, перепахать, переучиться, перекрестить*).

СЗ «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (24) передается словообразовательным типом с приставкой *за-* (*забежать, заехать, завезти, завести*).

СЗ «совершить тайное или в ущерб другому действие, названное мотивирующим глаголом» (26) передается словообразовательными типами с приставками *до-, под-, об-* (*договорить* ребят; *подзудить, подучить; обморочить, обстряпать*).

Схема 43



20
Упустить что-либо в результате действия
21
Превзойти другого субъекта
22
Ответное действие
23
Повторное действие
24
Дополнительное действие
25
Попутное действие
Тайное или совершенное в ущерб другому субъекту действие
Действия, совершенные в параллельных ситуациях
СЗ, характеризующие действия по отношению к другому действию или субъекту другого действия

Группа (26—42) — «пространственные СЗ» — объединяет 16 словообразовательных значений (схема 44).

СЗ «удалиться, выделиться, направиться наружу» (27) передается словообразовательными типами с приставками *вы-, от-, с-, у-* (*выдергать, выкопнуть, выбрать картошку, выйтить, выскакать; отрубить, оттартать, отрыскать* 'отплыть'; *свести* со двора, *спроводить; увалить, удуть, уместись, ускочить*).

СЗ «приблизиться, присоединиться» (28) передается словообразовательными типами с приставками *за-, по-, при-* (*залипнуть, зальнуть* — «лист к горлышку чайника зальнул»; *подтянуть, подгаркать; прикласть, прирубить, присадить, придуть*).

СЗ «достигнуть какого-либо места» (29) передается словообразовательным типом с приставкой *до-* (*дострелить* уток, *доткнуть*, доплыть).

СЗ «проникнуть во что-либо, внутрь чего-либо» (30) передается словообразовательными типами с приставками *в-, за-* (*вкласть, воткнуть, вселиться, вогнать; забежать, залететь, залезть*).

СЗ «направиться сверху вниз» (31) передается словообразовательным типом с приставкой *с-* (*слизнуть, срыть, срубить, ссадить*).

СЗ «подняться вверх, наверх» (32) передается словообразовательными типами с приставками *вз-, воз-, за-* (*взбросить* глазами, *взойти, вздыбиться; возвести; залезть* на кедр, *занести* на что-нибудь).

СЗ «направиться сквозь что-нибудь, через что-нибудь» (33) передается словообразовательным типом с приставкой *про-* (*пробуробить, прокопать, пробиться, проперcharacters*).

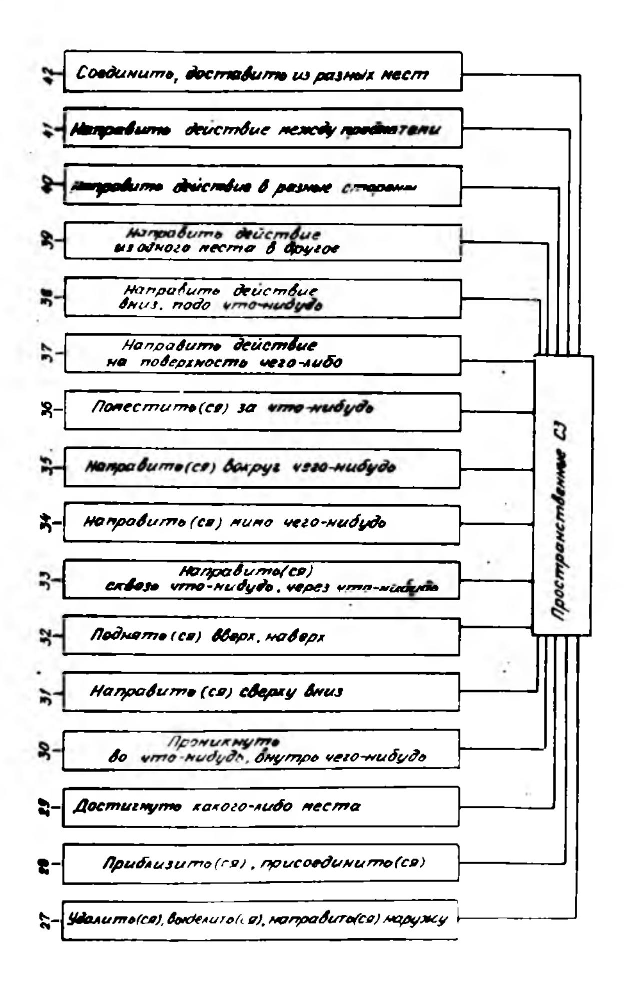
СЗ «направить(ся) мимо чего-нибудь» (34) передается словообразовательным типом с приставкой *про-* (*промчаться, протянуться, пробрести, протартать*).

СЗ «направить(ся) вокруг чего-нибудь» (35) передается словообразовательными типами с приставками *о-, об-* (*олысить* дерево, *опрыщаветь; обгородить, обжевать, обкладать, обрубить, обстать* невесту, *обглядеть*).

СЗ «поместить за что-нибудь, в какое-нибудь отдаленное место» (36) передается словообразовательным типом с приставкой *за-* (*закинуть, занести, запихать, закружить* кого-либо в воронку).

СЗ «направить действие на поверхность чего-либо» (37) передается словообразовательными типами с при-

Схема 44


42 Соединить, доставить из разных мест
41 Направить действие между предметами
40 Направить действие в разные стороны
39 Направить действие из одного места в другое
38 Направить действие вниз, подо что-нибудь
37 Направить действие на поверхность чего-либо
36 Поместить(ся) за что-нибудь
35 Направить(ся) вокруг чего-нибудь
34 Направить(ся) мимо чего-нибудь
33 Направить(ся) сквозь что-нибудь, через что-нибудь
32 Поднять(ся) вверх, наверх
31 Направить(ся) сверху вниз
30 Проникнуть во что-нибудь, внутрь чего-нибудь
29 Достигнуть какого-либо места
28 Приблизить(ся), присоединить(ся)
27 Удалить(ся), выделить(ся), направить(ся) наружу
Пространственные СЗ

ставками *за-, на- (заехать* на березу; *накласть, нанести, навертеть, нашить)*.

СЗ «направить действие вниз, подо что-нибудь» (38) передается словообразовательным типом с приставкой *под- (подложить, подписать, подлезть, подшпандорить)*.

СЗ «направить действие из одного места в другое» (39) передается словообразовательными типами с приставками *вы-, пере-, с- (выкатить, выкатиться; перестроить, перетащить, перебрести, перескакать, скочевать* к отцу).

СЗ «направить действие в разные стороны» (40) передается словообразовательной приставкой *раз- (разоставить, расфурить, расшиньгать, разназьмить)*.

СЗ «направить действие между предметами» (41) передается словообразовательным типом с приставкой *пере- (перезолить* 'пересыпать золой', *перетыкать)*.

СЗ «соединить, доставить из разных мест» (42) передается словообразовательным типом с приставкой *с- (сгрести, скласть, сметать, сплести, созвать)*.

Таким образом, префиксальное словообразование глаголов среднеобского диалекта в сопоставлении с литературным языком характеризуется следующими особенностями.

1. В диалекте некоторые приставки имеют значения, отсутствующие у соответствующих приставок в литературном языке: «начало действия» у префикса *в- (вчастить)*, «длительное время совершать действие, названное мотивирующим глаголом» у приставки *при- (призимовать)*, «распространить действие на много объектов» у приставки *при- (припортить* все), «отказаться или заставить отказаться от решения с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» у приставки *раз- (разговорила:* не женился), «действие, названное мотивирующим глаголом, совершить тайно или в ущерб другому действию» у приставки *до- (договорить* ребят), «приблизиться, присоединиться» у приставок *в-, до- (впасть духом, догодить* хозяйке).

2. Наблюдается тенденция к десемантизации приставок[35]: а) почти все приставки (кроме *пере-*) могут ут-

---

[35] См.: Соколов О. М. Морфологические варианты глагола в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1959, с. 231.

рачивать лексическое значение, в результате чего они начинают выполнять чисто видовую функцию — перфективировать глагол (*распотеть, прочерпнуть* ведро воды, *развидеть, истерять* книгу, *обсоветовать*); как следствие этой тенденции надо отметить, что круг приставок общерезультативного значения — «совершить действие, названное мотивирующим глаголом» — в говоре шире, чем в литературном языке; б) приставки могут утрачивать не только лексическое значение, но и грамматическое[36], что проявляется в двух случаях: 1) префиксы, присоединяясь к глаголу несовершенного вида, не переводят глагол в совершенный вид, 2) префиксы, присоединяясь к глаголу совершенного вида — как к приставочному, так и бесприставочному, также не участвуют в перфективации глагола.

3. В говоре широко представлены глаголы с двойными приставками, появившиеся в результате того, что полнозначная приставка присоединяется к приставочному же глаголу. Как правило, вторая присоединившаяся приставка имеет значение «количество действия», «количественное и качественное изменение объекта и субъекта», «количество объектов и субъектов», повторное действие.

Приставки со значением времени и общерезультативным значением никогда не присоединяются вторыми. Видимо, временные и общерезультативные приставки в большей степени видоизменяют семантику глагола, во взаимодействии этих приставок и основ наблюдается как бы семантическая фузия; количественные же приставки вносят дополнительное лексическое значение по типу агглютинации, их взаимодействие с основой близко к взаимодействию наречий с глаголом.

4. В диалекте наблюдается более последовательная реализация сочетательных возможностей префиксов: например, закономерность «сочетание префиксов со значением начинательности с основами глаголов с семантикой длительности» в говоре проявляется более регулярно, что приводит к появлению таких глаголов, отсутствующих в литературном языке, как *заполоскать, застрадать*.

---

[36] См.: Там же.

Вместо заключения

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИАЛЕКТА НА ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Сопоставительный анализ словообразовательной системы говоров Среднего Приобья подтвердил высказанный в начале главы тезис о том, что абсолютное большинство словообразовательных значений и средств в литературном языке и говорах среднеобского диалекта, как, впрочем, и в других русских говорах, совпадает, обусловливая общность русского словообразования и основных тенденций его развития.

В то же время все виды словообразования — мутационное, модификационное и синтаксическое — обладают собственно диалектными чертами.

Говоря о модификационном словообразовании, следует отметить особенности функционирования в говорах форм субъективной оценки, которые могут характеризовать целые высказывания, выражая подчеркнуто внимательное, уважительное отношение к собеседнику.

Результаты синтаксического словообразования, напротив, в рассматриваемых говорах имеют более узкую синтаксическую сферу употребления, чем в литературном языке. Диалектные конструкции типа «Разводиться у нас не было»[37] ограничивают область функционирования абстрактных существительных в роли «субъекта пропозитивного значения» (Н. Д. Арутюнова), что не способствует увеличению словообразовательных типов с отвлеченной семантикой. Устная форма диалекта также является преградой для усвоения им производных на *-и(е)/-ни(е)/-ти(е)*, характерных для книжного стиля литературного языка. Трудно проникают в диалектную систему СТ с суффиксами иноязычного происхождения (*-изм* и др., но см., напр., с суф. *-ист*: *мазист, дружбист*). Эта особенность объединяет синтаксическое и мутационное словообразование и в конечном итоге связана с ограниченной сферой функционирования говора как средства общения. Меньшие по сравнению с литератур-

[37] О данном типе синтаксических конструкций см. с. 269.

ным языком функциональные возможности диалектов проявляются, в частности, в том, что научная терминология в них представлена крайне скудно, если не совсем отсутствует.

Говоря о мутационном словообразовании, следует отметить, что специфика диалекта и отдельных его говоров заключается, прежде всего, в характере соотношения общерусских значений и общерусских словообразовательных средств; значительно реже наблюдаются собственно диалектные словообразовательные форманты (*-аг, -ал, -иг(а), -няг*) и собственно диалектные словообразовательные значения (у отсубстантивных существительных ЛСЗ «животное, характеризуемое временем активной жизни» — *денник*, «растение, характеризуемое временем цветения» — *сенокосник*, у отадъективных существительных ЛСЗ «овечья шерсть, характеризуемая признаком, указывающим на время стрижки» — *вешнина*, «дорога, характеризуемая признаком, указывающим на время ее использования» — *летник* и др.).

Своеобразие соотношения словообразовательного значения и формы проявляется на уровне обобщенно-мотивационных значений, лексико-словообразовательных по своей природе. В результате этого в среднеобских говорах многие общерусские по форме и общему значению словообразовательные типы дают производные таких тем (вернее ЛСЗ), которые в литературном языке или других диалектах соответствующим СТ неизвестны; см., например, диалектные значения «часть поверхности — результат какого-либо действия», «лицо — производитель действия» у отглагольных существительных на *-льник* (*горельник, молотильник*).

С другой стороны, указанные СТ в среднеобском диалекте не имеют целого ряда ЛСЗ, известных литературному языку или иным диалектам; см.: в литературном языке производные типа «С+*-ист*» с ЛСЗ «специалист в области науки», отсутствующие в рассматриваемых говорах.

Кроме того, характер словообразовательного типа зависит от регулярности проявления разных его ЛСЗ, влияющего на ведущее или периферийное положение последних в семантической структуре СТ. Так, если в литературном языке значение орудия действия является общим значением СТ «Г+*-льник*», то в среднеобских

говорах оно является частым значением такого типа, находясь на его периферии.

Особенности среднеобского диалекта указанных видов приводят к своеобразию исследуемой словообразовательной системы на уровне взаимодействия словообразовательных типов, сложного, «многоканального» по своему содержанию и разнохарактерного по возникающим результатам.

Важным в данном плане является вывод о том, что тема создает ту семантическую область (ЛСЗ), в пределах которой проявляется продуктивность словообразовательных типов и происходит их взаимодействие[38].

При этом наблюдается взаимовлияние, с одной стороны, разноформантных, но синонимичных СТ, во-вторых, одноформантных, но с разной частеречной принадлежностью производящих единиц[39], т. е. несинонимичных СТ. Тот или иной вид взаимовлияния СТ, в конечном итоге, может привести к результатам, значимым как для словообразовательной, так и для лексической системы диалекта.

Вследствие взаимодействия синонимичных типов продуктивные СТ в сфере тех или иных ЛСЗ вытесняют менее продуктивные и непродуктивные, отражая тенденцию к семантическому расширению наиболее активных словообразовательных типов. Обратной стороной этого процесса является тенденция к закреплению за определенными СТ соответствующих ЛСЗ в качестве ведущих, нередко сопровождаемая семантически значимым распределением морфологических средств. См. в литературном языке закрепление морфа *-атин(а)* преимущественно за темой «мясо» (ЛСЗ «вещество по живому предмету»): *телятина, гусятина* и т. п., хотя возможны и *конина* 'мясо', и *медвежатина* 'шкура'.

---

[38] Подробнее об этом см.: Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка, с. 128—145.

[39] Об объединении слов разных частей речи в один мотивирующий класс см.: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования, с. 157—169; Она же. О принципах организации мотивирующих классов слов. — В сб.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983; Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе одного говора: Автореф. канд. дис., с. 16—19.

Взаимодействие несинонимичных словообразовательных типов происходит на уровне семантических тем производных. Оно может привести к сужению семантического объема менее продуктивного СТ и к укреплению позиции продуктивных словообразовательных формантов, создавая условия для расширения его сочетаемостных возможностей и для появления словообразовательных типов с данным формантом, но с иной производящей единицей.

Указанные и другие процессы, происходящие в словообразовании, через производные слова влияют на системные связи в лексике, способствуя формальной маркированности, а также расширению или сокращению синонимичных, антонимичных отношений, отношений омонимии, семантической и формальной вариативности лексических единиц. Словообразование играет немаловажную роль в организации лексического состава языка (диалекта), отражая тенденцию к морфемной выраженности собственно лексических отношений.

Следствием словообразовательных процессов, в частности, являются ряды производных, вступающих в указанные выше отношения под влиянием тех или иных словообразовательных факторов.

Синонимичные ряды производных слов образуются в результате следующих словообразовательных явлений:

1) за счет взаимодействия синонимичных СТ, включая а) модели с синонимичными словообразовательными формантами и тождественными мотивирующими единицами [40] (*молотило — молотилье — молотильня, севало — севалка — севальница, посудник — посудница, волоконина — волоконь, колесуха — колесянка, картовище — картовник, способие — способица — способленье, теметь — темность — темнотка, буденный — будничный, отцов — отецкий, ботить — ботовать, кедрачить — кедрачевать, черканить — черканничать* и т. п., б) модели с синонимичными словообразовательными формантами и синонимичными мотивирующими единицами (*окучник —*

[40] В этом случае отношения синонимии и формального варьирования не имеют между собой четкой границы. Ярко выраженная формальная противопоставленность суффиксов, ведущая нередко к собственно морфологическим различиям производных единиц (в роде, числе, типу склонения и др.), ставит такие единицы в отношения синонимии.

тяпка — подгребалка), в) модели с тождествеными словообразовательными формантами и синонимичными мотивирующими единицами (*волокуша — таскуша, колотушка — молотушка, валенок — катанок*), г) сложносуффиксальные модели с синонимичными суффиксами и тождественными мотивирующими единицами (*мухошлёпка — мухошлёпалка, рукомойка — рукомойник, рыболовка — рыболовье* и др.), д) сложносуффиксальные модели с тождественными суффиксами и синонимичными мотивирующими единицами (*самосадка — самоседка*), е) модели «простого» словосложения и осложненного суффиксацией с тождественными мотивирующими основами (*мухомор — мухоморник, гололед — гололедье, пустоплёс—пустоплёсник, стогомёт—стогомётчик* и др.);

2) за счет взаимодействия несинонимичных словообразовательных типов на уровне производных одной семантической темы, но разных функциональных шагов: *овечня — овчарник* (ср.: *овца — овечня* и *овца — овчар— овчарник*), *шишковать — шишкарить* (ср.: *шишка — шишковать* и *шишка—шишкарь—шишкарить*), *гореть— разгораться* (ср.: *гореть—разгореться—разгораться*);

3) за счет сложного взаимодействия синонимичных и несинонимичных словообразовательных типов на базе одной семантической темы (см. производные: *овечник — овечня — овчарка — овчарник* с общим значением «хлев для овец»);

4) за счет функционирования словообразовательных типов высокой продуктивности, благодаря которым непроизводные слова приобретают морфемный показатель производности: *лог — ложбина, бугор — бугорина, мендач* 'мягкая часть дерева' — *мендачина, лыва* 'лужа' — *лывина, зыбун — зыбунина, горб — горбина, жердь — жердина, ствол — стволина, кузов — кузовина, азям — азямина*. Стремление к мотивированности может реализоваться также с помощью словообразовательных типов средней и даже низкой продуктивности, если СТ специализируются на выражении достаточно конкретных ЛСЗ или имеют их в качестве ведущих, например. *осина — осинник, крапива — крапивник, жниво — жнивище, кочкарь* 'участок земли с кочками' — *кочкарня, брат — братарь*.

Антонимичные пары производных слов могут возникнуть: 1) в результате действия антонимичных словообразовательных типов, являющихся таковыми

благодаря антонимичности словообразовательных формантов (*домик — домище, запеть — спеть*) или их значению отрицания, отсутствия (*правда — неправда, хозяйственный — безхозяйственный*);

2) в силу антонимичности производящих основ при тождестве словообразовательного типа и ЛСЗ: *ночник* 'животное с активным образом жизни ночью' — *денник* 'животное с активным образом жизни днем'.

Омонимичные образования в исследуемых говорах обычно создаются за счет использования в качестве мотивирующих единиц разных лексико-семантических вариантов одного слова, противопоставление которых усиливается благодаря различию классифицирующих компонентов в семантике производных слов: 1. *трубач* музыкант, играющий на трубе' — 2. *трубач* 'трубочист'; 1. *утятница* 'женщина, выращивающая домашних уток' — 2. *утятница* 'собака, надрессированная для охоты на диких уток'; 1. *дворник* 'рабочий, который убирает двор' — 2. устар. *дворник* 'хозяин постоялого двора'. В принципе же возникновение омонимичных производных может быть также следствием омонимии производящих основ[41] или словообразовательных формантов.

Семантические варианты производного слова появляются 1) тогда, когда одни и те же средства используются для выражения разных лексико-словообразовательных значений, то есть лексическая полисемия определяется полисемией словообразовательного типа, возникающей на уровне ЛСЗ: *горшевник* 'тот, кто делает горшки' и 'тряпка для вытаскивания горшка из печи', *горошник* 'земля, засаженная горохом' и 'суп из гороха', *цыплятница* 'женщина, выращивающая цыплят' и 'курица с выводком цыплят', *лесовать* 'заготавливать лес' и 'промышлять в лесу', *бражничать* 'делать брагу' и 'пить брагу', *тропить* 'прокладывать тропу' и 'ловить зверя на тропе';

2) при тождестве словообразовательного значения полисемия производного может быть отражением полисемии производящего[42].

---

[41] См.: Ким О. М. «Отраженная» омонимия в словообразовательных гнездах. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. статей. Ташкент, 1982, с. 31—34.

[42] См.: Начинкина Г. М. Разновидности смысловых отношений между производными и базовыми словами и условия мно-

Однако поддержанное формальным варьированием одного из компонентов словообразовательной структуры слова семантическое различие данного вида оказывается условием возникновения самостоятельной производной единицы (см.: *курник* 'пирог' и *курятник* 'помещение').

Формальные варианты производных слов являются следствием морфонологического варьирования словообразовательных типов, когда а) производные слова с одной или двумя (при словосложении) тождественными мотивирующими основами, обладающие общим ЛСЗ, характеризуются разными морфами одного и того же словообразовательного форманта: *огнище — огневище, станина — становина, трёхперстка — трёхперстовка,* б) односуффиксальные производные одного ЛСЗ различаются формальными вариантами тождественной мотивирующей основы: *картофелище—картовище, куричий—курочий, утичий — уточий, речной — речечный,* в) сложносуффиксальные производные одного ЛСЗ с тождественными мотивирующими основами и тождественными формантами различаются соединительными гласными (*междворка — междворка*) или отсутствием таковой в одном из производных (*белобилетник — белбилетник*), г) возможны случаи смешанного (суффиксального и основного) формального варьирования производного слова, в такой ряд, например, объединяются слова со значением «ручка грабель»: *граблище — граблёвище — грабловище — грабовище*[43].

Ряды производных слов перечисленных видов, характеризуя словообразовательную систему среднеобского диалекта, свидетельствуют о тех ее особенностях, которые обусловили возникновение и существование

гозначности производных. — Русский язык в школе, 1973, № 6; Яиценецкая М. Н. О связи между деривационным типом и лексической полисемией. — В кн.: Лексикологический сборник. Барнаул, 1977, с. 12—24; Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984, с. 81—89 и др.

[43] Как формальные варианты одной лексемы могут быть рассмотрены также слова с синонимичными словообразовательными формантами и тождественными мотивирующими единицами, если суффиксы не контрастны по своей форме, характеризуются совпадением конечных звуков, прежде всего, согласных, и связаны с одной морфологической формой производных (*ленной — льняной, бревённый — бревянный, мокреть — мокрость* и т. п.).

самих этих рядов. К таким особенностям относится продуктивность определенных словообразовательных формантов, сфера проявления их активности (ЛСЗ, семантическая тема, характер морфонологических ограничений), синонимичность словообразовательных средств, наборы ведущих ЛСЗ в словообразовательных типах и т. д.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что ряды производных, объединенных различными видами лексических связей, могут быть рассмотрены как единицы сопоставления словообразования литературного языка и русских диалектов (как, впрочем, и других славянских языков), единицы очень своеобразные, в определенной мере опосредствованные, но чрезвычайно наглядные, что и делает их притягательными для сопоставительного словообразования на уровне макросистем[44]. Однако следует иметь в виду, что принцип объединения производных слов в указанные ряды (пары) является собственно лексическим, поэтому в качестве единиц сопоставления словообразовательных систем они могут быть использованы лишь при условии словообразовательной их интерпретации, возможной при достаточно удовлетворительном знании словообразования сравниваемых языков (диалектов). Так, отсутствие в среднеобском диалекте таких пар глаголов, как *акцентовать — акцентировать, фетишировать — фетишизировать* и т. п., дает основание думать, что в среднеобских говорах суф. *-изирова(ть)* (в разных его вариантах) неизвестен, что и получает подтверждение при непосредственном изучении СТ производных глаголов.

Представляется, что не менее (если не более) показательным должно быть противопоставление указанных единиц в говорах одного диалекта — на уровне микросистем. Например, лексический ряд *молотилка—молотило—молотилье* известен в Верхнекетском, Кожевниковском, Колпашевском и других районах Томской области, где занимаются выращиванием зерновых культур. Широкое распространение данных слов показывает, что ЛСЗ «орудие действия» в среднеобском диалекте имеют, по крайней мере, три словообразовательных типа

---

[44] См., например: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: Тезисы международного симпозиума (декабрь, 1984 г.). М., 1984. 170 с.

(с устаревшими суф. *-л(о)*, *-ль(е)* и продуктивным суф. *-лк(а)*), которые, наряду с другими СТ, составляют общую базу среднеобского диалекта, связующую все его говоры в одно целое. В некоторых районах, например, в Верхнекетском, известно также слово ***молотильник***, что свидетельствует о завоевании продуктивным суф. ***-льник*** сферы влияния в среднеобских говорах.

Напротив, противопоставленность лексических рядов *пряселка — пряслица* (Кож.), ***пряслица — пряха*** (Пар., Туг.), ***прялка — пряселка — пряслица — пряха*** (Том.) и т. д., с одной стороны, подсказывает мысль о разной степени продуктивности в целом активного в говорах суф. *-лк(а)*, который выражает преимущественно ЛСЗ «орудие действия», мысль о разной интенсивности его распределения в среднеобских говорах: см. образования на *-лк(а)* в томском и кожевниковском говоре и отсутствие в говорах Парабельского, Туганского и других районов; с другой стороны, свидетельствует о разной степени устойчивости непродуктивных СТ в среднеобских говорах относительно семантической сферы орудия действия. Несомненно, что существенную роль в данном случае могут играть внелингвистические факторы (развитие прядения, условия для него и т. п.). Но сопоставление с рядами производных имен орудий других видов сельскохозяйственного труда дает возможность нарисовать более точную картину распространения СТ с перечисленными выше суффиксами.

Сказанное означает, что для выявления словообразовательной типологии говоров необходим анализ лексических рядов производных слов во всей их совокупности, включая и те производные единицы, которые не образуют лексических рядов, но вступают в лексически противопоставленные отношения на уровне диалектных макро- или микросистем, типа ***блинница*** 'посуда для блинов' (Том.) и 'женщина, пекущая блины' (Пск.), ***квашенник*** 'нож для выскребания квашни' (Том.) и 'крышка или холщовое полотенце для квашни' (Яросл.) или в среднеобских говорах — типа *севалка* (Ас. В.-Кет.) — ***севальница*** (Колп. Том. Туг. Лен.-Куз.) и др.

Данные о лексических рядах производных слов и сфере их распространения, их характеристика с точки зрения противопоставленности/непротивопоставленности в литературном языке и диалекте и особенно в разных

говорах одного диалекта могут быть использованы в целях выявления конкретной картины функционирования словообразовательных типов, результаты которого в конечном итоге зависят от степени активности СТ, языковых и неязыковых условий ее реализации.

Глава III

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Описание синтаксиса среднеобских говоров сопряжено с рядом трудностей. Углубление знаний о соотношении языка и речи, о речевой деятельности, о значимости социальных и психологических факторов в акте коммуникации, усложнение и расширение синтаксической теории, взаимодействие говоров и их нивелировка под влиянием литературного языка делают практически невозможным при монографическом описании диалекта представить полную, исчерпывающую картину его синтаксической организации.

В применении к среднеобским говорам полное, многоаспектное описание синтаксиса следует признать нерациональным, так как синтаксический строй рассматриваемого диалекта, вторичного по образованию, имеет, даже по самым предварительным наблюдениям, много общего с синтаксисом литературного языка, а поэтому полное синтаксическое описание диалекта было бы во многом избыточным.

Более реальным и рациональным представляется другой путь — путь фрагментарного описания в целях знакомства читателей с отдельными сторонами диалектного синтаксиса, которые в настоящее время представляются наиболее интересными: малоизученными или имеющими спорную интерпретацию.

Известно, что литературный язык настолько сильно влияет на современные диалекты, что это дает основание некоторым лингвистам называть такие диалекты «полудиалектами»[1], для того чтобы противопоставить

---

[1] Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология: (состояние и перспективы). М., 1979. 333 с.

их современное состояние как качественно отличное от искониого. Однако пока не выяснено, насколько это утверждение справедливо по отношению к диалектному синтаксису, так как понятие «диалект» складывалось в результате специального изучения других уровней языка.

Является также дискуссионным вопрос о соотношении синтаксиса диалекта и русской разговорной речи.

Так, Е. Н. Ширяев, описывая синтаксис русской разговорной речи, не обращается к говорам, так как он изучает соотношение русской разговорной речи и кодифицированного литературного языка, выделяя ряд синтаксических характеристик разговорной речи как специфичных только для нее, противопоставляющих русскую разговорную речь литературному языку[2].

О. А. Лаптева, также изучающая разговорную речь, четко разграничивает синтаксис русской разговорной речи и диалектный синтаксис, считая различия между ними чрезвычайно существенными, такими, которые делают бесперспективным их параллельное изучение[3].

Н. П. Потапова, напротив, считает синтаксис русской разговорной речи настолько сходным с диалектным синтаксисом, что свое исследование по синтаксису русской разговорной речи она проводит, используя в качестве материала диалектные тексты[4].

Чтобы в перспективе иметь возможность уточнить характер соотношения синтаксиса русской разговорной речи и диалектного синтаксиса, необходимо специальное обращение к какому-то конкретному диалекту как отправному объекту исследования. Несмотря на наличие отдельных исследований по синтаксису среднеобских говоров[5], синтаксический строй среднеобского диалекта

---

[2] Русская разговорная речь/Под. ред. Е. А. Земской. М., 1973, с. 217—327.

[3] Лаптева О. А. Литературная и диалектная разновидности устноразговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — Вопросы языкознания 1969, № 2.

[4] Потапова Н. П. Структура предложений с глаголами-сказуемыми разных лексико-семантических классов в разговорной речи (на материале говоров северной части Пермской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1971.

[5] Об исследовании синтаксиса среднеобских говоров см. соответствующий раздел настоящей монографии (Говоры Среднего Приобья. Томск, 1984, т. 1).

в целом еще ни разу не описывался ни в сравнении с русским литературным языком, ни с русской разговорной речью, ни с говорами европейской части СССР, ни с другими сибирскими говорами. Не решался вопрос о членении на синтаксическом уровне среднеобского диалекта на группы говоров, которые выделяются в нем на фонетическом и морфологическом уровнях.

Исходя из вышесказанного, предпринимаемое описание синтаксиса среднеобского диалекта планируется проводить таким образом, чтобы сделать возможным в перспективе определение характера его соотношения с синтаксисом русского литературного языка и русской разговорной речи. В результате описания должна быть получена информация о структуре диалекта и о его основных характеристиках, позволяющих соотнести данный диалект с другими.

В свою очередь, указанная ориентация синтаксического описания на определенные, конкретные цели обусловливает выбор единиц описания и выбор общего направления описания.

Поскольку словосочетание и предложение не являются теми единицами, на которые распадается текст без остатка, в целях более адекватного описания диалектной синтаксической системы представляется логичным, подобно тому как это делается исследователями русской разговорной речи [6], основываться на подсказанном самим материалом формальном критерии — интонационной расчлененности потока речи на отдельные сегменты, которые отделяются друг от друга формальными сигналами конца, т. е. паузами. Все эти сегменты имеют общие свойства: интонационную оформленность, свидетельствующую о коммуникативной организованности сегмента и его информативной достаточности, т. е. о его сообщающей функции. Это делает возможным вслед за «Русской грамматикой» [7] считать данные сегменты высказываниями. Однако конструктивное разнообразие высказываний, разный характер их соотношения с предложениями и словосочетаниями позволяет назвать такие сегменты высказываниями только в самом широком смысле слова. Чтобы подчеркнуть диалектный характер

---

[6] Русская разговорная речь, с. 218.

[7] Русская грамматика/Под ред. Н. Ю. Шведовой М., 1980, т. 2, с. 7—84.

рассматриваемых высказываний, их больший объем и структурную сложность по сравнению с высказыванием, выделяемым другими авторами, эти выявляемые на интонационном основании отрезки звучащей речи в дальнейшем изложении будут называться диалектными высказываниями (ДВ) [8].

В формальном отношении ДВ дифференцируются на предикативные, состоящие только из предикативных единиц (ПЕ) или из одной ПЕ, и смешанные, имеющие в своем составе наряду с предикативными единицами и какие-либо непредикативные элементы, слова, конструкции. Смешанные и предикативные ДВ в зависимости от количества предикативных единиц в их составе могут быть монопредикативными или полипредикативными.

По содержанию ДВ, как и любое высказывание, имеет в своей основе либо представляет одну пропозицию, либо сочетание нескольких пропозиций. Поскольку семантическим центром пропозиции является предикат, то ДВ, как и предложения, лежащие в его основе, может быть монопредикатным или полипредикатиым, т. е. возможно говорить о моно- и полипредикативах как о языковых единицах и о моно- и полипредикатах как о содержательных величинах. Выбор направления описания синтаксической системы диалекта (от формы к содержанию или от содержания к форме) определяется рядом причин, в частности, степенью изученности описываемой синтаксической системы, сходством ее с другими описанными системами, общими целями предпринимаемого описания и пр.

Обычно первому этапу описания диалектного синтаксиса свойственно пристальное внимание исследователей к форме: как правило, первичное описание предполагает констатацию в диалекте форм, отсутствующих в соответствующем литературном языке, определение синтаксической функции этих форм [9].

Далее постепенно усиливается внимание исследователей к содержательной стороне синтаксических явле-

---

[8] Более подробно о диалектном высказывании см.: Гордеева О. И. Высказывание как единица диалектного синтаксиса. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983.

[9] См.: Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, вып. 1, с. 294; Черных П. Я. Русский язык в Сибири. Иркутск, 1936. Он же. Сибирские говоры. Иркутск, 1953, с. 61—70.

ний. На основе общности семантики и функционирования в тождественной позиции в диалекте фиксируются комплексы форм, куда как составные элементы входят и собственно диалектные формы, отмечаемые в некоторой совокупности диалектов.

Выявление таких комплексов позволяет исследователям ставить и решать вопросы о семантике отдельных компонентов синтаксической системы, определять характер соотношения отдельных компонентов комплекса, степень устойчивости употребления комплекса, в некоторой степени предсказывать динамику изменения синтаксической системы, выражающуюся в вытеснении одних форм другими[10].

Кроме того, обращение к комплексам синтаксических форм, объединяемых сходством их семантики, позволяет выявить на этой основе более общие содержательные свойства синтаксиса диалекта, которые определяют его современное состояние и обусловливают его специфику.

Эти соображения послужили причиной того, что в основу предпринимаемого описания положен следующий принцип: от общности семантики — к объединению в едином комплексе конкурирующих и сосуществующих форм выражения, от комплекса — к общим содержательным свойствам синтаксической системы диалекта[11].

Поскольку предпринимаемое синтаксическое описание является только частью монографического представления среднеобского диалекта, объем такого описания ограничен, поэтому в пределах данной главы невозможно дать исчерпывающий анализ синтаксиса с предложенных позиций, однако думается, что даже фрагментарное описание наиболее типичных для диалекта форм предложений, входящих в состав ДВ, окажется небесполезным и поможет составить некоторое представление о синтаксисе среднеобского диалекта и этим уточнить общую картину его современного состояния и истории.

---

[10] По названному принципу построено описание уровня словосочетания в среднеобских говорах, проведенное в диссертационных работах Е. М. Пантелеевой и Р. Е. Моховой, названных в разделе «История изучения среднеобских говоров» данной монографии.

[11] Основные этапы описания синтаксической системы «от содержания к форме» называет В. А. Белошапкова. (См.: Белошапкова В. А. О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка нерусским. — Русский язык за рубежом, 1981, № 5, 6).

Исходя из этого, 1-й раздел настоящей главы содержит сведения, касающиеся оформления отдельных пропозиций, 2-й раздел посвящен описанию отношений между пропозициями в составе ДВ; в 3-м разделе оказалось возможным дать только самые общие сведения о непредикативной части ДВ и коммуникативной его организации.

Выявленное в результате обследования устойчиво наблюдаемое тождество синтаксиса говоров в составе среднеобского диалекта позволяет производить описание синтаксиса диалекта в целом и подавать иллюстративный языковый материал без локальных помет. Отмеченные в материале примеры единичного употребления нетипичных синтаксических форм в речи отдельных диалектоносителей не имеют практически никакого значения для общей характеристики диалекта, они ни в коей мере не изменяют общей картины несомненной синтаксической однородности среднеобского диалекта.

Раздел 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОПОЗИЦИИ

В отличие от литературного языка, который располагает рядом способов представления пропозиции предикативными и непредикативными структурами[12], в среднеобском диалекте в процессе формирования ДВ для представления пропозиции в основном используется ПЕ. Ни в полупредикативной, ни в предикативной функции не употребляются деепричастия, пропозиция не представляется в диалекте при помощи причастных, атрибутивных и субстантивных оборотов, широко употребляемых в этой функции в литературном языке.

Крайне редко использует диалект и другие способы непредикативного представления пропозиции: Сейчас много не живут разводятся. Раньше расходиться не было. У нас здесь Колчак ходил, переворот делали. В переворот не знали, кому служить. Ну, он уехал учиться, его с армии послали, ну, в сельскохозяйственную школу учиться.

Представление пропозиции в среднеобском говоре должно начинаться с описания способов обозначения предиката.

---

[12] О видах представления пропозиции см.: Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981, с. 353—354.

§ 1. Представление предиката глагольными формами

Как правило, предикат в среднеобском диалекте представляется в ПЕ глагольными формами. Единичные случаи употребления деепричастий в предикативной функции удалось выделить только в результате просматривания многолетних записей среднеобского диалекта, причем всегда употребление деепричастия отмечается на фоне многократного употребления в аналогичной функции соответствующей глагольной формы. Нет ни одного носителя диалекта, для которого употребление предикативных деепричастий было бы нормой.

Обнаруженные предикативные деепричастия зафиксированы в говорах разных районов Среднего Приобья: Мы не емши. Он выпимши. Сын погибши. Яр обвалимши. Он померши.

Предикативное употребление деепричастий встречается обычно в тех случаях, когда оно оказывается единственным предикативным центром монопредикативного высказывания, либо в полипредикативном полисубъектном высказывании.

Когда малочисленные деепричастия, встречающиеся в диалекте, оказываются рядом с другим глагольным предикативным центром внутри моносубъектной конструкции, глагол поглощает всю глагольную сторону значения деепричастия настолько последовательно и полно, что деепричастие реализует только другую, обстоятельственную или служебную сторону своего значения, т. е. появление деепричастия не делает конструкцию полипропозитивной: Они крадучи из дому убегут. Живёт таперь припеваючи. Не спамши — не емши какая работа? Буду работать с вами ухо в ухо, не покладая рук после этого нашего общего собрания. Идёт не здоровкаясь ни с кем. Там мостик будет, не доезжа его повороти направо.

Учёт этого особого функционирования деепричастий позволяет дифференцировать внешне похожие монопредикативные и полипредикативные структуры: Он выпивши/ничо не помнит//(моносубъектная, монопропозитивная, монопредикативная структура) и Он выпивши/я сам видел//(полисубъектная, полипропозитивная, полипредикативная структура). Хотя чаще всего в диалекте предикат представляется отдельными спрягаемы-

ми глагольными формами, во многих случаях отмечается употребление не одного спрягаемого глагола, а разнообразных их бессоюзных сочетаний — комплексов глаголов.

В среднеобском диалекте широко используются все конструкции с глагольным удвоением, отмеченные в русской разговорной речи[13]:

а) сочетание глаголов, одним из которых является глагол абстрактной семантики («быть», «делать»): У них в дому завсегда фатиранты были стояли. На горе МТС поселился был. В ту грозу мы тоже на полях были работали. Я тут по закону делаю заплот ставлю;

б) сочетание глаголов, имеющих семантическую общность: Потом кольхозы начались пошли. Дом побочи́лся покосился. Старик тёк бежал. Сено сразу спыхнуло загорелось;

в) сочетания глаголов, один из которых является модальным или фазисным: Он сумел дверь отворил. У меня мужик тоже старается работат. Он камнем не растерялся кинул по змеям. Она как начала заорала, так куда там. Колхоз вырешили кормят нас;

г) сочетание глаголов, один из которых указывает на положение в пространстве: Лежу умираю, а ему всё едино. Я только стою глаза выпучу. Конь вымерзает стоит. Медведь на меня стоит смотрит. Рыба на глубе станет стоит. Лошадь похрапывает стоит. Сядь отдохни. Ну, ляжь полежи. Сидят грубиянют друг другу;

д) сочетание глаголов, один из которых указывает на перемещение в пространстве: Ступай смотри в ящике-то. Я поеду привезу мать. Вот ишь, сам себя ива́нит, воображает ходит. Отцу всё пойду расскажу. Ездил дрова резал. Я ходил стеклил по чужим деревням;

е) сочетание глаголов со значением конкретизации предикативного признака: Дед-то служил воевал. Дети оттуль пишут зовут. Он машины вся́ки на мехтоке работает чинит. Он в своей бумаге всё написал обозначил.

---

[13] Описание конструкции с глагольным удвоением в русской разговорной речи проведено В. И. Шестопаловой. (См.: Шестопалова В. И. Глагольное удвоение в русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1983). В целях выявления диалектной специфики в последующем описании диалектных конструкций с глагольным удвоением в основных чертах используются принципы классификации, предложенные В. И. Шестопаловой.

Возилась картошку огребала. Они купили дом договорились. Что ещё хочу сказать добавить?

ж) сочетание глаголов со значением причинной обусловленности. В колхозе весь век проработала устала. Ягоду увидела обрадовалась. Вся сгорела пропала эта гривка. Юлечка, пропусть; задавлю я пролезу. Ой, не выйду пропаду в этом болоте.

Помимо отмеченных широко употребляются конструкции с повторением глагола: Сама учишь. Долбишь, долбишь, отдохни маленько. Дед её бьёт, бьёт. Без толку всё.

Многократно фиксируется в диалекте употребление конструкции с глагольным удвоением, в которой как лексически ограниченный компонент употребляется глагол *жить*: У ей заботушки нет, живёт веселится. Сделал конурку, пускай живёт там спит. Топерь он в Вершинине живёт работает. Они чо, они всю жизню свою живут зубатются. Гляди дерево живёт окоренилось. Курево есь, живём не горюем.

Встречаются конструкции, состоящие не из двух спрягаемых глаголов, а из трёх: А ты поди стань попой на моём месте. Сходила бы Нюрку пошла бы попроведывала. Взяла лисичек побрала принесла. Он такой. Молчит сидит стесняется, никак ничо. Пошёл отпросился сходил.

Глаголы в этих объединениях соотносятся по-разному. Характерной чертой большей части рассматриваемых глагольных объединений является их семантическое взаимодействие. Представляется, что их совместное употребление приводит к переориентировке их семантики, что выражается в актуализации их компонентов. В пределах рассматриваемых ДВ актуальными становятся не только глагольные семы, дифференцирующие эти глаголы, но и та, наиболее общая часть содержательной информации, которая оказывается характерной для каждого из глаголов, даже если в некоторых глаголах эта сема находится на периферии их семантической организации. Так, например, сочетание «живет спит» объединяется наличием у глаголов семы бытия, существования, сочетание «сходила бы пошла бы попроведывала» имеет в семантике каждого из глаголов сему движения.

В других случаях совместное употребление глаголов внутри комплекса обусловливает другой результат взаи-

модействия их семантики. В таких комплексах на фоне нейтрализации сем, общих для обоих глаголов, актуальными становятся дифференциальные семы второго глагола в составе глагольного комплекса (сидит посмеивается, встречает улыбается, бегу думаю).

Отсутствие паузы между глаголами, подача информации комплексно позволяют утверждать, что рассматриваемые сочетания глаголов образуют одну ПЕ, однако представляется очевидной структурная близость рассматриваемых комплексов глаголов в составе ДВ с моносубъектными полипредикатными[14] и с конструкциями, традиционно рассматриваемыми как составное или сложное сказуемое. Точное определение границ между названными явлениями может быть сделано только после проведения специального исследования.

Не может быть решён однозначно вопрос о семантической значимости рассматриваемых конструкций, состоящих из комплексов спрягаемых глаголов в составе ДВ.

Разнородность характера объединения глаголов в пределах одного комплекса приводит к мысли о том, что двойным глаголам на уровне пропозиции соответствуют разные величины.

Двойные глаголы могут представлять с рядом субъективных характеристик предикат одной пропозиции. В этих случаях в составе комплекса оказываются либо повторяющиеся глаголы: кричал, кричал; либо сочетание фазового и модального глагола: сумел отворил, начала заорала.

Двойные глаголы могут представлять собой предикат и какой-либо его непредметный распространитель: живёт веселится (ср.: живёт весело), ходит воображает (ср.: ходит задрав нос, ходит важно и под.).

Повторяемость ряда глагольных комплексов, определённый порядок следования компонентов, воспринимаемый как обычный (напр., ходит молчит, а не молчит ходит), дают возможность говорить о том, что эта некоторая фразеологичность формы выражения предиката может быть обусловлена потребностью отразить в языке его особое содержание: типичное сочетание разных смы-

---

[14] Леонтьев А. П. Моносубъектные, полипредикатные конструкции современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.

слов, отражающих обычную, повторяющуюся ситуацию, передается диалектоносителем как единое целое, как особого рода комплексный предикат.

Это позволяет считать, что предикаты, означаемые ПЕ в составе ДВ при помощи различных сочетаний глаголов, в ряде случаев являются величиной, содержательно более емкой и сложной, многокомпонентной, чем предикат в литературном языке. Наличие таких предикатов, обозначенных двойными глаголами, а также употребление в диалекте двойных глаголов, соотносимых по семантике с составным сказуемым, показывают, что для данного фрагмента синтаксической системы диалекта характерна передача различных сложных семантических комплексов аналитически, путем соположения в пределах ПЕ нескольких глаголов.

Специфичность некоторых предикатов на содержательном уровне, распространённость комплексов глаголов для представления изолированного предиката или в сочетании с распространителями — на формальном уровне, тенденция к аналитическому обозначению объединения глаголов внутри комплексов следует считать существенными характеристиками среднеобского диалекта, относящимися к представлению предиката в составе ПЕ.

§ 2. Представление предиката именными формами

В среднеобском диалекте последовательно наблюдается обозначение предиката при помощи предикативных форм, где роль присвязочного члена выполняется либо прилагательным, либо причастием, либо существительным. В большинстве случаев обозначение предиката производится по тем же моделям, по каким он оформляется в литературном языке: Я оштрахована была дорого. Бусы навздёваны на шёлкову нитку. А дед-то сам кофтужен. Косёрвы были ешшо заранее приготовлены. А документы были у него взяты. Трава в копны складена, в стога смётана. Ето он сейчас болеет, весь испростужен. Дочь в городе инженером.

Наряду с этими формами в диалекте есть конструкции, в которых в отличие от литературного языка употребляется полная форма страдательного причастия: У меня штаж 25 лет уже выработанный. Он уж весь изре-

занный. Сын на фронте был два раз ранетый да контуглынной. Картофа ещё совсем не порощенная. Он был расстрелянный. Это ученики, это директор с имя снятый. Он был братый в армию. В тайге коровы ходят, карахтин положенный на их. Пришла в огород, лук весь потоптанный.

Употребление кратких форм причастий в настоящее время преобладает, особенно в речи молодого и среднего поколения.

В среднеобском диалекте наряду с преобладающей, как и в литературном языке, формой творительного падежа присвязочного члена до настоящего времени широко употребляется, особенно в речи старшего поколения, именительный предикативный: Муж ушёл, теперь она зовётся бросовка. Она потом в конторе секлетарь была. С фронту живой остался, теперь абсолюдный инвалид сделался. Деревня стала не так большая. Ребёнок разросся матёрый. Тёплая осень — бабьё вишь лето называется дак. Кедровка серая, она иначе и кричит, правильно-то корлуша называется. Ни один ребёнок не родился мёртвый. Контора сёдня будет закрытая. Хозяйка у меня продавец работала. Он был ветеран войны, ну и приехал сердечник.

Отмечаются случаи параллельного употребления форм им. и тв. п. в речи одного и того же лица: Лошади в упряжке назывались гусевыми, а первая запряжная лошадь называется коренник.

Таким образом, достаточно устойчивым свойством синтаксической системы диалекта является представление предиката аналитическими предикативными формами имени, без употребления специализированных морфологических средств. Это позволяет предположить, что в диалекте отсутствует как синтаксическое явление дифференциация предикативных признаков на постоянные и непостоянные.

Обозначение предиката непредикативными именными формами также имеет свою специфику.

Названные выше полные причастные формы никогда не употребляются для непредикативного представления пропозиции. Причастные обороты, обособленные и необособленные, активно употребляющиеся в русском литературном языке для непредикативного представления пропозиции, в среднеобском диалекте отсутствуют. При

необходимости передать содержание конструкции с причастным оборотом диалектоноситель использует тождественные по смыслу построения другой структуры, монопредикативные и полипредикативные: Много работающий человек много получает = человек много работает, дак и получает хорошо; Раз много работает человек — много получает и пр. Дом, построенный у магазина, будет детским садом = Дом у магазина построили — детский сад будет = У магазина дом — это детский садик будет = Который у магазина дом — детсад будет и пр.

Крайне редко отмечается представление пропозиции другими непредикативными именными формами: Совсем ста́ра стала. Старый человек кому нужен? Рыжик он нестойкий. Нечервивый рыжик редко застигнешь.

В большинстве случаев прилагательное употребляется в предикативной функции, образуя отдельную ПЕ, либо как отдельное построение, либо в составе полипредикативного построения: Он красный становится. Стекёт этот раз — это спускной квас называется. Большинство здесь печки были ру́сски. Стены с частоколу забили, что поровнее. Отбирали скотину, которая лишняя. Котора спела, ягоду беру. Скотину держат, которые привычнее. Отмечается непредикативное представление пропозиции при помощи употребления субстантивных форм: Погода холодная стоит нонче. Я в холод совсем не могу ходить. Из-за метели ничо не видно. Мать нас ле́сенку от отца ро́стила. Мы ещё до войны сюда переехали. После обеда обратно на фирму шла. С весны нонче больше дождит. Такой способ представления пропозиции не является самым типичным для диалекта. Обычно при формировании текста введение в текст уже предицированной ранее пропозиции не сопровождается ее номинализацией: пропозиция, оформленная, как и в предыдущем тексте, в виде ПЕ, начинает новое полипредикативное построение: У нас колхоз тода гарнизовали. Гарнизовали колхоз, народ стали вместе пахать и сеять. Старик приехал с фронту. Старик приехал с фронту и в Томском жить ему уже тяжело стало, задыхался он. Посмотрим, как он поведёт себя. Он ведёт себя как, все знают, голосовать надо. Представление пропозиции отглагольными именами (организация колхоза, приезд с фронта, его поведение и пр.) — явление, нетипичное для диалекта: Пошёл на комиссию. Пошёл на комиссию

когда, ему так написали. В некоторых случаях наблюдается полная редукция ПЕ, представляющей пропозицию. В последующем высказывании функцию единственного сигнала пропозиции выполняет местоимение: Я в пехоте служил, и с этого я пять лет вернулся назад. Зверобой пил, потому и здоровый. Ружжо с ним было. Это его только спасло.

Таким образом, среднеобский диалект имеет отличную от литературного языка систему средств представления пропозиции. Эта система средств имеет меньше, чем в литературном языке, количество элементов, диалект имеет свою специфику в употреблении отдельных средств: устойчиво сохраняется тенденция к оформлению именной частн, означающей предикат, менее специализированными формами им. п. Названная характеристика средств представления пропозиции позволяет говорить, что в данном фрагменте синтаксической системы также прослеживается тенденция к передаче синтаксических отношений аналитически. В диалекте отсутствует характеристика предикативного признака по временной протяжённости, имеющаяся в литературном языке.

Итак, в целом среднеобской диалект имеет отличную от литературиого языка систему средств оформления пропозиции. Характерными её свойствами являются отсутствие или ограниченное употребление некоторых непредикативных конструкций, а также полупредикативных и обусловленное этим усиление функциональной значимости и степени употребления ПЕ как выразителей пропозиции.

Возможно предположить, что именно такая особая значимость ПЕ как выразителя пропозиции, выявляемая на фоне отсутствия ряда других форм, обусловила наличие н широкое употребление в диалекте двойных и тройных глаголов, объединяемых в комплексы в пределах одной ПЕ.

§ 3. Согласование подлежащего и сказуемого в предикативной единице

Как и во многих других говорах, в среднеобском диалекте отмечается так называемое «согласование по смыслу» между подлежащим и сказуемым, которое за-

ключается в том, что при ряде существительных-подлежащих, выраженных им. п. ед. ч., употребляется сказуемое в форме мн. ч. глагола: Соберутся молодёжь, борьбу заведут. Народ поехали убирать пашню. В войну много молодёжи погибли. Третьего дня спедиция (экспедиция) были. Начальство приезжали, запретили ломать.

В диалекте отмечено согласование сказуемого по смыслу с целым рядом слов: богачество, бригада, власть, гнус, деревня, звено, колхоз, купечество, люд, милиция, общество, правление, сброд, скотина и др.

В каждом говоре наряду со мн. ч. предикативных форм употребляются и формы ед. ч. Формы мн. ч., если это поддерживается ситуацией, употребляются и при относительных местоимениях: Кто по многу коров доржут. Кто чо несут: всё дарить можно. Когда взамуж выходит она, а кто-нибудь везут приданое. Кто грамоте были обучены, далеко пошли.

Предпочтительны формы мн. ч. и при количественно-именных словосочетаниях: С полсотни их тут полегли. А на поляне таким фёртом три кедрушки стоят. Восемь учеников нынче в колхозе остались.

Отмечены формы мн. ч. и при сочетании им. п+С++тв. п., при котором в литературном языке была бы форма ед. ч.: Кержак с людями из одной миски не едят. Моя с бабами затеялись по грибы сходить.

В пределах ДВ иногда отмечается форма ед. ч. сказуемого, хотя семантический субъект, представляемый подлежащим, задаётся формой мн. ч. Собаки две—три на охоту брали; белку загонит, на медведя лает. Четыре медведя легли в один берлог. В косогоре под лесину берлог гребёт. Така пóкоть, это косогор значит, под кедру подгребут медведушки и залезут. Травы натаскает и поляжет. Хорошо.

Родовая характеристика формы сказуемого тоже иногда оказывается специфической. Например: Он злой собака (по кличке Полкан). Она злая собака (по кличке Розка). Он такой собака хороший. Какая котик у нас шустрая. Ей грязь нужен был.

Итак, в среднеобском диалекте выбор той или иной характеристики формы сказуемого менее, чем в литературном языке, зависит от грамматической характеристики подлежащего и более, чем в литературном языке,

обусловлен семантической характеристикой данного слова.

Таким образом, можно сказать, что оформление сказуемого и в плане его соотношения с подлежащим в диалекте менее формализовано и более непосредственно обусловлено действительностью, отражаемой сознанием говорящего, связано с ней. Вероятно, именно меньшей степенью формализации, тенденцией к аналитическому оформлению синтаксических связей следует объяснить то, что в диалекте последовательнее, чем в литературном языке, сохранился именительный предикативный.

§ 4. Об употреблении личных местоимений для обозначения субъекта-лица

В среднеобском диалекте субъект обозначается в основном так же, как и в литературном языке. Однако представляется возможным отметить некоторые особенности, свойственные диалекту в употреблении личных местоимений для обозначения субъекта-лица.

В среднеобском диалекте прослеживается последовательная тенденция не обозначить субъект, который мог бы быть задан личным местоимением в форме им. п., в тех случаях, когда этот субъект однозначно обозначается либо глагольной формой, либо языковой, либо неязыковой ситуацией: Вот удвоём живём, сажу огород, недавно грйбом болела — плохо слышу. Не буду ни за что любить, раз так балуешь. Сейчас уж перестал ходить на рыбалку, глазами не вижу. Молодуху заставляют блины стряпать. Вот траву и прикладывашь, от всяких болезнев помогат. Россомага есь, та крепка: попала в капкан ногой, по лесу лазит, капкан тащит; не может бродить, под пихто́й стоит. Как показывают эти примеры, чаще всего такая бесподлежащная реализация бывает в тех случаях, когда при глаголе, организующем центр предложения, присутствуют распространители, либо объектные, либо обстоятельственные.

Обычно отмечается бесподлежащная реализация тех частей полипредикативных моносубъективных высказываний, следующих за первой частью ДВ, в которых предикативы представляют собой ряды последовательно происходящих действий; в таких контекстах возможны

глаголы, абсолютивно употреблённые и при этом не имеющие при себе подлежащего: У него уши замёрзли, отпали. Они к иам приехали, посватались. Я картошки накопала, сварила, покормила и т. п.

Соотносимая с бесподлежащной подлежащная реализация данной схемы устойчиво встречается в двух случаях. 1. Подлежащная реализация схемы наблюдается тогда, когда говорящий противопоставляет разным образом содержание одной ПЕ содержаиию другой ПЕ. Обычно противопоставляемая ПЕ располагается в непосредственной близости от ПЕ-основы, с которой производится сопоставление: Они есь просют голодиые, а ты вон какой сытый да гладкий. Сиди, Юра, а я пойду. Там я живу, а здесь я на работу приехала. Я прошу, а сын не хочет ставить дом.

Устойчивое употребление подлежащего-местоимения в ПЕ, противопоставляющихся предыдущим по субъекту, привело к тому, что во многих случаях подлежащее-местоимение в диалекте выступает как сигнал противопоставления; думается, что подлежащее-местоимение, находясь во второй части полипредикативной конструкции, делает явными, реализованными, потенциально возможные отношения противопоставлеиия между отдельными ПЕ. Именно поэтому отмечено употребление подлежащих-местоимений в сложных предложениях, где собственно основа сопоставления отсутствует, хотя она легко и достаточно однозначно домысливается. Это позволяет утверждать, что подлежащее-местоимение оказывается средством введения в текст дополнительной информации, т. е. это подлежащее формирует особую асимметричную структуру, являясь тем единственным сигналом несоответствия плана выражения и плана содержания[15]:

Одне хорошо добывают, я что-то не уважаю. =Одне хорошо добывают удочкой (и уважают этот способ ловли рыбы), я что-то не уважаю; Не бойся, мы твоей крови не будем пить. =Не бойся (другие попили бы твою кровь), мы твоей крови не будем пить; Ну, мы едем, я путь веду. =Ну, мы едем (все кроме меня путь не ведут), я путь веду; Мать больная совсем стала, ты за-

---

[15] См.: Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.

рабливать пойдёшь. =Мать больная совсем стала (мать не может идти зарабливать), ты зарабливать пойдёшь; Можио из проволоки шить, я пробегаю больше к сорге. =Можно из проволоки шить (многие предпочитают шить из проволоки), я прилегаю больше к сорге; Река, а ты без рыбы живёшь. =Река (все с рыбой живут), а ты без рыбы живёшь.

2. Появление подлежащего-местоимения при абсолютивно употреблённых переходных глаголах или при глаголах без непредметных распространителей. Отмечено только несколько высказываний, в которых глагол употребляется совершенно изолированно, как правило, абсолютивное употребление глаголов влечет за собой появление при них подлежащего-местоимения или подлежащего-существительного: К ей сходи, она разбирается. Её взамуж зовут, она отказывается; учиться хочу. Я болею, а инково помощи нет. Иду я, а навстречу мне медведь. Я шью, меня мама девчонкой дамным-дамно навучила. Он вернёт, не сумлевайся.

Количественное соотношение подлежащных и бесподлежащных реализаций схемы колеблется в зависимости от того, какое местоимение имеется потенциально или реально при данном подлежащем.

При глаголах 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. бесподлежащная реализация является нормой, подлежащная реализация составляет только 18%. При глаголах 3-го лица ед. ч. подлежащная реализация по абсолютной частотности употребления не отличается от бесподлежащной, что естественно объясняется текстообразующей функцией местоимений 3-го лица. Очень распространено в диалекте употребление неопределённо-личных и обобщённо-личных предложений. В контекстах, содержащих всякого рода толкования, объяснения и пр., обобщённо-личные предложения, как правило, употребляются без подлежащего. В записях диалектных текстов на сотню бесподлежащных реализаций приходится одна-три реализации с подлежащим-местоимением в обобщённо-личных предложениях. Также редко, обычно в виде предложений типа «Люди говорят», «Люди врать не станут» наблюдаются предложения с подлежащим «люди», «все» и пр., которые по содержанию соот-

ветствуют неопределённо-личным предложениям типа «Здесь спокон веку лесом живут» и под.

Очень редко встречается подлежащее-местоимение в предложениях со значением побуждения с глаголом повелительного наклонения.

Во все рассмотренные бесподлежащные ПЕ легко подставляется потенциально возможное подлежащее-местоимение. Такое подлежащее с позиций актуального члеиения является темой. Представляется возможным утверждать, что выбор лица как основы повествования является характерной чертой диалекта. Личное местоимение в им. п. — всегда тематично, так как для говорящего именно человек — всегда тема его повествования, а его отношение к предметам окружающего мира — это то, что приписывается, сообщается как новое к даиной теме. Языковой материал показывает, что это правило соблюдается достаточно последовательно: именно действием этого правила нужно объяснить крайие редкое употребление конверсных форм типа «Дом строится плотниками» при широком повсеместном употреблении фраз «Плотники строят дом» и «Дом строится».

Устойчивость бесподлежащных реализаций пропозиции позволяет утверждать, что среднеобскому диалекту свойственно компрессировать тему-подлежащее, обозначенное личным местоимением. Это свойство должно быть квалифицировано как ещё одна черта рассматриваемой синтаксической системы. Хотя в основной своей массе по значению и употреблению описываемые предложения соответствуют своим эквивалентам в русском литературном языке, диалектные неопределенно-личиые и обобщённо-личные предложения имеют некоторые отличия в своём значении.

Известно, что по отношению к предложениям русского литературного языка практически всегда можно сказать, имеет ли данное предложение или нет значение обобщения. Обычно говорящий в зависимости от задач коммуникаций избирает определённую тональность изложения, передавая информацию либо от имени определённого лица — самого говорящего (Иду домой, вижу...), либо от обобщённого лица (Идёшь домой, видишь...), либо изложение ведётся в неопределённо-личном плане (Когда идут домой, видят...).

В диалекте рассматриваемые типы изложения оказываются в какой-то отдельной своей части не так чётко противопоставленными друг другу, это позволяет диалектоносителям легко переключаться с одного кода на другой и объединять в пределах одного высказывания разные по представлению лица структуры, хотя во всех этих структурах говорится о действиях одного и того же лица: Посеешь еслив немного пшеницы, так ладно, рожь сеяли, так овёс больше, ячмень сеешь. Затируха — лапша иной день варили, квас свой делам. День лежит, несём полоскать на речку и валиками её колотили. Я намолочу мякину же, на ветру провеешь её и заварю эту мякину. Железны вилы четырёхрожка зовут у нас все, и ручка, и всё — грабли зовёшь.

Можно предположить, что понятие неопределённости или обобщённости субъекта действия, которое задаётся семантикой соответствующей схемы предложения, в условии практически постоянного соотнесения в сознании говорящего действия с его реальным конкретным производителем или производителями в условиях постоянной опоры на ситуацию оказывается менее абстрактным, менее отдалённым от грамматического понятия определённости, чем это наблюдается в литературном языке. В свою очередь, этот сдвиг в семантике рассматриваемых предложений показывает, что традиционно выделяемые определённо-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения оказываются в говоре в большей степени соотнесенными друг с другом по содержанию, более однородными в плане информации о лице. Они вместе противопоставляются соответствующим двусоставным предложениям с подлежащим-местоимением.

Нужно думать, что эти два вида противопоставлений оказываются в разной степени существенными для говорящих.

Вероятно, именно существенностью противопоставления по наличию или отсутствию подлежащего и меньшей существенностью различий по определённости, неопределенности или обобщенности лица в условиях общности денотата, приводящей к нейтрализации этих различий, должно быть объяснено такое широкое и свободное употребление в среднеобском диалекте рассмотренных бесподлежащных спрягаемо-глагольных предложе-

ний. Специфика их функционирования свидетельствует о том, что при использовании их для говорящих оказывается в ряде случаев существеннее реальное действующее лицо, чем лицо грамматическое, задаваемое формой конкретного предложения.

Таким образом, в употреблении личных местоимений и вообще в функционировании спрягаемо-глагольных предложений и предложений с местоимением 3-го лица ед. ч. прослеживается та же тенденция, которая отмечалась при описании связей предикативного члена — бо́льшая опора на конкретное действующее лицо, примат его над лицом грамматическим при оформлении ПЕ.

Свойством диалекта является и крайне редкое обозначение семантического субъекта в страдательных конструкциях, когда он мог бы быть обозначен формами местоимения и существительного в косвенных падежах.

Как правило, в предложениях, представляющих собой страдательную конструкцию, говорящий обходится без обозначения субъекта, особенно если этот субъект либо ясен из речевой ситуации, либо не существен для участников данного акта коммуникации: Сено заготовлено. Тут прохождение запретено. Трава в копны складена. Смородины немного побрато да и всё.

В случае, если субъект по каким-то причинам должен быть назван, его обозначение нередко выносится за пределы страдательной конструкции: Вожатый до невозможности угнетён; каждый день его директор песочит, ну, каждый день. Сено натаскано. Всё лето таскат траву. Сеноставка — зверёк такой.

В пределах предложения субъект, чаще всего обозначаемый личным местоимением, может задаваться соответствующим детерминантом: У меня тут пять душ схоронено. У нас с ним связана жизнь. У неё к осени весь огород убранный, всё к месту.

Однако следует обратить внимание, что в этих предложениях представляются такие ситуации, где субъект, производитель действия, обозначенного причастием, и субъект, обозначенный детерминантом, случайно совпадают.

Наличие предложений типа: У неё теперь документы забранные. У ей девка вся изурочена. Ворота у невесты заломлены. Не пускают жениха — показывает,

что детерминант вводится не для обозначения непосредственного производителя действия, названного причастием.

Редко обозначается семантический субъект и в безличных конструкциях со словом «надо»: Вчера хлеб надо было заводить. Свадьбу готовят большую, надо тысячу рублей. Надо было заламывать берлогу. С собой его надо позвать. Думаю, сюда надо, пойду — нет, не сюда.

Обозначение субъекта в этих конструкциях — также обычно сигнал сопоставления содержания этого предложения с другим, сходным по семантике, но различающимся по субъекту: Одним на йстопель хватит охапку или пять полешек, а другим, чтобы истопить, много надо. Мне надо деньги, а ему не надо. Таким образом, тенденция к необозначению субъекта в разных позициях внутри предложения, обозначение субъекта только при его акцентировании, независимо от его конкретной формы, т. е. существенность противопоставления по наличию или отсутствию подлежащего-местоимения и некоторая нивелировка противопоставления между разными видами спрягаемо-глагольных личных предложений, являются свойствами синтаксической системы среднеобского диалекта.

§ 5. Выбор падежной формы для обозначения субъекта обладания, наличия, отсутствия [16]

Чаще всего обозначение субъекта в среднеобском диалекте и в литературном языке совпадает. Однако наряду с общерусскими средствами обозначения субъекта среднеобский диалект использует и другие формы.

1. Субъект существования и отсутствия обозначается не только существительными в им. п., но и соответствующими по смыслу инфинтивами: Молиться-то не было, а наставление-то было. Раньше не было знакомиться, родители взамуж отдавали. У него и в мыслях не было забидеть кого. А пахали там. Пахать-то у нас тоже там

[16] Арутюнова Н. Д. квалифицирует данный семантический компонент как объект или класс объектов бытия. (См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1979, с. 212).

было. Это теперь взяли моду разводиться. Разводы стали. Раньше не было разводиться.

2. Наряду с общерусским обозначением субъекта формами им. п. в диалекте отмечаются случаи обозначения такого субъекта формами существительных в род. п.: Пока есь брусницы. У меня эту зиму есь грибов. И охоты и лесов, и всяких ягод есь.

3. С другой стороны, в среднеобском диалекте отмечаются случаи обозначения субъекта отсутствия формой им. п.: В колхозе время нет. Таперь собственность уж нет. Комар, мошка́, мокрица — это гиус. Сейчас-то комар нет, уж иа убыль пошёл.

Разнообразие форм для обозначения одной семантической разновидности субъекта даёт основания предположить, что для среднеобского диалекта в определённой мере характерна нейтрализация противопоставления субъектов наличия и субъектов отсутствия.

Отсутствие при инфинтиве-субъекте имени существительного, как показателя вторичности его употребления в этой функции свидетельствует о том, что диалектный инфинтив обладает бо́льшими, чем в литературном языке, синтаксическими потенциями. Наличие их позволяет считать, что диалектный инфинтив в плане семантическом обладает особой способностью к контекстной переориентировке своего содержания. Думается, что такое расширение синтаксических функций инфинтива может быть рассмотрено как одна из причин того, что в диалекте очень ограниченно употребляются отглагольные существительные.

§ 6. Предметные распространители предиката

Предметные распространители предиката в рассматриваемом диалекте имеют в основном те же значения, характер соотношения этих значений и формы их обозначения, какие они имеют в литературном языке и ряде других русских диалектов. В некоторых случаях можно говорить о специфике диалекта в номинации ситуации при помощи предметных распространителей.

Объединяет среднеобский диалект с литературным языком и большинством говоров русского языка и наличие при предикате ряда предметных распространите-

лей, имеющих соответствующую семантику и форму обозначения.

1. Орудие действия обозначается сочетанием предлога НА и имени существительного в вин. п., а также беспредложной формой тв. п. имени существительного: Удочкой ловил. Ловил на удочку.

2. Объект цели какого-либо движения обозначается при помощи сочетания предлога ПО с именем существительным в форме вин. п., а также сочетания предлога ЗА с именем существительным в форме тв. п. Хотя в говоре достаточно часто для выражения названного значения употребляется литературная конструкция с предлогом ЗА, конструкции с предлогом ПО отмечаются практически в речи всех групп населения. Необходимо подчеркнуть, что в конструкции с ПО приприпредложное слово — обычно существительное неодушевлёное, хотя употребление существительных одушевлённых также отмечается: Поедут по невесту. По мать приезжала. Пошёл по Марью. Ездили по скотину. По лекарство поедет. По картошки поехали и др.

3. Делиберативный объект обозначается при помощи предлога О (ОБ) в сочетании с существительным в форме предл. п. и предлога ПРО в сочетании с существительным в форме род. п.: Не слыхал о таком. Слышал про соседа. В этом же значении отмечается в диалекте сочетание предлога НА с именем существительным в форме вин. п.: Плохонький и на ребёнка и на человека говорят.

4. Лицо—объект лишения чего-либо обозначается при помощи сочетаний предлогов У, С, ОТ с именами существительными в форме род. п.: Они взяли с него деньги. Они взяли у него деньги. Забрали от бабушки дочку.

Объект-материал, из которого что-либо делается, обозначается сочетанием предлогов ИЗ, С с именем существительным в форме род. п.: Парёнки парят из брюквы. Варенье скусное получается с малины. Конструкция с предлогом С квалифицируется как сужающая сферу своего употребления.

Противопоставляет среднеобский диалект литературному языку и другим диалектам некоторая специфика в употреблении слов, обозначающих предметные распространители предиката, и в оформлении этих слов.

Специфическим для средиеобского диалекта оказывается сам факт употребления или иеупотребления слов, обозначающих объект, при языковом представлении субъектно-объектной ситуации.

В ряде случаев, когда это допускает или этого требует речевая ситуация, для среднеобского диалекта характерно абсолютивное употребление глаголов, такое же, какое наблюдается и в литературном языке, и в русской разговорной речи: Спокон веку пахали, сеяли. Тогда-то днями не метали. Бригады цельны метали. Кряслы делают к саиям, чтобы в воз больше наложить. Вот плохо, что ты не здравствуешься. Насборят, насборят вокруг горла. В одной тоне много добыли. Хорошо добывал.

С другой стороны, отмечаются многочисленые случаи, когда объект, представляемый в литературном языке, как правило, отдельной словоформой, обозначается в среднеобском диалекте непосредственно предикативной формой: Мы шишковали. Белковать ушёл в тайгу. Бурундуки выйдут, так бурундуковать будем. Я конюшил на полях. Надо, чтобы стог просох, прожарел, вывершивать, заканчивать верх стога хорошо надо, чтобы не пролило. Скорлушишь дерево. Когда мужики обневаживают озёра, то сперва выдалбливают поды, пролуби.

И, наконец, в диалекте отмечаются случаи, когда объект называется в тех конструкциях, в литературных аналогах которых объект по разным причинам отсутствует: Начнём гулять компанию. Гоньбу гоняли. Она надорвалась животом. Она головой болеет. Чо ты тётушке напрокудил? Мы постановили постановление. Назёмы назьмили. Родственники приходят, игры играют. Жили неплохо, но грамоту не имели. В грамоте не умею. Кровь маленько знак даёт. Он от него дал бег. Курсы на шкипера держал.

Всё это позволяет заключить, что для среднеобского диалекта в определённых пределах характерен специфический, отличный от литературного языка, способ представления пропозиции: вычленение или невычленение объектного компонента, а также обозначение его непосредственно глагольной словоформой в тех случаях, когда в литературном языке используется для обозначения объекта отдельная словоформа.

Имеет диалект специфику в употреблении форм и в выборе слов для обозначения предметиых распространителей.

1. В среднеобском диалекте отмечается употребление форм род. п. для обозначения прямого объекта, т. е. в тех случаях, где литературный язык предполагает употребление вин. п. для обозначения объектов неодушевлённых: Возьму мешка и пойду. Люблю солёиых грибов. Я принёс Вам запасу. Достать бы этого лекарства. Дали ему кусочка как 200 грамм. Мы-то уж мало этого делали. Такого маленького купить патефона.

2. Отмечается достаточно устойчивое употребление вопросительно-относительного местоимеиия КТО в форме род. п., в тех случаях, когда в литературном языке употребляется местоимеиие ЧТО, т. е. для обозначения иеодушевлёиного объекта диалект использует форму обозначения объекта одушевлённого: Кого вылить? Кого ела? Кого ты тут делаешь? Кого увидишь, иадо купить, коифеты ли пряиики.

Такое специфическое для среднеобского диалекта употребление этих форм род. п. существительных и местоимеиий показывает, что для говорящих фиксация характера объекта при помощи соответствующих средств необязательна, а это позволяет предполагать, что в диалекте в некоторой степеии нейтрализовано различие в обозначении объектов одушевлённых и неодушевлённых, которые последовательио разграничиваются в литературиом языке.

3. Отмечаются случаи обозначения объекта существительного в форме им. п., который употребляется при переходных глаголах или при безлично-предикативном слове «надо»: Разводят вутки, куры, гуси, индеи. Зыбка на очеп весят. И сила, и время потеряла. Надо копейка. Никому я не надо. Край вода надо. Бедная сестра брату не иадо. Розке тоже ласка надо. На ремонт надо деньги.

Такое специфическое обозначение объекта даёт основание считать, что при функционировании синтаксической системы среднеобского диалекта в отдельных случаях иаблюдается нейтрализация противопоставления субъекта и объекта, в результате чего для обозначения одной ситуации употребляется один из членов трёхчленного образования (зыбку вешаю/зыбка вешают /зыбка висит; копейку надо/копейка надо/копейка нуж-

на), а не двучленного (зыбка висит/зыбку вешают; копейку надо/копейка нужна), как в литературном языке.

После глаголов «жить», «заниматься» для представления объекта со значением деятельности как средства к существованию употребляются в форме тв. п. не только существительные, называющие род деятельности, но и широко употребляются существительные, обозначающие всякого рода объекты той или иной деятельности: Большую половину жили орехами. Рыбой живём, огурцами батуринские занимаются, теперь дровами не занимаемся. Много тут санями занимались. Лесом занимаемся.

С другой стороны, изредка отмечается противоположное оформление других конструкций: Пахали, сеяли, животных-то мало было. Это щас животноводство держат все. Пчеловодство не держим. Удалось отметить контаминированную конструкцию: Там только специально жили скотиной и рыболовством.

После статических глаголов для обозначения деятельности какого-либо лица, направленной на сохранение, надзор и пр. (ср.: лит. «находиться под наблюдением врача»), в диалекте отмечено употребление имени существительного, обозначающего не деятельность, а название лица, этой деятельностью занимающегося: Мы под этим председателем двенадцать лет жили. Чего вы коров под запас не сдаёте? У нас уже под пастухом. Коровы за пастухом ходят. Они в пастухе ходят. Непредметный характер словоформ «в пастухе», «под председателем», «за пастухом» позволяет наряду с названными употреблять в аналогичной позиции словоформу со значением деятельности: Коровы в пастушении у нас и овечки в пастухе.

Таким образом, в среднеобском диалекте изменены и вследствие этого сближены в сравнении с литературным языком синтаксические потенции существительных конкретных и абстрактных, т. е. в диалекте прослеживается тенденция к опредмечиванию объекта, его конкретизации в процессе номинации, можно говорить о стремлении передать событийный смысл при помощи конкретного существительного.

Конструкции типа «занимались лесом», «жили рыбой» должны квалифицироваться как полипредикатные монопредикативные конструкции, семантически соотно-

симые с полипредикативиыми построеииями литературного языка типа «занимались тем, что лес рубили», «жили тем, что рыбу ловили» и под.

Рассмотреиные примеры свидетельствуют о том, что диалект располагает свойствеииой лишь ему цепочкой единиц номинализации пропозиции. Например, в литературиом языке ситуация «Человек ловит рыбу» может передаваться несколькими способами, изывающими или не изывающими непосредственный субъект действия: Человек ловит рыбу = То, что человек ловит рыбу = = Ловить рыбу = Рыбная ловля = Рыболовство и др. В среднеобском диалекте практически отсутствует номинация «То, что человек ловит рыбу», но зато, наряду с иоминацией ситуации при помощи сложного слова «рыболовство», имеется номинация «рыбой», где данная словоформа выступает как единственный знак ситуации.

Представление объекта, обозначающего самостоятельную ситуацию, при помощи существительного предметного значеиия, как и специфическое употреблеиие инфинитива, может быть рассмотреио как одна из причин ограниченного образования и употребления в говоре отглагольных существительных с событийным значением.

5. Наблюдаются многочисленные случаи обозначения объектов специфичными для диалекта формами, появление которых объясияется стремлением уиифнцировать обозначение объектных отношений при глаголах, определённым образом соотносимых семантически.

Глаголы, имеющие при себе объектные распространители в одинаковой форме, чаще всего оказываются сииоиимичными: Сами себя виушили (ср.: самн себя уговорили). Витя погрози мать (ср.: поругай, испугай мать). Миновался от этого (ср.: избавился, спасся от этого). Водиться за ней (ухаживать за ней). Эти глаголы могут быть антоиимичны: Лишить их транспортом (ср.: обеспечить их транспортом).

Глаголы по содержанию могут соотноситься как общее и частное: Завсегда уважай таким людям (кланяйся, улыбайся таким людям). Глаголы могут соотноситься по семантике как действие и его результат: Тифом умер (болел тифом). Умерла оспой (болела оспой). Тендеицией к опредмечиванию объекта можно объяснить

построенную по этой же схеме конструкцию «умер головой»: Мальчик головой умер. Голова болела, болела. Возможно, сюда же следует отнести «жила за стариком» (вышла замуж за старика и жила с ним).

Необходимо отметить, что употребление словоформы «головой» также может быть представлено как свойственная диалекту передача двух пропозиций одной предикативной единицей: Мальчик умер от того, что у него болела голова. В этом смысле рассматриваемая конструкция подобна конструкции «заниматься рыбой», их различие состоит лишь в том, что данная ситуация задаётся через субъект пассивного действия (головой), а не через объект направленного действия (рыбой).

Поскольку конструкции «умереть тифом» употребляются наряду с конструкцией «умереть от тифа», можно сказать, что диалект использует для номинации одной ситуации две конструкции, в одной из которых обстоятельственное значение причины нейтрализуется, и на первый план выходит орудийное значение зависимого члена, это значение близко к тому, которое проявляется в конструкциях типа «убило снарядом», «молнией убило» и пр. Наличие в диалекте данной конструкции также можно расценивать как стремление максимально опредметить объект, обозначив его формой, более специализированной для обозначения объекта. Аналогичным образом, а также действием закона аналогии следует объяснять достаточно широкое употребление конструкции «дарить жениха платком» (ср.: наградить кого-то чем-либо).

6. Отмечаются случаи специфического оформления слов со значением объекта, которые объясняются тем, что некоторые приставочные глаголы в диалекте развили предсказующую связь, конкретный характер которой определяется словообразовательной структурой главного слова; при таких глаголах предлог, соединяющий с ним зависимое слово, повторяет глагольную приставку: Вася сегодня отпросился от работы. А этот три раны наиёс на продавца. И вот в последний год царь на него нагрынул. Они занимаются за пчёлами.

Однако эти же конструкции могут быть представлены как образованные по аналогии с конструкциями, имеющими в своём составе семантически соотнесённый глагол, часто совпадающий по своему префиксальному

оформлению с глаголами в рассматриваемых конструкциях: отпросился от работы (освободился от работы), нанёс на продавца (нанёс на бумагу), на него нагрынул (на него накинулся, набросился), они занимаются за пчёлами (ухаживают за пчёлами, следят за пчёлами) и др.

В целом обозначение предметных распространителей специфическими формами в зависимости от характера семантики глагола позволяет утверждать, что в диалекте конкретный выбор формы слова, обозначающего предметный распространитель, определяется действием закона синтаксической аналогии. Интенсивность его действия, незавершённость его результатов, выражающаяся в разном оформлении предметных распространителей при тождестве их семантики — характерная черта современного состояния рассматриваемого фрагмента синтаксиса.

§ 7. Непредметные распространители предиката

Структура непредметных распространителей предиката в среднеобском диалекте не имеет в целом отличий от литературного языка и других русских диалектов. Почти нет в среднеобском диалекте и специфики в оформлении непредметных распространителей, в основном различия имеют не качественный характер, т. е. они касаются количественного соотношения разных типов оформления того или иного значения (по целой неделе/целую неделю/целыми неделями и пр.).

1. Спецификой среднеобского диалекта в рассматриваемом фрагменте синтаксической системы является отсутствие четкой противопоставленности в дифференциации времени глагольного действия. В литературном языке время глагольного действия подразделяется на время, полностью занятое действием, передаваемое именем существительным в форме вин. п. (читать всю неделю, читать весь день), и время, в один из моментов которого совершается действие (В войну его ранило)[17]. Употребление в среднеобских говорах в обоих значениях

[17] См.: Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, с. 243.

наряду с предложными и беспредложных форм, которые оцениваются как «живое функционирующее средство»[18] передачи значения времени, доказывает, что на языковом уровне в диалекте названной дифференциации времени нет: Нынешнее лето тепло было. Те года померли они. Прошлый год привезли пять кулей. Волки эти года отвалились. Сенокос без мяса не жили. Первый вечер пирог бывает сладкий. Они ликвидировали своё хозяйство перво время. Воскресенья играли в разлуки.

2. Можно сказать, что в некоторых случаях для диалекта характерна нейтрализация противопоставления значений причины и цели: Чо мычишь? Чо не привёл жену? Чо тут стоишь? Ты чо всё пишешь?

Таким образом, хотя среднеобский диалект не имеет отличий от литературного языка в оформлении непредметных распространителей, в нём наблюдается специфичная нейтрализация некоторых семантических противопоставлений непредметных распространителей; на этом основании возможно утверждать, что семантика отдельных форм, обозначающих непредметные распространители предиката, в диалекте и литературном языке не совпадает.

Раздел 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ ПРОПОЗИЦИЙ

Уже при анализе монопредикатных структур выяснилось, что в среднеобском диалекте сочетание пропозиций передается некоторыми монопредикативными структурами, однако наиболее характерны для диалекта полипредикативные структуры как средство представления сочетания пропозиций.

Полипредикативы в среднеобском диалекте имеют те же содержательные и формальные свойства, какие имеют соответствующие конструкции в литературном языке; в диалекте с разной степенью распространённости отмечены практически все разновидности открытых

---

[18] Пантелеева Е. М. Синонимика беспредложно-предложных конструкций и пути ее изменения: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965, с. 56.

и закрытых структур союзного и бессоюзного предложения.

В связи с этим при описании представления в диалекте сочетаний пропозиций становится излишним перечислять все возможные отношения между ПЕ, представляющие пропозиции с последующим перечислением синтаксических структур, употребляющихся для передачи этих отношений: Такой путь сделал бы неизбежным повторение того, что уже известно о синтаксисе литературного языка и других русских диалектов.

В целях выявления общих содержательных свойств диалектного синтаксиса сложного предложения как способа представления отношений между пропозициями в дальнейшем описании будут рассматриваться только отдельные комплексы полипредикативов, которые имеют в своём составе структуры, отличающиеся от семантически соотносимых литературных структур либо своей формой, либо характером употребления.

Отдельно будут рассматриваться полипредикативные структуры, которые состоят из двух ПЕ, связанных определёнными отношениями, т. е. расчленённые полипредикативы; далее будут анализироваться полипредикативы, где одна из ПЕ выступает как распространитель слова, входящего в состав другой ПЕ, т. е. нерасчлененные предикативы. Аналогичность в построении комплексов позволяет некоторые из них рассматривать вместе.

§ 1. Отношения между предикативными единицами в расчлененных полипредикативах

1. Сопоставительно-противительные отношения между двумя ПЕ в среднеобском диалекте передаются при помощи союзов А, НО, ОДНАКО. Обозначение этих отношений при помощи союза НО является крайне редким для рассматриваемого диалекта, что объединяет его с другими русскими диалектами[19]. Наиболее распространен в диалекте между двумя ПЕ союз А. В отличие от литературного языка часто ДВ начинается с ПЕ, имеющей в своём составе союз А. ПЕ, начинающие-

---

[19] Русская диалектология/Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, с. 255.

ся с А, могут быть сопоставимы по своему содержанию с какими-либо ПЕ в составе предыдущего высказывания: Приходит тысяцкий, большой боярин, средний боярин, малый боярин. А девки у невесты в дому все уж собираются... Работать надо. Лучше делать всё молчком, не хвастать. А другой ещё не сделал ничо, а уже славу распустил. Он там всю работу абсолюдио сгарнизовал, потом кончилось всё, он уехал. А топерь работу с меня справляют[20].

Однако во многих случаях ПЕ, начинающаяся с А, либо оказывается первой в акте коммуникации, либо не связана по содержанию с предшествующим высказыванием: А ты дрова с ём пойдёшь резать? А погода однако портится. Ну что ж, а в воскресенье картошку надо копать. А здесь народ приёмчивый. А автобус видно нынче не придёт.

Такие ДВ, начинающиеся с А, по причине своей структурной нецелостности синтаксически обязательно связываются с какой-либо синтаксической единицей, приобретающей сразу статус основы сопоставления. Если эксплицитно такой основы сопоставления в тексте нет, то ДВ, начинающееся с А, может опираться непосредственно на речевую ситуацию, фактические знания, общие для говорящих; ДВ, начинающееся с А, может быть рассмотрено как средство невербального представления части полипредикативного высказывания, т. е. как средство актуализации пресуппозитивных знаний, так как содержание этой невербализованной части высказывания однозначно предсказывается конструкцией с союзом А. Наконец, ДВ с союзом А вне зависимости от содержания предыдущего высказывания всегда является особым отрицанием темы, предыдущего высказывания; высказывание, начинающееся с А, всегда является заявкой на новое, причём такое новое, которое мыслится в связи со старым. Связь эта во многих случаях оказывается очень отдалённой, отражающей ассоциативный характер мышления, однако существенным представляется то, что союз А — всегда сигнал связи. Отсюда вытекает, что союз А в начале ДВ — средство организации

[20] В этих и последующих примерах расстановка знаков препинания направлена на обозначение синтаксических структур и не отражает ни интонационного оформления фрагментов ДВ, ни пунктуационных навыков диалектоносителей.

отдельных высказываний внутри текста на основе сопоставления содержания ПЕ, принадлежащих разным высказываниям.

Таким образом, на основе союза А между ПЕ, принадлежащими к разным высказываниям, устанавливаются особые сопоставительные отношения, организующие текст, представляющие информацию отличным от литературного языка способом, языковой констатацией смысловых связей между ситуациями, которые не фиксируются в аналогичных случаях в литературном языке. Это значит, что в целом сопоставительные конструкции в литературном языке и диалекте не являются тождественными по своей семантике, т. е. отношения сопоставления в диалекте имеют отличную от литературного языка организацию.

Крайне редкое в речевой практике употребление союза НО, замена его при воспроизведении фраз с НО на фразы с А показывает, что в диалекте нет имеющейся в литературном языке достаточно чёткой дифференциации сопоставительных отношений на собственно сопоставительные и противительные.

2. Отношения временные, условные, причинные, уступительные и следствия в диалекте передаются соответственными структурами, совпадающими с аналогичными структурами литературного языка.

Однако наряду с полным воспроизведением в диалекте структур и соответствующих значений временных, условных, причинных, уступительных и следственных предложений, отмечено несколько типов структур, поразному отличающихся от соответствующих структур литературного языка.

а. В диалекте широко представлены сложные предложения, где разнообразные отношения обусловленности передаются без участия союза. Конкретная семантика этих предложений определяется характером соотношения семантики каждой из двух ПЕ, входящих в состав этих полипредикативов, всей отражаемой в полипредикативе неязыковой ситуацией: Квас делали — по рукам, по ногам пойдёт распущение. Скарлатином болел ребёнок — няньку наймовали. Год пройдёт — их стригут. Рематизма мучит — муравьиным ядом, скапидаром лечат. Хочешь — трёхпёрску свяжи, хочешь — четырёхпёрску. Мне одной нельзя, у меня приступы бывают.

Самовязки зовут — сами вяжут они. Он месяц поработал — ему корова, два поработал — уже вои что — машина. Он один остался, вот его и ухлопали. Каку́ песню не начни — он знает. План-то был, есть — нет, отдай. Несмотря на то, что такого же типа бессоюзные предложения отмечаются в литературном языке, представляется возможным рассматривать эти бессоюзные конструкции как специфические для диалекта благодаря их высокой частотности; для выражения отдельных отношений именно бессоюзная форма, которая задаёт эти отношения в самом общем виде, оказывается явно преобладающей.

б. В диалекте распространены бессоюзные предложения, в которых между ПЕ, их составляющими, есть соотносительные слова ТАК, ДАК, ДЫК, ТОГДА, ТО: Мы ростили, дак не видали этого. Быки примутся бости́, дык мужики насилу их стягами разобьют. Осенью стригут, то осеньши́на. Небольшой был, рыбу поймал, дак домой убился бежал. Мы его знали, так кормили. Ягоды много, дак быстро ведро наберёшь. Щас на ферме работаешь, так подмены и замены заменяют. На праздники, так я сковородно делаю, а так чай. Я уж стара была, дак с меня много не справлялось. На улице передрались, так с у́росом спать лёг. Придут, дык все перестынут, осопе́ют. Прибьёшь, он никуда, тогда его не выворотишь. Соотносительные слова подчеркивают наличие отношений обусловленности между ПЕ. Наличие в диалекте бессоюзных конструкций с соотносительными словами и чисто бессоюзных конструкций показывает, что для среднеобского диалекта наряду с расчленением отношений обусловленности на отдельные разновидности характерно представление обусловленности в самом общем, недифференцированном виде. При распространенности таких бессоюзных конструкций видно, что во многих случаях именно это обобщенное значение обусловленности оказывается оптимальным с точки зрения говорящего для описания отношения между ситуациями.

в. Отмечены полипредикативные структуры с различными отношениями обусловленности, обозначенными не теми союзами, которые передают эти отношения в литературном языке. В этих предложениях может присутствовать или не присутствовать соотносительное слово: Не буду ни за что любить, когда не слушаешься. Это

озеро, что в нём истоков нет. Как раньше довольно было орехов, для них анбар ставили. Магазин закрыт, что продавец болеет. Обложение небольшое, а как мы не получаем, дак и два рубля где-то взять надо. А ещё колотушка, что дрова колоть. Мне было страшно, потому как чёрный лежит. Не пущу её с тобой, оттого ты ненадёжный парень.

г. В диалекте отмечены случаи комбинации союзов при оформлении отдельных синтаксических отношений: Когда война сделалась, и сразу остановились заводы. Когда еслив я помнил, в каком году было, что ли я не рассказал бы. Как мужу сестра, она мне золовка приходится, а родители его моим отцу с матерью — сватовья. Не пойду я туда, не пойду, как от того, что он всяко обсрамил меня перед людьми. Употребление таких комбинаций союзов оказывается случайным и свидетельствует о взаимодействии разных структур сложного предложения.

В речевой практике при повторах, переспросах и под. одно и то же отношение между ПЕ оформляется говорящим по-разному. Это свидетельствует о том, что в целом в диалектной системе расчлененных предложений отсутствует такое четкое противопоставление отдельных типов предложения по содержанию и по форме выражения, какое имеется в литературном языке.

Употребляемые в диалекте для передачи одного отношения названные выше структурные типы предложений семантически разнородны.

Предложения, построенные по структурным схемам, совпадающим с соответствующими типами сложного предложения закрытой структуры литературного языка, не отличаются от последних по конкретности в реализации какого-то одного отношения, которое фиксирует говорящий между двумя пропозициями, оставляя другие отношения, имеющиеся между ситуациями в реальной действительности, нереализованными, потенциальными, неактуальными в момент формирования данного предложения. Такие предложения — это однозначные предложения, самые специализированные, наименее частотные, имеющие ограниченную сферу употребления.

Менее специализированными оказываются предложения, в которых имеется соотносительное слово ТАК (ДАК). В этих предложениях реализованы из всех воз-

можных только отношения обусловленности.

И, наконец, самыми неспециализированными, многозначными, неопределёнными по характеру отношения представляются бессоюзные предложения, наиболее частотные, имеющие практически неограниченную сферу употребления.

Совокупность этих и подобных им типов предложений обеспечивает коммуникативные потребности говорящих в квалификации отношений между пропозициями.

Таким образом, на основе анализа рассмотренных комплексов предложений можно заключить, что среднеобский диалект имеет свою систему расчлененных сложных предложений, характеризующуюся отличной от литературной своеобразной семантической организацией и особой формой функционирования этой системы.

§ 2. Отношения между предикативными единицами в нерасчлененных полипредикативах

Отношения между ПЕ в диалектных нерасчлененных полипредикативах, как и в литературном языке, сводятся к отношениям, которые существуют между словом и его распространителем, предметным или непредметным по своему значению. Соответствующие нерасчлененные предложения разных типов, полностью, и по форме и по содержанию, широко представлены в среднеобском диалекте. Однако наряду с этим в диалекте отмечены структуры, где ПЕ, выполняющие функции разнообразных присловных распространителей, вводятся в предложение отличным от литературного языка способом.

а. Наиболее распространены полипредикативные структуры, без указательного слова в главной ПЕ, к которому в аналогичных структурах литературного языка относится зависимая ПЕ: Больница была, где леспромхоз. На яму выезжат, у кого хорошая лошадь. Ссылали кто работников держал. У меня приступы бывают, что он бежит за медиками. Я интересуюсь, что муравьи погоду знают вперёд нас. Наелся, что смотреть тошно. Премию дают, кто норму перевыполнит. Чо хочет творит.

Присубстантивные предложения, как правило, не имеют указательных слов перед субстантивом: Место, где стелют лён, зовётся льнище. Нет у нас листов, что-

бы делевой запор ставить. Поросятососки звали, которые сосали мать. Где икона, подсвятным углом называется. Которо тонко, стекло хорошее.

б. Устойчиво употребляются полипредикативы, в которых отсутствует не только соотносительное слово, но и союз: Принеси ведёрко, на крыльце стоит. Мы кормим поросят, в апреле родились. Я, думала, грабелки потеряла. Тогда жили, чо хотели ели. Есть некоторые болота — не пройдёшь. Мы раньше занимались — лес плавили. Я жду, он ещё вёдра принесёт. Обратно вернулись, жили здесь в бараках.

С формальной точки зрения названные конструкции совпадают с бессоюзными, явно различаясь с ними значением. Близки они к конструкциям со вставочными элементами, хотя отличаются от них функцией зависимой ПЕ.

в. Отмечены структуры, где одна из частей содержит соотносительное слово ТАК (ДАК): Где пропаща скотина, дак едят. Которы богато живут, дак много накладают. Которые поют, дак склонны на это. Что идти к тётке Клавдее надо, так забыла я с испугу. Где горошек цветёт, дак всё объели, ничо нет. Зачем она может пригодиться, дак и не знаю.

г. Отмечены структуры, представляющие всякого рода контаминации исходных структур: У меня мужик, годов мало было, свенчались. Вот молодёжь и надо, чтобы тут помогали. А который отец мне строил, он мне строил крестовый дом.

д. В диалекте широко представлены предложения, в которых в функции предикативного члена выступает ПЕ: Анбар — это семена лежат. Неделю-две дождь льёт — это уж ливень. Свалят, лесину раскрыжняг — это разрезают на короткие брёвна. Сымат кожу змея — это свинка. Слюда — это несёт тонкая слюдожа, а когда намёрзнет лёд — это уж шуга. Утятница — за утками ходит. Ступник — это по земле едешь.

Употребление названных полипредикативных структур наряду со структурами, характерными для литературного языка, свидетельствует о том, что система значений нерасчлененных сложных предложений в диалекте также имеет свою специфику.

Частое отсутствие относительных слов в главной части или отсутствие союза при наличии соотносительного

слова в главной части позволяют утверждать, что описываемая диалектная система имеет наряду с литературными моделями сложного предложения ещё одну модель, основным назначением которой является присловное распространение без дифференциации на виды. Конкретная функция зависимой ПЕ определяется семантикой и грамматической характеристикой слова, к которому эта ПЕ относится.

Отсутствие потребности в четкой дифференциации на семантические разряды, характер которых однозначно задавался определенной формой, делает достаточным использование слов ТАК, ТО и пр. как единственных оформителей предложения. Отношения ПЕ внутри предложения, построенного по этой модели, определяются аналитически, не из формы, а из реального содержания присловной ПЕ. Именно поэтому как отражение сходства в характере распространения при помощи ПЕ разных слов в составе главной части предложений, построенных по этой модели, появляется общее для различающихся семантически видов сложных предложений соотносительное слово ТАК (ДАК, ДЫК), единое для передачи разных видов отношений между пропозициями.

Появление такой нерасчлененной по семантике модели нерасчлененных предложений представляется отражением на уровне сложного предложения уже отмеченной ранее неустойчивости в оформлении присловных распространителей на уровне простых предложений.

Последовательное отражение в сложном предложении тех вариантов оформления присловных распространителей, которые даёт простое предложение, дало бы на уровне сложного предложения очень большое количество разнообразных структур, отличающихся по форме от соответствующих предложений литературного языка.

Употребление в диалекте ПЕ в функции главного члена предложений тождества, включение в состав разного рода полипредикативов зависимой ПЕ без изменения формы позволяет утверждать, что в синтаксической системе рассматриваемого диалекта имеются свои правила номинализации ПЕ. Употребление зависимой ПЕ без изменения формы в функции одной из словоформ в составе другой ПЕ показывает, что зависимая ПЕ в диалекте обладает бóльшими сочетательными возможно-

стями и большей семантической емкостью в сравнении с соответствующими ПЕ литературного языка.

Широкое употребление этой модели в речи самых разных слоёв населения для описания разного рода отношений между пропозициями, употребление этой модели наряду с соответствующими литературными моделями, дифференцированными по значению, показывает, что во многих случаях обозначение отношений между двумя пропозициями при помощи такой полипредикативной аналитической модели, обобщенной по значению, удовлетворяет коммуникативные намерения говорящего.

Наличие всякого рода контаминированных полипредикативных построений свидетельствует о динамическом характере диалектной системы.

В заключение необходимо отметить, что наряду с использованием общерусских способов и средств номинации среднеобский диалект использует и модели, специфичные только для него, отличающиеся от соответствующих моделей литературного языка по оформлению, семантике и употреблению.

Синтаксис среднеобского диалекта обнаруживает в сравнении с литературным в области организации сложного предложения бо́льшую склонность к аналитизму, что выражается в специфическом оформлении пропозиции, в употреблении бессоюзных предложений.

Наличие наряду с совпадающими с литературными специфических для диалекта аналитических по своему характеру моделей сложных предложений свидетельствует о том, что синтаксис среднеобских говоров имеет свою систему представления отношений между пропозициями, обозначенными ПЕ. Эта система частично совпадает с литературной, но в большинстве случаев отношение между пропозициями задается менее дифференцированно, чем оно представляется в литературном языке.

В сравнении с литературным языком возможно констатировать отсутствие на языковом уровне или нейтрализацию противопоставлений, существующих между содержанием отдельных семантических разрядов сложного предложения; представляется более неопределенной граница сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Раздел 3. НЕПРЕДИКАТИВНАЯ ЧАСТЬ ДИАЛЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ. КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ДИАЛЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Непредикативная часть ДВ имеет разнообразную организацию, очень вариативным является ее объем. Части ДВ, особенно те из них, которые состоят из полипредикативов, могут вообще не иметь при себе непредикативных элементов, т. е. практически в таких случаях ДВ совпадает с обычным высказыванием литературного языка.

Однако по отношению к тем высказываниям, которые имеют в своем составе непредикативную часть, возможно дать краткую характеристику элементов, предшествующих предикативной части ДВ, и элементов, следующих за предикативной частью ДВ.

§ 1. Непредикативная часть диалектного высказывания

Именительный темы в среднеобских говорах употребляется наряду с другими словоформами и конструкциями с тематической функцией — инфинитивом темы, инициальной словоформой-повтором реплики другого лица, восклицательной конструкцией утвердительного или отрицательного характера: Литовки. У них вязок, косьёвище. Плетушка. Плетёшь-то из прутиков. Карась же он разный, есть тонкий, тонкий, плошша́тый карась. Окорениться. Пришла замуж и в этой избе засела, окоренилась.

Фурить. Сходи расфури, раскидай репу сеять.

Ой, сблажать бы тебе, куды ночью идти!

Куда идёшь. Куда спосылают иду, не игры играть (как ответ на вопрос «Куда идёшь?»). Как предшествующий элемент могут быть рассмотрены начинающие ДВ предложения со значением бытия: Был у нас охотник. Случилось мне ездить в город. Нас у матери пятеро было и др.

В качестве следующих за предикативной частью элементов отмечены всякого рода пояснительные конструкции, повторы разного типа, именительный заключения, различные заключительные частицы. Как уже говори-

лось, часто сигналом конца одного ДВ и началом другого ДВ является употребление союза А. Реже эту же функцию может выполнять и союз И.

В организации непредикативной части, таким образом, среднеобский диалект в основном не имеет отличий от литературного языка и русской разговорной речи.

§ 2. Коммуникативное членение диалектного высказывания

Наиболее существенные отличия среднеобских говоров в организации высказывания — достаточно четкое деление высказывания по содержанию на тематическую часть (I), основную часть (II), которая выполняет функцию развернутой ремы, и заключительную часть (III), основное назначение которой — дать сигнал конца: (I) Ну, а потом, значит это (II) найдёшь ягнёнка, ну, матку приведёшь там, отдельно её посадишь в другой, значит, вагон, (III) Вот таким образом.

В условиях изобилия бессоюзных связей, разнообразных пояснительных конструкций, отличаемых внутри предикативной части и в конце ее, такое деление ДВ на части по тема-рематическому принципу способствует преодолению некоторой синтаксической аморфности текста, делает более четкой его организацию. Можно сказать, что рыхлость синтаксической организации ДВ компенсируется его четким коммуникативным членением.

Однако следует отметить, что именно эта коммуникативная организованность обусловливает наличие еще одного существенного отличия ДВ: всякого рода пояснения и присоединения, которые обычно именно так характеризуются исследователями литературного языка, существенно отличаются от конструкций пояснительных и присоединительных, отмечаемых на уровне осложненного предложения литературного русского языка. Поскольку каждое последующее слово в ДВ можно расценивать как очередной этап в перечислении тех элементов информации, которые говорящий считает необходимым сообщить в данном акте коммуникации, то на пояснительные и присоединительные отношения, потенциально имеющиеся между произносимыми словами и

уже сказанными, постоянно накладываются и во многих случаях оказываются более актуальными и, следовательно, более заметными отношения перечисления, возникающие между элементами комплексной ремы: Ну, а потом дальше. А лето приходит, я только скотину у него пасу, коров, вот эта, вон там, за рекой.

Можно считать, что в пределах ДВ собственно осложняющий характер поясняющих и уточняющих членов в какой-то мере нейтрализуется, из этого следует, что спецификой диалектного синтаксиса оказывается менее яркая граница между простым и осложненным предложением, чем она намечается в русском литературном языке[21].

§ 3. Отношения парадигматического типа между синтаксическими единицами

Любая синтаксическая единица, представляющая собой единство формы и содержания, включается в систему парадигматических отношений с другими синтаксическими единицами, если между ними существует формальное или содержательное сходство.

Несмотря на то, что отношения этого типа достаточно хорошо описаны на других уровнях языка, например на лексическом, системное описание отношений между единицами в синтаксисе справедливо считается актуальной задачей современной лингвистики вне зависимости от того, на каком конкретном материале эта задача будет решаться.

В пределах данного параграфа кратко представляются основные типы отношений между синтаксическими единицами, существующих между ними как единицами содержательными, несущими диктуемую информацию.

Применительно к диалектному материалу для решения вопроса о системе отношений между синтаксическими единицами необходимо первоначально выделить корпус соотнесенных предложений, т. е. предложений, содержание которых каким-то образом соотносится с точкой зрения носителя диалекта. В связи с этим в качестве отправной точки исследования была взята

---

[21] См.: Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983, с. 49.

конкретная ситуация. Собранные от разных людей предложения, созданные по поводу одной конкретной ситуации (явления природы, события из жизни людей и т. п.), считаются соотнесенными предложениями.

Несмотря на свою кажущуюся бесконечность, этот корпус предложений хорошо дифференцируется на группы предложений. Каждая группа противопоставляется другой по типу отношений, связывающих элементы группы. Изучение групп предложений позволило выделить основные типы отношений, определить их взаимосвязь, отметить отдельные свойства системы отношений, представляющие её специфику.

Для непосредственного представления этих отношений необходимо обратиться к языковому изображению конкретной ситуации, например, к ситуации дождя, которая задается рядом соотносительных предложений, разных по форме и содержанию: (1) Дождь идет. Дождь. Опять льет. Размокропогодилось; (2) Тучи понависли. Пасмурно. Солнца совсем нет. Лужи-то какие на дороге. Белье на веревке всё намокло; (3) Автобуса сегодня не дождешься. Мокрица в огороде опять полезет страшная.

Из вышесказанного ясно, что самый общий тип отношений, который противопоставляет данный корпус предложений другим, — это отношения между предложениями, как представителями одного изображаемого события. Отношения между членами такой синтаксической событийной парадигмы напоминают отношения между членами одной тематической группы в лексике.

Специальному изучению такие событийные парадигмы в синтаксисе не подвергались, однако изучение отдельных парадигм показало, что в пределах ситуативной парадигмы существует ряд объединений, характеризуемых разными отношениями между предложениями.

1. Отношения между предложениями, передающими общую картину ситуации. Эти отношения объединяют предложения (1) и подобные: Ну, поливает!.. Опять на улице дождь. Дождь припустил.

2. Отношения между предложениями, описывающими фрагменты ситуации. Эти отношения объединяют

предложения (2) и подобные: Дым к земле гнет. Куры под навесом попрятались.

3. Отношения между предложениями, которые представляют собой умозаключения говорящего по поводу данной ситуации. Этими отношениями объединяются предложения (3). Такие предложения всегда являются предположениями либо о будущем событии (Сено сгниет по покосам. Грибы пойдут беспременно), либо о событии, непосредственно сейчас происходящем, но происходящем вне наблюдения, «за кадром» события (Промокли, поди, на покосе там. Нюрка-то сидит, небось, радуется: огород хотела поливать).

Как показывают приведенные примеры, в пределах ситуативной парадигмы и конструкции, соотносимые пропозитивно, которые традиционно рассматриваются как предложения семантически соотносительные, и предложения, которые в собственно языковом значении не соотносятся. Несмотря на это, думается, что эти предложения представляют несомненный интерес для диалектолога, так как только такое «приситуативное» изучение предложений позволяет обратиться к еще не исследовавшемуся процессу номинации ситуации в пределах одной диалектной системы.

Особо следует подчеркнуть, что предложения-умозаключения отражают жизненный опыт говорящих, их видение мира в свойственной ему взаимосвязи явлений. Смыслы предложений-умозаключений как прагматические сосуществуют с названными выше смыслами предложений, непосредственно обозначающими ситуацию. Связь эта настолько тесна, что часто в акте коммуникации работают именно эти прагматические смыслы. В таких случаях предложение, имеющее общее значение описания ситуации, приобретает другое значение, непосредственно на которое и реагирует слушатель: — Я ей, дуре, говорю: «Дождь идет». А она: «Не нужны мне твои сапоги. В босоножках добегу»... Вот дура-то!. — Однако полдень уже. — Ну!? — Чо ну! Чо ну! Говорю: обед ставить пора. Не понимаешь чо ли!?

Рассмотрение ситуативно соотнесенных предложений показывает, что смысл каждого предложения представляет совокупность собственно языковых и прагматических значений, из которых в конкретном речевом

акте реализуется одно, а остальные оказываются потенциальными, нереализованными, «спящими».

Таким образом, обращение к ситуативно соотнесенным предложениям позволяет изучить характер взаимоотношений разных смыслов предложения и решить вопрос о соотношении на этом уровне синтаксиса диалекта и литературного языка.

Следующий подтип отношений — это отношения между синтаксическими конструкциями, объединенными общностью пропозиции. Изучение этих отношений, в целом достаточно хорошо изученных в литературном языке, позволило выделить в диалекте наиболее типичные формы для выражения того или иного пропозитивного смысла. Например, зафиксировано преимущественное употребление неопределенно-личных предложений для обозначения собственной деятельности: Здесь хлебопашеством занимались. Хлеб сеяли. У нас тут землю пахали, сеяли. Формы: Мы здесь хлеб сеяли. Люди тут спокон веку хлеб сеяли — употребляются реже. Имеются специальные наблюдения над предложениями, обозначающими одну ситуацию, и наблюдения над разными формами передачи значения изъяснения с исследованием причин употребления одного из возможных видов номинации[22].

Как разновидности отношений между пропозитивно-соответственными синтаксическими конструкциями необходимо выделить отношения между предложениями, представляющими пропозицию, и непредикативными, уже рассмотренными ранее, формами ее выражения. Известно, что для литературного языка во многих случаях типично представление полипропозитива как высказывания, где одна пропозиция представляется предикативной конструкцией, т. е. находится в «сильной позиции», «под ударением», а другие пропозиции представлены непредикативными формами, что заставляет считать такие пропозиции находящимися в «слабой позиции», редуцированными.

---

[22] См.: Стексова Т. И. К вопросу о формально-семантических соотносимых диалектных предложениях//Молодые ученые и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция. Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983. С. 132—134. О системе реализации изъяснительной конструкции см. работы М. А. Болговой.

Изобилие в диалекте традиционно отмечаемых повторов, отсутствие во многих случаях потенциально возможных редуцированных форм показывает, что для диалекта характерно отсутствие редукции пропозиции в слабой позиции. Это свойство противопоставляет диалект и литературный язык, указывает на существование различий в данном фрагменте системы отношеиий между синтаксическими единицами литературного языка и диалекта.

Отдельно в пределах отношений между пропозитивно соотнесенными предложениями должны быть рассмотрены либо на конструктивиом уровне, либо на уровне организации высказывания отношения между неосложненными предложениями и предложениями, имеющими в своем составе осложняющую конструкцию[23], отношения между разными реализациями одной структурной схемы и др.

Таким образом, отиошения между синтаксическими единицами среднеобского диалекта образуют многоуровневую систему, которая, несмотря на свое несомнеиное, обусловленное самой языковой сущностью сходство с соответствующей системой литературного языка, в отдельных своих компонентах обиаруживает свою специфику.

Подробиое, исчерпывающее изучение отношений между синтаксическими едииицами, включающее и исследование отношений, существующих между синтаксическими единицами на основе их формального сходства, базирующееся на разных языковых системах, — одна из интереснейших и актуальных задач, стоящих перед лингвистами.

---

[23] О видах диалектного поясиения см. работы С. П. Петруниной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в главе краткий анализ синтаксических явлений, безусловно, не охватывает всей синтаксической системы среднеобского диалекта. Остаются неисследованными такие интереснейшие стороны синтаксиса, как система субъективных смыслов в семантике синтаксических единиц, не рассмотрены вопросы соотношения разных структурных типов предложения, не затрагивались явления экспрессивного синтаксиса, вопросы организации текста.

Несмотря на сжатость и неполноту описания представляется, что в результате проведённого исследования получены некоторые новые сведения о синтаксисе среднеобского диалекта.

Бесспорно, многие из названных явлений нельзя расценивать как свойственные только рассматриваемому диалекту. Многое, о чем здесь говорилось, характерно либо для ряда диалектов, особенно для говоров вторичного образования, либо для всех диалектов вообще, либо для диалектов и русской разговорной речи; какие-то выделенные свойства определяют диалект как устное языковое образование.

Однако как бы ни были индивидуальны или, наоборот, типичны полученные характеристики синтаксической системы среднеобского диалекта, представляется несомненным одно: перечисленные свойства синтаксической системы являются неотъемлемыми признаками именно этой системы и определенным образом характеризуют ее.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что несмотря на то, что на формальном уровне среднеобский диалект не обладает существенными различиями, противопоставляющими его русскому литературному языку, на семантическом уровне, на уровне коммуникативном и на уровне функционирования синтаксической системы различия среднеобского диалекта и русского литературного языка оказываются очевидными.

Это позволяет считать, что подход к описанию диалектного синтаксиса от семантики синтаксических единиц к формам, а от них — к выводам о характере семантической организации данного фрагмента синтаксической системы — может быть применён к описанию других сторон синтаксиса среднеобского диалекта. Это поможет дополнить и конкретизировать общее представление об устройстве синтаксической системы среднеобского диалекта, описание которого начато в данной работе.

В определенной мере принятое направление описания может быть небесполезным при изучении синтаксиса других говоров, и при общем их сопоставительном описании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

1. Араева Л. А. К вопросу о мотивирующем классе «глагол — существительное». — Свердловск, 1981. Деп. в ИНИОН АН СССР, 02.4.81, № 7332.

2. Араева Л. А. К вопросу о словообразовательной и лексической синонимии. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 79—90.

3. Араева Л. А. Типы мотивирующих классов слов: На материале суффиксальных субстантивов верхнекетского говора Томской области. — В кн.: Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка (тезисы). Вологда, 1983, с. 63—65.

4. Араева Л. А. Типы мотивирующих классов характеризующей группы существительного лица. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983, с. 3—9.

5. Араева Л. А., Резанова З. И. Производные существительные со значением артефакта в говоре и литературном языке. — В кн.: Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984, с. 73—78.

6. Арьянова В. Г. Замечания о мотивированности фитонимов говоров Среднего Приобья. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 75—78.

7. Блинова О. И. Варьирование внутренней формы слова в говорах. — В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом (Волгоград, 21—24 сентября 1982 г.). М., 1982, с. 55—56.

8. Блинова О. И. Мотивационное значение слова. — В кн.: Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984, с. 3—8.

---

* Настоящий указатель является дополнением к основному, опубликованному в первой части книги «Русские говоры Среднего Приобья» (Томск, 1984).

9. Блинова О. И. Мотивационный словарь и его информативные возможности. — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21—26 мая 1984 г. Тезисы докладов. М.: Наука, 1984, с. 108—109.

10. Блинова О. И. Носители диалекта — о своем диалекте: Об одном из источников лексикологического исследования. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 3—15.

11. Блинова О. И. О некоторых перспективах лингвогеографии в изучении лексики диалектов. — В кн.: Совещание по вопросам диалектологии и истории языка: (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18—20 сентября 1984 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984, т. 2, с. 119—120.

12. Блинова О. И. О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1981, с. 83—89.

13. Блинова О. И. Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья. — В кн.: Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: В 2-х т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, т. 2, с. 321—353.

14. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984, 189 с.

15. Блинова О. И. Явление мотивации слов в литературном языке и диалекте: На материале русского языка. — В кн.: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума. Декабрь 1984 г. М., 1984, с. 150—153.

16. Богословская З. М. Словарь вариантной лексики одного говора. — В кн.: Русские говоры Западной Сибири. Тюмень, 1982, с. 31—35.

17. Богословская З. М. Формальные варианты слов в социальном аспекте: На материале фитонимики говора с. Вершинино, Томской области. Томск, 1983. 9 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, 27.1.83, № 12179.

18. Богословская З. М. Функции формальных вариантов слова в диалектной речи. Томск, 1982. 6 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, 14.4.82. № 9786.

19. Богословская З. М. Явление варьирования слова в системе говора: Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1984. 437 с.

20. Бочкарева Т. А. Мотивированность слова и синтаксический аспект: На диалектном материале. — В кн.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, ч. 2, с. 131—135.

21. Васильев В. П. К вопросу об определении нормативности лексико-семантической сочетаемости в говоре: На материале названий ветров. — В кн.: Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983, с. 43—56.

22. Васильев В. П., Васильева Е. В., Грунина Л. П., Орел М. В. Лексика говоров Кемеровской области: Материалы для словаря. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 152—178.

23. Васильева Э. В. О некоторых типах семантической регулярности в говоре. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 33—44.

24. Васильева Э. В. Семантическая характеристика зоонимов на микро- и макроуровне. — В кн.: Семантика слова и его функционирование. Кемерово, 1981, с. 28—34.

25. Васильева Э. В. О некоторых особенностях метафорического значения в связи с типологией лексико-семантических структур многозначного имени существительного. — В кн.: Проблемы изучения говоров вторичного образования. Кемерово, 1981, с. 61—69.

26. Грушко Н. Е. Семантика производных существительных, мотивированных глаголами физического действия. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982, с. 42—53.

27. Гудкова С. Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора: Опыт ономасиологического описания: Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1983. 174 с.

28. Гудкова С. Н. Специфика соотношения глаголов с производящими существительными: На материале суффиксальных отсубстантивных глаголов верхнекетского говора Томской области. — В кн.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1981, вып. 4, с. 50—58.

29. Гынгазова Л. Г. Типы лексических различий в тематической группе «Названия льда». — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 182—193.

30. Гынгазова Л. Г. Существует ли народно-поэтический стиль в системе диалекта. — В кн.: Доклады XXIV научной конференции, посвященной 100-летнему юбилею В. И. Ленина. Томск, 1971, с. 96—97.

31. Гынгазова Л. Г. Лексика природы в системе одного говора. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 98—110.

32. Гынгазова Л. Г. О диалектных лексических различиях говоров малого ареала. — В кн.: Молодые учёные и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция: Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983, с. 132—134.

33. Гынгазова Л. Г. О методике сбора материала для типологического исследования диалектной лексики. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 229—233.

34. Гынгазова Л. Г. Характер и типы лексических различий в среднеобских говорах: К проблеме лексической типологии говоров малого ареала: Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1984. 332 с.

35. Демешкина Т. А. Об уровневой организации семантических отношений мотивационно связанных слов. — В кн.: Молодые ученые и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция: Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983, с. 139—141.

36. Демешкина Т. А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов и средства их выражения. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 59—68.

37. Демешкина Т. А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов: (лексикологический аспект): Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1984. 245 с.

38. Демешкина Т. А. Типы смысловых отношений слов-мотиватов. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982, с. 53—61.

39. Демешкина Т. А., Нестерова Н. Г. Типы смысловых связей слов, находящихся в отношении лексической мотивации: Говоры Среднего Приобья. — В кн.: Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: В 2-х т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, т. 2, с. 358—366.

40. Захарова Л. А. Применение некоторых приемов математической статистики в исследовании письменных памятников русского языка. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976, с. 81—83.

41. Захарова Л. А. Томский исторический словарь XVII в. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 153—161.

42. Иванцова Е. В. К вопросу о применении обратных словарей в лексикологии. — В кн.: Молодые ученые и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция: Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983, с. 138—139.

43. Иванцова Е. В. Обратные словари как источник изучения экспрессивной лексики. — В кн.: Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983, с. 139—146.

44. Иванцова Е. В. Обратный словарь как лексикологический источник: На материале среднеобских диалектных словарей: Дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1983. 325 с.

45. Иванцова Е. В. Типы смысловых связей слов, находящихся в отношениях структурной мотивации//Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: В 2-х т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, т. 2, с. 366—368.

46. Инютина Л. А. О локальности/нелокальности сельскохозяйственной лексики в деловых документах XVII в.: К реконструкции исходного состояния среднеобских говоров. — В кн.: Сибирские говоры. Томск, 1984, с. 137—146.

47. Киселева О. Н. О методах исследования морфологии диалекта. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976.

48. Михайлова Г. М. Формы местоименного склонения имен прилагательных в томском говоре XVII в. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 145—155.

49. Михайлова Г. М. Формы родительного падежа единственного числа местоименного склонения в речи первого русского населения г. Томска. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 199—206.

50. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья/Под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983, т. 2, П-Я, с приложениями (I—IV). 372 с.

51. Наумов В. Г. Мотивационные отношения слов диалекта и типы их актуализации. — В кн.: Вопросы словообразования в

индоевропейских языках: Семантический аспект. Томск, 1983, с. 64—75.

52. Наумов В. Г. Об одной функции актуализации мотивационных отношений слов диалекта: На материале Нарымского говора. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982, с. 61—67.

53. Наумов В. Г. Таблица частеречной принадлежности слов-мотиватов: На материале говоров Среднего Приобья. — В кн.: Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: В 2-х т. Томск, 1983, т. 2, с. 354—357.

54. Наумов В. Г. Типы лексико-грамматической соотнесенности мотиватов при актуализации мотивационных отношений слов в диалектной речи. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 69—74.

55. Никулина З. П. Употребление прозвищ для наименования адресата речи и лица, не участвующего в общении. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 111—120.

56. Палагина В. В. Томские расходные книги как источник реконструкции лексики в XVII в. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 16—27.

57. Пантелеева Е. М. О семантическом соотношении размерно-оценочного значения в пределах словообразовательного ряда. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1979, вып. 3, с. 40—46.

58. Пантелеева Е. М. Образование имен прилагательных. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983, вып. 4, с. 75—84.

59. Пантелеева Е. М., Янценецкая М. Н. Вопросы диалектного словообразования в Сибири. — В кн.: Диалектное словообразование: Очерки и материалы. Томск, 1979, с. 6—21.

60. Раков Г. А. Идеографическое описание диалектной лексики. — В кн.: Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии (тезисы докладов). Свердловск, 1984, с. 57—58.

61. Раков Г. А. К исследованию нейтрализации синонимов: На материале имен прилагательных нарымского говора. — В кн.: Семантика слова и его функционирование. Кемерово, 1981, с. 52—58.

62. Раков Г. А. О диалектном идеографическом словаре. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 147—152.

63. Резанова З. И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1982, с. 156—166.

64. Ростова А. Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: (О границах и возможностях). Томск, 1982. 21 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, 24.9.82, № 11173 — 82.

65. Ростова А. Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как лингвистический источник. — В кн.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, с. 3—10.

66. Ростова А. Н. Толкования значения слов информантами как лингвистический источник: (На материале говоров Верхнекетского района, Томской области). Томск, 1982. 37 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, 25.8.82, № 11005 — 82.

67. Садретдинова Г. А. Иерархически низкие сочетания согласных и лексико-фонетическое варьирование слова в среднеобских говорах. — В кн.: Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1979, с. 93—102.

68. Стексова Т. И. К вопросу о формально-семантически соотносимых диалектных предложениях. — В кн.: Молодые ученые и специалисты — народному хозяйству. Четвертая региональная научно-практическая конференция: Общественно-политические и гуманитарные науки. Томск, 1983, с. 134—135.

69. Стексова Т. И. О соотношении личности и безличности на материале формально соотносимых и двусоставных предложений. — В кн.: Сибирские русские говоры. Томск, 1984, с. 208—216.

70. Щитова О. Г. Заимствования из западноевропейских языков в томской разговорной речи XVII в. — В кн.: Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии (тезисы докладов). Свердловск, 1984, с. 79—80.

71. Янценецкая М. Н. Диалекты как дополнительный источник изучения литературного языка. — В кн.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 3—18.

72. Янценецкая М. Н. Единицы сопоставительного описания литературного и диалектного словообразования: На материале русского языка. — В кн.: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: Тезисы международного симпозиума (декабрь 1984). М., 1984, с. 158—161.

73. Янценецкая М. Н. К вопросу о диалектной фразеологии. — Учен. зап./Том. пед. ин-т, 1962, т. 20, вып. 2, с. 44—49.

74. Янценецкая М. Н. Словообразование и явление аналогии. — В кн.: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 201—236.

75. Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система русского языка. — В кн.: Проблемы дериватологии: Тезисы докладов. Пермь, 1981, вып. 2, с. 67—69.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Ас. — Асиновский район, Томской области
Белоир. — Белояровка
Б.-Жир. — Больше-Жирово
Верш. — Вершинино
В.-Кет. — Верхнекетский район, Томской области
Гор. — Городище
Губ. — Губино
Дан. — Даниловка
Дес. — Десятово
Жук. — Жуково
Зыр. — Зырянский район, Томской области
Ишт. — Иштан
Каз. — Казырбак
Калт. — Калтай
Карг. — Каргасокский район, Томской области
Кафт. — Кафтанчиково
Кем. — Кемеровская область и район
Кет. — Кетское
Кож. — Кожевниковский район, Томской области
Колп. — Колпашевский район, Томской области
Крив. — Кривошеинский район, Томской области
Кур. — Курья
Лен.-Куз. — Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской области
Маз. — Мазалово
М.-Прот. — Мало-Протопопово
Мар. — Мариинский район, Кемеровской области.
Мол. — Молчановский район, Томской области.
Мох. — Мохово
Нар. — Нарым
Нвсб. — Новосибирская область.
Нест. — Нестерово
Ник. — Никольское
Пар. — Парабельский район, Томской области
Пер. — Перевоз

Тал. — Талиновка
Тег. — Тегульдетский район, Томской области
Том. — Томский район и Томская область
Топк. — Топкинский район, Кемеровской области
Туг. — Туганский район, Томской области
Тур. — Туруитаево
У.-Р. — Усть-Речка
Чал. — Чалкино
Шег. — Шегарский район, Томской области
Юд. — Юдино
Юрг. — Юргинский район, Кемеровской области
Яшк — Яшкинский район, Кемеровской области

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

М-1 — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., т. 1. 1937.
М-2 — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., т. 2, 1941.
ст. — столбец.
Т — Томская таможенная книга 1624 г. (Рукопись хранится в отделе редких книг Научной библиотеки Томского университета).
Т-2 — Томская таможенная книга 1627 г. (Рукопись хранится там же).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Г — основа глагола
ГСЗ — грамматико-словообразовательное значение
ДВ — диалектное высказывание
ДЭЗ — дифференциальные элементы значения
ед. ч. — единственное число
им п — именительный падеж
ИЭЗ — интегральные элементы значения
КСДС — картотека словообразовательного диалектного словаря
л. — лицо
ЛЗ — лексическое значение
ЛСВ — лексико-семантический вариант
ЛСГ — лексико-семантическая группа
ЛСЗ — лексико-словообразовательное значение
мн. ч. — множественное число
Н — основа наречия
ОМЗ — обобщенно-мотивационное значение
ОСЗ — общее словообразовательное значение (общее значение словообразовательного типа)
П — основа прилагательного
ПЕ — предикативная единица
предл. п. — предложный падеж

род. п. — родительный падеж
С — основа существительного
СГ — семантическая группа словообразовательных значений
СЗ — словообразовательное значение
СК — словообразовательная категория
СПК — словообразовательная подкатегория
ССЗ — собственно словообразовательное значение
СТ — словообразовательный тип
суф. — суффикс
сущ. — существительное
тв. п. — творительный падеж
ТГ — тематическая группа
ЧСЗ — частное словообразовательное значение (частное значение словообразовательного типа).

11. Заказ 7173.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУССКИЕ ГОВОРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Выпуск 2

Редактор *В. А. Малаховская*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректор *Т. В. Зибарева*

ИБ 1658. Сдано в набор 21.01.86 г. Подписано к печати 19.07.89 г. К306157. Формат 84×108¹/₃₂; бумага книжно-журнальная. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 10,125+5 вкл.; усл. п. л. 17,01; уч.-изд. л. 18,26. Тираж 500 экз. Заказ 7173. Цена 2 р. 70 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография изд-ва «Красное знамя». 634050. ГСП, Томск, пр. Фрунзе, 103.